

СМОЛЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

1918

Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
№ 4(60)

*Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал
включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

Смоленск
2022

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А.Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А. В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, Д.Е. Комаров, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

Редакционно-издательский отдел

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
телефон: (4812)700232
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Семина А.А.</i> О поэтике Сергея Рафаэльского	5
<i>Зейферт Е.И.</i> «Простое» («нестилевое») слово в метареализме русского зарубежья: поэтика Дмитрия Драгилёва (Берлин)	15
<i>Матюшкина Е.Н.</i> Исторические романы Б. Окуджавы: некоторые аспекты художественной антропологии.....	25
<i>Сухов В.В.</i> Структура и функции хронотопа в романе-travelogue Олега Ермакова «Песнь тунгуса»	36
<i>Балашова Е.А., Майорова А.В.</i> Яблоко как объект и субъект изображения (к вопросу об изучении явления в поэтической речи).....	46
<i>Филатова Е.М.</i> Образы-эталоны русских устойчивых сравнений, описывающих предметный мир	54
<i>Максимчук Н.А.</i> О некоторых терминах региональной лингвистики	66
<i>Андреев В.С.</i> Статистическая оценка динамики стиля: лирика В. Набокова в зеркале частей речи	81
<i>Сильницкий А.Г.</i> Структура семантического пространства юридических глаголов английского языка с субъектом «Расследователь»	91
<i>Белютина Ю.А.</i> Реализация категории невежливости через табуированную лексику в английском языке.....	106
<i>Стрельцов А.А.</i> Слияние онимов: к вопросу об образовании телескопических имен собственных	116
<i>Тришина М.Н.</i> Лингвотоксичные процессы в современном немецком языке	132

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Зверев В.О., Иванов В.А.</i> Царская контрразведка в лицах. Следователи по особо важным делам (1908–1915)	142
<i>Родионов И.И.</i> Трудовое использование польских военнопленных в лагерях Центральной России, 1920–1921 годы	153
<i>Демина С.С.</i> Цезарь о факторах успехов на войне	166
<i>Малькова А.Н.</i> Образ правителя в «Пряди о Норна-Гесте»: эпический вождь и король из исторической хроники	178
<i>Бессуднова М.Б.</i> Империя в политической стратегии орденских государств Пруссии и Ливонии рубежа XV–XVI веков.....	191
<i>Овчинников В.М.</i> Развитие военной медицины в эпоху «военной революции в Европе» во Франции	208

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИИ

- Марусова И.В.* Павлова Л.В., Романова И.В. Литературная жизнь в российской провинции на рубеже XX–XXI веков. Студия «Персона» (Смоленск). Смоленск: Изд-во СмолГУ; Свиток, 2022.
ISBN 978-5-88018-699-0 228
- Кукин М.Ю.* Зафиксированная речь. *Рецензия на книгу:* Павлова Л.В., Романова И.В. Литературная жизнь в российской провинции на рубеже XX–XXI веков. Студия «Персона» (Смоленск). Смоленск: Изд-во СмолГУ; Свиток, 2022. ISBN 978-5-88018-699-0 230

ЮБИЛЕИ

- Багдасарян Р.А.* Глашатай российско-армянского братства (К 90-летию со дня рождения литературоведа Михаила Амирханяна) 239
- Сведения об авторах** 244

- Содержание журнала «Известия Смоленского государственного университета» за 2022 год** 246

А.А. Семина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 82-1

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-5-15

О ПОЭТИКЕ СЕРГЕЯ РАФАЛЬСКОГО

Ключевые слова: *Сергей Рафальский; поэзия русской эмиграции; русская Прага; русский Париж; «парижская нота».*

В статье доказывается, что привычка рассматривать поэзию Сергея Рафальского в русле традиций пражской группы «Скит поэтов» нуждается в пересмотре, так как автор многократно делал акцент на своих разногласиях с лидером группы А. Бемом и ее творческой практикой. Выявляются черты влияния на поэтику Рафальского программных установок «парижской ноты»; отмечаются особенности, позволяющие говорить о преемственности Рафальского по отношению к Г. Иванову и Г. Адамовичу. Анализируются стихотворения, в которых автор имплицитно обозначает свою солидарность с критериями истинной поэзии в представлении Г. Адамовича и стремится максимально адекватно воссоздать в поэтическом тексте интонации разговорной естественной речи с присущими ей фрагментарностью, недосказанностью, неполнотой информации, что для поэтов «парижской ноты» было весьма характерно. Доказывается, что стихи постпражского периода Рафальского следует рассматривать в контексте исканий поэтов русского Монпарнаса, хотя влияние авангардистской поэтики в них остается по-прежнему сильным. Отмечается, что одна из возможных причин подобного сходства – интонационная доминанта стихотворений Рафальского, наследующего в данном аспекте Лермонтову и Блоку – поэтам, чье творчество для «парижской ноты», наряду с лирикой Г. Иванова, было эталоном.

Писатель и публицист первой волны эмиграции Сергей Рафальский (1896–1981) ныне принадлежит к числу незаслуженно забытых авторов русского зарубежья, а между тем его поэзия достойна самого пристального рассмотрения. «Определять его творчество и наклеивать на него тот или иной ярлык не так просто. У него свое лицо, свой голос, свой собственный мир мыслей и чувств, своя философия жизни», – резонно отмечал Р. Герра в послесловии к собранию стихов Рафальского «За чертой» (1983) [Герра, 1983, 159].

Будучи одним из основателей пражской группы «Скит», в конце 1920-х годов Рафальский переезжает в Париж¹, однако остается верен равенению на лучшие достижения советского авангарда, столь характерному для эмигрантов Праги и воспринимаемому русскими парижанами как предательство традиций русской классики и «большевизанство». При этом внутренняя свобода избегавшего крайностей автора, неоднократно отмечаемая современниками [Блинов, 1985, 186], по-видимому, нашла закономерное продолжение и в абсолютной творческой свободе: по справедливому замечанию исследователей, в поэзии Рафальский «чаще всего не считался с... классическими канонами, хоть и отлично умел им следовать» [Там же, 185]. Данное обстоятельство делает его стихи чрезвычайно интересным примером взаимодействия традиции и новаторства, которые у Рафальского органично сводятся воедино иногда в пределах одного текста.

Содержательный аспект поэзии Рафальского был основательно рассмотрен В. Блиновым; кроме того, исследователь делает ряд ценных наблюдений за поэтикой автора, указывая на жанровое разнообразие его лирики [Там же, 187], замечая его пристрастие к свободному и тоническому стиху, а также выявляя в его творчестве следы влияния В. Маяковского [Там же, 195]. Наиболее ценным в поэзии Рафальского представляется все же то, что присутствует в ней не «благодаря» пражским эстетическим установкам, а вопреки им – то есть то, что проявилось в ней исподволь, помимо деклараций и сознательной воли автора. Речь идет о предельной естественности лирического высказывания – поэтическом кредо «парижской ноты», хотя Рафальский в данном объединении не состоял, а полемика лидера «Скита» А. Бема с Г. Адамовичем уже вошла в историю² [Коростелев, 2008, 15]. По словам О.М. Малевича, «Бема не удовлетворяла пражская ориентация на “дневниковую поэзию”, на понимание литературы как самовыражения. Этой установке он противопоставлял концепцию литературы как преображения жизни» [Малевич, 2005, 12]. По мнению лидера «Скита», «“простота” субъективной лирики связана с обеднением мира» [Там же, 12–13] и в поэзии первой половины XX столетия она была не ко двору: «бывает время, когда простота просто не дана. Ее нельзя искусственно предписать...» [Там же].

В данной связи вызывает некоторые сомнения взгляд на Рафальского как на автора, предельно далекого от художественной программы Г. Адамовича. Так, Э. Райс в предисловии к изданию поэзии Рафальского «За чертой»

¹ Отмечают, что переезду в Париж предшествовали неоднократные попытки автора вернуться в советскую Россию, однако, получив сведения о том, что исход возвращения будет трагическим, Рафальский меняет свои планы.

² Так, по словам А. Бема, «если Париж продолжал линию, оборванную революцией, непосредственно примыкая к школе символистов, почти не оразив на себе русского футуризма и его своеобразного преломления в поэзии Бор. Пастернака и Марины Цветаевой, то Прага прошла и через имажинизм, смягченный лирическим упором Серг. Есенина, и через Маяковского, и через Пастернака...» (Бем А.Л. О стихах Эм. Чегринцевой («Письма о литературе» «Меч» № 12 (96), Прага, 4 марта 1936), цит. по: [Малевич, 1998, 226]).

(1983) отмечает: «...для того, чтобы дать незаурядной своей личности возможность высказаться, ему необходимо было взорвать художочные штампы как “парижской ноты”, так и соцреализма» [Райс, 1983, 8]. И если соцреализм в данном аспекте упоминается справедливо, то с традицией «парижской ноты» все не так однозначно.

Найденные в стихах Рафальского парижские «обертонны», таким образом, служат доказательством того, что Адамовичу удалось чутко уловить и артикулировать некие фундаментальные механизмы развития русской поэзии, продолжавшие так или иначе действовать в ней и во второй половине столетия, о чем наглядно свидетельствуют разыскания современных исследователей [Барковская, 2011]. Суть отмеченных тенденций вкратце сводится к приглушению тона, отказу от патетики, а также попыткам максимально адекватно воссоздать в поэтическом тексте интонации разговорной естественной речи с присутствующими ей фрагментарностью, недосказанностью, неполнотой информации, характерными, к примеру, для реплик в диалоге, когда собеседники погружены в некий контекст и потому не считают необходимым его проговаривать.

На указанную особенность поэзии Рафальского обращал внимание Э. Райс: «Он никак и никогда не “поет”. Он – “говорит”... <...> интонация его стихов всегда естественна, а новизна его формулировок нисколько не надуманна. Она отличается от его непринужденнейшей беседы только большей сгущенностью, а также старательностью отделки» [Райс, 1983, 9]. Исследователь подчеркивает, что Рафальский избегает вынужденного заполнения «априорно установленной “правильной” ритмической формы» [Там же], ведь «каждая его строка – самостоятельный поэтический организм, размеры которого диктуются исключительно кривой фразы и естественной необходимостью остановки...» [Там же]. Действительно, в поэзии Рафальского весьма частотен гетероморфный стих – по наблюдениям Ю.Б. Орлицкого, берущий начало у В. Хлебникова: для последнего столь же характерна «принципиальная неупорядоченность стиховой структуры» [Орлицкий, 2011].

Один из ярких примеров – стихотворение (по некоторым данным, поэма) «Версаль» (1959), предвосхитившее прозрения Г. Маркузе об «одномерном человеке» 1964 года (в приведенном ниже фрагменте Рафальский сатирически изображает типичного европейца):

...И на фоне садов раззолоченных
среди единственных, как Джиоконда куртин –
оскорбительнее пощечины
господин,
манекен с несложным механизмом,
с бутербродным радикал-социализмом
твой супруг –
свободный гражданин! <...>

[Рафальский, 1983, 119]

Бумага от бутербродов – символическая деталь, выступающая антитезой высоким идеалам человечества, – у Рафальского названа «мирным знаменем свободных народов» [Там же, 120]. Мещанскому идеалу благополучия автор противопоставляет величайшие достижения культуры и романтику подвига – символы высоты человеческого духа – и таким образом вводит бинарную оппозицию *плоть / дух*³:

И трудно поверить, что есть еще
 в мире герои,
 ныряющие в косматое море, чтоб помочь
 потерпевшим крушение,
 что летчики задевают горы и разбивают
 аппараты на глетчерах,
 чтоб спасти альпиниста без сил,
 и что даже в сиянии этого вечера
 где-то уже прозябают, как зерна
 в подземном покое,
 участники небывалого приключения
 на планетах, которых пока телескоп
 не открыл...
 [Там же]

Здравый смысл и утилитаризм, по Рафальскому, «заземляют» человека, делают его «бескрылым», что, в понимании поэта, равноценно смерти (не случайно одно из программных стихотворений автора «Полет» (1927) осмысляет судьбу Икара и выносит однозначный вердикт: *трудно быть покорным и крылатым*⁴ [Там же, 27]). В заключении «Версаля» словно звучит отпевание цивилизации, которая уверенно стоит на ногах и крепко держится за материальные ценности, почти реализующее метафору «европейской ночи» В. Ходасевича:

Трудно поверить!
 Что дым в бесконечность,
 вечер осенний уходит прочь...
 И вот уже падает ночь

³ В то же время назвать Рафальского аскетом также нельзя: по меткому замечанию В. Блинова, в его любовной лирике сочетаются телесный натурализм, «иногда достойный рубенсовской кисти или верхарновского пера», и возвышенная сила страсти [Блинов, 1985, 187].

⁴ Символично, что стихотворение Рафальский посвящает лидеру «Скита» А. Бему, как бы сигнализируя о собственной независимости от программных установок последнего. Это подтверждает и замечание О.М. Малевича: «Проблемы природы поэтического слова, содержания и формы в литературе были предметом оживленных дискуссий на первых заседаниях “Скита поэтов”, причем участники прений далеко не всегда соглашались с руководителем (особенно часто с ним спорил С.М. Рафальский)» [Малевич, 2005, 9]. Данные предположения подтверждаются письмами С. Рафальского к А. Бему, где можно встретить, к примеру, следующее высказывание: «Что касается нового курса Скита, то он далеко не нов и приближение его чувствовалось очень давно. Мне он всегда был – и есть – противен, и прежде всего потому, что я не выношу профессионализма без профессионалов...» [Поэты пражского «Скита», 2007, 313].

Стихотворение «Сочельник» своей ностальгической обращенностью к образу русской зимы также переключается с ивановским «За столько лет такого маянья...» (*В отчаянье, в уют последний, / Как будто мы пришли зимой / С вечерни в церковке соседней, / По снегу русскому, домой* [Иванов, 1994, 578]):

... А может быть, чтоб в ночь под Рождество
вновь посмотреть из дома своего
на белый сад, на снежный хоровод,
на санные следы возле ворот...
А в комнатах – блаженная теплынь,
почти Россия и почти Вольнь –
там собрались из далей (иль могил)
все, с кем встречался и кого любил. <...>
[Рафальский, 1983, 44]

Роднит поэзию Рафальского с творчеством авторов «парижской ноты» также попытка выразить невыразимое, передать то, что едва ли поддается описанию средствами языка, – как в стихотворении «Горы»:

Что не удастся ни картинам, ни краскам цветного снимка
и что сам понимаешь едва ли и еле –
отчего так волнует голубая горная дымка
над ракетами в небо направленных елей?
И хочется петь, и лететь, и молиться,
возможность без имени нежно тревожит.
Как будто все это было, а теперь только снится,
но сердце когда-то всему изменило,
в сомненьях устало, в разлуке остыло,
измену простило
и стало не то же...
...Но сердце забыло и вспомнить не может...
[Там же, 55–56]

Текст Рафальского интересно переключается со стихотворением Г. Иванова «Мы живем на круглой или плоской...» (1922), где поэт также стремится выразить ощущения, не поддающиеся вербализации:

...И, затягиваясь папироской,
Иногда на небо поглядим.

Поглядим, и вдруг похолодеет
Сердце неизвестно отчего.
Из пространства синего повеет
Холодом и счастьем в него.

Хочешь что-то вспомнить – нету мочи,
Тянешься – не достает рука...
Лишь ныряют в синих волнах ночи,
Как большие чайки, облака.
[Иванов, 1994, 494]

Представляется также, что глубинное родство поэтики Рафальского с канонами «парижской ноты» (и прежде всего художественными ориентирами Г. Адамовича) предопределено наследованием Лермонтову и Блоку и, соответственно, интонационной доминантой⁶ стихотворений. Как уже отмечалось, у Рафальского «единство лирического “я” задается сплошной интонационной мелодией, которой поглощаются другие отдельные элементы стиха: образы, ритмы, созвучия. Ритм и рифма в рамках этой интонационной волны не приобретают самоценности, а служат вспомогательными средствами для поддержания ее беспрепятственного течения» [Литература русского зарубежья, 2012, 335]. Об интонационной основе поэтического текста как критерии его подлинности много размышлял Адамович: «Не “Стиль – это человек”, а ритм – это человек, интонация фразы – это человек. <...> в интонации фразы или стиха пишущий не отдает себе отчета и остается самим собой» [Адамович, 2016, 77]. В «Комментариях» он выводит подробную формулу писательского мастерства, которую Рафальский, несомненно, мог бы одобрить: «Тайна писательства, по-видимому, заключается в ощущении веса слова. Не только в составлении фразы, где тяжесть имеет огромное значение и при даровитости пишущего интонационно приходится там, где поддержки требует смысл. Не только в способности согласовать это распределение веса с естественным течением речи.

Но еще и в том – больше всего в том, что слово падает на точно предчувствуемом (нельзя было бы сказать “точно отмеренном”) расстоянии, не давая ни перелета, ни недолета, описывая ту кривую, которая ему предназначена...» [Там же, 16].

Трудно не заметить, насколько поэтика некоторых стихотворений Рафальского перекликается с текстами приверженцев «парижской ноты», где часто, по словам Н.В. Барковской, «бессвязный, рассыпающийся синтаксис передает бормочущую, почти “внутреннюю” речь» [Барковская, 2011, 198]. Так, уже в стихотворении «Дуэль» (1927) Рафальский принимает принципиальную установку на фрагментарность и изящную лапидарность, столь близкую поэта́м русского Монпарнаса, и в особенности Г. Иванову⁷:

⁶ Ср.: «В нашей литературе было три гения интонации: Лермонтов, Толстой и Блок» [Адамович, 2016, 77].

⁷ На сознательном уровне, впрочем, автор полемизировал с Г. Ивановым, как следует из приведенного ниже фрагмента стихотворения «Ода герою», посвященного освоению космоса и написанного в традициях Маяковского, однако отмеченные выше особенности позволяют заключить, что в действительности отношение Рафальского к первому поэту русского Парижа было не столь однозначным:

И что теперь поэзия Иванова –
изнывание загнивания,
переулочный экзистенциализм,
когда звезд преломляют сияния
границ будничных призм [Рафальский, 1983, 66].

Представляется все же, что между лирическим субъектом «Оды герою» и автором есть существенная дистанция и характеристика творчества Иванова здесь дается глазами этого alter ego. Данное соображение подтверждает и цикл Рафальского «Экзистенциальные сонеты».

Но как ему – какой рукой гиганта –
 клубок сует распутать и поднять?..
 ...И подошла шагами секунданта,
 и в сердце смертная затихла благодать...

...И вдруг припомнил – по созвучью – Данта
 и пожалел, что стих не записать...

[Рафальский, 1983, 29]

Как и в лучших образцах поэзии «парижской ноты», в стихах Рафальского недосказанность не тождественна пустоте: это только необходимый «люфт», пауза, чтобы читатель заполнил лакуны в соответствии с собственным опытом:

Но кротко – в общем – сердце человекье,
 и каждый раз, перетерпев увечье,
 легко Творцу прощает грех творенья
 за каждый миг бездумья и забвенья,
 за многое пообещавший взгляд,
 за все, о чем почти не говорят... [Там же, 59]

Автокомментарием Рафальского, по-видимому, можно считать цикл «Экзистенциальные сонеты», где поэт словно разъясняет свою страсть к нарочитому разрушению традиции и устоявшихся форм, замечая, что *в этом мире горестном и тленном / скучаю я со слишком совершенным* [Там же, 58]. В то же время у него легко обнаружить и примеры удивительно изящной, поистине музыкальной звукописи – как, например, в цикле стихотворений «Идиллии» (*У заводи, где ленью льются ивы* [Там же, 74]; *роман Майн-Рида, логово дивана* [Там же, 73]; *как лысый луг скребут гребенки грабель* [Там же, 74]; *приветливо скрипят нам «добрый вечер» / косые створки стареньких ворот* [Там же, 76–77] и мн. др.). Вместе с тем подобные опыты со звукописью не делают Рафальского отступником от парижских канонов: стоит вспомнить музыкально-изысканную поэзию Б. Поплавского, которому столь часто приписывают само обозначение школы Адамовича.

Завершить разговор о влиянии традиций «парижской ноты» на поэтику С. Рафальского может фрагмент его стихотворения «Тень», имплицитно цитирующий хрестоматийный текст Г. Адамовича:

...Тень от листа...
 Все суета и тщета –
 тень...
 В безразличный Космический День
 безразличный сияет Свет,
 которому имени нет...

[Там же, 90–91]

Финал узнаваемо перекликается со стихотворением монпарнасского мэтра «Без отдыха дни и недели...»:

...Но брезжил над нами
Какой-то божественный свет,
Какое-то легкое пламя,
Которому имени нет.

[Адамович, 2015, 64]

Безусловно, поэзия Рафальского интересна не только отмеченными особенностями: исследователи, например, видят в ней редкий пример витализма и натурализма, а также сильное, но на удивление органичное для лирики публицистическое начало. Однако ее специфика, выявленная в настоящей статье, представляется любопытной постольку, поскольку заставляет переосмыслить представления о поэтах русской Праги как о безусловных адептах футуристической линии, уже ставшие общим местом. Так, в случае Рафальского обращает на себя внимание периодически проступающая сквозь декларативный футуризм интонационная традиция «парижской ноты», которую принято рассматривать как оппозиционную по отношению к А. Бему и его единомышленникам. Поэтика С. Рафальского, таким образом, свидетельствует об условности подобных представлений, наглядно иллюстрируя, насколько живой литературный процесс в действительности шире теоретических обобщений.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамович Г.В. Собрание сочинений. В 18 т. Т. 1: Стихи, проза, переводы. М., 2015. 640 с.
- Адамович Г.В. Собрание сочинений. В 18 т. Т. 14: Комментарии (1967). Эссеистика 1923–1971. М., 2016. 624 с.
- Барковская Н.В. Звучание «парижской ноты» в русской поэзии 2000-х гг. // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2011. Вып. 12. С. 193–205.
- Блинов В. Созидательные антиномии Сергея Рафальского // Новый журнал. 1985. № 160. С. 184–201.
- Герра Р. Вместо послесловия // Рафальский С.М. За чертой. Париж: Альбатрос, 1983. С. 155–160.
- Иванов Г.В. Собрание сочинений. В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 1. 656 с.
- Коростелев О.А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 3–50.
- Литература русского зарубежья (1920–1990): учеб. пособие / под общ. ред. А.И. Смирновой. М.: Флинта, 2012. 640 с.
- Малевич О.М. А.Л. Бем и пражский «Скит поэтов» // Поэты пражского «Скита»: стихотвор. произведения / сост., вступ. ст., коммент. О.М. Малевича. СПб.: Росток, 2005. С. 5–24.
- Малевич О.М. Вокруг «Скита» // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. 1994. СПб.: Академический проект, 1998. С. 175–247.
- Поэты пражского «Скита»: Проза. Дневники. Письма. Воспоминания / сост., вступ. ст., коммент. О.М. Малевича. СПб.: Росток, 2007. 704 с.
- Райс Э. Предисловие // Рафальский С.М. За чертой. Париж: Альбатрос, 1983. С. 7–13.
- Рафальский С.М. За чертой. Париж: Альбатрос, 1983. 162 с.
- Тарасова И.А. Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова. Саратов: Изд. центр «Наука», 2008. 208 с.
- Орлицкий Ю.Б. Динамика освобождения (от полиметрии к гетероморфному стиху) // Арион. 2011. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/arion/2011/4/dinamika-osvobozhdeniya.html> (дата обращения: 20.05.2022).

A.A. Semina

*Candidate of Philological Sciences, Teaching Fellow,
Department of the History of Modern Russian Literature
and Contemporary Literary Process,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

About the Poetics of Sergey Rafalsky

In the article the author proves that the habit of researching the poetry by Sergey Rafalsky in the traditions of the Prague group «Skete of Poets» needs revising, because the poet emphasized his disagreements with the creative practice of that group and its leader A. Bem repeatedly. The author identifies some features, that indicate how the artistic credo of the «Paris note» influenced the poetics by Rafalsky, and notices the specificity, that allows us to speak about Rafalsky's succession to G. Ivanov and G. Adamovich. The author analyses the poems, in which Rafalsky demonstrates implicitly his solidarity with the criteria of the genuine poetry in G. Adamovich's comprehension and attempts to reconstruct intonations of conversational natural speech as adequately as possible, with its fragmentariness, understatement and incomplete information. All these features were intrinsic to the poets of the «Paris note». The author proves that the poems of Rafalsky's late period ought to be analysed in the context of the creative quests of the poets of Russian Montparnasse, although the influence of the avant-garde poetics is still strong in them. One of the reasons of such resemblance is an intonation dominant of the poetry of Rafalsky, who makes the most of Lermontov's and Blok's legacy in this aspect. Both of these poets were the gold standard for the poets of the «Paris note», as well as G. Ivanov.

Key words: Sergey Rafalsky; Russian émigré poetry; Russian Prague; Russian Paris; «Paris note».

REFERENCES

- Adamovich G.V. Collected works. In 18 vol. Vol. 1: Poems, Prose, Translations [Sobr. soch. V 18 t. T. 1: Stikhi, proza, perevody]. Moscow, 2015. 640 p. (in Russian).
- Adamovich G.V. Collected Works. In 18 vol. Vol. 14: Comments (1967). Essays 1923–1971 [Sobr. soch. V 18 t. T. 14: Kommentarii (1967). Esseistika 1923–1971]. Moscow, 2016. 624 p. (in Russian).
- Barkovskaia N.V. The Reverberation of «Paris Note» in the Russian Poetry of 2000s [Zvuchanie «parizhskoi noty» v russkoi poezii 2000–kh gg.] *Ural Philological Bulletin*, 2011, vol. 12, pp. 193–205 (in Russian).
- Blinov V. The Constructive Antinomies of Sergey Rafalsky [Sozidatel'nye antinomii Sergeia Rafal'skogo]. *New magazine*, 1985, no. 160, pp. 184–201 (in Russian).
- Gerra R. Instead of the Afterword [Vместo poslesloviia]. Rafal'skii S.M. Beyond the line [Za chertoi]. Paris, Al'batros, 1983, pp. 155–160 (in Russian).
- Ivanov G.V. Collected Works. In 18 vol. Vol. 1 [Sobr. soch. V 3 t. Vol. 1]. Moscow, Soglasie, 1994. 656 p. (in Russian).

Korostelev O.A. «Paris Note» and the Confrontation of Youth Poetic Schools of the Russian Literary Emigration [«Parizhskaia nota» i protivostoianie molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoi literaturnoi emigratsii]. *Literary magazine*, 2008, no. 22, pp. 3–50 (in Russian).

Russian Emigration Literature (1920–1990s): Training Manual [Literatura russkogo zarubezh'ia (1920–1990): ucheb. posobie]. A.I. Smirnova ed. Moscow, Flinta, 2012, 640 p. (in Russian).

Malevich O.M. A.L. Bem and «Skete of Poets» in Prague [A.L. Bem i prazhskii «Skit poetov»]. The Prague «Skete» Poets: Poems [Poety prazhskogo «Skita»: stikhotvor. proizvedeniia]. O.M. Malevich ed. St. Petersburg, Rostok, 2005, pp. 5–24 (in Russian).

Malevich O.M. Around the «Skete» [Vokrug «Skita»]. *Bulletin of Manuscript Department of the Institute of Literature (Pushkin House)*, 1994. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 1998, pp. 175–247 (in Russian).

The Prague «Skete» Poets: Prose. Diaries. Letters. Memories [Poety prazhskogo «Skita»: Proza. Dnevnik. Pis'ma. Vospominaniia]. O.M. Malevich ed. St. Petersburg, Rostok, 2007. 704 p. (in Russian).

Rais E. Foreword [Predislovie]. Rafal'skii S.M. Beyond the line [Za chertoi]. Paris, Al'batros, 1983, pp. 7–13 (in Russian).

Rafal'skii S.M. Beyond the Line [Za chertoi]. Paris, Al'batros, 1983. 162 p. (in Russian).

Tarasova I.A. Dictionary of Keywords in Georgy Ivanov's Poetry [Slovar' kliuchevykh slov poezii Georgiia Ivanova]. Saratov, «Science» Publishing center, 2008. 208 p. (in Russian).

Orlitskii Iu.B. The Dynamic of Liberation (from the Polymetry to the Heteromorphic Verse) [Dinamika osvobozhdeniia (ot polimetrii k geteromorfnomu stikhu)]. *Arion*, 2011, no. 4. Available at: <https://magazines.gorky.media/arion/2011/4/dinamika-osvobozhdeniya.html> (in Russian).

Е.И. Зейферт

*Российский государственный гуманитарный университет
Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия*

УДК 82-1

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-15-25

**«ПРОСТОЕ» («НЕСТИЛЕВОЕ») СЛОВО В МЕТАРЕАЛИЗМЕ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ:
ПОЭТИКА ДМИТРИЯ ДРАГИЛЁВА (Берлин)**

Ключевые слова: «простое» («нестилевое») слово; метареализм; Дмитрий Драгилёв; Алексей Парицков; идиостиль; неологизмы.

Цель статьи – осмысление «простого» слова в метареалистической поэтике. Материалом служит лирика Дмитрия Драгилёва (поэт родился в 1971 году в Риге, живет в Берлине). Родной (русский) язык русского автора, находящегося за рубежом, впитывает в себя многочисленные реалии окружающей поэта действительности. Автор статьи опирается на структурно-описательный метод. «Простое» («нестилевое») слово в метареалистической поэтике Драгилёва остро реагирует на обогащенный

метафорами контекст, зачастую перерастая в метафору, обретает иное, не принадлежащее ему значение, порой не теряя прямого. «Простое» слово интересно поэту и своей звуковой оболочкой, выходит за пределы языковой игры, в редких случаях разрастается до стихотворения-метаметафоры. Будучи арго или просторечием, «простое» слово теряет стилевую приращенность и стремительно обогащается за счет контекста. Немецкие, латышские, английские слова у Драгилёва не только участвуют в создании макаронизмов, но и расширяют метафорическое пространство стихотворения до полилингвальной бесконечности. Макаронические стихи берлинского поэта выходят за рамки метареалистической поэтики, и в них сохраняется и развивается потенциальная бурлескная природа «простого» слова. «Нестилевое» слово незаметно в метареалистической поэтике, поскольку быстро сливается с другими ее элементами, уподобляясь им.

Дмитрий Драгилёв – представитель метареализма русского зарубежья. Метареализм, являясь исконно русским направлением, широко распространяется на русское зарубежье: к примеру, Алексей Парщиков и Сергей Соловьев в середине 1990-х эмигрировали в Германию (до этого Парщиков с 1991 года жил в США), Илья Кутик в начале 1990-х переехал в Швецию, затем в 1995 году – в США.

Особняком и в русском зарубежье стоит имя Дмитрия Драгилёва. Дмитрий профессионально занимается не только поэзией, но и музыкой (пианист). Д. Чкония называет его «филологом и музыкантом по образованию, джазовым пианистом и поэтом по призванию» [Чкония, 2013, 156]. Академическое литературоведение по непонятным причинам пока обошло его стороной, что несправедливо. Литературоведы не предприняли обстоятельного исследования поэзии Драгилёва, несмотря на ряд веских упоминаний о нем. Д. Кузьмин в своем литературном дневнике сообщает о причастности Драгилёва к метареалистической парадигме и Рижской школе, а также «парщиковских грудях образов» у него [Кузьмин, 2000]. О близости Драгилёва к метареализму писал В. Курицын [Курицын, 2002]. По мнению критика, к метареализму Драгилёв «прививает дичок современного телеграфного письма» [Курицын, 2002]. О фоническом мастерстве Драгилёва (его «изысканных перестановочных рифмах») говорит в своих частных наблюдениях Г. Векшин [Векшин, 2008] (эта работа вызвала полемику с Д. Кузьминым [Кузьмин, 2008; Векшин, 2008]). В монографических исследованиях метареализма Драгилёва упоминает только А. Токарев [Токарев, 2017].

На поэтику Дмитрия Драгилёва, пишущего порой и на немецком, а также переведенного рядом авторов с русского языка на немецкий, обращали внимание и немецкие критики – Моника Ринк [Rinck, 2016], Бернд Лейкерт [Leukert, 2021] и др.

Дмитрий Драгилёв родился в 1971 году в Риге. Окончил историко-философский факультет Латвийского государственного университета, работал на радио, выступал с концертами как джазовый пианист. С 1994 года

живет в Германии (Эрфурт, Веймар, с 2005 года Берлин), окончил Веймарскую высшую школу музыки и Йенский университет (отделение славистики). Был колумнистом и редактором ряда изданий, в том числе литературно-культурологического журнала «Via Regia». Пианист, аранжировщик и руководитель музыкальных проектов, организатор литературных мероприятий. Публиковался в антологиях «Освобожденный Улисс», журналах «Даугава», «Уральская новь», «Воздух», «Гвидеон», «Новое литературное обозрение», «Комментарии», «Дети Ра», «Крещатик», «Литературный Европеец», а также в сетевых изданиях «TextOnly», «Топос» и др. Автор книг стихов «К чаю в пять» (2003), «Все приметы любви» (2008), «Das unbetonte Vokal» (2009), «Städtliche Ligaturen» (2016), «Тор-шер» (2017), выпустил книгу очерков и документальный роман. С 2015 года возглавляет Содружество русскоязычных литераторов Германии. В 2019 стал лауреатом берлинской стипендии Arbeitsstipendie für nichtdeutsche Literatur (для авторов, пишущих не на немецком языке). Участник Берлинских поэтических фестивалей и Международного биеннале поэтов в Москве.

Драгилёв сам настойчиво относит себя к метареализму, но в парадигме метамодерна¹. Известна публикация его в ряду других метареалистов – Ивана Жданова, Александра Еременко, Константина Кедрова, Андрея Таврова [Венок Парщикова, 2009]. Драгилёв в юности, во времена своих первых публикаций [Драгилёв, 1986, 3], придумал термин «метареверсизм» [Драгилёв, 2017]. Проявил типологическое родство с метареалистами еще до знакомства с их слогом.

Дмитрий Драгилёв и Алексей Парщиков. Крупный поэт-метареалист Алексей Парщиков – в то время уже зрелый автор, которого Драгилёв открывает в конце восьмидесятых. Драгилёва и Парщикова объединяли переписка и взаимные визиты. Одно из писем опубликовано в книге «Кельнское время» [Парщиков, 2019, 619]. А. Парщиков высоко ценил творческие способности Д. Драгилёва и называл его в переписке «белой костью» в поэзии². Драгилёв в начале 1990-х прошел погружение в Рижскую школу через студию и семинар молодых авторов при Союзе писателей Латвии. Личное знакомство с Алексеем Парщиковым произошло в середине девяностых. Тогда же и началось общение, временами достаточно интенсивное. Алексей приезжал в гости в Эрфурт, Дмитрий – к нему в Кельн. Из стихотворений Драгилёва Парщиков особенно выделял «Несколько шуток в старинном стиле», «Из Тома Лерера» и другие произведения. Берлинский поэт обнаруживает сознательный диалог Парщикова с ним в парщиковском стихотворении из цикла «Сомнамбула» «1. Сомнамбула пересекает МКАД» (1998). Здесь, по мнению берлинского поэта, явственная перекличка с его произведением «красноречивее чем абзац западнее

¹Письмо Д. Драгилёва автору статьи от 04.07.2022.

² Личный архив Д. Драгилёва.

на обширном...» (1996), знакомым Парщикову. Указанный факт требует обстоятельного сопоставительного анализа и в этой статье может быть проверен только в аспекте поставленной здесь цели.

В берлинском кругу Дмитрия Драгилёва, по его мнению, нет метареалистов. Метареализм лишь отчасти повлиял на лирику берлинцев Сергея Штурца и Ильи Рывкина. Вместе с этими поэтами Дмитрий с 2011 по 2016 год состоял в поэтической группе «Задом наперед» (объединение распалось в 2016 году), группа тяготела к метамодерну. Несмотря на внимание к метафоре, синтаксису и звуку у всех трех поэтов, по мнению Драгилёва, их творческие пути принципиально различны: важные фигуры для Штурца – Михаил Еремин и Петр Чейгин, питерский самиздат, у Рывкина во главе угла – автоматическое письмо, Поплавский важен для обоих³.

Проблема «простого» («нестилевого», «нагого») слова, поднятая Л. Гинзбург в ее знаменитой работе «О лирике», не изучалась на материале метареализма и в этой связи остро актуальна. «Простые» слова обычно изучались на материале романтизма и постромантизма.

Цель моей статьи – осмысление «простого» слова в метареалистической поэтике. Материалом служит лирика Д. Драгилёва. Родной (русский) язык русского автора, находящегося за рубежом, впитывает в себя многочисленные реалии окружающей поэта действительности, что делает достижение поставленной цели более интересным. Автор статьи опирается на структурно-описательный метод.

«Простое» («нестилево») слово (Л. Гинзбург). Л. Гинзбург замечает, что «в поздней лирике Пушкина традиционная символика нередко втягивает в свой круг обыденное слово, как бы заражая его поэтичностью окружающей среды» [Гинзбург, 1974, 23]. Такое «“повседневное слово” освобождено от обязательных связей с бурлескным, комическим» [Теория литературы, 2004]. Простое слово эстетически нейтрально и не принадлежит какому-либо стилю. По мнению Л. Гинзбург, нестилево слово особенно сильно реагирует на контекст. По словам С. Бочарова, простое слово противостоит ярко выраженному стилю как простой язык самой реальности [Бочаров, 1974, 28]. Здесь встречный процесс: с одной стороны, «“встретившись с простым”, традиционно-поэтическое слово потеряло свой самодовлеющий характер и оказалось лишь одним из мыслимых языков» [Теория литературы, 2004, 360], с другой – «простое» слово на этом фоне осознало себя не как сама реальность, а как определенный язык этой реальности.

Украинизмы у Драгилёва и Парщикова. «Меня всегда занимали неологизмы, диалектизмы, редкие слова, время от времени сам их придумываю (особенно этим увлекался в школе): сарайщик, земыга, апсун, синдицированная локализация»⁴, – пишет Д. Драгилёв. Слово «земыга» Драгилёв

³ Письмо Д. Драгилёва автору статьи от 10.05.2022.

⁴ Письмо Д. Драгилёва автору статьи от 10.05.2022.

использует в стихотворении «Успокойся мое сердце» и поясняет его подстрочным примечанием: «Рыба “земыга” – неологизм. В каком-то смысле продолжаю традицию собственного деда, который копченую салаку называл областным словом “стремижка” (есть версия, что это слово происходит от Strömling (“балтийская сельдь, салака”)). Я представляю себе земыгу таким фантастическим (метафорическим) подвидом-родственником латимерии – кистеперой, не слишком приспособленной к жизни, не самой промысловой (востребованной), неуклюжей и одинокой» [Драгилёв, 2008, 11]⁵; слово «сарайщик» – в стихотворении «красноречивее чем абзац западнее на обширном...» в значении «хранитель ненужных древностей».

Как известно, создавал и пересоздавал слова и Парщиков⁶. В его стихотворении «Калошатка» изображен гигантский одноименный кролик:

Кролик,
30 м вдоль и 80 в высоту.
С роговыми колесами вместо передних ног,
а задние – натуральные, кроличьи.
[Парщиков, 2014, 216]

Слово «калошатка» восходит к украинскому слову «коліщатко» (уменьшительное от «коліще» – маленькое колесо). Об этом животном «кричали на площадях и в ущельях» Ялты. Лирический герой узнал о нем, находясь на крымском побережье у поэта Сергея Новикова:

Калошаток – три, согласно Новикову.
Одна живет в Намибии, но ее не видели никогда:
Вторая – в Новой Зеландии.
Нахождение третьей – неизвестно.
(«Калошатка») [Парщиков, 2014, 216]

Наиболее известное преображенное Парщиковым-поэтом слово – «жужелка», образ которой присутствует в одноименном стихотворении:

Находим ее на любых путях
пересмешницей перелива,
букетом груш, замерзших в когтях
температурного срыва.
И сняли свет с нее, как персты,
и убедились: парит
жужелка между шести
направлений, молитв...
(«Жужелка») [Парщиков, 2014, 54]

⁵ Интересно, что похожее по звучанию немецкое слово Strämling («бродяга») вносит дополнительные смыслы как в стремижку, так и в земыгу.

⁶ Любовь к неологизмам у Алексея была еще в школе. В школьном возрасте у Алексея было прозвище Сынтик (передланное в дразнилках из названия футбольного клуба «Селтик»): оно родилось в общении с другом Олегом Нарижным (он же по школьному прозвищу Рамик).

Жужелка Парщикова восходит к наименованию котельного шлака, но это слово поэтом полностью преобразуется.

Особый пласт у Парщикова занимают украинизмы (та же «калошчатка»). Парщиков, как известно, окончил школу в Донецке и затем два года проучился в Киевской сельскохозяйственной академии.

Лексические группы в лирике Драгилёва. У Драгилёва, как и у Парщикова, встречаются украинизмы, хотя они и крайне редки. Начиная с 2001 и до 2014 года у поэта была масса контактов с Украиной – поездок туда, знакомств с разными людьми, в основном музейными работниками или представителями местных самоуправлений. Здесь и первая книга, вышедшая в Виннице двумя тиражами, и съёмки документального фильма, и сбор средств на реставрацию рояля Чайковского в Каменке, и симпозиум в Эрфурте, на который Дмитрий пригласил украинскую делегацию. Кто-то из его новых знакомых (писателей, художников, историков, архитекторов) приезжал в Берлин (С. Жадан, Е. Заславская), кто-то – на фестиваль лужицких сербов в Баутцен.

Пример украинизма у Драгилёва:

(возражал еще Баратынский,
ибо без нужды, деревянная кустуряка – и та в голос бы возопила)
(«Не та планета (Блиц-версия)») [Драгилёв, 2017, 88]

Кустуряка, как поясняет Драгилёв, диалектно-областное слово из украинского суржика, имеет два значения: «оглобля», «бесформенный кусок». В этом стихотворении 24 «простых» слова, но даже при таком их скоплении украинизм выделяется незнакомой семантикой.

У Парщикова чаще, у Драгилёва значительно реже простое слово разрастается в отдельное стихотворение-метафору. Таково метафорическое изображение бывшего военного и гражданского аэропорта Спилве в Риге в драгилёвском стихотворении «Красноречивее чем абзац западнее на обширном...» [Драгилёв, 2008, 44]. Отличие от парщиковских подобных описаний в том, что Драгилёв неоднократно называет предмет («вокзальное сооружение закрытого аэропорта “Спилве”»), «а аэродром сорвется с цепи на писк» и даже в подстрочном примечании: «старый рижский аэропорт»), в то время как Парщиков не раскрывает основного значения «простого» слова. Обоих поэтов привлекает звуковая оболочка слова, раскручивающая ряд метафорических значений.

«Простые» слова встречаются практически в каждом стихотворении Д. Драгилёва и А. Парщикова.

Латышские, немецкие и английские слова, вкрапленные в русскую поэтическую речь, у Драгилёва высокочастотны [Драгилёв, 2021].

Пока немец солидно, как пиво, тянет свой Lied
болид или байк
Будем равняться на гуглмэйл, который при регистрации сообщает мне:
eyes calsolid*

а еще Cros-ties etynaik

(«Проявим ботанический интерес...») [Драгилёв, 2017, 26–27]

В этом произведении 10 «простых» слов, однако иностранные вкрапления, активные уже на графическом уровне, не только указывают на европеизацию текста, но и значительно расширяют его семантические и звуковые возможности.

Сквозит дружок ну что ж ich gehe weg*
в кармане не достигшем апогея

(«By the Way») [Драгилёв, 2017, 43]

Произведение, в котором всего три «простых» слова, состоит из четырех пронумерованных частей. Наличие немецкой лексики переносит особое внимание читателя на вторую часть, задерживая на ней внимание, заставляя читателя перечитывать ее, обращаться к паратексту (от текста к подстрочной сноске).

Поэт создает и шутливые макаронические стихи, текст которых пересыпан иностранными словами или словами, составленными на иностранный манер. Здесь и микст из немецких и английских слов.

Я перестрою свой сарай
Под пункт приема стеклотары:
«В трамвае – лужи, *kāp-sim ārā!*»
«А что снаружи?» – «*Vas-ara*»

(«Лето в Риге (Макабрические макароны под Пастернаком)»)
[Драгилёв, 2020]

Макаронизмы в лирике Драгилёва создают живую, естественную языковую игру, вносят долю юмора в серьезный текст. Берлинский поэт создает объемность, многослойность стихотворения.

Парадоксальным образом в изысканную поэтическую ткань Драгилёва встраиваются просторечия и жаргонизмы. И просторечия, и жаргонизмы теряют свою приниженность и обогащаются фоническим и метафорическим контекстом.

На крайняк Тедди обеспечит теплую ночь («Явка провалена») [Драгилёв, 2017, 67]

Тарники⁷ среди осин на

рижском упирающаяся дамбу («Телеграмма из С.-Пилса») [Драгилёв, 2017, 67]

«Тарники», являясь единственным «нестилевым» словом в этом стихотворении, начинают здесь длинную метафорическую цепочку словно вытекающих друг из друга образов: тарники, осины, дамба, водохранилище, «дорога, не ведущая никуда», «что-нибудь виолончельное», «скрипящие пни», «пятна вылинявших парусов».

Порой жаргонизм – самое возвышенное слово в контексте:

⁷ В подстрочном примечании автор поясняет: «Местный жаргон, подразумеваются искатели стеклотары».

вспоминая про «чарлик»⁸ что ждет своего шептуна и зрителя не лошадей но распушенных щеток («Moonglow») [Драгилёв, 2008, 45]

Повышение / понижение стилевых регистров у Драгилёва работает на музыкальность и интермедиальность.

«Простое» («нестилевое») слово в метареалистической поэтике Драгилёва:

- остро реагирует на обогащенный метафорами контекст, зачастую перерастая в метафору;
- обретает иное, не принадлежащее ему значение, порой не теряя прямого;
- интересно поэту и своей звуковой оболочкой;
- в большинстве случаев локально, за исключением редких случаев, не дает пищи для целого стихотворения или большого его сегмента;
- в случае рождения целого стихотворения-метаметафоры раскрывает прямой свой смысл;
- выходит за пределы языковой игры;
- будучи арго или просторечием, теряет стилевую приниженность и стремительно обогащается за счет контекста.

Слоистость лексических групп работает на неординарность идиостилия берлинского автора. Немецкие, латышские, английские слова у Драгилёва не только участвуют в создании макаронизмов, но и расширяют метафорическое пространство стихотворения до полилингвальной бесконечности. Макаронические стихи берлинского поэта выходят за рамки метареалистической поэтики, и в них сохраняется и развивается потенциальная бурлескная природа «простого» слова.

«Нестилевое» слово незаметно в метареалистической поэтике, поскольку быстро сливается с другими ее элементами, уподобляясь им.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. М., 1974. 210 с.
- Векшин Г.В. Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // Новое литературное обозрение. 2008. № 2(90). С. 229–250.
- Векшин Г.В. Когда приступим к подсчетам? (к дискуссии о формах и функциях звукового повтора и методах его изучения) // Новое литературное обозрение. 2008. № 2(90). С. 268–277.
- Гинзбург Л.Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974. 410 с.
- Венок Парщиковой. Иван Жданов, Александр Еременко, Дмитрий Драгилёв и др. // Дикое поле. 2009. № 13. С. 16–19.
- Драгилёв Д. «Дымок плывет...» // Советская молодежь. 1986. 21 мая (№ 96 (10 505)). С. 3.
- Драгилёв Д. Все приметы любви. М.: Центр современной литературы, 2008. 68 с.
- Драгилёв Д. Тор-шер. М.: Центр современной литературы, 2017. 120 с.
- Кузьмин Д. Рифма и звуковой повтор: внутри единого процесса // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 259–268.

⁸ В подстрочном примечании автор поясняет: «Жаргонное обозначение части ударной установки – тарелок на штативе с педалью, известных как “чарльстон-бекен” или “хай-хэт”».

- Паршиков А. Дирижабли. М.: Время, 2014. 224 с.
- Паршиков А. Кельнское время / ред.-сост. А. Левкин. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 768 с.
- Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учебн. зав. В 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Изд. центр «Академия», 2004.
- Токарев А.А. Поэтика русского метареализма: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 150 с.
- Чкония Д. Куда уехал цирк? Русские поэты в Германии // Эмигрантская лира. 2013. № 4. С. 156–157.
- Rinck M. «anschaulicher ist ein Absatz» // Dragilew D. Städtliche Ligaturen. Gedichte. Berlin, 2016. S. 38–40.
- Драгилёв Д. Лето в Риге // Двоеточие. URL: <https://dvoetochie.org/2020/07/02/dragilyov/> (дата обращения: 12.06.2022).
- Драгилёв Д. Лето в Риге // Двоеточие. URL: <https://dvoetochie.org/2021/06/10/dmitri-dragilew/> (дата обращения: 12.06.2022).
- Кузьмин Д. 25 января 2000 // Литературный дневник. URL: <http://www.vavilon.ru/diary/000125.html> (дата обращения: 12.06.2022).
- Курицын В. Курицын-weekly от 4 апреля 2002 // Русский журнал. URL: http://old.russ.ru/krug/news/20020404_kur.html (дата обращения: 12.06.2022).
- Leukert B. Musikalität und Gefahr. Europoesie: Dmitri Dragilew und Gleb Schulpjakow // Faustkultur. 25.09.2021. URL: <https://faustkultur.de/literatur-europoesie/musikalitaet-und-gefahr/> (дата обращения: 12.06.2022).

E.I. Seifert

*Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Theoretical and Historical Poetics,
Russian State University for the Humanities;
Leading Research Fellow,
Research Laboratory for Comparative Literature
and Artistic Anthropology,
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia*

**«Simple» («Non-Style») Word in the Metarealism of the Russian Diaspora:
Poetics of Dmitry Dragilev (Berlin)**

The purpose of the article is to comprehend the «simple word» in metarealist poetics. The material is the lyrics of Dmitry Dragilev (the poet was born in 1970 in Riga, lives in Berlin). The native (Russian) language of a Russian author who is abroad absorbs the numerous realities of the actuality surrounding the poet. The author of the article relies on the structural-descriptive method. A «simple» («non-style») word in Dragilev's metarealist poetics reacts sharply to a context enriched with metaphors, often developing into a metaphor, acquiring a different meaning that does not belong to it, sometimes without losing its direct meaning. A «simple» word is interesting to the poet and its sound shell, goes beyond the limits of the language game, in rare cases it grows into a metametaphor poem. Being slang or vernacular, the «simple» word loses its stylistic humiliation

and is rapidly enriched due to the context. German, Latvian, English words by Dragilev not only participate in the creation of macaronicisms, but also expand the metaphorical space of the poem to polylingual infinity. The macaronic verses of the Berlin poet go beyond the limits of metarealistic poetics, and in them the potential burlesque nature of the «simple» word is preserved and developed. The «non-style» word is imperceptible in metarealistic poetics, because it quickly merges with its other elements, becoming like them.

Key words: «simple» («non-style») word; metarealism; Dmitry Dragilev; Alexej Parshikow; idiostyle; neologisms.

REFERENCES

- Bocharov S.G. Poetics of Pushkin [Poetika Pushkina]. Moscow, 1974. 210 p. (in Russian).
- Vekshin G.V. Metaphony in Sound Repetition (to the Poetic Morphology of the Word) [Metafoniya v zvukovom povtore (k poeticheskoy morfologii slova)]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2008, no. 2(90), pp. 229–250 (in Russian).
- Vekshin G.V. When do we Start Counting? (to the Discussion about the Forms and Functions of Sound Repetition and Methods of its Study) [Kogda pristupim k podschetam? (k diskussii o formakh i funktsiyakh zvukovogo povtora i metodakh yego izucheniya)]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2008, no. 2(90), pp. 268–277 (in Russian).
- Ginzburg L.YA. About Lyrics [O lirike]. Leningrad, 1974, 410 p. (in Russian).
- Dragilov D. «Smoke Floats... » [«Dymok plyvot...»]. *Sovetskaya molodozh'*. 21 May 1986, no. 96 (10 505), p. 3 (in Russian).
- Dragilov D. All signs of love [Vse primety lyubvi]. Moscow, Tsentr sovremennoy literatury, 2008. 68 p. (in Russian).
- Dragilov D., Zhdanov I., Yeromenko A., Tavrov A. Wreath for Parshchikov [Venok Parshchikovu]. Ivan Zhdanov, Aleksandr Yeremenko, Dmitriy Dragilev i dr. Dikoye pole. 2009, no. 13, pp. 16–19 (in Russian).
- Dragilov D. Tor-sheer. M.: Tsentr sovremennoy literatury, 2017. 120 p. (in Russian).
- Kuz'min D. Rhyme and Sound Repetition: within a Single Process [Rifma i zvukovoy povtor: vnutri yedinogo protsessa]. *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2008, no. 2, pp. 259–268 (in Russian).
- Parshchikov A. Airships [Dirizhabli]. Moscow, 2014. 224 p. (in Russian).
- Parshchikov A. Cologne Time [Kol'nskoye vremya]. Moscow, 2019. 768 p. (in Russian).
- Theory of Literature. Theory of Artistic Discourse. Theoretical Poetics [Teoriya literatury Tyoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika]. Moscow, 2004 (in Russian).
- Tokarev A.A. Poetics of Russian Metarealism. Thesis on philology [Poetika russkogo metarealizma. Dis. ... kand. filol. nauk]. Moscow, 2017. 150 p. (in Russian).
- Chkoniya D. Where did the Circus Go? Russian Poets in Germany [Kuda uyekhal tsirk? Russkiye poety v Germanii]. *Emigrantskaya lira*, 2013, no. 4, pp. 156–157 (in Russian).
- Rinck M. «anschaulicher ist ein Absatz» [«A Paragraph is clearer»]. Dragilew D. *Städtliche Ligaturen. Gedichte*. Berlin, 2016, pp. 38–40 (in German).
- Dragilov D. Summer in Riga [Leto v Rige]. *Dvoyetochiye*. Available at: <https://dvoetochie.org/2020/07/02/dragilyov/>, svobodnyy. No. 02.07.2020. (accessed 10 June 2022) (in Russian, German).
- Dragilov D. Summer in Riga [Leto v Rige]. *Dvoyetochiye*. Available at: <https://dvoetochie.org/2021/06/10/dmitri-dragilew/>, svobodnyy. No. 36 (accessed 12 June 2022). (in Russian).

Kuz'min D. January 25, 2000. Literary Diary [25 yanvarya 2000. Literaturnyy dnevnik]. Available at: <http://www.vavilon.ru/diary/000125.html>, svobodnyy (accessed 25 May 2022) (in Russian).

Kuritsyn V. Kuritsyn-weekly, April 4, 2002 [Kuritsyn-veekly ot 4 aprelya 2002]. *Russkiy zhurnal*. Available at: http://old.russ.ru/krug/news/20020404_kur.html, svobodnyy. Zasl s ekrana (accessed 25 May 2022) (in Russian).

Leukert B. Musikalität und Gefahr. Europoesie: Dmitri Dragilew und Gleb Schulpjakow [Musicality and Danger. Europoetry: Dmitri Dragilev and Gleb Shulpyakov]. Faustkultur, 25.09.2021. Available at: <https://faustkultur.de/literatur-europoesie/musikalitaet-und-gefahr/> (accessed 7 February 2022) (in German)

Е.Н. Матюшкина

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Россия*

УДК 821.161.1.09; 882 (092) Окуджава

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-25-35

ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ Б. ОКУДЖАВЫ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Ключевые слова: Б. Окуджава; художественная антропология; человек; интеллигенция; судьба; надежда; «глоток свободы»; ответственность.

Предметом изучения в статье является литературная антропология, нашедшая свое отражение в исторической прозе Б. Окуджавы. Цель анализа состоит в изучении некоторых аспектов литературной антропологии исторических романов Б. Окуджавы. Методология исследования обусловлена характером поставленных задач, опирается на историко-литературный, социокультурный метод, а также целостный анализ художественного произведения.

Полученные выводы характеризуют некоторые принципы литературной антропологии Б. Окуджавы: 1) для Б. Окуджавы основным носителем и мерилем духовных ценностей является русская интеллигенция, история же в его романах выступает как контекст нравственной проверки личности; 2) одной из важнейших онтологических констант человеческого существования для Б. Окуджавы является надежда, невидимо присутствующая в жизни; 3) бытие человека Б. Окуджавы характеризуется представлениями об обусловленности, предопределенности и неотвратимости событий и поступков; 4) через все романы Б. Окуджавы лейтмотивом проходит мысль о том, что независимой свободы человека вне истории не существует, а значительные события истории не могут оставаться внешними даже по отношению к не-

вольному их свидетелю; 5) духовно-нравственное бытие человека Б. Окуджавы определяет ответственность, интерпретируемая как осознание личностью своего места в истории и обществе, а также как способность человека отвечать за свои поступки и чувствовать сопричастность происходящим событиям.

Результаты исследования могут найти применение в изучении творчества Б. Окуджавы и исторической прозы второй половины XX века. Основные выводы могут быть использованы при подготовке лекционных курсов.

Историческая эпоха воссоздается Б. Окуджавой как время, которое ставит перед человеком разные испытания: борьба за свободу, разочарование, осознание собственного бессилия, но также надежда, преодоление и всегда сохранение духовной целостности. Автором воспеваются не самопожертвование отвергнутого временем героя, а противостояние ограничивающим возможность самореализации личности обстоятельствам.

Антропологический аспект в изучении литературного произведения – одно из приоритетных направлений современного литературоведения. Само понятие «литературная антропология» (или «художественная антропология») является сравнительно новым. В последнее время выходят научные исследования, посвященные осмыслению этого феномена (В. Савельева, С. Козлов, В. Изер и др.). Нельзя не согласиться с утверждением Т. Федосеевой: «Изучение литературной антропологии сосредоточено не столько в области психологии, философии, социологии (антропологии литературы), сколько на рассмотрении способов и приемов воссоздания духовной жизни биографического автора и объективированного в произведении жизненного содержания» [Федосеева, 2016, 78]. Данная точка зрения чрезвычайно важна для понимания авторской художественно-философской концепции человека, а также для рассмотрения характера социокультурного самоопределения личности в конкретную эпоху.

«Совесь, Благодородство и Достоинство» – поэтическая формула Б. Окуджавы, своеобразный «кодекс чести», устанавливающий важнейшие качества, которыми должен обладать человек; нравственный закон, регулирующий все человеческие отношения, согласующий поведение с обществом. Для писателя основным носителем и мерилем духовных ценностей является русская интеллигенция, история же в его романах выступает как контекст нравственной проверки личности. Интеллигентность, как неоднократно подчеркивал Б. Окуджава, определяется не уровнем образования, а наличием особого мировоззрения и жизненной позиции. Отвечая на вопросы анкеты журнала «Дружба народов», он сделал акцент на особой роли русской интеллигенции в XX столетии: «Интеллигент – это человек, независимо мыслящий, жаждущий знаний, бескорыстно служащий общественному добру, не приемлющий насилия, признающий гуманные средства достижения цели, уважающий личность, склонный к сомнению в собственной

праве, не стремящийся к власти <...> Судьба интеллигенции в советские времена была весьма трагична, но, несмотря на это, она продолжала выполнять свое предназначение собирателя и хранителя российской культуры» [Окуджава, 1997, 190].

Каждый человек, по мысли Б. Окуджавы, имеет право на свой «глоток свободы» – один миг «безумного» поступка, наполненного высшим смыслом, бесценное мгновение реализации «человеческого» в человеке. Показательно, что в стихотворении 1960-х годов «Я вас обманывать не буду» поэт, с одной стороны, обращается к поколению, волей судьбы разделившему с ним одну историческую эпоху, с другой – обыгрывает уже известную метафору, которая содержит явную отсылку к его пьесе о декабристах «Глоток свободы» и написанному позже роману «Бедный Авросимов» (в серии «Пламенные революционеры» произведение опубликовано под названием «Глоток свободы. Повесть о Павле Пестеле»):

Я вас обманывать не буду.
Мне вас обманывать нельзя:
обман и так лежит повсюду,
мы по нему идем, скользя.
Давно погашены улыбки,
вокруг болотная вода,
и в том – ни тайны, ни ошибки,
а просто горе да беда.
Когда-то в молодые годы,
когда все было невдомек,
какой-то призрачной свободы
достался мне шальной глоток.
Единственный. И без обмана
среди прочих ненадежных снов,
как сладкий яд, как с неба манна,
как дар судьбы без лишних слов.

[Окуджава, 2001, 329–330]

Но здесь таится неразрешимый парадокс: романтически настроенные герои писателя страдают, гибнут или примиряются с действительностью, отказываясь от борьбы. Заслуживает внимания следующий фрагмент интервью, в котором Б. Окуджава обозначил непреложные для себя ценности: «Я <...> не ставил перед собой задачу защитить личность, нет, просто протест против давления на личность и пренебрежения личностью созрел внутри из собственного опыта – и выразился. Как смог, как сумел, я его выразил в стихах и в прозе» [Окуджава, 2003].

Наивный «рыжий» писарь в первом историческом романе Б. Окуджавы «Бедный Авросимов», фиксируя в ходе допросов показания Павла Пестеля, постепенно проникается идеями декабризма, с воодушевлением размышляет о справедливости, сущности рабства, начинает мечтать о

благородном самопожертвовании во имя свободы: «Что знает человек, сей ничтожный, о себе самом? Пожалуй, лишь то, что он ничтожество перед лицом высших сил, и стоит ему об этом задуматься, как тотчас ничтожество его прет наружу, словно ребра у худого коня. Но если он и впрямь таков, откуда это у него сила взялась на государя руку поднять? На божество? <...> В чем же истина? <...> Значит, исподволь все копилось. А начало где? А нет ли этого начала и в нем самом, в Авросимове?» [Окуджава, 1989, 46].

Герой фантазирует, ведет мысленные диалоги и споры с декабристом, даже строит абсурдные планы освобождения его из Петропавловской крепости. Однако решительных действий так и не предпринимает: «Тем временем наш герой разрывался на части. <...> План, бушующий в сердце, требовал пищи <...> Что касается плана, то тут опять не было ни возницы еще, ни решения, как справиться с двенадцатью инвалидами и офицерами караула, а время шло. Наконец он махнул рукой» [Там же, 245].

В итоге после разоблачения «бедного» Авросимова сослали в деревню, где он наконец смог вернуться к спокойной жизни, о которой так долго мечтал: «оправляясь от зимней своей болезни <...> наш герой совсем закружился, завертелся, зараспоряжался, ибо никаких новых печальных известий не возникало больше» [Там же, 263–264]. «Печальная весть» о казни декабристов дошла до него значительно позже: «в самую осеннюю пору, сквозь запах липового меда, грибов, опадающей антоновки, она, как ни была печальна, все же не смогла его поразить. Видимо, где-то в глубине души таилось все-таки предчувствие неминуемой жестокой расправы над несчастным полковником, не ко времени родившимся» [Там же].

Свои размышления над судьбой героя Б. Окуджава продолжил на страницах романа «Путешествие дилетантов». С одной стороны, «частный» человек – лишь случайный свидетель исторических событий – не может остаться безучастным к ним, с другой – герой, познавший «глоток свободы», должен заплатить трагическую цену за свой выбор. Так, через много лет одинокий, страдающий и забытый всеми Авросимов неожиданно встретился на пути «беглецов»: «вызывал ощущение чего-то недосказанного, недосмотренного <...> с непонятной тоской в голубых глазах <...> Какая-то драма свела его с ума» [Окуджава, 1986, 310–314].

В то же время одной из важнейших онтологических констант человеческого существования для Б. Окуджавы является надежда, невидимо присутствующая в жизни. Репрезентативным является его позднее стихотворение 1989 года:

В земные страсти вовлеченный,
я знаю, что из тьмы на свет
шагнет однажды ангел черный
и крикнет, что спасенья нет.
Но, простодушный и несмелый,

прекрасный, как благая весть,
идуший следом ангел белый
прошепчет, что надежда есть.

[Окуджава, 2001, 447–448]

Нельзя не согласиться со словами Г. Белой: «Надежда тоже начиналась не с “гордых гимнов”, а со звуков печальных и простых. Она имела конкретный образ, впрочем меняющийся. Окуджава на разные лады играл с этим словом, поворачивая то так, то этак. Метафоры менялись: то это была невозможность поверить в гибель лучших ребят своего двора; то образ-символ – “веселый ба-рабанщик”; то монументальные “часовые любви”, которые идут неизменно... Рассказ о надежде, которая никогда не оставляет человека, стал внутренним сюжетом всех песен Окуджавы. Подлинность его вере придавала способность, поэтизируя действительность, видеть в то же время драматическую подкладку жизни, именно не изнанку жизни, а ее подпочвенные, сложные, проникающие друг в друга и друг от друга неотрывные процессы <...> Так возникала фило-софская рефлексия поэта о жизни, не обременяющая читателя тяжеловесными рациональными построениями» [Белая, 1989, 8–9].

В исторической прозе поэта надежда не столько эмоциональное пере-живание, сколько побуждение к решительным действиям, совершению непро-стого выбора в противостоянии беспощадному давлению времени. Лавиния и Мятлев в романе «Путешествие дилетантов» вырываются из «сурового Петер-бурга» на поиски «рая», преисполненные «потушлагбаумных надежд». Лю-бовь и свобода соединяются на фоне николаевской эпохи: «И все-таки за шлаг-баумом что-то ведь произошло, если они могли, безнаказанно обнявшись, покачиваться в дорожном рыдване <...> Видимо, что-то все-таки таится в этой полосатой шлагбаумной палке, какой-то тайный смысл <...> А когда она воз-носится, эта полосатая палка, не вы ли слышите голоса воли, жизни, простора, надежды? И пусть вскоре все это гаснет, но разве единый вздох, доставшийся вам, восхищенное “ах!”, вырвавшееся из вашей истомленной ожиданием души, – разве все это – пустая фантазия? Вздор?..» [Окуджава, 1986, 302–303]. Надежда обретения личного счастья пробуждает в героях желание жить и дей-ствовать. Для них надежда не только мысленное предвкушение возможных пе-ремен и будущих благоприятных преобразований, но и духовная опора.

Конечно, «путешествие» преследуемых сыщиками «дилетантов» было недолгим, но Б. Окуджава не теряет веру в будущее, всегда сохраняя для человека надежду: ведь его «господин ван Шонховен» «в потертом ар-мячке, по-видимому, продолжает пересекать заснеженные пространства, оставляя нам в назидания свои следы» [Там же, 528].

Оппозиция «свобода – несвобода» всегда у Б. Окуджавы связана с понятием судьбы, а бытие человека характеризуется представлениями об обусловленности, предопределенности и неотвратимости событий и по-

ступков. С. Бойко очень точно замечает: «Первостепенен – свет предназначенья, истинная Судьба, Провиденье. Разгадать ее непросто. А “цель жизни” отодвинута в ряд текущих событий. <...> Можно рассуждать о коварстве, уловках Судьбы. Оценивать свою веру в нее как самообольщение <...> Могущественная сила может быть лживой, льстивой... Таким образом, слово “судьба” и его синонимы в лирике Окуджавы появляются, с одной стороны, в связи с мотивами тревоги или неуверенности, сознанием опасности, с другой – в связи с противостоянием героя, его стремлением не зависеть, не поддаться» [Бойко, 2013, 409–411]. Действительно, такие понятия, как «рок», «судьба», «провиденье», встречаются в поэтических произведениях Б. Окуджавы достаточно часто в моменты размышления героя о своем жизненном пути, о «суровой» эпохе, а также в обращениях к современникам. Показательно одно из поздних стихотворений 1991 года «На улице моей беды стоит ненастная погода», в котором бессилие и одиночество человека перестает быть безысходным, так как все же есть «теплые стены», «неумершая труба» и «синица» в руках:

На улице моей судьбы не все возвышенно и гладко...
 Но теплых стен скупая кладка? А дым колечком из трубы?
 А звук неумершей трубы, хоть все так призрачно и шатко?
 А та синица, как загадка, на улице моей судьбы?..
 [Окуджава, 2001, 496]

В исторической прозе Б. Окуджавы судьба обосновывает зависимость и бессилие человека перед обстоятельствами, а шире – перед историей. Автор часто действия своих героев оправдывает волей рока, звучит мысль о фатальности происходящего: Лавиния и Мятлев бросают вызов столичному обществу, сложившимся представлениям о свободе и семейных ценностях. В романе постоянно повторяются фразы, подтверждающие наличие управляющей жизнью человека надличностной силы: «<...> они обсудили свою незавидную долю, два маленьких человечка, брошенных друг к другу не собственным капризом или прихотью, а Судьбою, а с нею, как известно, шутки плохи» [Окуджава, 1986, 266].

Перед человеком Б. Окуджавы возникает выбор: он может покориться судьбе, то есть принять предложенные условия и смириться, или вступить с ней в противоборство и, скорее всего, разочароваться или погибнуть. Автор показывает, что «путешествие» из Петербурга на Кавказ – всего лишь мимолетное заблуждение героев, которым свойственно романтическое мироощущение, или даже намеренное «бегство» от действительности в надежде обрести счастье и независимость. Здесь возникает необходимая для Б. Окуджавы переключка времен. Объектом художественного исследования писателя является кризис рубежа 1960–1970-х годов, когда интеллигенция, поверившая в демократические преобразования «оттепели», почувствовала неминуемое крушение идеалов. Размышляя о динамике

мировоззренческой позиции и типологии поведения шестидесятников, Е. Серебрякова исходит из того, что сознательное стремление человека уйти от реальности в мир иллюзий – «попытка спастись от социальных противоречий эпохи в профессии, подчиниться служению делу, восстановить смысл существования в творчестве, науке, вневременном мире свободы, истины и идеальных сущностей» [Серебрякова, 2019, 102]. Представляется значимым не только столкновение на глазах читателя романов Б. Окуджавы исторических реалий с современностью, но и открытое авторское присутствие в историческом повествовании. Создавая литературную биографию поэта и писателя, О. Розенблюм приходит к выводу, что «<...> как прошлое XIX в. ему больше был не нужен. Может быть, это слишком категорично, но скажем мягче: он ему был гораздо нужнее как возможность размышлять о настоящем, и не чьем-то там, а своем» [Розенблюм, 2011].

Через все романы Б. Окуджавы лейтмотивом проходит мысль о том, что независимой свободы человека вне истории не существует, а значительные события истории не могут оставаться внешними даже по отношению к невольному их свидетелю. Интересен в этом отношении финал произведения «Путешествие дилетантов», в котором раскрыта трагедия судеб героев, вступивших в открытый конфликт с обществом, пытавшихся опровергнуть сложившиеся веками стандарты поведения: князя Мятлева препровождают в Петропавловскую крепость, а Лавинию – к законному супругу.

Если в романе «Бедный Авросимов» «глоток свободы» еще только робкая фантазия, сомнение, то в романе «Путешествие дилетантов» – уже поступок, попытка личного противостояния историческим силам и системе.

Не только свобода мышления и действия определяет духовно-нравственное бытие человека Б. Окуджавы, но и ответственность, интерпретируемая как осознание личностью своего места в истории и обществе, а также как способность человека отвечать за свои поступки и чувствовать сопричастность происходящим событиям. В романе «Свидание с Бонапартом» судьба увлекает авторов дневников в водоворот событий, который подталкивает их к осознанию своего долга. Ни один из них не остается безучастным к происходящему и готов пожертвовать жизнью.

Например, французская «певичка» Луиза Бигар на страницах своего дневника подробно описывает все ужасы скитания по охваченной пожаром Москве (кражи, поджоги, убийства): «За окном лежали обгорелые развалины <...> Более недели я не выходила из дому и постепенно, не соприкасаясь с царящим на улицах адом, стала приходить в себя. Где-то там, за стенами, за картоном в окнах, продолжались, видимо, бесчинства <...> Иногда по ночам до меня доносились из-за окон выстрелы, и я понимала, что жива лишь по милости божьей. В воздухе пахло переменами» [Окуджавы, 1989, 410–411]. В ее словах звучит горечь и разочарование в прежних идеалах, сожаление о безвозвратно ушедшем времени. Героиня вовсе не снимает с

себя ответственности за действия своих соотечественников: «Душа моя оставалась здесь, в этом несчастном городе, превращенном в кладбище моими соотечественниками. Я вглядывалась в их молчаливые колонны, дрожа от холода и безнадежности, и слышала им вслед свист и улюлюканье всей Европы. Мои соотечественники, мои братья в грязных мундирах, в рваных сапогах, ослепленные собственным кумиром!.. <...> Верните мне мое легкомысленное прошлое, полное очаровательных надежд!..» [Там же, 416–417]. Важно упомянуть, что о данных событиях автор доверяет рассказать иностранке, которая только шесть лет прожила в России.

«Горестные воспоминания о минувшем» – своеобразное перерождение человека, находящегося в трагической ситуации: «Ведь это был мой император, победами которого я там, во Франции, не раз восхищалась. Теперь же чувство вины не покидало меня, и, когда я пыталась представить себе этого человека, поселившегося в Кремле <...> А я? Если бы они знали, что бушует во мне!» [Там же, 377]. В финале своего повествования после жестоких испытаний Луиза Бигар недоумевает, вовсе разочаровавшись в справедливости. Жители города, с которыми она разделила все тяготы жизни в горячей Москве, презирают ее только за то, что она – француженка. В ее словах звучит тоска и безысходность, непонимание происходящего: «Я ни в чем не виновата! – Меня схватили за волосы, кто-то бил по спине, чьи-то пальцы подбирались к горлу. – Сжальтесь! Сжальтесь! <...> Я ехала по Москве, и слезы катились по моим щекам, и, плача среди этого смрада и пепла, среди развалин, несправедливости и тихого ликования, я поняла, что уже ничего воротить невозможно» [Там же, 418].

В «заметках из собственной жизни» еще один герой романа, генерал-майор в отставке Н. Опочинин, подробно описывает подготовку торжественного обеда, в завершение которого он собирается убить французского императора и его генералов. Так «старый безумец» мечтал «разом облагородить искаженный лик истории». Конечно, автор показывает всю абсурдность данной ситуации и полную несостоятельность идей Опочинина, но тем не менее герой не остается безразличным к происходящему. В трудное время им движет любовь к Отечеству и нравственный долг: «Покуда будет длиться этот непродолжительный сытный обед, отечество, истекающее кровью, вздохнет что есть мочи, расправит могучие крылья, спохватится <...> Гибель зла – разве она не есть спасение добра? <...> Не убийство, не гордую месть, а спасение – вот что вижу я и к чему стремлюсь. И тут я, может быть, поднимаю руку на высшие силы, замахиваюсь на само провидение... Но представьте себе, что откроется нам, когда опадет пепел и птицы запоют вновь» [Там же, 267–277].

Автор одного из дневников – возлюбленная Опочинина, Варвара Волкова. В роковую минуту, когда необходимо было спасти жизнь и собственное имя, она возглавила небольшой партизанский отряд: «Со мною

собрались двенадцать мужиков, да повар Ефрем, да Дуня. Четыре ружья нашлось, штык, топоры, вилы. Получилось отличное воинство» [Там же, 445]. Б. Окуджава даму с «очаровательной талией, с синими глазами в поллица» иронично называет «атаманшей в овчине, с потускневшей короной на голове». Волкова вовсе не наблюдатель, а активный участник происходящих событий: «Эта смертная дорога в поле казалась театральной сценой, но с правдашним снегом и с безумными актерами, обрекшими себя на мучительную смерть. И действие развивалось стремительно, картины сменяли одна другую <...> все это монотонно, однообразно, не по-людски, будто машина какая-то, будто кто-то крутит выживший из ума, крутит и крутит тяжелое колесо <...> Мне страшно вспомнить себя на том пригорке в наброшенном на плечи овчинном тулупе, в овчинной же мужичьей шапке с синей суконной тульей, окруженную свитой, замершей в обнимку со своими ружьями <...> убийц убивают и их убийц убивают тоже, а за ними уже спешат новые... И тот, кто крутит это колесо, ввергает их в преступления, связывает их по рукам и ногам, и у них уже нет сил отрешиться...» [Там же, 451].

Через все романное полотно проходит значимая для автора идея: историческая роль человека определяется его личной вовлеченностью в историческую ситуацию, одновременно свобода не освобождает никого от ответственности, но отказ же от ответственности есть отказ от человеческого достоинства.

Герой Б. Окуджавы – человек постоттепельной поры, рефлексирующий интеллигент, остро чувствующий драматизм мира, сомневающийся и находящийся в отчаянии от всеобщего непонимания. Писатель отстаивает право каждого осуществлять выбор самостоятельно, но при этом нравственный выбор может совершить только свободный человек, осознающий ответственность, умеющий подняться над своим временем, осмыслить историческое событие в перспективе будущего.

ЛИТЕРАТУРА

Белая Г. Булат Окуджава, время и мы // Окуджава Б.Ш. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1: Бедный Авросимов. Свидание с Бонапартом. М.: Современник, 1989. С. 3–24.

Бойко С.С. Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века. М.: РГГУ, 2013. 602 с.

Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология / сост. И.В. Кабанова. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 201–224.

Козлов С.В. Литературная антропология и поэтика персонажа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7(25). Ч. 1. С. 92–98.

Окуджава Б. XX век: веки истории – веки судьбы. Анкета // Дружба народов. 1997. № 4. С. 189–191.

Окуджава Б.Ш. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1: Бедный Авросимов. Свидание с Бонапартом. М.: Современник, 1989. 528 с.

Окуджава Б.Ш. Путешествие дилетантов. М.: Известия, 1989. 560 с.

Окуджава Б.Ш. Стихотворения / прим. В.Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с.

- Савельева В.В. Художественная антропология. Алматы: Изд-во АГУ им. Абая, 1999. 281 с.
- Серебрякова Е.Г. Шестидесятники: биография поколения // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 1(183). С. 99–105.
- Федосеева Т.В. О литературной антропологии и антропоцентризме современного литературоведения // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. № 3(52). С. 72–82.
- Окуджав Б. Интервью (июль 1989 г.) / беседу вел А. Назаров // Новый берег. 2003. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/bereg/2003/1/intervyu-s-bulatom-okudzhavoj.html> (дата обращения: 07.03.2022).
- Розенблюм О. «Путешествие дилетантов» Булата Окуджавы: «прошлое» и «документ» (рец. на кн.: Уварова С. Метаистория Булата Окуджавы: образ документа в романе «Путешествие дилетантов». Стокгольм, 2009) // Новое литературное обозрение. 2011. № 5(111). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/5/puteshestvie-diletantov-bulata-okudzhavy-proshloe-i-dokument.html> (дата обращения: 07.03.2022).

E.N. Matyushkina

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of the Russian Language and Literature,
Saint Petersburg State University of Economics
St. Petersburg, Russia*

Historical Novels by B. Okudzhava: Some Aspects of Artistic Anthropology

The subject of the study in the article is literary anthropology, which is reflected in the historical prose of B. Okudzhava. The purpose of the analysis is to study some aspects of the literary anthropology of B. Okudzhava's historical novels. The methodology of the research is determined by the nature of the tasks set and is based on the historical-literary, socio-cultural method, as well as a holistic analysis of the work of art.

The conclusions of the research characterize some principles of literary anthropology of B. Okudzhava: 1) for B. Okudzhava, the main carrier and measure of spiritual values is the Russian intelligentsia, while history in his novels acts as a context for moral verification of personality; 2) one of the most important ontological constants of human existence for B. Okudzhava is hope, invisibly present in life; 3) the human being of B. Okudzhava is characterized by ideas about conditionality, predestination and the inevitability of events and actions; 4) through all the novels of B. Okudzhava's leitmotif is the idea that there is no independent human freedom outside of history, and significant historical events cannot remain external even to an unwitting witness to them; 5) B. Okudzhava's spiritual and moral being of a person is defined by responsibility, interpreted as a person's awareness of his or her place in history and society, as well as the ability of a person to be responsible for his or her actions and feel involved in the events taking place.

The results of the research conducted in this article can be used in the study of B. Okudzhava's creativity and historical prose of the second half of the XX century. The main conclusions can be used in the preparation of lecture courses.

Key words: *B. Okudzhava; artistic anthropology; human; intelligentsia; fate; hope; «a breath of freedom»; responsibility.*

REFERENCES

- Belaja G. Bulat Okudzhava, Time and us [Bulat Okudzhava, vremja i my]. Okudzhava B.Sh. Selected works. In 2 vols. Vol. 1: Poor Avrosimov. Appointment with Bonaparte [Okudzhava B.Sh. Izbrannye proizvedenija. V 2 t. T. 1: Bednyj Avrosimov. Svidanie s Bonapartom]. Moscow, Sovremennik, 1989, pp. 3–24 (in Russian).
- Bojko S.S. The work of Bulat Okudzhava and Russian Literature of the Second Half of the 20th Century [Tvorchestvo Bulata Okudzhavy i russkaja literatura vtoroj poloviny XX veka]. Moscow, RGGU, 2013. 602 p. (in Russian).
- Izer V. The Reading Process: A Phenomenological Approach [Process chtenija: fenomenologičeskij podhod]. Modern Literary Theory. Anthology [Sovremennaja literaturnaja teorija. Antologija]. Moscow, Flinta: Nauka, 2004, pp. 201–224 (in Russian).
- Kozlov S.V. Literary Anthropology and Poetics of the Character [Literaturnaja antropologija i poetika personazha]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2013, no. 7(25), pp. 92–98 (in Russian).
- Okudzhava B. XX Century: Milestones of History – Milestones of Fate. Questionnaire [XX vek: vehi istorii – vehi sud'by. Anketa]. *Družba narodov*, 1997, no. 4, pp. 189–191 (in Russian).
- Okudzhava B.Sh. Selected Works. In 2 vols. Vol. 1: Poor Avrosimov. Appointment with Bonaparte [Okudzhava B.Sh. Izbrannye proizvedenija. V 2 t. T. 1: Bednyj Avrosimov. Svidanie s Bonapartom]. Moscow, Sovremennik, 1989. 528 p. (in Russian).
- Okudzhava B.Sh. Travel Amateurs [Puteshestvie diletantov]. Moscow, Izvestija, 1989. 560 p. (in Russian).
- Okudzhava B.Sh. Poems [Stihotvorenija]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt, 2001, 712 p. (in Russian).
- Saveljeva V.V. Artistic Anthropology [Hudozhestvennaja antropologija]. Almaty, Izd-vo AGU im. Abaja, 1999. 281 p. (in Russian)
- Serebrjakova E.G. Sixties: Biography of a Generation [Shestidesjatniki: biografija pokolenija]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta*, 2019, no. 1(183), pp. 99–105 (in Russian).
- Fedoseeva T.V. On Literary Anthropology and Anthropocentrism of Modern Literary Studies [O literaturnoj antropologii i antropocentrizme sovremennogo literaturovedenija]. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*, 2016, no. 3(52), pp.72–82 (in Russian).
- Okudzhava B. Interview (July 1989) / Interviewed by A. Nazarov. Available at: <https://magazines.gorky.media/bereg/2003/1/intervyu-s-bulatom-okudzhavoj.html> (accessed: 7 March 2022) (in Russian).
- Rozenbljum O. Bulat Okudzhava's Journey of Amateurs: «Past» and «Document» (review on the book: Uvarova S. Metahistory of Bulat Okudzhava: the image of the document in the novel «Journey of Amateurs». Stockholm, 2009). Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/5/puteshestvie-diletantov-bulata-okudzhavy-proshloe-i-dokument.html> (accessed: 7 March 2022) (in Russian).

В.В. Сухов

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-36-46

**СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ХРОНОТОПА
В РОМАНЕ-ТРАВЕЛОГЕ ОЛЕГА ЕРМАКОВА «ПЕСНЬ ТУНГУСА»**

Ключевые слова: *травелог; хронотоп; пространственно-временной континуум; сюжетно-композиционное построение текста; субъектный модус; временной модус; пространственный модус.*

Предметом изучения в статье является хронотоп и особенности его функционирования в романе-травелоге Олега Ермакова «Песнь тунгуса» (2017). Цель исследования – выявить и классифицировать характерные для творчества автора типы хронотопов, показать их структуру и роль в репрезентации авторской картины мира. Травелог О. Ермакова построен на оппозиции событийного и связанного с древними традициями и обрядами эвенков историко-культурного хронотопов. На событийном уровне роман «Песнь тунгуса» представляет собой две параллельно развивающиеся сюжетные линии: странствия потомственного эвенка, впоследствии «беглого преступника», Мишки Мальчакитова и история молодого лесника Олега Шустова, сбежавшего от армии и мира цивилизации в край первозданной природы. Однако над событийным хронотопом стоит историко-культурный, в основе которого лежит идея обретения родины-рая и своего подлинного предназначения. Именно он и представляет собой духовное путешествие героев. Роман О. Ермакова полифоничен. Здесь показаны разные типы персонажей, и у многих из них – свое путешествие, свой путь к заветной цели, либо вписанный в мифопоэтическую традицию, либо существующий вне ее. Например, цель Дмитриева – стать директором заповедника – принципиально отлична от цели Шустова и подобных ему молодых подвижников, стремящихся создать модель идеального заповедника. Особенно ярко эта линия продемонстрирована в третьей части романа, где автор отказывается от моносубъектности и звучит «хор голосов».

К истории вопроса. Ключевые термины. Подробный анализ хронотопа – одна из ключевых составляющих процесса изучения современного травелога и этнографического романа как одной из его разновидностей. Само понятие «травелог» пришло в литературоведение относительно недавно, лет 15 назад, заменив традиционные термины «путевые заметки» и «путевой очерк». Как отмечает А.А. Бондарева, «травелог – от английского

“travelogue” – о путешествии (журнал, диалог, дневник, в современном понимании еще и блог, посвященный описанию странствий), то есть travelogue является определенным литературным произведением о путешествии» [Бондарева, 2012].

На сегодняшний день travelogue востребован как литературой, так и средствами массовой информации – многочисленные трансляции о путешествиях способны «перенести» зрителя в любую точку земного шара. При этом, как отмечает Т.И. Печерская, сейчас наблюдается общегуманитарная востребованность в изучении travelogues, чья функция в современном мире уже не сводится только к трансляции с места путешествия, но предполагает также субъективную составляющую, связанную с репрезентацией того или иного географического места в соответствии с индивидуальным авторским восприятием [Печерская, 2016].

Соответственно, можно выделить два масштабных современных подхода к изучению traveloga – изучение фактографической стороны текста и анализ литературоведческих составляющих авторского пространственно-временного континуума, образующего относительно замкнутую систему индивидуальных представлений о мире.

Хронотоп, являясь главным сюжетобразующим компонентом современного traveloga, представляет собой сложное многоуровневое понятие, единство субъективных и пространственно-временных характеристик художественного текста. Согласно определению И.В. Алимбочки, приведенному в статье «Хронотоп как структурный компонент художественного образа», главными функциями данной литературоведческой категории являются «структурирование и организация мира произведения, обеспечение художественного единства произведения, объективация художественных и культурных смыслов литературного произведения» [Алимбочка, 2014, 457].

Основные виды хронотопа в диахроническом аспекте были разработаны М.М. Бахтиным – в их числе авантюрный, фольклорный, раблезианский и т.д. хронотопы [Бахтин, 1975].

В синхронном аспекте наиболее значим опыт тартуско-московской семиотической школы, выделившей три основных слоя: топографический, психологический и метафизический хронотопы [Тороп, 1984]. При этом своеобразную дихотомию образуют понятия топографического и психологического хронотопов, поскольку первый «образован сюжетом», а второй – «самосознанием персонажей» [Там же]. Существуют и современные классификации базового понятия литературоведения, которые можно использовать применительно к изучению traveloga Олега Ермакова. В качестве аналогов терминов «топографический» и «психологический» хронотоп мы будем использовать понятия «событийный» и «историко-культурный (мифологический)» хронотоп. В дальнейшем они будут упоминаться в статье,

указывая на соотнесенность реального и мифологического времени романа «Песнь тунгуса».

«Песнь тунгуса». Специфика травелога. В произведении, выходящем далеко за рамки традиционных путевых заметок и представляющем опыт духовного путешествия героя, наблюдается смешение разных типов хронотопов, как в диахроническом, так и в синхронном аспекте. Здесь нет четкой централизованной структуры – сюжет распадается на ряд повествований, разнородных по стилю и жанру и связанных лишь наличием одних и тех же действующих лиц. Восприятие текста осложняется также системой художественных образов, в которой нет героя в привычном смысле слова. Они попеременно сменяют друг друга. В первой части это молодой лесник Олег Шустов, решивший сбежать от цивилизации и призыва в армию в мир первозданной природы байкальского заповедника. Вторая часть – самая объемная – своеобразный опыт мифологического жизнеописания Мишки Мальчакитова, урожденного эвенка и носителя родовой памяти. Третья часть – полное сюжетно-стилевое смешение. Здесь уже звучит целый «хор» голосов, в числе которых – голоса животных, радиотрансляция, диалоги Шустова и Кристины, даже имитация полилога в рамках драматического жанра. Подобный уход от моносубъектности и склонность повествователя к созерцанию, заменяющему описание событий аудиовизуальным рядом, логически предвосхищает песнь тунгуса, завершающую экскурс в историю заповедника. Песнь, становящаяся актом камлания, шаманизма, знаменует собой уход от рациональной деятельности в сторону чувственного восприятия мира, обретение внутри себя нового ритма, не подвластного законам общества, а только естественным природным законам.

Оппозиция событийного и культурно-исторического хронотопов. Субъектная составляющая хронотопа. Несмотря на очевидную сложность сюжетно-композиционного построения текста, авторская идея ясна – показать оппозицию двух миров, композиционно представленную на уровне столкновения профанного пространства запретов и предписаний и мифологической модели мира, в контексте которой существует герой – эвенк Мишка Мальчакитов. Отсюда противопоставление событийного и культурно-исторического хронотопов как характерная черта художественного мира Ермакова. Различие этих диаметрально противоположных типов организации текста проявляется на уровне трех ключевых составляющих структуры хронотопа, которые принято выделять в современном литературоведении, – субъектного, временного и пространственного модусов.

В субъектном плане мы видим иерархически организованный мир персонажей – представителей разных жизненных укладов. На низшей ступени – далеко ушедшие от истины карьеристы и «блюстители закона»: ушлый Андрейченко, следователь Круглов, лесничий Аверьянов, метящий на место директора заповедника Дмитриев. Их жизненные принципы никак не согласуются с высшими моральными законами и тем более с законами природы. Промежуточную

ступень в этой иерархии занимают новоявленные Адам и Ева: молодой лесник Шустов и его возлюбленная Кристина, а также один из повествователей третьей части пекарь Петров со своей женой Любой. Совершивший бегство из мира цивилизации в мир первозданной природы Шустов относится к героям «ищущим», переживающим духовную эволюцию. Это персонаж, сочувствующий взглядам Мишки Мальчакитова – героя, наряду со своей бабушкой Катэ находящегося на высшей ступени иерархии и являющегося для неопытного лесника проводником в мир духовных ценностей. Не случайно апологета «идеального заповедника» периодически преследует дух эвенка, его незримое присутствие как вне, так и внутри сознания героя. Мальчакитов как будто вселяется в Шустова с целью передать свой уникальный духовный опыт странствующего бродяги-паломника. Минутные состояния мистических прозрений, открывающие молодому леснику путь «по ту сторону дерева», доказывают, что он не чужд духовному опыту обретения истины, но достигнуть цели мешают обязательства, данные миру «извне». Такой относительно недолгий духовный переход случается с ним в момент «блуждания по озеру» – подобные моменты в книге Ермакова становятся ключевыми механизмами трансформации топографического хронотопа в хронотоп историко-культурный и психолого-мифологический:

Все идет само собой, а ты на дороге в никуда, – не об этом ли толковал странствующий художник, его кумир. И не этого ли достиг без пяти минут солдат, а пока лесник Шустов? Но всышка этого великого беспечного чувства тут же сменилась озабоченностью. Шустов был не один, его связывали с другими людьми обязанности. Наверное, лесничий с милиционером уже ищут его. А что он может предпринять? [Ермаков, 2017, 36].

Категория времени в романе. Трансформация категории времени в романе напрямую зависит от исторического или мифологического контекста. В главах, посвященных поискам Мальчакитова и теории универсального заповедника, сюжет развивается преимущественно на внешнем, событийном уровне и не предполагает никаких имплицитных изменений, связанных с духовной эволюцией сознания героев. Исторически это начало 1980-х годов. Вторая часть, подробно описывающая пространственные и духовные странствия эвенка, а также отдельные эпизоды жизни Шустова в заповеднике переводят повествование в иное измерение. Время как реальная категория перестает существовать, развиваясь по законам эпического канона. Оно становится циклическим, и его функция сводится уже не к пересказу событий, а к регулярному воспроизведению универсальной модели мироздания, которой в данном случае является «небесная тайга» – прообраз земного рая для эвенков.

Важно также, что жизнеописание Мишки Мальчакитова основано на приеме обратной композиции: события развиваются от конца к началу, и читатель с первых страниц романа знает, что должно произойти с эвенком. Сам герой как будто ведом шаманским духом – кажется, уголь сам вычерчивает на

«хорошо выскобленной ровдуге» его судьбу. Но именно это позволяет Мальчакитову четче понимать, к чему он стремится, и как будто видеть себя со стороны в новой, еще не реализованной ипостаси. Эти минуты «несовпадения с собой» становятся опорными пунктами самопознания:

«Да жив ли я?» – думает Мишка. И хочет знать, что же с ним было дальше. Как будто ему это не известно, как будто не он, а кто-то другой возвращался в Иркутск, оттуда в заповедник через Улан-Удэ...

И костер погас, путник уснул, а Байкал глубоко и протяжно вздохнул, да так, что ледяной кафтан его затрещал. И Мишка мигом проснулся, тут же совпал с самим собой. Байкал как будто встряхнул его. И он изумленно озирался, таращился на звезды, угли, один из них еще рдел сердцевиной... [Ермаков, 2017, 128].

Байкал, а конкретнее остров Ольхон, приводит Мишку к главной цели: из простого скитальца он преобразуется в настоящего шамана – хранителя родовой памяти, чтобы передавать из поколения в поколение высший, духовный опыт предков. Изначально воспринимаемый с некоторой долей скепсиса мир духовных ценностей бабушки Катэ постепенно становится для юного эвенка главным нравственным ориентиром. Знания, полученные в детские годы, обретут для персонажа подлинный смысл после долгих скитаний и поисков собственного предназначения. Так чуждый, профанный мир города, в котором эвенк должен был выучиться на ветеринара, оказывается отвергнутым во имя подлинных ценностей. Но этот отрицательный опыт активизирует в сознании Мальчакитова потребность слушать свой внутренний голос, ведущий его к Истоку – месту, где все начиналось.

Пространственная организация текста. Духовное путешествие героя, его бесконечные географические перемещения наряду с воспоминаниями создают единый пространственно-временной континуум. При этом главным механизмом конституирования новой реальности становятся языковые маркеры-номинативы, преобразующие хронотоп из событийного в культурно-исторический. Поиск внутреннего имени и уход от имени внешнего с целью обнаружения истинной сути вещей или истинного предназначения человека – такова логика мифологического сознания, отражающая древнейшие формы религии (в частности, анимизм и тотемизм) и наглядно продемонстрированная во второй части романа. Если «преследователей» Мальчакитова автор чаще всего называет по их реальным фамилиям, реже – по именам, то все персонажи из мира потомственного тунгуса, в том числе обитатели животного мира, номинируются по их характерным, уникальным признакам, чаще всего на основе механизма адъективации или метафоризации: Серебристая, Черный, Белоухий, Золотоглазый, Рыжая полоса и т.д. Сам Мальчакитов, чьим главным духовным проводником была носительница родовой эпической памяти, бабушка Катэ, пользуется именно этим способом постижения окружающего мира. Не случайно ему так важно

узнать «тайное имя» понравившейся ему девушки Лиды, которую он встречает на острове Ольхон. Также он перенимает от бабушки искусство звукоподражания, объединяющее его с миром природы и ее обитателей.

Имена географических и природных объектов утрачивают первоначальную функцию условных обозначений, становясь опорными точками пространственно-духовной ориентации в мифологической модели мира героя, чья судьба является образцом духовного странствия, «паломничества» с целью личностной самоидентификации и обретения нравственной опоры внутри себя. И начинается этот путь с двух легенд – так же, как и у юного героя повести Чингиза Айтматова «Белый пароход».

Первая легенда – это древнее предание о звезде Чалбон, родине эвенков, куда можно войти через Сангарин Буга (Полярную Звезду), поднявшись к Истоку по воображаемой реке Энгдекит, протекающей на границе двух миров – мира живых и мертвых. Сакральные номинативы становятся вводом в характерную для многих мировых мифологий модель мироздания. В контексте этого родового мифа рождается и своя, личная история Мишки Мальчакитова, по ровдуге углем чертится Заповедный Берег, где прошли его детские годы, и Остров, откуда они с бабушкой когда-то уплыли на большом пароходе. Далее каждое наименование географического объекта, связанное с пространственными перемещениями главного героя, становится одновременно обозначением определенного этапа его духовного поступательного движения на пути к самому себе. Магия имени «запускает» историко-культурный хронотоп, образующий кольцевую композицию центральной части романа. Схематически это можно представить так: остров Ольхон – Заповедный Берег – школа-интернат – Иркутск – остров Ольхон – Заповедный Берег – остров Ольхон.

Остров Ольхон – Исток жизни героя, откуда начинается его путь, вместе с родителями и бабушкой Катэ. Заповедный Берег – первый этап на пути к взрослой жизни, уже после смерти отца и матери.

Школа-интернат и Иркутск в сознании Миши Мальчакитова становятся профанным пространством, уводящим от истинного предназначения. Вновь ведомый родовой памятью, герой покидает эти места, отказываясь от учебы, и отправляется на один из островов Ольхона Худжир, где временно возвращается к Истоку – месту своего рождения.

Но испытания на этом не окончены, и только выполнив заветную мечту – совершив переход через Байкал на коньках, Мальчакитов, «беглый преступник» и странствующий эвенк, переживает значимый этап инициации и окончательно возвращается на Ольхон. Этому возвращению предшествует также «дырка в голове», смерть и ее преодоление как символическое перерождение в шамана. Так осуществляется и композиционный переход от исторического пространства к мифологическому – эпизод жизни эвенка практически дословно воспроизводит рассказанную когда-то бабушкой Катэ историю о том, *как бежал один богатырь, хотевший догнать голос в небе – девичий голос, – да уставал, задыхался,*

и вдруг споткнулся, ударился лбом о валун – и оторвался от земли, полетел железным уже ястребом, о-е! [Ермаков, 2017, 41].

Кульминационным моментом романа становится песнь, олицетворяющая конец духовных исканий персонажа и прибытие его в пункт назначения. Мальчакитов обретает подлинное имя и космос внутри себя – он достиг родины эвенков, своей звезды Чалбон, и отныне его судьба неотделима от духовного опыта предков и вписана в мифологию рода:

*О-е!.. – поет Мишка. –
Солнце и есть космический бубен.
И сэвэн Байкал – явился из космоса,
Как и предки тунгусы,
Со звезды Чалбон.
Кто знает в себе этот космос,
Тот смеется над вами.
Бум! Бум! Дзынь-дзанк!*

И Мишка блаженно улыбается, озирает берег, море, пирс, дальние мысы, переходящие плавно в горы, – на одной вышка, башня из лиственницы, он помогал ее строить дядьке с лесниками. Он смотрит на море, которое когда-то рассекал лезвиями коньков, выполняя обещанное Лиде с лебедиными бровями. И снова видит лабаз звезд. О-е, я узнаю еще твоё имя! [Ермаков, 2017, 196].

Немаловажно, что выражение «песнь тунгуса» вынесено в заголовок: это своеобразное поэтическое событие, итог путешествия ради обретения духовной цели, циклически замыкающей композицию историко-культурного хронотопа. На смену профанному миру приходит мир преданий глубокой старины. Здесь сказывается тщательное изучение автором этнографических сборников, в том числе шаманских песен и заклинаний, которые приводятся по сборнику Г.И. Варламовой и Ю.И. Шейкина «Обрядовая поэзия и песни эвенков» [Варламова, Шейкин, 2014].

Свой миф есть и у молодого лесника Олега Шустова. На Байкал его приводит не только желание избежать армии и уйти от мира цивилизации, но и прочитанная в журнале история о легендарном пресвитере Иоанне – средневековом правителе затерянной в Азии страны, в которой росло дерево Сиф: *прибывших путешественников пресвитер сам предостерегал обходить это дерево «с другой стороны», но один старый пилигрим не послушался и ступил «на ту сторону» – там и пропал...* [Ермаков, 2017, 8]. Сиф в системе пространственно-временных координат Средневековья воспринимается как одна из возможных модификаций универсального мирового древа, олицетворяющего космический универсум. Для Шустова его аналогом становится Гора Бедного Света. Этот номинатив вводит героя в своеобразный мифологический контекст. И сам Байкал, лежащий в глубине Азии, – прообраз «светлого царства» Иоанна, но обрести его

внутри себя Шустову пока не удастся. Так возникает промежуточный тип хронотопа, находящегося на границе двух миров – реального и вымышленного. Здесь мы видим лишь временные «вылазки по ту сторону дерева» и кратковременные странствия из одного временного портала в другой.

* * *

Произведение Олега Ермакова «Песнь тунгуса» представляет собой разновидность современного травелога, в котором соединяются характерные особенности двух жанров – этнографического романа и духовного путешествия. Здесь фактографическое описание определенного географического региона (родины эвенков) тесно взаимосвязано с его субъективной мифопоэтической трансформацией в рамках индивидуальной авторской картины мира. Для Ермакова географическое перемещение героев – только поверхностный пласт, за которым стоит идея духовной эволюции личности, обретающей свою систему ценностей в мире условностей и строгих предписаний.

Вписанная в контекст мифопоэтической традиции судьба «тунгуса», постепенно перерождающегося в шамана – хранителя родовой памяти, воспроизводит древнее предание о родине эвенков, находящейся на звезде Чалбон. Для Шустова таким аналогом «земли обетованной» и конечным пунктом духовной эволюции становится находящееся в глубокой Азии царство пресвитера Иоанна.

Художественное своеобразие романа определяется сюжетно организующей его оппозицией событийного и историко-культурного хронотопов. Их различие проявляется на уровне субъектной, временной и пространственной составляющей текста. В субъектном плане мы видим иерархически организованный мир персонажей с разными жизненными ценностями. На низшей ступени – далеко ушедшие от истины карьеристы и «блудители закона» Андрейченко, Круглов, Аверьянов, Дмитриев. Промежуточную ступень занимают Шустов и Кристина, а также один из повествователей третьей части пекарь Петров со своей женой Любой. Высшая ступень духовной иерархии – Мишка Мальчакитов и его бабушка Катэ, потомственная эвенкийка, внучка шаманки Шемагирки.

Категория времени образована соотношением исторического и мифологического планов повествования. В главах, посвященных поискам Мальчакитова и теории универсального заповедника, сюжет развивается преимущественно на внешнем, событийном уровне. Вторая часть, подробно описывающая духовные странствия эвенка, а также отдельные эпизоды жизни Шустова в заповеднике, переводит повествование в иное измерение.

Оппозиция событийного и историко-культурного хронотопов формирует в романе два типа художественного пространства – реальное, в контексте которого развивается внешний сюжет поисков Мишки Мальчакитова и жизни Шустова на Байкале, и мифологическое, воспроизводящее древнюю легенду о

звезде Чалбон, родине эвенков, и средневековом царстве Иоанна, находящемся глубоко в Азии.

В числе основных функций хронотопа в романе «Песнь тунгуса» могут быть названы:

– репрезентация авторской идеи духовного перерождения героя, бегущего от цивилизации, обретающего новую систему ценностей и свое подлинное предназначение. Беглый эвенк, после долгих странствий вернувшийся на родину, становится хранителем древних традиций, а простой лесник, пытаясь найти на Байкале праобраз земного рая, фактически ищет самого себя, свободного от обязательств перед внешним миром;

– раскрытие характеров персонажей. Только в рамках историко-культурного хронотопа можно увидеть духовную эволюцию Мальчакитова и Шустова. Для них мир географических объектов, пунктов пространственных перемещений, становится системой духовных ориентаций и каждый момент путешествия – определенным этапом самопознания;

– сюжетно-композиционная организация текста. Событийный и историко-культурный хронотопы образуют внешний и внутренний планы повествования, позволяющие читателю вслед за персонажами совершать мысленный переход из мира реального, в котором «царствуют» герои, подобные Андрейченко, Аверьянову и Дмитриеву, в мир вымышленный, условный, где действуют иные законы – в частности, традиции и каноны древнего мира, представителями которого являются Мальчакитов и его духовный проводник в историю рода – бабушка Катэ.

ЛИТЕРАТУРА

Алимбочка И.В. Хронотоп как структурный компонент художественного образа // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей IV Международной научной конференции молодых ученых, посвященной 80-летию кафедры иностранных языков (7 февраля 2014 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2014. С. 457–462.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 17–167.

Бондарева А.А. Литература скитаний // Октябрь. 2012. № 7. URL: <http://magazis.russ.ru/october/2012/7/bo18.htm/> (дата обращения: 30.05.2022).

Ермаков О.Н. Песнь тунгуса: роман. М.: Время, 2017. 208 с.

Обрядовая поэзия и песни эвенков / сост. Г.И. Варламова, Ю.И. Шейкин. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2014. 487 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 32.)

Печерская Т.И. Русский травелог XVIII – начала XX вв: к постановке проблемы // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2016. С. 9–20.

Тороп П.Х. Хронотоп // Словарь терминологии тартуско-московской семиотической школы / сост. Я. Левченко. URL: <http://diction.chat.ru/xronotop.html> (дата обращения: 06.02.2022).

V.V. Suchov
Postgraduate Student,
Department of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The Structure and Functions of the Chronotope in Oleg Ermakov's Travelogue Novel «The Song of Tungus»

The subject of the study in the article is the chronotope and the features of its functioning in Oleg Ermakov's travelogue novel «The Song of Tungus» (2017). The purpose of the study is to identify and classify the types of chronotopes characteristic of the author's work, to show their structure and role in the representation of the author's picture of the world. Oleg Ermakov's travelogue is based on the opposition of the event and historical and cultural chronotope associated with the ancient traditions and rituals of the Evenks. At the event level, the novel «Song of Tungus» represents two parallel developing storylines: the wanderings of a hereditary Evenk, later a «fugitive criminal», Mishka Malchakitov and the story of a young forester Oleg Shustov, who escaped from the army and the world of civilization to the edge of pristine nature. However, the historical and cultural chronotope is above the event chronotope, which is based on the idea of finding a homeland-paradise and its true purpose. It is he who represents the spiritual journey of the hero. Oleg Ermakov's novel is polyphonic. Different types of characters are shown here, and many of them have their own journey, their own path to the cherished goal, either inscribed in the mythopoetic tradition, or existing separately from it. For example, Dmitriev's goal – to become the director of the reserve – is fundamentally different from the goal of Shustov and similar young ascetics who seek to create a model of an ideal reserve. This line is especially vividly demonstrated in the third part of the novel, where the author renounces monosubjectivity and a «chorus of voices» sounds.

Key words: *travelogue; chronotope; space-time continuum; plot-compositional construction of the text; subject mode; time mode; spatial mode.*

REFERENCES

Alimbochka I.V. Chronotope as a Structural Component of an Artistic Image [Hronotop kak strukturnyj komponent hudozhestvennogo obraza]. Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka: sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh, posvyashchennoj 80-letnemu yubileyu kafedry inostrannyh yazykov (7 fevralya 2014 g.). Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2014, pp. 457–462 (in Russian).

Bahtin M.M. Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics [Formy vremeni i hronotopa v romane. Oчерki po istoricheskoy poetike]. Bahtin M.M. Questions of Literature and Aesthetics [Voprosy literatury i estetiki]. Moscow, 1975, pp. 17–167 (in Russian).

Ermakov O.N. Song of the Tungus: a Novel [Pesn' tungusa: roman]. Moscow, Vremya, 2017. Hudozhestvennoe elektronnoe izdanie. 208 p. (in Russian).

Ritual Poetry and Songs of the Evenks. [Obryadovaya poeziya i pesni evenkov]. Compilers: Varlamova G.I., Shejkin J.I. Vol. 32. Novosibirsk, Akademicheskoe izdatel'stvo «Geo», 2014, 487 p. (in Russian).

Pecherskaya T.I. The Russian Travelogue of the XVIII – early XX Centuries: to the Formulation of the Problem [Russkij travelog XVIII – nachala XX vv.: k postanovke problem]. Russian Travelogue of the XVIII–XX Centuries: Routes, Toposes, Genres and Narratives: a Collective Monograph [Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy: kollektivnaya monografiya]. Novosibirsk, Novosibirskij gos. ped. un-t, 2016, pp. 9–20 (in Russian).

Bondareva A.A. The Literature of Wanderings [Literatura skitanij]. *Oktyabr'*, 2012, no. 7. Available at: <http://magazis.russ.ru/october/2012/7/bo18.htm> (accessed 30 May 2022) (in Russian).

Torop P.H. Chronotope [Hronotop]. Dictionary of Terminology of the Tartu-Moscow Semiotic School [Slovar' terminologii tartusko-moskovskoj semioticheskoj shkoly]. Available at: <http://diction.chat.ru/xronotop.html> (accessed February 06.2014) (in Russian).

Е.А. Балашова, А.В. Майорова

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Калуга, Россия*

УДК 82

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-46-54

ЯБЛОКО КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ИЗОБРАЖЕНИЯ (к вопросу об изучении явления в поэтической речи)

Ключевые слова: *русская лирика; русская поэзия XX века; Глеб Семенов; Елена Касьян; Вера Полозкова; яблоко; интерпретация стихотворного текста.*

В статье яблоко выступает как семиотический код, заключающий в себе значимые культурные смыслы, говорящие о всемирном тяготении: библейская история Адамы и Евы перекликается с историей ньютоновского открытия. На конкретных текстах поэтов XX–XXI веков в историко-культурной динамике (Г. Семенов, Е. Касьян, В. Полозкова) исследуется взаимодействие образа яблока с такими уровнями произведения, как символическая система, образ героя. Инвариантное присутствие яблока в жизни людей решается индивидуально в каждом из поэтических свидетельств. Диалогические отношения, в которые втягиваются человек и яблоко, нельзя игнорировать: каждый из поэтов изображает их с особого ракурса. Благодаря сравнительно-типологическому методу стало возможным выявить общие и вариативные свойства образа.

Что касается степени разработанности данного образа в русской словесности, то здесь необходимо отметить весьма широкий спектр вопросов, связанных с отношением героя к яблоку, подвергаемым поэтическому – не научному анализу. Прямо или косвенно, серьезно или иронично образ яблока больше и чаще интерпретируется поэтами, но не литературоведами.

Актуальность работы обусловлена тем, что, во-первых, ее тема находится на пересечении весьма обширных культурных сфер, разрабатываемых в данное время современной гуманитаристикой. Во-вторых, данное исследование непосредственно связано с такой теоретической проблемой, как неоднозначный подход к выделению в поэтическом тексте лирического субъекта и объекта.

Методология исследования основывается на классических трудах отечественных ученых, посвященных имманентному анализу стихотворного текста.

В стихотворении «К яблоку» Глеб Семенов создает восхваление яблоку с самого начала, с восклицательной частицы «о». Здесь яблоко можно рассматривать как самостоятельный элемент композиции, исходя из названия – стихотворение оформлено как послание:

О яблоко с кружочком тени,
веселый сгусток сентября!
Двух самых высших тяготений
мир не узнал бы без тебя.

А вот любимая забыла,
она в слезах, я сам не свой.
Напомни ей, как это было, –
сорвись, сорвать себя позволь.

И, если перестанет плакать,
самозабвенно подари:
ей – ослепительную мякоть,
мне – тайну зернышек внутри.

[Семенов, 2004, 239]

Уже из первой строфы становится понятна особая ценность яблока, которое из обычного предмета (пусть и с метафорическим отягощением «сгусток сентября») превращается в предмет с символической нагрузкой. Образ яблока мало индивидуализирован, но емко – сразу становится ясно, какие культурологические параллели проводит автор, упоминая два «высших тяготения». Первое – это муже-женские отношения, тяготение полов, отсылающее к библейской истории. Второе – яблоко Ньютона, доказывающее земное, гравитационное тяготение. Метафорическое и физическое тяготение – два основополагающих закона жизни. И не случайно открытие Ньютона называют всемирным тяготением: оно, как и зарождающаяся в раю любовь, тоже ведет к притяжению всех тел вселенной друг к другу. Кстати, новую жизнь ньютонову яблоку дали и другие поэты: Владимир Солоухин [Солоухин, б.д.], Павел Антокольский [Антокольский, б.д.], иронично Марк Львовский [Львовский, б.д.], однако никто из них не связал два тяготения в одно. Семантическое наполнение образа яблока ведет нас к важнейшему пониманию устройства вселенной в художественном мире Г. Семенова: и история Адама и Евы, и история физика XVII века – это каждый раз по-своему первый день творения: новые люди, новые формулы...

Вторая строфа связывается с первой при помощи слов: «Сорвись, сорвать себя позволь». Два императива (о функциях императива подробнее см.: [Гузь, Федорова, 2021, 30]) утверждают самостоятельную «роль» яблока в жизни: оно действует и активно взаимодействует с лирическим героем в его конфликте с героиней. В нарочито разговорной форме, как бы без начала строки, без связи с предыдущим текстом («А вот любимая забыла...») делается переход к упоминанию важнейших законов тяготения. Яблоко стало катализатором конфликтной ситуации (она в слезах, я сам не свой) и даже свидетелем разногласий, к которому говорящий обращается за помощью.

Но «конфликт» третьей строфы суровее, трагичнее, чем конфликт между героями. Яблоко становится индикатором отношений, складывающихся между мужчиной и женщиной на протяжении всей истории человечества. Шире – оно позволяет постичь то самое тварное начало, о котором говорилось в первой строфе. Яблоко способно отразить понимание уклада жизни в целом: «ей – ослепительную мякоть, мне – тайну зернышек внутри». Ей – внешнее, зримое, наносное, меняющееся. Ему – внутреннее, скрытое, вечное, неизменное. Начиная издалека, автор делится своим пониманием сути мужского и женского. Творческое начало, все, что дает жизнь (зерна), поэт связывает с мужчиной.

В другом стихотворении Глеба Семенова – «Зрелость» – яблоко уже не будет самостоятельным объектом изображения:

Вот и август, и ночи хоть выколи глаз.
Только звездные ливни день ото дня злее.
На ненужных губах тишина запеклась.
Я один; наливаюсь молчаньем и зрею.

Я один; посредине вселенной стою,
сопричастно цветам, и деревьям, и звездам,
бессловесную душу уверив свою,
что как будто для этого только и создан.

А дозрею – сорвусь ли желанной звездой
или яблоком с трепетной ветки свиданья –
и меня словно не было... Воздух густой,
августовская полночь, восторг мирозданья.
[Семенов, 2004, 238]

Теперь герой сам становится яблоком, превращаясь из объекта изображения в субъект (подробнее о субъекте в лирическом тексте см.: [Балашова, Каргашин, 2021]). О родственных, реляционных связях между концепцией жизни лирического героя и яблока говорится в третьей строфе, в которой есть сравнение «сорвусь звездой или яблоком», но только яблоко может «наливаться», «зреть» (первая строфа) и быть сопричастным «цветам и деревьям» (вторая строфа). Здесь яблоко нельзя исследовать в отрыве от других структур текста: дозревшее яблоко – это август, конец лета, переходное состояние, которое в человеческом мире сродни зрелости и переходу к

старости. Анафора «я один» доказывает не только одиночество героя, но и его избранность: он наедине со вселенной. Но, даже находясь один на один с мирозданием, человек не знает покоя: он все задает и задает себе вечные, последние вопросы. Эта сопричастность всему живому помогает пройти путь любого явления окружающего мира: путь упавшей звезды или яблока. Устойчиво называя приметы яблока, автор готовится стать не упавшим – сорвавшимся. В контексте высокой лексики и судьба одинокого поэта. «На ненужных губах тишина запеклась» – это не только об отсутствии любимой, собеседника, но и о концентрации внутренних сил, затишье перед молчанием смерти. Зрелая душа становится бессловесной, усмиряясь, лишаясь самости, вписываясь в природный мир. Так яблоко встроилось в целостность, единство мира. Основная роль и смысловая его нагрузка – передача чувств персонажа. Но яблоко здесь не создает эмоциональную атмосферу, оно по-своему отражает подведение итогов жизни. Значим не столько образ яблока, сколько его моделирующая роль в создании особой реальности – внутреннего портрета поэта. Уходит человеческое время, заканчивается поэтическая жизнь – так созревшее яблоко выстраивает модель взаимосвязанных явлений, манифестирует конец любого пути.

Функция яблока тесно связана с персонажной сферой и в стихотворении «Яблоко» Е. Касьян: художественный мир лирической героини обусловлен явлениями окружающего мира, сравним с яблоком. Согласно Чудакову, «при анализе изображенного мира никак не обойтись без исследования характера предметного видения писателя» [Чудаков, 1986, 262]. Часть свойств яблока переносится на свойства характера:

Август еще обещает немного тепла,
Лампа ворует у ночи кусочек стола,
Ветка стучится в окно, за окном темнота.
Выглянешь – улица та, и как будто не та.
Думаешь, кончилось лето – такая печаль...
Лета не жаль, а себя прошлогоднего жаль.
Птица все падает вверх, только яблоко вниз,
Будет похоже на смерть, а окажется жизнь.
Будет похоже на явь, а окажется сон,
Кто не умеет проснуться, к утру обречен.
Это такая игра, но без правил, вообще.
Что мы за люди, не видим понятных вещей...
Я тебе яблоко, я тебе радость и боль,
Я тебе музыка, я тебе страх и любовь.
Видишь, внутри у меня осыпается сад,
Время проходит на ощупь, насквозь, наугад.
Яблоко снова и снова срывается влет,
Птица парит и попутного ветра не ждет.
Все повторяется, все прорастает опять –
Нет ничего постоянного, нам ли не знать.

Нам ли не видеть, какие вокруг миражи.
 Что мы за люди, никак не научимся жить...
 Лето созреет к утру, словно липовый мед,
 Сердце нальется, как яблоко, и упадет.
 [Касьян, б.д.]

С первой строфы стихотворения ощущается некоторое внутреннее противоречие, обусловленное видением окружающей действительности. Природные явления становятся тесно связаны с художественной концепцией автора. Смена времен года сродни смене внутреннего состояния, когда привычные вещи кажутся совсем не теми («улица та и как будто не та»).

Во второй строфе стихотворения впервые появляется образ яблока, который становится на перепутье двух направлений: жизнь и смерть. Падение яблока, с одной стороны, уход, исчезновение живого, но с другой – проявление закона всемирного тяготения, без которого этого живого не существовало бы. Только птица не подчинилась этому закону: «все падает вверх». Антонимы вверх / вниз связаны с падением. Падение птицы вверх – противодействие силе гравитации, противостоять которой может только *живая* птица. Падение яблока вниз – подчинение закону гравитации, благодаря которому возможна *жизнь*. Поэтому и появляется строка «будет похоже на смерть, а окажется жизнь».

В контексте стихотворения осень приносит природе увядание, временную смерть. Но данный процесс всего лишь «сон», который через какое-то время закончится. Сон – это тоже временная смерть. Цикличность жизни и внутреннее состояние сливаются в единое понимание человеком законов природы, где на внутренние и внешние процессы оказывается похожее воздействие. Лирический субъект ставит в один ряд физические и духовные понятия, и снова возникает яблоко. Оно, как сгусток жизни, включает в себя все названное далее: радость, боль, музыку, страх, любовь. Но как материальный мир ставится в один ряд с духовным, так и внутри духовного происходят процессы материального мира («внутри у меня осыпается сад»). Увядание природы служит катализатором увядания души, в процессе которого теряется чувство времени. Как в стихотворении время идет «на ощупь, насквозь, наугад», так и в жизни: в детстве мы лишь немного прощупываем жизнь, в зрелости она мчится с невероятной скоростью, словно проходя сквозь нас, а в старости мы будто «наугад» доживаем свои дни, не зная, когда наступит последний.

Пятая строфа стихотворения – своеобразный ответ на вторую строфу. Здесь описаны те же самые явления, но происходит некоторая смена настроения. Наблюдается понимание всех внешних и внутренних процессов. Яблоко уже не падает, оно «срывается», то есть выполняет действие осознанно и самостоятельно, как и птица, которая «парит», не ожидая помощи попутного ветра. Так и человек словно приходит к осознанию самости, пониманию, что, несмотря на увядание как природы, так и души, «все прорастает опять».

В последней строфе стихотворения понимание цикличности жизни выходит на новый уровень. Как, очнувшись ото сна, природа снова обновится, созреет, словно яблоко, так и человек, «налившись» (полностью созреет), умрет, так как «нет ничего постоянного».

В некоторых стихотворениях образ яблока может являться инструментом воздействия на умы людей. Так, в стихотворении Веры Полозковой «Яблоко» упоминание его как чего-то неискusstvenного, природного заставляет задуматься о жизни, освободиться от повседневных оков:

попробуй съесть хоть одно яблоко
без вот этого своего вздоха
о современном обществе, больном наглухо,
о себе, у которого все так плохо;
не думая, с этого ли ракурса
вы бы с ним выгоднее смотрелись,
не решая, все ли тебе в нем нравится –
оно прелесть.
побудь с яблоком, с его зернами,
жемчужной мякотью, алым боком, –
а не дискутируя с иллюзорными
оппонентами о глубоком.
ну, как тебе естся? что тебе чувствуется?
как проходит минута твоей свободы?
как тебе прямое, без доли искусственности,
высказывание природы?
здорово тут, да? продравшись через преграды все,
видишь, сколько теряешь, живя в уме лишь.
да и какой тебе может даваться любви и радости,
когда ты и яблока не умеешь.

[Полозкова, б.д.]

Яблоко теперь предлагается как некий помощник, позволяющий осознать, насколько человек «приклеился» к предрассудкам, к своим постоянно негативным мыслям; без «этого своего вздоха» прожить уже не может. Люди становятся «больными наглухо», они не мыслят возможности единения с естественным, природным. Вторая строфа стихотворения отражает главные проблемы больного общества: красивая фотография и такой же человек рядом. Важность чувств и эмоций уходит на второй план, люди верят только в красивую картинку.

Детальное рассмотрение яблока в третьей строфе (зерна, алый бок) позволяет показать, что красота и сама жизнь проявляется в простых вещах. «Побудь с яблоком» – останься наедине с чем-то естественным, соединишься со своим природным началом, начни чувствовать. Вот это метафорическое единение с яблоком является глотком свободы для человека, который привык к иллюзорности. «Живя в уме лишь», человек

перестает чувствовать, он утрачивает способность быть человеком как таковым: любить, радоваться, творить, восхищаться. В последней строке стихотворения автор намеренно прибегает к эллипсису. Присутствует некоторая недосказанность: «когда ты и с яблоком не умеешь». Не умеешь... чего? И здесь у каждого человека может быть свой вариант: любить, чувствовать, освободиться. Вероятно, более подходящим будет слово «жить», поскольку люди порой забывают это делать, проводя жизнь в оковах своих предрассудков. В данном стихотворении образ яблока несет в себе символ жизни, а вернее, оживления и оздоровления больного общества. Оно как представитель природного начала помогает раскрыть человеческое естество. Следует отметить, что само стихотворение построено как обращение к конкретному человеку, причем в какой-то степени в форме побуждения: попробуй, побудь.

Как видим из приведенных текстов, яблоко интересно не только как объект изображения, но и как семиотический код, заключающий в себе значимые культурные смыслы. Кроме того, яблоко может стать и субъектом поэтического исследования, а это, в свою очередь, меняет подход к выделению объекта и субъекта как формальных составляющих текста.

ЛИТЕРАТУРА

Антокольский П. Ньютон. URL: <https://poemata.ru/poets/antokolskiy-pavel/nyuton/> (дата обращения: 27.01.2019).

Балашова Е.А., Каргашин И.А. Анализ лирического стихотворения. М., 2021.

Гузь Н.А., Федорова В.Г. Имманентный и контекстуальный подходы к художественному тексту в обучении литературе // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2. С. 29–32.

Касьян Е. Яблоко. URL: <https://poemata.ru/poets/kasyan-elena/yabloko/> (дата обращения: 02.01.2020).

Львовский М. Ньютоново яблоко. URL: <https://poemata.ru/poets/lvovskiy-mark/nyutonovo-yabloko/> (дата обращения: 16.01.2022).

Полозкова В. Яблоко. URL: <https://stihi.ru/diary/lavinija/2020-06-01> (дата обращения: 17.06.2022).

Семенов Глеб. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2004. 528 с.

Солоухин В. Яблоко. URL: <https://poemata.ru/poets/solouhin-vladimir/yabloko/> (дата обращения: 17.06.2022).

Чудаков А.П. Предметный мир литературы // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986. 286 с.

E.A. Balashova

*Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Literature,
The Kaluga State University after K.E. Tsiolkovsky
Kaluga, Russia*

A.V. Mayorova

*Student,
The Kaluga State University after K.E. Tsiolkovsky
Kaluga, Russia*

The Apple as an Object and Subject of the Image (on the Question of Studying the Phenomenon in Poetic Speech)

In the article the apple acts as a semiotic code containing significant cultural meanings that speak of universal gravity: the biblical story of Adam and Eve echoes the story of Newtonian discovery. Also, using some specific texts of poets of the XX–XXI centuries in their historical and cultural dynamics (G. Semenov, E. Kasyan, V. Polozkova), the interaction of the image of the apple with such levels of the work as the symbolic system, the image of the hero is investigated. The invariant presence of the apple in people's lives is solved individually in each of the poetic testimonies. The dialogical relations between man and apple are cannot be ignored: each of the poets depicts them from a special angle. Thanks to the comparative typological method, it became possible to identify common and variable properties of the image.

As for the degree of elaboration of this image in Russian literature, it is necessary to note here a very wide range of issues related to the hero's attitude to the apple, which are subjected to poetic – not scientific analysis. Directly or indirectly, seriously or ironically, the image of the apple is interpreted more and more often by poets, but not by literary critics.

The relevance of the work is due to the fact that its topic is at the intersection of very extensive cultural spheres currently being developed by modern humanities. Secondly, this study is directly related to such a theoretical problem as an ambiguous approach to the selection of a lyrical subject and object in a poetic text.

The methodology of the research is based on the classical works of Russian scientists devoted to the immanent analysis of the poetic text.

Key words: Russian poetry of the twentieth century; Gleb Semenov; Elena Kasyan; Vera Polozkova; apple; interpretation of the poetic text.

REFERENCES

Antokol'skiy P. Newton [N'yuton]. URL: <https://poemata.ru/poets/antokolskiy-pavel/nyuton/> (accessed 27 January 2019) (in Russian).

Balashova E.A., Kargashin I.A. Lyric Analysis [Analiz liricheskogo stikhotvoreniya]. Moscow, 2021 (in Russian).

Guz N.A., Fedorova V.G. Immanent and Contextual Approaches to the Literary Text in the Teaching Literature [Immanentnyy i kontekstual'nyy podkhody k khudozhestvennomu tekstu v obuchenii literature]. *World of Science, Culture, Education*, 2021, no. 2, pp. 29–32 (in Russian).

Kas'yan Ye. Apple [Yabloko]. URL: <https://poemata.ru/poets/kasyan-elena/yabloko/> (accessed 02 January 2020) (in Russian).

L'vovskiy M. Newton's Apple [N'yutonovo yabloko]. URL: <https://poemata.ru/poets/lvovskiy-mark/nyutonovo-yabloko/> (accessed 16 January 2022) (in Russian).

Polozkova V. Apple [Yabloko]. URL: <https://stihi.ru/diary/lavinija/2020-06-01> (accessed 17 June 2022) (in Russian).

Semenov Gleb. Poems [Stikhotvoreniya]. St. Petersburg: Akademicheskii proyekt, 2004. 528 p. (in Russian).

Soloukhin V. Apple [Yabloko]. URL: <https://poemata.ru/poets/solouhin-vladimir/yabloko/> (accessed 17 June 2022) (in Russian).

Chudakov A.P. The Subject World of Literature [Predmetnyy mir literatury]. Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya. Moscow, 1986. 286 p. (in Russian).

Е.М. Филатова

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия*

УДК 811.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-54-65

ОБРАЗЫ-ЭТАЛОНЫ РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ, ОПИСЫВАЮЩИХ ПРЕДМЕТНЫЙ МИР

Ключевые слова: устойчивое сравнение; основание сравнения; эталон сравнения; употребление; лингвокультурология.

В статье анализируются особенности системы образов-эталонов русских устойчивых сравнений, характеризующих внешний по отношению к человеку мир. Представлены классификации эталонов по разным основаниям: в зависимости от компонентного состава единиц, с точки зрения их тематической принадлежности, с точки зрения потенциальной сложности эталонов для иностранных учащихся. Образы-эталоны разделены на 35 тематических групп, включающих разделы и подгруппы. Подробно описывается тематическая подгруппа эталонов, которые характеризуют парадоксальные ситуации. Даны семантические модели построения эталонов, относящихся к вариантно-синонимическому ряду фразеологизмов этой группы. Отдельно рассмотрены эталоны, которые могут быть употреблены с разными основаниями сравнения, выделяются самые популярные из них. Эталоны разделены также по структурному признаку, выделены однокомпонентные и многокомпонентные единицы. Приводятся данные анализа примеров функционирования изучаемых эталонов в тексте, а также результаты анкетирования, целью которого было выявление наиболее употребительных и актуальных для носителей языка эталонов сравнения. Результаты исследования могут быть использованы при составлении учебного лингвокультурологического словаря или

стратифицированного пособия, а также на практических занятиях по русскому языку как иностранному.

Фразеологизмы составляют значительный пласт любого национального языка, а также обладают яркой образностью, экспрессивностью и национально-культурной спецификой. Во фразеологическом фонде русского языка зашифрованы сведения о способе мышления, о мировоззрении народа, о его обычаях и традициях. Фразеологические единицы (**далее** – ФЕ) являются одним из важнейших инструментов речевого воздействия, они активно используются в художественных и публицистических текстах, в устном общении.

Границы фразеологии в разных работах определяются по-разному, в частности, остается дискуссионным вопрос о включении в число фразеологизмов устойчивых сравнений (**далее** – УС). В нашем исследовании мы вслед за В.М. Огольцевым, В.М. Мокиенко, Л.А. Лебедевой и другими учеными понимаем УС как часть фразеологического фонда. Как справедливо отмечает В.М. Мокиенко, для УС характерна «добавочность смысла»: лаконичное и емкое выражение заменяет развернутое описание благодаря яркости и экспрессивности. Способность точно и ясно охарактеризовать объект, используя при этом минимум языковых средств, – отличительная черта фразеологизма [Мокиенко, 2016, 37].

УС обладают рядом характерных черт, отличающих их от индивидуально-авторских сравнений: 1) постоянство грамматического состава; 2) повторяемость; 3) устойчивость смысла благодаря эталонизации компонента; 4) построение согласно одной модели; 5) способность преобразования как в слово, так и в предложение (имплицитность / эксплицитность); 6) экспрессивность; 7) образность [Лебедева, 1999].

Л.А. Лебедева выделяет семь грамматических моделей УС, однако в настоящей работе объектом анализа являются только УС, включающие союзное слово *как* (*будто, словно* и т.п.). Мы считаем все три компонента (А + С + m (показатель сравнения) + В) УС облигаторными. Вслед за Л.А. Лебедевой мы полагаем, что, несмотря на то что в некоторых случаях компоненты А (субъект сравнения) и С (основание сравнения) могут быть не выражены эксплицитно, они всегда присутствуют в языковом сознании носителя. Из этого следует, что компонент В (эталон сравнения) не является самодостаточным и требует присутствия других элементов.

Цель настоящей статьи – установление семантических, грамматических и функциональных особенностей эталонов УС, описывающих предметный мир. Для достижения поставленной цели мы предполагаем решение следующих **задач**:

- 1) определить виды образов-эталонов с точки зрения компонентного состава;
- 2) представить тематическую классификацию рассматриваемых образов-эталонов;

3) детально проанализировать группу образов-эталонов с общим значением «парадоксальная ситуация».

Опираясь на дефиниции термина «эталон» В.Н. Телии [Телия, 1996, 241] и В.А. Масловой [Маслова, 2004, 63–64], мы попытались сформулировать собственное определение: эталон – это уподобление свойств человека или предмета некоему типичному примеру, который с точки зрения национально-культурного опыта обладает этим свойством в полной мере.

Методом сплошной выборки УС из специализированных словарей русского языка [Огольцев, 2001; Мокиенко, 2003; 2008; Лебедева, 2003] была отобрана 771 единица, описывающая предметный мир вокруг человека. Указанные лексикографические источники включают как устойчивые, так и индивидуально-авторские сравнения, однако объектом анализа в данной статье служат только эталоны устойчивых единиц. Также для анализа были использованы контексты из «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) и результаты проведенного опроса.

В зависимости от компонентного состава мы выделяем два типа эталонов: однокомпонентные и многокомпонентные. В таких УС, как *белый как мел*, *твердый как камень*, *шероховатый как рашпиль* и др., эталоны являются однокомпонентными, то есть включающими один главный элемент: *мел*, *камень*, *рашпиль*. В УС *как воды в решете*, *нужен как рыбе зонтик* и др. эталон выражен несколькими элементами (двумя и больше). Такие единицы мы считаем многокомпонентными. Обратим внимание на разницу между многокомпонентными эталонами и эталонами с расширением. Ср. УС: *блестеть (сиять, сверкать, гореть) как [яркая] звезда* и *как из собачьего хвоста сито*. В первом случае возможно употребление эталона *звезда* как с определением, так и без него, этот элемент факультативен. Ср.: *ползти как звезда* (о медленном движении чего-либо). Во втором УС употребление всех компонентов эталона обязательно, ни один не может быть опущен. Это пример многокомпонентного эталона сравнения, в котором все элементы облигаторны.

В некоторых случаях эталон сопровождается определением, которое невозможно опустить, например: *потеряться (затеряться) как маковое зернышко; как в помойной яме; как на постоялом дворе* и др. Несмотря на то, что в эталоне более одного слова, мы считаем такие единицы однокомпонентными. Также к однокомпонентным эталонам мы относим падежные формы слов с предлогами: *жарко как в парнике; тесно как в гробу; тепло как на печке (у печки)* и т.п.

В результате классификации было выявлено 35 тематических групп эталонов УС, внутри которых также выделились разделы и подгруппы. Самыми объемными группами оказались «Хозяйственно-бытовые реалии» (117 единиц): *подвал, колодец, колыбель, люлька, шкаф, лохань, поднос, блюдо, зеркало, шаль, шапка, газета, часы, утюг, мешок, ящик, кошма* и др.; «Материалы» (59 единиц): *дерево, уголь, сажка, камень, кремль, алмаз, кристалл, антрацит, глина, мел, известь, мазут, фарфор, серебро, золото, сталь, чугун* и др.; «Фитонимы»:

мак, пион, шафран, одуванчик, подсолнух, хина, [молодая] трава, мох, соломинка, солома, осока, янтарь, джунгли, лес, орех, свекла, лимон и др.; «Здания, сооружения, строения» (29 единиц): чертог, дворец, терем, церковь, монастырь, колокольня, сарай, курятник, свинарник, конюшня, конура, скворечник, дверца, фундамент, балка и др.; «Природные явления» (26 единиц): [прошлогодний, первый] снег, град, дождь, хлющ, лед, лавина, ураган, вихрь, туман, облако, заря и др.; «Оружие, колюще-режущие предметы» (26 единиц): пуля, порох, бомба, шило, пика, кол, заноза, меч, булава, нож, копье, коса, острие и др.; «Продукты питания» (21 единица): масло, конфетка, сухарь, мука, рафинад, сахар, крупа, вафля, молоко, сыр, творог, желток, шоколад, зефир, лепешка, латша, блин, яичко, леденец. Отметим, что в группу «Фитонимы» мы вслед за Т.А. Трафименковой включали также растения, употребляемые в пищу. Так, эталоны свекла, орех, капуста, апельсин и др. вошли именно в эту группу, подгруппа «Фитонимы, употребляемые в пищу» [Трафименкова, 2011, 220].

Самая многочисленная группа – «Хозяйственно-бытовые реалии» – делится на три раздела: «Помещения и их части, замкнутые пространства» (21 единица): склеп, [тюремная] камера, душегубка, погреб, могила, ледник, подвал, подземелье, колодец, гроб, коридор, парная, парилка, парник, клоповник, берлога, вокзал, помойная яма, (проходной, постоянный) двор, баня, сауна; «Открытые пространства» (2 единицы): цель, площадь; «Предметы быта» (104 единицы). Последний раздел включает 18 подгрупп, самыми большими из которых являются следующие.

1. «Мебель и ее части» (6 единиц): колыбель, люлька, шкаф, диван-кровать, зыбка, ножка стула.

2. «Посуда, емкости, кухонная утварь» (12 единиц): блюдо, хрустальная ваза, поднос, (раскаленная) сковорода, лохань, ведро, бочка, медный (начищенный) самовар, тарелка, кубышка, решето, блюдце.

3. «Ткани и материи» (11 единиц): балдахин, тряпка, полотно, ку-мач, атлас, бархатный, бархат, шелк, шелковый, кошма, кисея.

4. «Предметы обихода, бытовые приспособления» (11 единиц): зеркало, наперсток, ключ, удилице, крючок, шарниры, скатерть, груша, [пудовая (двухпудовая, стопудовая)] гиря, пробка, талисман.

5. «Одежда, элементы одежды, аксессуары» (7 единиц): шапка, шаль, белье, рукав, [воинский] шолом, резиновые помочи; трость, колеблемая ветром.

Как видно из классификации, эталоны УС, описывающих предметный мир вокруг человека, относятся к самым разным тематическим сферам. Согласно результатам анализа данных НКРЯ, самыми частотными являются следующие УС: камень (7 УС), огонь (6 УС), склеп (5 УС), решето (7 УС), игла (4 УС), погреб (4 УС), дом (4 УС).

Отдельно в исследуемом материале была выделена группа «Описание ситуации», в которую вошли 55 единиц, выбранные по формальному признаку: мы относим сюда те эталоны, которые считаем многокомпонентными. Группа разделена на подгруппы: «Парадоксальная ситуация» (13 единиц): *корова седло, кенгуру авоська, петуху тросточка, свинье азбука, свинье колодка, рыбе (рыбке, щучке) зонтик, мертвому припарка, мертвому плавки, богу плавки, пятое колесо в телеге (в карете), слепому зеркало, попу гармонь (гармошка), зайцу барабан*; «Шутливо-ироничная ситуация» (4 единицы): *с оптовой базы, еврей со склада, эскадрон переночевал, из собачьего хвоста сито*; «Статические явления» (21 единица): *циркулем обведенный, часовой на посту, молью изъеденный, будто тут и был, будто там всегда был, на месте застыл, капля в море, дырка в голове, воск от огня* и др.; «Динамические явления» (16 единиц): *ветром сдуло, бурей разметало, бурей унесло, вихрем разметало, вихрем смело, в воздух подняло, в воздухе растаял, в воде растворился, сквозь землю провалился, вода в песок, камень в воду, огнем взяло, пропал с возу упал, бог черепаха, картофель из мешка, бумажки, сдутые ветром*.

Один и тот же эталон может использоваться с разными основаниями сравнения, так как образы, ставшие эталонами, в основном являются архетипическими, а значит, изначально синкретичными, сочетающими в себе целый комплекс черт. Одним из самых популярных оказался эталон *огонь*, который используется для указания на красный цвет предмета, на его высокую температуру, на блеск, на способность предмета к быстрому воспламенению, горению: *красный как огонь; блестеть, сверкать как огонь; горячий как огонь; жечь как огонь; вспыхивать / вспыхнуть как огонь; гореть (быть) как на огне*. Эталон *камень* сопоставляется с такими признаками, как жесткость, твердость, крепость поверхности: *крепок как камень; жесткий, твердый как камень, засохнуть (высохнуть) как камень*. Также этот эталон используется для указания на цвет предмета (*серый как камень*), на его тяжесть (*тяжелый как камень, идти на дно / идти ко дну как камень*), гладкость поверхности (*голый как камень*). Со *склепом*, согласно нашему материалу, часто сравниваются неудобные помещения, причем основания сравнения в УС, включающих эталон *склеп*, могут быть антонимичными, ср.: *душный как склеп и холодно, сыро как в склепе*. Данный эталон сопоставляется с такими признаками, как духота, сырость, затхлость, полная тишина в помещении, промозглость: *глухо как в склепе; дом, барак, столовая и т.п. как [затхлый (могильный)] склеп*. Схожим эталоном является *погреб*, также часто описывающий неудобные по разным причинам помещения: *дуть как из погреба; холодно, сыро как в погребе; сыро (холод / холодно) как в погребе; нести, тянуть, везть [холодом, сыростью] как из погреба*. *Игла* является эталоном острого и колкого предмета, а также маленького предмета, который может легко потеряться или же застрять где-либо: *острый как игла (иголка); колоть как иголками; теряться, потеряться как иголка [в стогу сена (в сене)]; торчать как игла (иголка)*. Часто используются эталоны *дом* и *домик*, в качестве главных выступают признаки «большой» и

«родной»: *большой как дом; стоять как дом; стоять как домик; входить, приходить как (словно) в свой [собственный, родной] дом. Решето* (кухонный предмет для просеивания муки, зерна), требующее отдельного комментария для иностранных учащихся, служит эталоном дырявого, сквозящего, протекающего, а также непрочного или сломанного предмета: *сквозить как решето; худой, дырявый как решето; дырявый, пробитый как решето; дырявый, продырявленный как решето; течь, протекать как решето*. В случае использования одного эталона с разными основаниями одно из оснований, как правило, является ведущим, то есть чаще используется в речи. Например, *склеп* в контекстах НКРЯ чаще всего используется как эталон холодного помещения: *И школа холодна, как склеп...* (Булат Окуджава. Новенький как с иголки (1962)); – *Любовь нечаянно нагрянет, – пел он, провожая гостя в большую, холодную, как склеп, комнату...* (Николай Дежнев. В концертном исполнении (1993)); *Дом был заморожен, как склеп, но по южной стороне уже начинал согреваться* (В.Д. Пришвина. Невидимый град (1962)); *А Ивана Федоровича и Катю она проводила в заброшенный, поросший сверху бурьяном, а внутри холодный, как склеп, погреб* (А.А. Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)); *В нем перевиты чугунные лестницы, запутаны холодные, как склеп, коридоры...* (К.А. Федин. Анна Тимофеевна (1921–1922)); *В танке было темно и холодно, как в склепе...* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Обитаемый остров (1967–1969)). Было найдено только три примера, в которых УС используется для указания на мрачность помещения: *Здесь темно, как в склепе...* (Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950–1951)); *Библиотека учителя Бэлиуну представляла собой огромную комнату, мрачную, как склеп* (Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона / Обретение Энкиду (1997)); *В единственной комнате и на кухне окна были закрыты шторами. Как в склепе. Свет почти не просачивался* (Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)). Только в двух контекстах из встреченных нами в корпусе УС описывает пустое помещение, и только в одном – душное, ср.: *Толкаю дверь и оказываюсь в спальне, где пусто, как в склепе...* (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)); *Все мертво и гулко, как в склепе* (Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)); *И земля, такая обширная и прекрасная, была тесна для людей, как темница, и душа, как склеп* (А.И. Куприн. Гост (1905)).

В роли эталона в нашем материале часто выступают единицы, обладающие ярко выраженной национальной спецификой. Обычно такие эталоны называют бытовые реалии или апеллируют к прецедентным феноменам. Подобные единицы могут требовать комментария не только для иностранцев, но и для русских, так как многие бытовые реалии вышли из употребления и их названия неизвестны современным носителям языка.

Наименования резервуаров, емкостей: *лохань; кубышка; решето*.

Наименование денежных единиц: *блестеть (сверкать / сиять) как червонец (червончик); блестеть, заблестеть как новенький грош; желтый как [золотая (медная)] монета*.

Наименования одежды, элементов одежды, тканей: *портыанка; резиновые помочи; кумач; кошма; кисея; шелом.*

Наименования инструментов, оружия: *серп; рашпиль; турецкий ятаган.*

Наименования строений и их частей, помещений: *изба; чертог; терем; парилка; парная; баня; ледник; клоповник.*

Эталоны, включающие прецедентные феномены, могут быть разделены на две группы: интернациональные прецеденты, то есть прецедентные феномены, известные во всем мире (например, *Колосс Родосский, разделить как бог черепаху; рог изобилия* и др.), и прецеденты, относящиеся именно к русской лингвокультуре (*Снегурочка; избушка на курьих ножках; ворота (в Кремле).*)

Без знания реалий понимание таких УС, как *ледник*, оказывается невозможным. В «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой [Русский семантический словарь, 1998] ледник – это ‘погреб, набитый льдом’. Деревенские жители часто использовали такие помещения для хранения продуктов. Ледник служит эталоном для неуютного и холодного замкнутого пространства.

В качестве эталонов часто используются образы, имеющие особенное значение для русского человека. В русском сознании такие лексемы, как *баня, изба, терем, серп* и т.п., сопровождаются определенными ассоциациями, связанными с историей этих понятий. Как пишет Б.Г. Глозман [Глозман, 2008, 217], слово *изба* в русском языке является одной из основных лексем, репрезентирующих концепт *дом*. Это слово активно используется в составе фразеологизмов и поговорок (ср.: *Изба красна углами, а обед – пирогами; Не для лета изба рубится, а для зимы* и др.). «Серп» – не только наименование острого предмета, но и один из главных символов коммунизма и Советского Союза. Следовательно, мотивированность выбора эталонов часто обусловлена культурным контекстом.

Среди многокомпонентных эталонов УС выделяются семантически близкие группы.

Например, в группе, названной нами «Парадоксальная ситуация», все эталоны описывают ситуацию, которая противоречит здравому смыслу, кажется нелогичной и нелепой: *нужен (нужно) как... корове седло, кенгуру авоська, петуху тросточка, свинье азбука, свинье колодка, рыбе (рыбке, щучке) зонтик, мертвому припарка (припарки), мертвому плавки, богу плавки, пятое колесо в телеге, пятое колесо в карете, слепому зеркало, попу гармонь (гармошка), зайцу барабан, в Петровки [в Петров день] варежки, собаке пятая нога.*

Подобные эталоны часто встречаются в языке, о чем свидетельствует многообразие вариантов. Чжоу Ян в статье «Трудности описания фразеологических сравнений русского и китайского языков со значением нужности / ненужности (лингвокультурологический аспект)» выделяет в группе УС со значением «абсолютной ненужности» 40 единиц. Автор пишет, что для определения синтаксической сочетаемости данных УС нужно ответить на вопросы: «Что

нужно?», «Кому нужно?» Если ответ на второй вопрос всегда один – человеку, то список вариантов ответов на первый практически не ограничен [Чжоу Ян, 2019, 302]. И.В. Кузнецова в работе «Русские устойчивые сравнения с семантикой “совсем не нужен” и “очень нужен”» выделяет 49 УС, включающих эталоны интересующего нас синонимического ряда, однако, как и Чжоу Ян, исследователь приводит в пример как устойчивые, так и народные и индивидуально-авторские сравнения [Кузнецова, 2016, 90–101]. Согласно НКРЯ, самыми популярными из названных эталонов являются следующие: **как корове седло**, например: *Вывод: наличные мужчине без наличия женщины – что корове седло* (Варвара Синицина. Муза и генерал (2002)); *Им ведь братство и равенство нужны как корове седло* (А.И. Алдан-Семенов. Красные и белые (1966–1973)); *– Плевать я хотел на генератор! Нужен он мне, как корове седло* (Даниил Гранин. Искатели (1954)); **как рыбе зонтик**: *– Нужна тебе эта аспирантура, как рыбе зонтик* (Влада Валеева. Скорая помощь (2002)); *Она мне нужна была, как... как рыбе зонтик!* (Вера Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный (2000)); *Но ей-то эта дача точно как рыбе зонтик* (Андрей Волос. Недвижимость (2002)); *– Нужно мне его внимание как рыбке зонтик!* (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)).

УС *нужен как мертвому припарка*, согласно найденным контекстам, используется для указания на бесполезность, а не на ненужность объекта: *Она слышала, как мать говорила отцу про нее и про таблетки: «Не помогают, как мертвому припарка»* (Маша Трауб. Ласточ...ка (2012)); *Пока не убран очаг, все наше лечение – мертвому припарка* (Влада Валеева. Скорая помощь (2002)). На наш взгляд, признаки «ненужность» и «бесполезность» логически связаны, так как первое обусловлено вторым. Однако необходимо обратить внимание инофонов на особенность употреблений данного эталона и УС в целом.

Эталон *пятое колесо в телеге* также употребляется в контекстах в несколько суженном значении. Поясняется причина «ненужности объекта» – он является лишним: *Полпред сколько угодно может хозяйничать в других областях, но в Свердловской области он – пятое колесо в телеге* (Алексей Иванов. Ебург. Новеллы из книги (2014)); *Алеша будет там как пятое колесо в телеге...* (Родион Нахапетов. Влюбленный (1998)) *Как пятое колесо в телеге, они были лишними и ненужными...* (В.М. Чернов. Записки социалиста-революционера (1922)).

Эталон *как [прошлогодний] снег* также указывает на ненужность субъекта сравнения, обусловленную отсутствием интереса к нему: *Ваше мнение меня интересует примерно так же как прошлогодний снег* (Новая тема, которую никто пока не трогает (форум) (2008)); *...школа интересовала меня как прошлогодний снег* (Борис Хазанов. Праматерь (2002)); *«Внешний успех трогает меня, как прошлогодний снег», – сообщает о себе скромнейшая Надежда Яковлевна...* (Л.К. Чуковская. Дом поэта (фрагменты книги) (1972–1976–1980)).

В материалах корпуса был найден только один контекст с УС *нужен (нужно) как попу гармонь: Десятилетний опыт подсказывает, парламентаризм для России – это все равно, что попу гармонь* (Валерий Хайрюзов. *Время – критерий истины* (2001)).

Мы не обнаружили примеров контекстуального употребления оставшихся эталонов группы, что указывает на их низкую употребительность. Как видно из приведенных выше примеров, некоторые из эталонов группы не только указывают на ненужность субъекта сравнения, но и обозначают причину этой ненужности (бесполезность, отсутствие интереса, демонстрация того, что субъект сравнения лишний). УС с эталонами ненужности синонимичны, однако в зависимости от выбора конкретного эталона высказывание может приобрести дополнительные смыслы.

Для подтверждения данных об употребительности УС с эталонами, указывающими на ненужность субъекта сравнения, которые мы получили в результате анализа материалов «Национального корпуса», мы провели опрос 155 носителей русского языка в возрасте от 15 до 70 лет. В анкете мы просили респондентов ответить на вопрос, знают ли они указанное УС и употребляют ли его в речи. Отвечающий мог выбрать один из четырех вариантов: 1) знаю и часто употребляю; 2) знаю, но редко употребляю; 3) знаю, но не употребляю; 4) не знаю. Также в конце анкеты мы просили, если это возможно, привести примеры синонимичных перечисленным УС единиц.

Результаты опроса показали, что самым употребительным УС является *нужен (нужно) как мертвому припарка* (50 человек из 155 указали, что знают и часто употребляют этот фразеологизм, 55 знают, но редко употребляют, 34 знают, но не употребляют, 16 не знают). *Нужен (нужно) как пятое колесо в телеге (в карете)* знают и часто употребляют 27 человек, знают, но редко употребляют 48, знают, но не употребляют 51, не знают 29. На третьем месте УС *нужен (нужно) как корове седло* (знают и часто употребляют 20, знают, но редко употребляют 55, знают, но не употребляют 58, не знают 22). УС *нужен (нужно) как рыбе (рыбке, щучке) зонтик* знают и часто употребляют 13 респондентов, знают, но редко употребляют 16, знают, но не употребляют 56 и не знают 60 человек. Последний результат оказался для нас особенно неожиданным, так как указанный эталон представлялся одним из самых популярных, примеры из корпуса подтверждали эту гипотезу. Однако данные анкеты показывают обратное.

В качестве синонимичных единиц, отсутствующих в нашем материале, анкетированные чаще всего называли *нужен как козе баян* (17 ответов); *нужен как зайцу стоп-сигнал* (8 ответов).

Таким образом, несмотря на обширность синонимического ряда, активно используются носителями языка только четыре единицы. И.В. Кузнецова объединяет в вариантно-синонимические ряды такие УС, как *нужен (нужно) как пятое колесо в карете*, *нужен (нужно) как пятое колесо в телеге*, *нужен (нужно) как пятое колесо до возу*, *как пятая спица в колеснице* и т.п.; *нужен (нужно) как зайцу пятая нога*, *нужен (нужно) как собаке пятая лапа*, *нужен*

(нужно) как собаке пятая нога и т.п. [Кузнецова, 2016, 96]. Семантическая модель приведенных выше синонимических рядов может выглядеть таким образом: 1) наименование лишней части транспорта + наименование транспорта; 2) наименование животного + наименование лишней части тела. Перечисленные ниже эталоны построены в рамках одной семантической модели.

Наименование животного + наименование ненужного ему аксессуара (... *корове седло, кенгуру авоська, петуху тросточка, свинье азбука, свиные колодка, рыбе (рыбке, щучке) зонтик, зайцу барабан*).

Наименование лишней части транспорта + наименование транспорта (*пятое колесо в телеге, пятое колесо в карете*).

Мертвый человек + наименование вещи (*мертвому припарка (припарки), мертвому плавки*).

Примечательно, что именно эталоны, укладываемые в перечисленные модели, оказались самыми популярными и узнаваемыми, согласно нашему опросу и материалам корпуса. Можно сделать вывод о том, что именно эти модели являются самыми устойчивыми.

Итак, анализ образов-эталонов УС, описывающих предметный мир, показал, что такие единицы могут иметь неоднородную грамматическую структуру (ср. однокомпонентные и многокомпонентные эталоны), они разнообразны с точки зрения семантики (о чем свидетельствует многообразие тематических групп), они распространены в художественном и публицистическом дискурсе.

Результаты проведенного анализа могут быть использованы в преподавании русского языка как иностранного, при составлении учебного словаря. Многокомпонентные эталоны, подобные тем, что были включены в группу «Парадоксальная ситуация», представляют особую трудность для иностранных учащихся, так как для их правильной интерпретации необходимо правильное понимание образа ситуации, зафиксированной в эталоне. Также полученные данные могут оказаться полезными в практике перевода, в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

Глозман Б.Г. Фразеологические единицы и пословицы русского языка, репрезентирующие концепт «дом» // Вестник ЮУрГГПУ. 2008. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-edinitsy-i-poslovitsy-russkogo-yazyka-reprezentiruyuschie-kontsept-dom/viewer> (дата обращения: 10.12.2020).

Кузнецова И.В. Русские устойчивые сравнения с семантикой «совсем не нужен» и «очень нужен» // Устойчивые сравнения в системе фразеологии: коллективная монография. СПб. – Грайфсвальд, 2016. С. 90–101.

Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. Краснодар: КГУ, 2003. 568 с.

Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1999. 196 с.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. М.: Тетра Системс, 2004. 256 с.

Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 608 с.

Мокиенко В.М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии // Устойчивые сравнения в системе фразеологии: коллективная монография. СПб. – Грайфсвальд, 2016. С. 37–49.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 799 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 13.03.2020).

Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: Русские словари, 2001. 798 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Графименкова Т.А. Фразеологизмы и устойчивые сравнения с компонентом-фитонимом как средство аксиологической характеристики человека // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 2(14). С. 218–227.

Чжоу Ян. Трудности описания фразеологических сравнений русского и китайского языков со значением нужности / ненужности (лингвокультурологический аспект) // Успехи гуманитарных наук. 2019. № 4. С. 301–304.

Юй Фэнин. Устойчивые сравнения, характеризующие лицо человека, в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 255 с.

E.M. Filatova

Assistant,

Department of Intensive Teaching of Russian as a Foreign Language,

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

Imagine Standards of Russian Comparisons Describing the World of Objects

The article analyzes the features of the system of image standards of Russian stable comparisons that characterize objects which surround people. The classification of standards considers different criteria: the component composition of units, their thematic belonging, their potential complexity for foreign students. Image standards are divided into 35 thematic groups, which include sections and sub-groups. The thematic subgroup of standards describing paradoxical situations is described in detail. Semantic models for the construction of standards related to the variant-synomistic series of phraseological units of this group are given. The standards that can be used with different bases of comparison are considered separately, the most popular of them are highlighted. The standards are also divided by structural features, single-component and multi-component units are singled out. The data of the analysis of the units functioning in context are presented. Also the experiment results, the purpose of which was to identify the most common and relevant standards of comparison for native speakers are given.

The results of the study can be used in the preparation of an educational linguoculturological dictionary or a stratified manual, as well as in practical classes in Russian as a foreign language.

Key words: *set comparison; basis of comparison; standard of comparison; usage; linguoculture.*

REFERENCES

Glozman B.G. Phraseological Units and Proverbs of the Russian Language, Representing the Concept of «House» [Phrazeologicheskie edinicy i poslovice russkogo yazika, reprezentiruushiyе concept «dom»]. *Bulletin of the YuUrGGPU*, 2008, no. 11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-edinitsy-i-poslovitsy-russkogo-yazyka-reprezentiruyushchie-kontsept-dom/viewer> (accessed: December 10, 2022) (in Russian).

Kuznetsova I.V. Russian Stable Comparisons with the Semantics «not Needed at all» and «very Needed» [Russkiye ustoyshiviye sravneniya s semantikoi «sovsem ne nuzhen» i «ochen nuzhen»]. *Stable Comparisons in the System of Phraseology*. Collective monograph. St. Petersburg – Greifswald, 2016, pp. 90–101 (in Russian).

Lebedeva L.A. *Stable Comparisons of the Russian Language: A Short Thematic Dictionary [Ustoyshiviye sravneniya russkogo yazika: kratkiy tematicheskiy slovar]*. Krasnodar, KSU, 2003. 568 p. (in Russian).

Lebedeva L.A. *Stable Comparisons of the Russian Language in Phraseology and Phraseography: Thesis on Philological Sciences [Ustoyshiviye sravneniya russkogo yazika vo phrazeologii i phrazeografii: dis. ... kand. philol. nauk]*. Krasnodar, KSU, 1999. 196 p. (in Russian).

Maslova V.A. *Cognitive linguistics [Kognitivnaya lingvistika: ucheb. posobie]*. M., Tetra Systems, 2004. 256 p. (in Russian).

Mokienko V.M. *Dictionary of Comparisons of the Russian Language. [Slovar sravneniy russkogo yazika]*. St. Petersburg, Norint, 2003. 608 p. (in Russian).

Mokienko V.M. *Stable Comparisons in the System of Phraseology [Ustoyshiviye sravneniya v sisteme phrazeologii]*. *Stable Comparisons in the System of Phraseology*. Collective monograph. St. Petersburg – Greifswald, 2016. 37 p. (in Russian).

Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Big Dictionary of Folk Comparisons. [Bolshoy slovar narodnih sravneniy]*. M.: CJSC «OLMA Media Group», 2008. 799 p. (in Russian).

National Corpus of the Russian Language. [Nacionalniy korpus russkogo yazika]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (accessed: March 13, 2020).

Ogoltsev V.M. *Dictionary of Stable Comparisons of the Russian Language. [Slovar ustoyshivih sravneniy russkogo yazika]*. M., Russian dictionaries, 2001. 798 p. (in Russian).

Russian Semantic Dictionary. *Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings [Russkiy semanticheskiy slovar. Tolkoviy slovar, sistematizirovanniy po klassam slov i znasheniy]*. Russian Academy of Sciences. In-t rus. lang. them. V.V. Vinogradova; Under the general editorship. N.Yu. Shvedova. M., Azbukovnik, 1998 (in Russian).

Teliya V.N. *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguoculturological Aspects. [Russkaya phrazeologia. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i linguokulturologicheskii aspekti]*. M., School «Languages of Russian Culture», 1996. 288 p. (in Russian).

Trafimenkova T.A. *Phraseologisms and Stable Comparisons with a Phytonym Component as a Means of Axiological Characteristics of a Person [Phrazeologismi i ustoyshiviye sravneniya s komponentom-fitonimom kak sredstvo aksiologicheskoy harakteristiki cheloveka]*. *News of the Smolensk State University*, 2011, no. 2(14), pp. 218–227 (in Russian).

Zhou Yang. *Difficulties in Describing Phraseological Comparisons of the Russian and Chinese Languages with the Meaning of Being Needed / Unnecessary (linguoculturological aspect) [Trudnosti opisania phrazeologicheskikh sravneniy russkogo i kitayskogo yazikov so znasheniem nuzhnosti/nenuzhnosti (linguokulturologicheskii aspekt)]*. *Advances in the Humanities*, 2019, no. 4, pp. 301–304 (in Russian).

Yu Fenin. *Stable Comparisons Characterizing a Person's Face in the Russian Language Picture of the World (against the Background of the Chinese Language). Thesis on Philological Sciences*. St. Petersburg. [Ustoyshiviye sravneniya, harakterizuyushiyе lico sheloveka, v russkoi yazikovoi kartine mira: dis. ... kand. philol. nauk]. St. Petersburg State University, 2016. 255 p. (in Russian).

Н.А. Максимчук

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'282

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-66-80

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: *региональная лингвистика; регион; региолект; региональная картина мира; региональная языковая личность; полевая структура; общеобязательное знание; региональное знание; корреляционные отношения.*

В статье обсуждаются проблемы терминологии развивающегося в рамках современного гуманитарного знания научного направления – региональной лингвистики. Интегративный характер региональной лингвистики – ее взаимосвязь с географией, историей, этнографией, диалектологией, социолингвистикой и др. – не только формирует специфику данной дисциплины, многообразие терминологических номинаций ее ключевых понятий и их трактовок, но и обуславливает многовекторность подходов к решению ее основных задач. В рамках предлагаемого подхода на основе анализа объема понятия «регион», рассматриваемого как полевая структура, уточняются внешние границы производных терминологических номинаций – региолект, региональная картина мира и региональная языковая личность. Последние, в свою очередь, характеризуются на фоне универсальных понятий «картина мира» и «языковая личность». Определяется специфика корреляционных отношений между понятиями «региональная языковая личность» и «региональная картина мира». Характеризуется роль и место регионального знания в структуре региональной языковой личности.

Возросший в последние десятилетия интерес лингвистов, и не только, к региональным исследованиям, к региональному уровню языковой картины мира, региональной языковой личности органично вписывается в исследовательскую парадигму современных лингвистических изысканий, опирающихся на антропоцентрический подход к описанию языкового материала. Формируется новое научное направление – *региональная лингвистика (регионалистика)*, целью которой заявляется всестороннее изучение *региолекта* и связанных с ним понятий, прежде всего *региональной картины мира* и *региональной языковой личности* [Герд, 1998; Беликов, Крысин, 2001; Загряжская, 2006; Климкова, 2007; Мишанкина, 2014; Маслова, 2015; Брысина, 2020 и др.].

Региональная лингвистика, будучи молодой дисциплиной, обладает всеми качествами, свойственными периоду становления нового научного

направления, что проявляется как на уровне формирования терминологического аппарата (в неизбежной для начального этапа терминологической избыточности), так и на уровне многообразия подходов к определению понятийного содержания, вкладываемого авторами в используемые термины. Представление о масштабах терминотворчества в данной сфере, отражающего направления исследовательских поисков, может дать даже далеко не полный перечень предлагаемых терминологических обозначений объекта и предмета региональной лингвистики: *региолект*, *региональный язык*, *региональный вариант русского языка*, *региональный вариант литературного языка*, *территориальная / локальная разновидность литературного языка*, *полудиалект*, *регионализм*, *регионим*, *провинциализм*, *локализм* и др. Рассмотрим ключевые термины региональной лингвистики – *региолект*, *региональная картина мира*, *региональная языковая личность* – с точки зрения объема их содержания и структуры, а также взаимосвязей и взаимоотношений.

Поскольку в основе большинства приведенных терминов присутствует семантика территориальности, отсылающая к производящему термину *регион*, несложно заключить, что понимание его содержания так или иначе проецируется на его производные, предопределяя в той или иной степени особенности трактовки других понятий региональной лингвистики.

Регион – региональная лингвистика. При относительно ясной внутренней форме слов *регион*, *региональный* (от лат. *regionalis* – *местный, областной*) именно она в то же время является одним из внешних источников вариативности дефиниций этих терминов и их производных, поскольку интегральная для членов соответствующей лексико-семантической группы сема *территория* позволяет использовать номинацию *регион* для обозначения немалого количества различных территориальных объединений. Об этом, в частности, свидетельствуют словарные определения в различных авторитетных источниках. Приведем некоторые примеры, дающие представление о диапазоне различий в трактовке объема понятия *регион*: а) «*Большая область* (здесь и далее курсив наш. – Н. М.), *группа* соседствующих *стран* или территории, *районы*, объединенные по каким-нибудь общим признакам» [Ожегов, 2012]; б) «1. *Область, район; часть страны*, отличающаяся от других областей совокупностью... особенностей... 2. *Группа* близлежащих *стран*, представляющая собой отдельный *экономико-географ.* или *близкий по нац. составу и культуре, однотипный по обществ.-полит. устройству район мира*» [Энциклопедия социологии, 2009]; в) «*Обширный район*, соответствующий *нескольким областям страны* или *нескольким странам*, объединенным *экономико-географическими* и другими *особенностями*» [Словарь русского языка, 1983]; г) «1) то же, что *район* (в 1-м значении); 2) *территория (акватория)*, часто очень *значительная по своим размерам*, не обязательно являющаяся *таксономической единицей* в какой-

либо системе территориального членения (напр., Сибирский регион); 3) *регион природный*» [Большой энциклопедический словарь, 1991]; д) «1) отдельный экономико-географический или близкий по национальному составу и культуре, или выделяемый по определенным военно-стратегическим соображениям район мира (отдельно взятого государства); 2) часть территории РФ...» [Словарь терминов МЧС, 2010].

В официальной государственно-административной терминологии под *регионом* понимается «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов... Российской Федерации» [Указ Президента РФ, 2012].

Характеристика синонимической ценности слова *регион* в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой представлена следующим синонимическим рядом: *регион* – левант, место, территория, субрегион, магриб, край, земля, район, местность [Александрова, 2011]. Исключив из ряда излишние в нашем случае экзотизмы, увидим, что практически все его члены (идеографические синонимы) фигурируют в приведенных определениях и/или описаниях региона, обуславливая своим объемом и типом многие характеристики последнего и объясняя отсутствие единства в понимании границ смежных понятий, которые (в рамках линейных отношений *производное – производящее*) должны совпадать с границами так или иначе понимаемого региона. Присутствие же в этом синонимическом ряду слов *край, земля, местность* максимально расширяет возможность использовать понятие *регион* по отношению к любым территориальным объектам.

Таким образом, использование термина *регион* в качестве производящей базы для обозначения наименования новой лингвистической дисциплины – *региональная лингвистика* изначально закладывает возможность многовекторности при определении объекта региональных исследований. Однако присутствующая в понятии *регион* семантика ограниченности требует, чтобы в каждом конкретном случае его границы как территории распространения *региолекта*, существования *региональной картины мира*, функционирования *региональной языковой личности* были обозначены в конкретных координатах. Следовательно, начальным этапом любого регионального исследования должно быть определение его границ. Вопрос заключается в том, на основании какого принципа, какими способами и средствами эти границы обозначаются, использование каких исследовательских методов может обеспечить достоверность, объективность и полноту получаемых результатов.

Регион – региолект – диалект. В приведенных выше определениях региона в числе его квалификационных признаков указывается масштаб (размер, площадь) территории, однородность / неоднородность ее этнического состава, место в административно-территориальном устройстве и др., но в ряду этих

признаков практически отсутствует указание на языковые признаки (если не считать косвенной отсылкой к языковой сфере упоминание «национально-культурных и иных условий», однородности / неоднородности ее этнического состава). Этот факт можно рассматривать как свидетельство новизны региональной лингвистики, обращенной именно к языковым характеристикам региона как ареала существования конкретного региолекта.

Изучение региолекта может привязываться к административно-территориальным границам избранного региона (ср.: региолект – «особый словарь региона, понимаемого как административная территориальная единица» [Кошарная, 2017, 18]) или основываться на других подходах.

Вопрос о границах *региолекта* изначально рассматривается в его соотношении с диалектом, поскольку выделение обоих формирований опирается на территориальный признак [Климкова, 2007 и др.]. Однако, как отмечает А.С. Герд, региолект охватывает большую территорию в сравнении с диалектом и потому не может с ним совпадать [Герд, 1998, 20–21].

Территориальная природа региолекта обуславливает выделение его узкого и широкого понимания в зависимости от охвата территорий существования. Л.П. Крысин и В.И. Беликов в одной из ранних работ по данной проблеме ограничивают существование региолекта рамками отдельных крупных городов [Беликов, Крысин, 2001, 231].

Региолект в широком понимании может охватывать более одного административно-территориального образования. Так, авторы «Словаря социолингвистических терминов» подчеркивают, что региолект «распространен на большей территории – в группе крупных городов, расположенных недалеко друг от друга», и этим он также отличается от местного территориального диалекта [Словарь социолингвистических терминов, 2006, 179].

Языковая характеристика региолекта тесно связывается с социальной, обусловленной составом его носителей. По мнению многих исследователей, в отличие от диалекта, принадлежащего жителям сельских территорий, основными носителями региолекта являются «местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений», сам же региолект характеризуется тем, что явно проступающие в нем «черты диалектных влияний» смешиваются «с городским просторечием и жаргонами» [Беликов, Крысин, 2001, 231].

В уже упоминавшемся социолингвистическом словаре носителями региолекта также называются жители средних городов, в речи которых «в значительной мере ощущается влияние местных говоров и присутствуют следы просторечия» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, 179].

Хотя региолект и сближает с диалектом присутствие диалектных черт, объяснимое территориальным пересечением двух явлений, однако, в отличие от языковой цельности диалекта, прослеживаемой на всех его уровнях, языковое содержание региолекта разнородно. Так, И.С. Зварыкина характеризует региолект как «конгломерат литературной, разговорной речи,

просторечия, диалектных реликтов, зачастую подверженный иноязычному воздействию» [Зварыкина, 2013, 33]. Разделяя взгляд на региолект как на многоуровневую структуру, обратим, однако, более детальное внимание на семантику слова *конгломерат* (ср.: «Бессистемное соединение разнородных частей и предметов (в противоп. гармоничному сочетанию)» [Толковый словарь русского языка, 2008]; «Механическое соединение чего-л. разнородного, беспорядочная смесь [Словарь русского языка, 1983]). Очевидно, что сема *разнородность*, присутствующая в обеих дефинициях, отсылает к указанной характеристике региолекта. Однако компонент *бессистемность*, *беспорядочность* является, скорее, не признаком региолекта, но маркером проблемной зоны в исследовании его состава и структуры. Вопрос заключается в обнаружении и квалификации свойств и характеристик региолекта как системного образования на уровне отдельного региона и на уровне национального языка в целом (ср.: региолект – не «какая-то отдельная разновидность речи, не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а определенная регионально маркированная организация всего языкового пространства региона» [Теркулов, 2018, 67]).

В ситуации существующей терминологической неоднозначности представляется оправданным и вполне целесообразным понимание региолекта, предложенное в качестве рабочего определения в диссертации И.В. Матвеевой: региолект – это «языковое образование, обладающее региональной спецификой, являющееся особой формой существования языка на разных территориях, не являясь при этом самостоятельным образованием» [Матвеева, 2021, 9]. На этапе становления терминосистемы и метаязыка нового научного направления использование оборотов с широкой семантикой, частично десемантизированных, дает возможность вкладывать в эти сочетания выявляемое в ходе исследования новое содержание, не входя в противоречия с более строгими дефинициями.

Границы региона – региолекта. Вопрос о возможных границах региона / региолекта рассмотрим на примере *Смоленского края*.

В рамках существующей системы административно-территориального устройства слово *регион* может обозначать 1) *политерриториальный объект* областного (*Смоленская область, Регион 67*) и районного (*Велижский район, Краснинский район, Монастырщинский район и др.*) уровней, 2) *монотерриториальный объект – место* (города *Смоленск, Вязьма, Ельня, Рославль*, пгт *Хиславичи, Шумячи и т.д.*) и другие более мелкие населенные пункты, 3) *политерриториальное объединение*, которое может выходить за административные границы заглавного региона, включая территории другой административной (административно-политической) принадлежности (*Смоленско-Белорусское пограничье, Смоленско-Витебское пограничье, Шумячское Порубежье (Шумячско-Могилевское пограничье и др.)*) и т.д. Такое понимание региона, учитывающее административные границы, применительно

к его лингвистическим характеристикам можно назвать *внешним, формальным, административным*. В таком случае исследование так называемого региолекта означает выявление функционирующих в границах данных территорий тем или иным образом регионально маркированных языковых единиц (в таком направлении (по аналогии с диалектологическим) сегодня проводятся многие исследования).

Однако такой подход не исключает, что обнаруженные языковые средства могут функционировать и за пределами очерченного административными границами пространства. Для установления такого рода фактов должен применяться другой подход, который можно назвать *внутренним, собственно языковым, лингвистическим*. Он позволяет не только выявить совокупности региональных языковых средств, но и установить границы их реального распространения (иными словами, границы проживания носителей данного региолекта).

Очевидно, что при формальном подходе к границам одной административно-территориальной единицы (*Смоленской области*) ей будет соответствовать одноименный региолект (пока оставляем за скобками его состав и структуру). Однако при учете следующего уровня административно-территориального устройства региона в границах области может быть выделено более одного региолекта: формально их количество будет равняться числу образований районного уровня и далее.

При использовании второго (лингвистического) подхода установление ареала распространения конкретного региолекта позволяет обнаружить явление *трансграничности* (то есть существование общих региональных черт на территориях различной административной отнесенности), которое в своем крайнем выражении может сигнализировать о совпадении (полном или частичном) региолектов соседних регионов, то есть, по сути, обнаруживать новое более крупное территориальное образование – регион в лингвистическом смысле.

Таким образом, каждый из названных подходов решает свою задачу, которой и определяется его выбор. Результаты, полученные с применением обоих подходов, могут быть представлены в виде соответствующих карт-схем с нанесенными изоглоссами, использованием инфографики и других способов представления выявленной информации.

На первой карте в официальных границах региона (в данном случае – *Смоленской области*) должны быть представлены все региональные языковые особенности с учетом внутререгиональных границ между районами области, границ монотерриториальных объединений, к которым относим крупные и средние областные города, районные центры. Необходимость дальнейшей детализации при описании региолекта, в принципе стремящейся к максимуму, может определяться задачами и возможностями исследования на конкретном этапе. Возможно обращение к региолекту отдельного, даже самого малого,

населенного пункта или его части, если для этого есть лингвистические основания (в этом случае может быть использован опыт такого рода работ по диалектологии, описывающих говор отдельной деревни или отдельного носителя диалекта). Информативность составленной карты усиливается тем, что в рамках каждого микрообразования будут выделены черты и признаки, общие для ряда соседних микрорегионов и для заглавного региона в целом. Это позволит представить региолект административной единицы в виде полевой структуры, определить ядро и периферию заглавного региолекта в целом и каждого его структурного элемента на всех уровнях.

На второй карте будут обозначены границы распространения совокупностей выявленных языковых средств и, таким образом, условные границы проживания объединений людей – носителей общих языковых региональных особенностей (отраженные с учетом административных границ).

Для получения конечного результата (объемной картины существования и функционирования региолекта) используется наложение обеих карт (схем). Выявление случаев совпадения и несовпадения внутренних границ первой и второй позволяет получить максимально полную информацию об особенностях и реальных границах распространения и функционирования конкретного региолекта в многообразии его свойств и черт (собственно языковых и лингвокультурных), что, в свою очередь, создает информационную основу для продуктивного исследования других понятий региональной лингвистики: *региональная языковая личность – региональная картина мира*.

Региональная языковая личность – региональная картина мира.

С момента вхождения в научный оборот ключевых терминов современной когнитивной и антропоориентированной лингвистики *картина мира* и *языковая личность* эти понятия медленно, но неуклонно движутся навстречу друг другу. Составной термин *картина мира языковой личности* постепенно приобретает формульный вид: *картина мира = языковая личность (которой присуща эта картина)* или *языковая личность = картина мира (данной языковой личности)*. Это утверждение базируется на понимании картины мира как формы категоризации и структурирования знания человека о мире, вербализованного средствами национального языка, с одной стороны, и восприятия знания как важнейшей личностнообразующей категории – с другой (ср.: «...под влиянием родного языка продукт природы человеческое существо превращается в артефакт определенной культуры и цивилизации, т.е. в этническую языковую личность» [Морковкин, Морковкина, 1997, 49]).

В общей структуре совокупного знания человека об окружающем мире (картине мира) во всем его многообразии с точки зрения принадлежности / происхождения различают несколько уровней: знания 1) *общечеловеческие*, 2) *общенациональные*, 3) *региональные*, 4) *индивидуальные*.

Каждый уровень формирует определенный фрагмент картины мира и определенный компонент структуры языковой личности как носителя

конкретного языка и культуры. Первый уровень составляют знания, характеризующиеся понятийной универсальностью, воплощенной посредством русского языка. Общенациональные знания образуют основу так называемого *общеобязательного знания*, которое, являясь принадлежностью сознания каждого индивида, с одной стороны, служит средством формирования и выделения данного социума, а с другой – обеспечивает полноценное социальное взаимодействие всех членов этого социума, иными словами, выполняют роль идентификатора языковой личности, обеспечивающего ее включение в русский культурно-языковой социум [Максимчук, 2002].

Региональные знания, представленные многочисленными территориальными вариантами, характеризуют специфику среды непосредственного существования индивида. *Знания индивидуальные* формируются личным опытом человека.

Выступая в качестве родовых, термины *картина мира* и *языковая личность* образуют целый ряд видовых производных, обозначающих те или иные реализации картины мира / ипостаси языковой личности, которые объединяются по определенным направлениям: *языковому, социальному, профессиональному, возрастному, гендерному, территориальному* и др., в каждом из которых, в свою очередь, может быть выделено определенное количество субтипов. Логично предположить, что 1) эти производные, в свою очередь, составляют коррелирующие пары, образуемые на основе общего дифференцирующего признака (*русская картина мира – русская языковая личность, диалектная картина мира – диалектная языковая личность, профессиональная картина мира – профессиональная языковая личность* и т.д.), и что 2) в такой ситуации исследование одного из этих понятий целесообразно проводить с учетом или на фоне соответствующего коррелята.

В данном случае продуктивным способом исследования понятия *региональная языковая личность* считаем его рассмотрение во взаимосвязи с коррелирующим понятием – *региональная картина мира*.

Характеризуя понятие *региональной языковой личности*, мы также имеем в виду, что *региональное знание*, выполняющее в данном случае роль конституирующего признака, существует в ее структуре во взаимодействии с другими уровнями знания – *общеобязательным, общенациональным*.

Состав и структура регионального знания складываются под влиянием конкретной языковой, культурной, природной, социальной и т.д. среды рассматриваемого региона (в этой связи, как подчеркивает В.А. Маслова, именно развитие региональной лингвистики «позволит объяснить ряд закономерностей регионального языка и понять особенности региональной языковой личности с учетом культуры, истории, психологии, географии, социальных факторов региона, а также установить региональные ценности, лежащие в основе региональной картины мира» [Маслова, 2015, 3]).

Региональная среда, характеризующаяся в рамках описанной выше структуры понятия *регион*, в свою очередь, формирует два типа знаний: *общерегиональные* и *узкорегиональные*. Первые характеризуют регион как заглавную административную и/или территориальную единицу (*Смоленская область, Смоленский край*) и могут быть принадлежностью всех жителей региона в широком смысле. Носителями *узкорегиональных знаний*, отражающих ландшафтные, исторические, культурные, производственные и др. особенности более мелких административно-территориальных образований (*Починковский район, Дорогобуж, Катынь* и т.д.), являются жители отдельных мест.

Специфика *региональной языковой личности* в сравнении с некоторыми другими производными последней состоит в том, что понятие *региональная языковая личность* имеет концентрическую (полевую) структуру. Условно говоря, территориальный фактор при выделении *региональной языковой личности* реализуется по *принципу матрешки*: в границах заглавного региона (*области, края*) выделяются регионы следующих уровней (*города, районные центры, районы*), которые, в свою очередь, включают более мелкие образования (*районы города, отдельные населенные пункты*) и др., каждый из которых формирует языковую личность соответствующего уровня.

Этот принцип может быть представлен и в противоположном направлении: 1) предельно конкретная региональная единица (*малый населенный пункт*), которая входит в состав 2) более крупной региональной единицы (*района*), который, в свою очередь, является 3) частью структуры региона следующего (*областного*) уровня.

Так, языковую личность жителя *Смоленского края* представляют такие варианты ее реализации: *языковая личность жителя Смоленской области, языковая личность жителя Смоленского района* (любого района области), *языковая личность жителя города Смоленска* (другого города или районного центра области), *языковая личность жителя Смоленско-Витебского пограничья, языковая личность жителя населенного пункта* (села, деревни, поселка) *какого-либо района*.

По такому же принципу определяются и границы региональных картин мира. В формальном плане оба подхода выступают как равноценные, их выбор зависит от конкретных исследовательских целей и задач. При выборе первого подхода исследователь ставит вопрос так: *из каких региональных компонентов складывается общерегиональная (заглавная) языковая личность / картина мира*. При втором подходе главный вопрос формулируется следующим образом: *какие компоненты в структуре языковой личности / картины мира предельно малого региона (населенного пункта) являются узкорегиональными (с учетом внутренней градации), а какие общерегиональными*. При этом общие результаты корректно проведенных исследований должны совпадать.

Данный принцип отражает способ взаимодействия рассматриваемых понятий и на следующем уровне: общерегиональная языковая личность / картина мира – общенациональная языковая личность / картина мира.

Региональное – общенациональное. Характеризуя понятия региональной лингвистики, отметим, что их квалификация как целостных образований требует учета взаимосвязи и взаимодействия региональных компонентов этих структур с общенациональными. Именно наличие таких связей и позволяет любым региональным производным оставаться в рамках общенационального – русского национального языка (русской картины мира и т.д.), поскольку в основе всех региональных разноуровневых структур лежит общенациональное ядро, а специфика каждой формируется средствами периферии – ближней и дальней. В каждом конкретном случае вопрос состоит в выявлении возможных конфигураций периферийных элементов (которые, в свою очередь, тоже можно рассматривать в рамках полевой структуры), которые и определяют индивидуальность (отдельность) конкретного регионального образования.

Изложенное понимание отношений *регионального* и *общенационального* позволяет уточнить еще один терминологический вопрос. Представляется, что в более строгом смысле следует различать понятия *региональная языковая личность (картина мира)* и *региональный компонент языковой личности (картины мира)*. Такое мнение базируется на том, что основу любого субтипа языковой личности (как и картины мира) составляет определенный инвариант (универсальные общеязыковые средства, ядро национального языка, общеобязательные знания), который и объективирует понятие русской языковой личности (картины мира) и на котором выстраиваются все остальные.

Таким образом, если мы исследуем региональные особенности языка / речи жителей определенной территории в их отличии от общенародных, то получаем представление о *региональном компоненте языковой личности*, который к тому же способен реализовываться на фоне других. Так, региональные особенности смоленского произношения, в частности диалектные по происхождению диссимилятивное аканье, γ фрикативный и др., могут актуализироваться в профессиональной речи (примеры такого свойства, в частности, нередко демонстрирует публичная речь отдельных чиновников, бизнесменов, политиков, телеведущих и журналистов регионального уровня и др.) и т.д.

Если нас интересует *региональная языковая личность* как целостный лингвокультурный феномен, необходимо выявить и описать не только ее региональный компонент, но и особенности использования жителями региона средств общенародного языка: прежде всего – состав актуальной лексики (с учетом тематико-идеографической принадлежности, стилистической окраски, экспрессивно-оценочных характеристик и др.), ее частотность, употребительность, другие показательные свойства и т.д.

Специфика *регионального фрагмента картины мира* обуславливается содержанием *регионального знания*, которое формируется преимущественно стихийно – под влиянием окружающей среды (природной и социальной) и может в значительной степени различаться у жителей разных территорий.

Региональная картина мира в ее целостном существовании не может не опираться на общенародный инвариант, основанный на *общеобязательном знании* (его ядерной части).

Рассматривая формирование языковой личности во временной протяженности, следует признать, что важнейшая роль в этом процессе на его начальном этапе принадлежит именно региональному (территориальному) фактору: человек рождается в определенном месте и начинает воспринимать мир и себя в этом мире через ближайшее окружение – внешнее (поля или горы, леса или степи, снега или пески, трава или камень, березы или кедры и т.д.) и внутреннее (первые эмоциональные ощущения, вызываемые этим окружением). Ближайшее окружение постепенно раздвигается, расширяется до следующего регионального уровня, на котором процесс повторяется (к нему подключаются факторы управляемого характера – школьное образование и др.), постепенно достигая общенационального уровня. На региональном фундаменте формируется национальная картина мира и развивается национальная языковая личность (сквозь призму когнитивной лингвистики именно так прочитываются широко цитируемые сегодня слова А.Т. Твардовского о *малой родине* и ее значении для человека, сказанные более шестидесяти лет назад: «У большинства людей чувство родины в обширном смысле – родной страны, отчизны – дополняется еще чувством родины малой, первоначальной, родины в смысле родных мест, отчих краев, района, города или деревушки. Эта малая родина со своим особым обликом, со своей – пусть самой скромной и неприязнительной – красотой предстает человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений ребяческой души, и с нею, этой отдельной и личной родиной, он приходит с годами к той большой родине, что обнимает все малые и – в великом целом своем – для всех одна» [Твардовский, 1971, 170]).

Ярким информационным средством маркирования любого регионального пространства, как известно, является ономастическая лексика. На общерегиональном уровне она может быть представлена практически всеми разрядами онимов (об ономастическом компоненте в структуре регионального знания см.: [Бубнова, 2011 и др.]). Главным лингвокультурным маркером узкорегionalного уровня служат микропонимы, являющиеся (на уровне ассоциативно-культурного фона) носителями разноплановой информации о называемом объекте.

Ценность регионального ономастического материала и, соответственно, важность его описания для исследования региональной языковой личности заключается в том, что именно ономастический компонент можно рассматривать в качестве одного из ее объективных идентификаторов.

Таким образом, с позиций региональной лингвистики *регион* может быть определен как территориальное образование любого административного и/или географического статуса, характеризующееся некоторой совокупностью языковых средств, отличающей его от любого другого территориального образования. Границы региона в лингвистическом смысле (территории распространения региолекта) могут совпадать с границами административно-территориального деления или не совпадать с ними, поскольку первые формируются естественным путем под влиянием природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий, вторые являются фактом административно-территориального устройства, которое может изменяться в связи с изменениями государственно-административной системы.

Региолект можно определить как существующую на определенной территории и потому обладающую региональной спецификой подсистему национального языка, носители которой объединены объемом и характером региональных знаний.

Представляется целесообразным разграничивать понятия *региональная языковая личность – региональный компонент языковой личности, региональная картина мира – региональный фрагмент картины мира*, поскольку первые компоненты этих корреляций, имеющие полевую структуру, помимо регионального (вариативного) содержания, включают исходный инвариант: общенациональное языковое ядро – общеобязательные знания, вторые же отражают собственно региональную специфику первых.

Вариативный характер регионального компонента (обусловленный описанным выше подходом к определению понятия *регион*) позволяет выделять по меньшей мере два подтипа *региональной языковой личности: городского жителя и современного жителя деревни*.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова. З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. М.: Русский язык. 2011.
- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 414 с.
- Большой энциклопедический словарь / ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1991. 941 с. (БЭС)
- Брысина Е.В. Региональная лингвистика: содержание и направления // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 2(145). С. 150–155.
- Бубнова Н.В. Имена собственные в структуре региональных фонových знаний смолян: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2011. 285 с.
- Герд А.С. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании. М.: Наука, 1998. С. 20–21.
- Загряжкина Т.Ю. Региональный язык – регион – концепт культуры // Ономастическое пространство и национальная культура. Улан-Удэ, 2006. С. 27–30.
- Зварькина И.С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) // Гуманитарные исследования. 2013. № 2(46). С. 30–36.
- Климкова Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: монография. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.

Кошарная С.А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. 2017. № 14(263), вып. 34. С. 14–25.

Крысин Л.П. О параметрах регионального варьирования современного русского языка // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А.П. Майоров. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 66–71.

Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Ч. I. Смоленск, 2002. 184 с.

Маслова В.А. Региональная лингвистика: проблемы и перспективы // Филологические науки: научные доклады высшей школы. 2015. № 6. С. 3–8.

Матвеева И.В. Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация (на материале лексики г. Новосибирска): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2021. 26 с.

Мишанкина Н.А. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: теоретико-методологическое обоснование проекта // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 28–37.

Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Астрель, 1997. 414 с.

Ожгов С.И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375 с.

Словарь русского языка; в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык. Т. 3. 1983.

Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. 312 с.

Словарь терминов МЧС. EdwART. 2010.

Твардовский А.Т. О родине большой и малой // Твардовский А.Т. Собр. соч. В 5 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1971. С. 170.

Теркулов В.И. Региолекты как новая форма территориального членения русского языка // Донецкие чтения – 2018: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы III Международной научной конференции. Т. 4 / под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк: Изд-во Донецкого национального университета, 2018. С. 66–68.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ, 2008.

Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Официальная терминология. Словари и Энциклопедии 2012.

Энциклопедия социологии / сост. А. Антинази, 2009 // Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академик». URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1516> (дата обращения: 15.09.2022).

N.A. Maximchuk

*Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of the Russian Language,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia*

About Some Terms of Regional Linguistics

The article discusses the problems of terminology of the scientific direction developing within the framework of modern humanitarian knowledge – regional linguistics. The integrative nature of regional linguistics (its relationship with geography, history, ethnography, dialectology, sociolinguistics, etc.) not

only forms the specifics of this discipline, the variety of terminological nominations of its key concepts and their interpretations, but also determines the multi-vector approaches to solving its main tasks. Within the framework of the proposed approach, based on the analysis of the scope of the concept of region, considered as a field structure, the external boundaries of the derived terminological nominations are clarified – regiolect, regional worldview and regional linguistic personality. The latter, in turn, are characterized against the background of universal concepts of the world picture and linguistic personality. The specifics of correlation relations between the concepts of regional linguistic personality and regional worldview are determined. The role and place of regional knowledge in the structure is characterized.

Key words: regional linguistics; region; regiolect; regional the picture of the world; regional linguistic personality; field structure; mandatory knowledge; regional knowledge; correlation relations.

REFERENCES

- Aleksandrova Z.E. Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Practical guide [Slovar' sinonimov russkogo yazy'ka. Prakticheskij spravochnik]. M., Russkij yazy'k, 2011 (in Russian).
- Belikov V.I., Kry'sin L.P. Sociolinguistics [Sociolingvistika]. M., Izd-vo RGGU, 2001. 414 p. (in Russian).
- Big Encyclopedic Dictionary [Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar']. Ed. by A.M. Proxorov. M., Sovetskaya E'nciklopediya, 1991. 941 p.
- Bry'sina E.V. Regional Linguistics: Content and Directions [Regional'naya lingvistika: sodержanie i napravleniya]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2020, № 2(145), pp. 150–155 (in Russian).
- Bubnova N.V. Proper Names in the Structure of Regional Background Knowledge of the Smolensk People [Imena sobstvenny'e v strukture regional'ny'x fonovy'x znaniy smolyan]. Dis. ... kand. filol. nauk. Smolensk, 2011. 285 p. (in Russian).
- Dictionary of Sociolinguistic Terms [Slovar' Sociolingvisticheskix Terminov]. Ed. by V.Yu. Mixal'chenko. M., In-t yazy'koznaniya RAN, 2006. 312 p. (in Russian).
- Dictionary of Terms [Slovar' terminov]. MChS. EdwART. 2010 (in Russian).
- Dictionary of the Russian language [Slovar' russkogo yazy'ka]. Ed. by A.P. Evgen'eva. In 4 Vol. Vol. 3. 1983 (in Russian).
- Encyclopedia of Sociology [E'nciklopediya sociologii]. Compiler A. Antinazi, 2009. Internet-portal «Slovari i e'nciklopedii na Akademike». URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1516> (accessed: September 15, 2022) (in Russian).
- Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language [Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka]. Ed. by L.I. Skvortzov. 28-e izd. Moskva, Mir i Obrazovanie, ONIKS, 2012. 1375 p. (in Russian).
- Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 Vol. [Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: v 4 t.]. Ed. by D.N. Ushakov. Moskva, AST, 2008 (in Russian).
- Gerd A.S. Dialect-Regiolect-Colloquial [Dialekt-Regiolekt-Prostorechie]. *Russkij yazy'k v ego funkcionirovanii*. M., Nauka, 1998, pp. 20–21. (in Russian).
- Klimkova L.A. Nizhny Novgorod Microtoponymy in the Language Picture of the World: monograph [Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazy'kovoj kartine mira: monografiya]. Arzamas, AGPI, 2007. 394 p. (in Russian).

Kosharnaya S.A. Regiolect of Belgorod Region as a Linguo-cultural Formation [Regiolekt Belgorodchiny` kak lingvokul`turnoe obrazovanie]. *Nauchny`e vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Gumanitarny`e nauki. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika. Psixologiya*, 2017, no. 14(263), vol. 34, pp. 14–25 (in Russian).

Kry`sin L.P. On the Parameters of Regional Variation of the Modern Russian language [O parametrah regional`nogo var`irovaniya sovremennogo russkogo yazy`ka]. Regional`ny`e varianty` nacional`nogo yazy`ka: materialy` vserossijskoj (s mezhdunarodny`m uchastiem) nauchnoj konferencii. Ed. by A.P. Majorov. Ulan-Ude`, Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2013, pp. 66–71 (in Russian).

Maksimchuk N.A. Normative-scientific Picture of the World of the Russian Linguistic Personality in a Complex Linguistic Consideration [Normativno-nauchnaya kartina mira russkoj yazy`kovoj lichnosti v kompleksnom lingvisticheskom rassmotrenii]. Vol. I. Smolensk, 2002. 184 p. (in Russian).

Maslova V.A. Regional Linguistics: Problems and Prospects [Regional`naya lingvistika: problemy` i perspektivy`]. *Filologicheskie nauki: nauchny`e doklady` vy`sshej shkoly`*, 2015, no. 6, pp. 3–8 (in Russian).

Matveeva I.V. Typology of Regionalisms and Their Lexicographic Interpretation (Based on the Vocabulary of Novosibirsk [Tipologiya regionalizmov i ix leksikograficheskaya interpretaciya (na materiale leksiki g. Novosibirsk)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2021. 26 p. (in Russian).

Mishankina N.A. Linguistic Corpus «Tomsk regional text»: Theoretical and Methodological Substantiation of the Project [Lingvisticheskij korpus «Tomskij regional`ny`j tekst»: teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie proekta]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 389, pp. 28–37 (in Russian).

Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. Russian Anonyms (Words we don't Know) [Russkie agnomy` (slova, kotory`e my` ne znaem)]. M., Astrel`, 1997. 414 p. (in Russian).

Ogdonova Cz.Cz. «Regionalism» as a Basic Concept of Linguistic Local History [«Regionalizm» kak bazovoe ponyatie lingvisticheskogo kraevedeniya]. *Sovremenny`e problemy` lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazy`ka v shkole*, 2016, no. 26, pp. 17–21 (in Russian).

Terkulov V.I. Regiolects as a New Form of Territorial Division of the Russian Language [Regiolekt`y` kak novaya forma territorial`nogo chleneniya russkogo yazy`ka]. *Doneckie chteniya 2018: Obrazovanie, nauka, innovacii, kul`tura i vy`zovy` sovremennosti. Materialy` III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Vol. 4. Ed. by S.V. Bespalovoj. Doneczk: Izd-vo Doneczkogo nacional`nogo universiteta, 2018, pp. 66–68 (in Russian).

Tvardovskij A.T. About the Homeland Big and Small [O rodine bol`shoj i maloj]. *Sobr. soch.*. In 5 vol. Vol. 5. M., Xudozh. lit., 1971 (in Russian).

Decree of the President of the Russian Federation of June 3, 1996 No. 803 «On the main provisions of regional policy in the Russian Federation» [Ukaz Prezidenta RF ot 03.06.1996 № 803 «Ob osnovny`x polozheniyax regional`noj politiki v Rossijskoj Federacii»]. *Oficial`naya terminologiya. Slovarei i E`nciklopedii 2012* (in Russian).

Zagryazkina T.Yu. Regional Language – region – culture concept [Regional`ny`j yazy`k – region – koncept kul`tury`]. *Onomasticheskoe prostranstvo i nacional`naya kul`tura*. Ulan-Ude`, 2006, pp. 27–30 (in Russian).

Zvary`kina I.S. On the Question of the Relationship between Dialect and Regional in the Russian Language (on the Example of the Vocabulary of the Astrakhan Region) [K voprosu o sootnoshenii dialektnogo i regional`nogo v russkom yazy`ke (na primere leksiki Astraxanskogo kraja)]. *Gumanitarny`e issledovaniya*, 2013, no. 2(46), pp. 30–36 (in Russian).

В.С. Андреев

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'32

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-81-91

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ДИНАМИКИ СТИЛЯ: ЛИРИКА В. НАБОКОВА В ЗЕРКАЛЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ¹

Ключевые слова: индивидуальный стиль; количественный анализ; динамика текста; номинальность – глагольность в описании.

В статье используются методы статистики для получения объективных индексов, позволяющих дать оценку тексту автора и его стилю. Привлекаются методики текстометрии (анализ соотношения частей речи, способа описания, накопленной суммы) для выявления степени статичности / динамичности текста и степени устойчивости / изменчивости стиля в целом.

Материалом являются стихотворные тексты Владимира Набокова, созданные им в разные периоды творчества. Для Набокова поэзия была неотъемлемой и важной частью творчества (о чем писатель и поэт сам писал), что подчеркивает неслучайный характер параметров его стихотворных произведений и релевантность их исследования для изучения авторского стиля. В состав изучаемого корпуса текстов включены произведения объемом не менее 30 строк, что позволяет избежать флуктуаций в частотности языковых единиц и обеспечить сопоставимость материала.

Использование коэффициентов Бузмана и вариации позволило уточнить соотношение именного / глагольного описания в текстах в целом, а анализ накопленной суммы – соотношение номинальности / глагольности в динамике от начала к концу текста. Построенная степенная функция хорошо аппроксимирует данные.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о существовании скрытых закономерностей в распределении слов различных частей речи в произведении, об увеличении вариативности их частотности во втором периоде, а также об усилении тенденции к росту глагольности на протяжении творчества поэта.

Современная стилеметрия и текстометрия значительно продвинулись в решении практических задач по классификации стилей (их дифференциация для атрибуции текстов, автоматический анализ количества авторов, гендера и т.д.) [Argamon et al., 2007; Milička J., Kubát, 2013; Stamou,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 92565342).

2008 и др.]. Все это ставит задачу поиска аналогичных решений для дифференциации стиля, или анализа его варьирования, в том числе во времени, для решения задач датировки, повышения надежности атрибуции и сходных проблем, в основе которых лежит задача по моделированию изменений индивидуально-авторского стиля [Bruster, Smith, 2016; Hoover, 2017; Juola, 2007; Yu, 2014 и др.].

При рассмотрении структуры текста в последнее время все больше изучаются единицы, выходящие за пределы предложения. Ими могут быть так называемые *motifs* – последовательности элементов, выделяемых по определенным правилам. Подсчитывается количество последовательностей разной длины и их распределение, анализируется порядок их следования и т.д. [Andreev, 2018; Köhler, Naumann, 2008, 2016]. Изучаются и соотношения частот либо последовательности отдельных языковых единиц. Такими единицами могут быть, например, слова различных частей речи – в этом случае анализируется распределение их частот. Как мы видим, здесь границы между предложениями заведомо не учитываются, а текст выступает как одно структурное целое.

В этом исследовании рассмотрим стихотворную лирику Владимира Набокова, которую он опубликовал в течение жизни в своих сборниках (табл. 1). Для Набокова поэзия была неотъемлемой и важной частью творчества (о чем писатель и поэт сам писал), что подчеркивает неслучайный характер параметров его стихотворных произведений и релевантность их исследования для изучения авторского стиля в целом.

В состав изучаемого корпуса текстов включены произведения объемом не менее 30 строк, чтобы избежать флуктуаций в частотности языковых единиц и решить вопрос сопоставимости в рамках материала². Произведения из привлекаемых сборников разделяют достаточно большие временные промежутки, что должно позволить надежно зафиксировать изменения стиля при их наличии.

В третьем сборнике взяты произведения, написанные позже 1939 года.

Таблица 1

Привлекаемые к анализу тексты

Горний путь (Сб-1)	Возвращение Чорба (Сб-2)
Два корабля	Тихий шум
Лестница	Прелестная пора
Поэт	Святки
«Фейна дочь утонула в росинке...»	Гость

² Набоков В.В. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. 475 с. (Новая Библиотека поэта).

М. W.	Годовщина
Престолы	Сновиденье
Силы	Тень
Велосипедист	Сны
Перо	Весна
Русь	Кирпичи
«Звени, мой верный стих, витай, воспо- минанье...»	Крушение
Детство	Паломник
Крым	Комната
Сон на акрополе	Стихи 1929–1951 (Сб-3)
Лес	Поэты
	Слава
	Парижская поэма
	О правителях
	К кн. С.М. Качурину

Мы привлекаем хорошо зарекомендовавшие себя характеристики – вариативность частей речи в тексте, степень его номинальности / глагольности, а также менее часто используемый параметр – нарастание либо падение динамики описания, то есть глагольности описания, от начала к концу произведения. Эти признаки позволили получить значимые результаты в текстометрических исследованиях [Андреев, 2020; Andreev, 2016; Naumann, Popescu, Altmann, 2012; Zörnig, Altmann, 2016].

На первом этапе рассмотрим степень вариативности частотности различных частей речи, которая рассчитывается по следующей формуле:

$$CV = (\sigma / k) * 100\%,$$

где CV – коэффициент вариации,

σ – среднеквадратическое отклонение,

k – среднее значение признака (средняя арифметическая).

Вариация считается слабой, если значение коэффициента не превышает 0,33. Если коэффициент находится в интервале от 0,33 до 0,66 – вариативность средняя, если превышено значение в 0,66, то вариация является высокой. Полученные данные о вариативности в рамках сборников представлены в таблице 2.

Привлекаемые к анализу тексты

	Горний путь	Возвращение Чорба	Стихи 1929–1951
СУЩ	14,95	13,34	4,33
ГЛ	20,25	24,62	15,39
ПЛГ	21,08	18,60	12,92
НРЧ	33,76	29,89	18,68
МЕСТ-Сущ	35,53	55,53	43,25
МЕСТ-Прил	52,15	57,85	23,88
ПРИЧ	50,94	75,19	37,43

Как демонстрируют данные таблицы 2, вариативность четырех частей речи – существительного, глагола, прилагательного и наречия – невелика. Средней вариативности достигают местоимения, но не во всех сборниках. Наиболее сильно варьирует число причастий.

Чтобы рассмотреть тенденции в изменении вариативности частей речи с течением времени, представим полученные данные на графике (рис. 1).

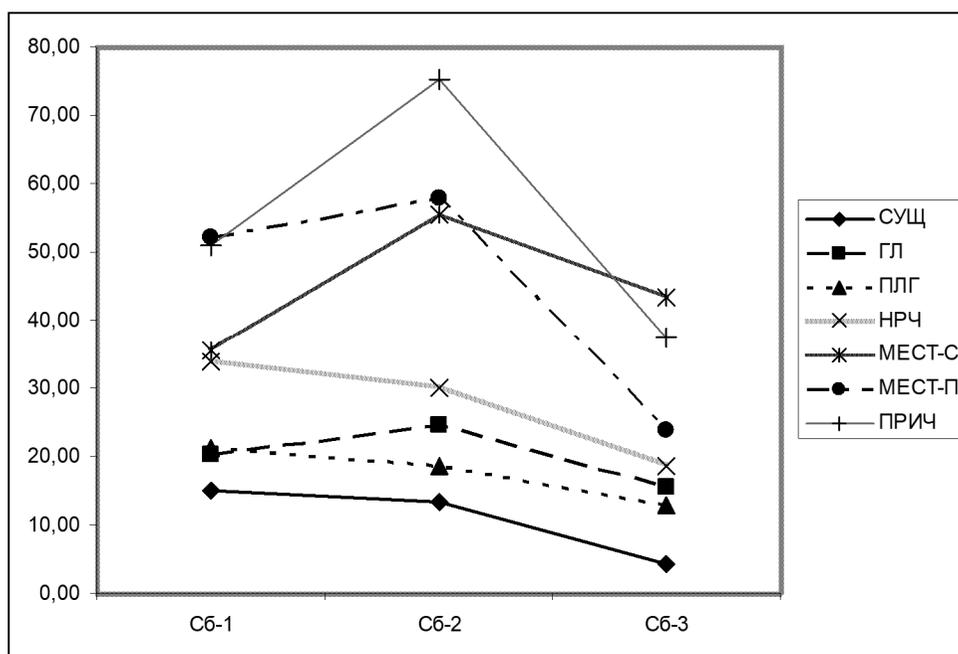

Рис. 1. Вариативность частей речи в трех сборниках

График демонстрирует, что в третьем сборнике («Стихи») использование автором различных частей речи стало более стабильным. Если во втором сборнике («Возвращение Чорба») различия между текстами по использованию ряда частей речи растут – а это можно интерпретировать как

следствие творческого поиска, то к зрелому периоду творчества поэт приходит к стабильности стиля.

Разумеется, речь не идет о сознательном регулировании количества слов той или иной части речи – такое регулирование находится далеко за пределами человеческих возможностей. Очевидно, Набоков интуитивно придерживается понравившихся ему соотношений.

На следующем шаге рассмотрим не данные о частотности частей речи изолированно, а их соотношения. Наиболее интересными являются соотношения числа существительных с глаголами. Этот показатель интерпретируется как соотношение статики и динамики текста на высоком уровне обобщения. Для определения соотношения глаголов и существительных используется формула коэффициента Бузмана:

$$B_V = \frac{V}{V + N},$$

где N – общее число существительных, V – общее число глаголов.

При $B > 0,60$ наблюдается повышенное динамическое описание, при $B < 0,40$ имеет место пониженное динамическое описание, при $0,40 \leq B \leq 0,60$ отклонение от средних значений описания отсутствует.

Аналогичным образом эта формула используется для подсчета пропорции прилагательных и существительных.

Проверка статистической значимости результатов производится при помощи критерия хи-квадрат (табл. 3). Статистически значимые коэффициенты выделены жирным шрифтом.

Таблица 3

Соотношение статики / динамики текстов

Название текста	B_V	χ^2
Горний путь		
Два корабля	0,37	4,95
Лестница	0,30	14,73
Поэт	0,41	1,65
«Феина дочь утонула в росинке...»	0,46	0,55
М. W.	0,40	2,12
Престолы	0,31	10,27
Силы	0,41	2,98
Велосипедист	0,34	6,45
Перо	0,35	5,40
Русь	0,40	1,88
«Звени, мой верный стих, витай, воспомянь...»	0,31	17,67
Детство	0,34	31,51
Крым	0,24	67,60
Сон на акрополе	0,36	12,08

Лес	0,28	23,31
Возвращение Чорба		
	B_V	χ^2
Тихий шум	0,18	22,27
Прелестная пора	0,36	6,21
Святки	0,33	5,33
Гость	0,33	6,67
Годовщина	0,37	4,95
Сновиденье	0,33	9,80
Тень	0,30	11,20
Сны	0,45	0,73
Весна	0,18	24,93
Кирпичи	0,34	7,91
Крушение	0,28	17,09
Паломник	0,29	14,14
Комната	0,40	3,68
Стихи 1929–1951		
	B_V	χ^2
Поэты	0,30	15,04
Слава	0,29	57,18
Парижская поэма	0,34	30,23
О правителях	0,25	24,25
К кн. С.М. Качурину	0,26	32,83

В целом для творчества Набокова характерна низкая глагольность. Как мы видим, и здесь сборник «Стихотворения» несколько противопоставлен двум первым сборникам – в нем глагольность существенно усиливается.

До сих пор мы рассматривали сборники целиком, а затем целые произведения. На следующем этапе рассмотрим каждый текст в его развитии. Для этого дадим количественную оценку распределения глаголов относительно прилагательных как меры нарастания динамичности описания.

Для каждого произведения были рассчитаны суммы с нарастающим итогом – количество глаголов до каждого следующего прилагательного. Разберем методику анализа на примере.

Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье!

Не правда ль, все – как встарь, и дом – все так же тих –
стоит меж старых лип? Не правда ли, страданье,
сомненье – сон пустой? Звени, мой верный стих...

(«Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье...»)

Таблица 4

Сумма с нарастающим итогом

№ прилагательного по порядку	Количество глагольных форм перед данным прилагательным	Сумма глаголов с нарастающим итогом
1	1	1
2	0	1
3	1	2
4	0	2
5	1	3

Здесь до первого прилагательного встречается 1 глагольная форма, до второго 1 + 0, то есть все еще одна глагольная лексема, до третьего уже две, до четвертого – также две, до пятого – три и т.д.

В результате с точки зрения динамики глагольных форм текст может быть представлен в виде последовательности – суммы с нарастающим итогом.

Указанная последовательность может быть аппроксимирована степенной функцией:

$$f = ax^b,$$

где x – значения номеров прилагательных, а переменная b рассчитывается так, чтобы функция принимала значения, максимально возможно близкие соответствующим значениям нарастающей суммы.

Параметр a зависит от первого члена вариационного ряда и не представляет особого интереса. Зато параметр b отражает степень изменения графика – то есть увеличение либо падение глагольности, а значит динамичности описания, от начала к концу текста: если $b > 1$, то глагольность возрастает, если $b < 1$, то глагольность падает, а при $b = 1$ глагольная лексика распределена по тексту равномерно.

Степень успешности может определяться коэффициентом детерминации R^2 , который изменяется в диапазоне от 0 до 1. В тех случаях, когда он превышает 0,8, аппроксимация считается успешной.

Полученные данные о распределении глагольной и адъективной лексики относительно существительных приведены в таблице 5.

**Распределение глагольной и адъективной лексики
относительно существительных**

Текст	R^2	a	b
Горный путь			
«Звени, мой верный стих, витай, воспомянь...»	0,98	0,70	1,11
Детство	0,98	0,40	1,20
Крым	0,99	1,77	0,98
Сон на акрополе	0,96	0,31	1,27
Лес	0,98	0,90	1,11
Два корабля	0,94	1,04	0,87
Лестница	0,95	1,42	0,98
Поэт	0,92	3,94	0,38
«Феина дочь утонула в росинке...»	0,98	1,00	0,86
М. W.	0,95	0,38	1,01
Престолы	0,97	0,69	1,07
Силы	0,98	1,28	0,79
Велосипедист	0,87	5,01	0,41
Перо	0,89	1,91	0,72
Русь	0,91	0,16	1,73
	R^2	a	b
Возвращение Чорба			
Тихий шум	0,96	0,17	1,94
Прелестная пора	0,94	0,49	1,04
Святки	0,97	0,40	1,25
Гость	0,99	0,39	1,33
Годовщина	0,92	0,69	0,99
Сновиденье	0,97	0,67	1,02
Тень	0,95	0,24	1,42
Сны	0,95	0,18	1,19
Весна	0,95	0,97	1,20
Кирпичи	0,92	2,03	0,70
Крушение	0,97	2,57	0,69
Паломник	0,95	1,24	0,88
Комната	0,96	0,36	1,12
Стихи 1929–1951			
Поэты	0,94	0,47	1,14
Слава	0,99	1,09	0,92
Парижская поэма	0,99	0,03	1,66
О правителях	0,97	0,00	2,80
К кн. С.М. Качурину	0,83	0,35	1,22

Как мы видим, функция в высшей степени точно описывает изменения в глагольности описания. Тот факт, что изменения статичности / динамичности описания аппроксимируются несложной функцией, сам по себе представляет интерес и подтверждает перспективность изучения распределения различных морфологических классов слов в тексте как инструмента исследования стиля. Кроме того, можно отметить, что в лирике Набокова нарастание глагольности описания от начала текста к его концу постепенно усиливается.

Эта тенденция существует на достаточно высоком уровне обобщения. В дальнейшем будет интересно проследить детали ее реализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев В.С. Малый текст: опыт квантитативного анализа // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 4(52). С. 117–126.
- Андреев В.С. Моделирование индивидуального стиля: статика и динамика // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 4(17). С. 101–110.
- Andreev S. Distribution of syllables in Russian sonnets // *Glottometrics*. 2018. Vol. 41. P. 13–23.
- Andreev S. Verbal vs. adjectival style in long poems by A.S. Pushkin // *Glottometrics*. 2016. T. 33. С. 25–31.
- Argamon S. et al. Stylistic text classification using functional lexical features / Argamon S., Whitelaw C., Chase P., Hota S., Garg N., Levitan S. // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2007. Vol. 58(6). P. 802–821.
- Bruster D., Smith G. A new chronology for Shakespeare's plays // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2016. Vol. 31, no. 2. P. 301–320.
- Hoover D.L. The microanalysis of style variation // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2017. Vol. 32. Supplement 2. P. ii17–ii30.
- Juola P. Becoming Jack London // *Journal of Quantitative Linguistics*. 2007. Vol. 14, no. 2. P. 145–147.
- Köhler R., Naumann S. Quantitative text analysis using L-, F- and T- segments // *Data analysis, machine learning and applications. Proceedings of the Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Klassifikation 2007 in Freiburg: Berlin/Heidelberg: Springer*. 2008. P. 627–646.
- Köhler R., Naumann S. Syntactic text characterisation using linguistic S-motifs // *Glottometrics*. 2016. Vol. 34. P. 1–8.
- Milička J., Kubát M. Vocabulary Richness Measure in Genres // *Journal of Quantitative Linguistics*. 2013. Vol. 20, no. 4. P. 339–349.
- Naumann S., Popescu I.-I., Altmann G. Aspects of nominal style // *Glottometrics*. 2012. Vol. 23. P. 23–55.
- Stamou C. Stylochronometry: Stylistic development, sequence of composition, and relative dating // *Literary & Linguistic Computing*. 2008. Vol. 23, no. 1. P. 181–199.
- Yu B. Language and gender in congressional speech // *Literary and Linguistic Computing*. 2014. No. 1(29). P. 118–132.
- Zörnig P., Altmann G. Activity in Italian Presidential Speeches. *Glottometrics*. 2016. Vol. 35. P. 38–48.

V.S. Andreev

*Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Foreign Languages,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Statistical Evaluation of Style Dynamics: Lyrical Poems by V. Nabokov in the Mirror of Parts of Speech

The article utilizes quantitative methods of analysis to obtain objective indices which make it possible to evaluate a separate text and the style of the author. The author applies the techniques of textometry (analysis of PoS ratio, type of description, cumulative sum) in order to establish the degree of text stability / dynamics and stability / variability of individual style in general.

The database includes verse texts of Vladimir Nabokov created during different periods of creative activity. Poetry was an essential and inseparable part of his writing (as the writer and poet stated himself) which proves the non-accidental character of parameters of his poetic texts and their high relevance for the study of his style. Only texts not less than 30 lines are included in the database in order to avoid fluctuations in frequency of linguistic elements and ensure comparability of the research material.

The use of Busemann and variability coefficients made it possible to define the ratio of verbal / nominal description in the texts, while analysis of cumulative sum – the ratio of nouns / verbs in the texts in dynamics (from the beginning to its end). The calculated power function provides precise approximation of the data.

The obtained results support the conclusion about the existence of hidden tendencies in the distribution of words of different parts of speech in Nabokov's text, about the growth of variability of their frequencies in the second period of Nabokov's creative activity, as well as about steady strengthening of the tendency of text verblivity growth over the lifespan of the poet.

Key words: individual style; quantitative analysis; text dynamics; nominal – verbal description.

REFERENCES

Andreev V.S. Small Text: the Experience of Quantitative Analysis [Malyj tekst: opyt kvantitativnogo analiza]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 4 (52), pp. 117–126 (in Russian).

Andreev V.S. Modeling Individual Style: Statics and Dynamics [Modelirovanie individualnogo stilja: statika i dinamika]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 4(17), pp. 101–110 (in Russian).

Andreev S. Distribution of Syllables in Russian Sonnets. *Glottometrics*, 2018, vol. 41, pp. 13–23 (in English).

Andreev S. Verbal vs. Adjectival Style in Long Poems by A.S. Pushkin. *Glottometrics*, 2016, vol. 33, pp. 25–31 (in English).

Argamon S. et al. Stylistic Text Classification Using Functional Lexical Features. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 2007, vol. 58(6), pp. 802–821 (in English).

Bruster D., Smith G. A New Chronology for Shakespeare's Plays. *Digital Scholarship in the Humanities*, 2016, no. 2, vol. 31, pp. 301–320 (in English).

Hoover D.L. The Microanalysis of Style Variation. *Digital Scholarship in the Humanities*, 2017, vol. 32, supplement 2, pp. ii17–ii30 (in English).

Juola P. Becoming Jack London. *Journal of Quantitative Linguistics*, 2007, vol. 14, no. 2, pp. 145–147 (in English).

Köhler R., Naumann S. Quantitative Text Analysis Using L-, F- and T- Segments. Data Analysis, Machine Learning and Applications. Proceedings of the Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Klassifikation 2007 in Freiburg: Berlin / Heidelberg, Springer, 2008, pp. 627–646 (in English).

Köhler R., Naumann S. Syntactic Text Characterisation Using Linguistic S-motifs. *Glottometrics*, 2016, vol. 34, pp. 1–8 (in English).

Milička J., Kubát M. Vocabulary Richness Measure in Genres. *Journal of Quantitative Linguistics*, 2013, vol. 20, no. 4, pp. 339–349 (in English).

Naumann S., Popescu I.-I., Altmann G. Aspects of Nominal Style. *Glottometrics*, 2012, vol. 23, pp. 23–55 (in English).

Stamou C. Stylochroometry: Stylistic Development, Sequence of Composition, and Relative Dating. *Literary & Linguistic Computing*, 2008, vol. 23, no. 1, pp. 181–199 (in English).

Yu B. Language and Gender in Congressional Speech. *Literary and Linguistic Computing*, 2014, no. 1(29), pp. 118–132 (in English).

Zörnig P., Altmann G. Activity in Italian Presidential Speeches. *Glottometrics*, 2016, vol. 35, pp. 38–48 (in English).

А.Г. Сильницкий

Смоленский государственный университет

Смоленск, Россия

УДК 811.111

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-91-105

СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С СУБЪЕКТОМ «РАССЛЕДОВАТЕЛЬ»

Ключевые слова: юридический глагол; субъект «Расследователь»; семантическое пространство; семантические признаки; категориальный, субкатегориальный и критериальный семантические планы; кластерный анализ; кластеры признаков.

Предлагаемая статья посвящена анализу структуры семантического пространства юридических глаголов английского языка с субъектом «Расследователь». В теоретическом отношении используются положения вербоцентрической концепции и количественной лингвистики. Понятие «юридический глагол» подразумевает соотносительность с юридической социальной сферой.

Обосновываются диагностические семантические признаки, являющиеся структурными элементами рассматриваемого семантического пространства. Признаки объединяются в семантические планы. Признаки трех семантических планов, будучи категориальными, соотносятся с ситуативным субъектом «Расследователь»: признак «закон процессуальный» (адъектно-правовой план), признак «адъект инструментальный» (адъектно-функциональный план), признак «ситуация недефинитивная» (телеологический план). Субкатегориальным семантическим планом является иерархический, признаки которого дифференцируют более частных субъектов в рамках юридической ситуации «предварительное следствие» с ситуативным субъектом «Расследователь»: «Прокурор» (признак «доминантный»), «Помощник следователя» (признак «субординативный»), «Следователь» (признак «субординативно-доминантный»). Признаки критериальных планов используются в качестве дополнительных семантических маркеров исследуемого семантического пространства: темпоральный план (признаки «ретроспективный», «проспективный», «ретро-проспективный»), адъектно-субстанциальный план (признаки «материальный», «личностный» адъект), интерактивный план (признаки «конвергентность», «дивергентность»).

Выделенные признаки были сгруппированы посредством метода кластерного анализа в три противопоставленных кластера: «Следователь», «Помощник следователя» и «Прокурор». В рамках каждого кластера устанавливаются ядерные (образующие структуру типового значения) и периферийные признаки. Сами кластеры описываются и сопоставляются за счет нескольких кластерных параметров: «ядерная вариативность кластера», «признаковая вариативность кластера», «плановая вариативность кластера», «кластерная вариативность плана».

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению семантического пространства определенного подкласса социальной глагольной лексики английского языка. В названии рассматриваемой темы фигурируют два основных понятия – *юридические глаголы* [Сильницкий, 2017] и *субъект «Расследователь»*, которые определяют специфику объекта исследования статьи. Понятие «юридический глагол» подразумевает соотнесенность с одной из наиболее релевантных социальных категорий – юридической сферой. Однако необходимо отметить, что объектом анализа является не юридическая (экстралингвистическая) область сама по себе, но ее отображение в системе языка за счет некоторой парадигмы семантических категорий.

В качестве субъекта действия в структуре значения полиситуативного юридического глагола могут присутствовать самые разнообразные типовые юридические актаны: «обвинитель», «адвокат», «правонарушитель», «судья», «истец», «свидетель» и др. Объектом исследования в данной работе является семантическая структура только тех юридических глаголов, которые в качестве семантического субъекта юридического процесса выявляют актант [Теньер, 1988] «Расследователь». Подробное семантическое

обоснование вышеуказанного актанта будет произведено в разделе, который посвящен описанию семантических характеристик рассматриваемой глагольной лексики.

Как уже отмечалось, объектом исследования является семантическое пространство выделенных глагольных единиц английского языка. Под семантическим пространством [Попова, 1996] понимается некоторый набор диагностических семантических признаков, организуемых в противопоставленные друг другу классы (кластеры) на основании статистически значимых отношений. Следовательно, в рамках семантического пространства выделяются два основных аспекта: семантические признаки и кластерные соотношения между признаками.

Рассмотрим более подробно первый аспект.

Исследуемые семантические признаки организуются в семантические *планы*, которые, в свою очередь, можно разделить на три основных класса: *категориальные*, *субкатегориальные* и *критериальные*.

Категориальные признаки, образуя сочетания друг с другом, моделируют семантическую структуру базового субъекта исследуемых юридических глаголов – «Расследователь».

Выделяются три категориальных семантических плана: *адъектно-правовой*, *адъектно-функциональный* и *телеологический*.

В рамках вербоцентрической теории [Тестелец, 2001] моделируемая глаголом ситуация в плане репрезентации актантажной структуры может быть двух видов: *нераспространенной* и *распространенной*. Первая ситуация предполагает наличие в своей структуре *субъекта* и *объекта*, то есть только обязательных актантаж. Субъект является инициатором глагольного процесса, объект соотносится с результатом воздействия субъекта. *Распространенная* ситуация выявляет как минимум один факультативный актантаж, называемый *адъектом*. Последний осуществляет роль посредника между облигаторными актантажами, то есть субъектом и объектом. Например, в значении глагола *accuse* ('предъявлять обвинение') выявляется распространенная актантажная структура. Иными словами, в рамках данной глагольной ситуации репрезентируются три актанта: субъект («прокурор»), объект («правонарушитель») и адъект («закон»). Семантическая специфика рассматриваемого подкласса глагольной лексики заключается в том, что все значения, наблюдаемые в его составе, характеризуются наличием адъектов, то есть обладают распространенной актантажной структурой. Таким образом, юридический глагол подразумевает обязательную соотнесенность с юридическим адъектом. На уровне категориальных семантических характеристик выделяются два адъектных плана.

Признаки, принадлежащие *адъектно-правовому* плану, устанавливают основополагающую роль юридического адъекта в глагольной ситуации. Относительно вышеуказанного плана выделяются три противопоставленных признака.

Признак *закон основной* регулирует любую сферу социального взаимодействия. Следовательно, рассматриваемый адъект, будучи юридически

универсальным, чаще всего является «внешненаправленным» по отношению к юридической сфере. Например, в значении глагола *smuggle* («заниматься контрабандой») юридический адъект («закон основной»), который испытывает негативное воздействие со стороны правонарушителя, потенциально соотносится с экономическим видом социальных отношений.

Признак *закон санкция* предполагает юридически закрепленное наказание, накладываемое на определенного актанта юридической ситуации, нарушившего «закон основной». Таким образом, этот адъект, в отличие от предыдущего, является внутринаправленным, то есть рассматриваемый актант функционирует в рамках самой юридической сферы, «защищая» последнюю от потенциального правонарушителя. Например, у глагола *foreclose* («лишать права собственности») юридическое действие (лишение имущества) осуществляется за счет применения «закона санкции» при совершении определенного правонарушения со стороны объекта юридической ситуации.

Признак *закон процессуальный* реализует функцию соединительного звена между «законом основным» и «законом санкцией». Другими словами, рассматриваемый закон регулирует деятельность судебной инстанции, которая осуществляет процедурные действия с целью установления факта причастности или непричастности обвиняемого к нарушению «закона основного». «Закон процессуальный» (как и «закон санкция») представляет собой внутринаправленный адъект, то есть функционирует в рамках юридической сферы как таковой. Например, глагол *adjudge* («выносить приговор»): юридический адъект подразумевает наличие процессуального юридического действия.

Признаки *адъектно-функционального* плана предполагают соотношение юридического адъекта с субъектом, являющимся профессионалом или непрофессионалом в юридической сфере. Здесь имеет место противопоставленность двух семантических признаков.

Признак *адъект инструментальный*: юридический адъект соотносится с субъектом-профессионалом (следователь, помощник следователя, судья, исполнитель наказания и т.д.). Для данных актантов закон представляет собой основной инструмент реализации профессиональной деятельности. Например, *cross-examine* («подвергать перекрестному допросу»): юридический адъект (процессуальное действие) соотносится с субъектом-профессионалом (следователем) [Сильницкий, 2017].

Признак *адъект целевой* определяет юридический адъект, соотносящийся с субъектами – непрофессионалами в области юриспруденции (истцами, подозреваемыми, свидетелями, правонарушителями и т.п.), для которых взаимодействие с законом имплицитно подразумевает непрофессиональную деятельность. Например, *impeal* («предъявлять иск»): юридический адъект (защищающий право граждан закон) испытывает воздействие со стороны субъекта-непрофессионала (истца) [Сильницкий, 2017].

Семантические признаки категориального плана *телеологический* описывают юридические ситуации с точки зрения их соотносительности с конечной целью в структуре значения юридического глагола в целом.

Признак *ситуация дефинитивная* указывает на юридическую ситуацию, в рамках которой реализуется конечная цель юридической деятельности субъекта.

Признак *ситуация недефинитивная* не предполагает соотносительности конечной цели деятельности юридического субъекта с рассматриваемой ситуацией.

Например, у глагола *charge* ('обвинять в совершении преступления') базовая ситуация («прокурор предъявляет обвинение подозреваемому») является недефинитивной, фоновая же ситуация («над подозреваемым осуществляется официальное судебное разбирательство») будет дефинитивной.

Как уже отмечалось, сочетание определенных признаков категориальных планов задает семантическую структуру базового субъекта исследуемой глагольной лексики – «Расследователь». Необходимо отметить, что данный юридический акт не соотносится с официальным юридическим термином, но подразумевает любого участника-профессионала относительно юридической ситуации «предварительное следствие».

В рамках адъектно-правового плана выделяется признак *закон процессуальный* (предварительное следствие составляет часть официальных юридических действий, направленных на установление степени виновности подозреваемого); относительно адъектно-функционального плана – признак *адъект инструментальный* (для всех субъектов, участвующих в предварительном следствии, закон процессуальный является инструментом осуществления профессиональной деятельности); в пределах телеологического плана – признак *недефинитивная ситуация* (предварительное следствие не согласуется с конечной целью реализации процессуальной ситуации, поскольку конечная цель данной ситуации предполагает реализацию судебного разбирательства с вынесением обвинительного или оправдательного решения относительно подозреваемого).

Субкатегориальные семантические признаки подразумевают выделение подтипов юридического субъекта «Расследователь». Для реализации данной задачи привлекаются семантические признаки *иерархического* плана, которые выявляют факт наличия или отсутствия преобладания воли субъекта при реализации действия в рамках юридической ситуации «предварительное следствие». Относительно вышеуказанного плана выделяются следующие признаки.

Признак *доминантный (ДМН)* отображает преобладание воли субъекта в достижении конечного результата юридической ситуации «предварительное следствие». Субъекта можно назвать «Прокурор», поскольку

именно данный актанта принимает окончательное решение о передаче дела подозреваемого в суд. Например: *arraign* ('обвинять, привлекать к суду по уголовному делу') – воля субъекта («Прокурора») является преобладающей для достижения конечной цели в рамках процессуальной юридической ситуации (передачи официального обвинения в судебную инстанцию).

Признак *субординативный (СБРД)* характеризует отсутствие преобладания воли субъекта в реализации конечного результата в рамках ситуации «предварительное следствие». Рассматриваемого актанта можно условно обозначить как «Помощника следователя» (эксперт, делопроизводитель, работник, осуществляющий задержание подозреваемого, и т.д.), так как конечный результат ситуации «предварительное следствие» (передача дела подозреваемого в суд) зависит от двух работников, обладающих более высоким иерархическим статусом: следователя и прокурора. Например: *fingerprint* ('снимать отпечатки пальцев') – в данном случае наблюдается отсутствие преобладания воли субъекта («эксперта») относительно конечной цели ситуации «предварительное следствие».

Признак *субординативно-доминантный (СБРД-ДМН)* подразумевает наличие в рассматриваемой юридической ситуации, помимо непосредственного субъекта, еще как минимум двух актантов, один из которых обладает более низким, а другой – более высоким иерархическим статусом. Данного субъекта можно назвать «Следователь», поскольку рассматриваемый актанта координирует действия «Помощников следователя» и, в свою очередь, находится в зависимости от решений «Прокурора». Например: *arrest* ('арестовывать') – субъект (следователь) выявляет преобладание своей воли над волей своих помощников, с одной стороны (именно следователь принимает решение о задержании подозреваемого), и устанавливает отсутствие преобладания своей воли относительно воли прокурора – с другой (поскольку последний, как уже отмечалось, принимает окончательное решение о передаче дела подозреваемого в суд).

Таким образом, имеют место три более частных субъекта, соотносящихся с обобщенным ситуативным субъектом «Расследователь» («Прокурор», «Следователь», «Помощник следователя»), выступающих в качестве основных структурных компонентов исследуемого семантического пространства.

Критериальные признаки устанавливают дополнительные семантические характеристики исследуемой ситуации «предварительное следствие». Выделяются три критериальных плана.

Признаки *темпорального* плана характеризуют полиситуативные глаголы, предполагающие наличие в семантической структуре лексической единицы *сложной* глагольной ситуации, которая состоит из нескольких простых ситуаций, связанных между собой темпоральными отношениями.

Таким образом, сложная ситуация выявляет минимум две простые ситуации. Одна ситуация является *базовой*, устанавливающей исходную точку темпорального отсчета, относительно которой определяется временная последовательность простых ситуаций в составе сложной ситуации. *Фоновая* ситуация определяется как простая ситуация, имплицитно представленная в семантической структуре полиситуативного глагола. Данная ситуация мотивирует базовую ситуацию или мотивируется ею [Сильницкий, 2019].

Противопоставляются два признака рассматриваемого плана.

Признак *ретроспективный (РС)* указывает на ту фоновую ситуацию, которая во временном отношении предшествует базовой ситуации. Так, в значении глагола *indict* ('предъявлять обвинение') ретроспективная фоновая ситуация («следственные действия в отношении подозреваемого») предшествует базовой ситуации («прокурор предъявляет подозреваемому официальные обвинения»).

Признак *проспективный (ПС)* предполагает, что базовая ситуация мотивирует некоторую простую ситуацию в будущем. Так, у глагола *exhume* ('эксгумировать') базовая ситуация («извлечение тела из захоронения») мотивирует фоновую проспективную ситуацию («эксперт осуществляет экспертизу тела»).

Признак *ретро-проспективный (РС-ПС)* выявляет, что базовая ситуация является мотивируемой предшествующей фоновой ситуацией, с одной стороны, и мотивирует некоторую фоновую ситуацию в будущем – с другой. Например, *distress* ('налагать арест на имущество'): ретроспективная фоновая ситуация («возможное противоправное действие совершается подозреваемым в отношении закона основного») мотивирует базовую ситуацию («подозреваемый временно лишается своих прав на собственность»), которая, в свою очередь, мотивирует проспективную фоновую ситуацию («предъявление официального обвинения или снятие подозрений с последующим возвратом имущества владельцу»).

Признаки *адъектно-субстанционального* плана. Как уже отмечалось, все юридические глаголы характеризуются наличием облигаторного адъекта – закон. Однако в структуру некоторых значений могут входить дополнительные адъекты, которые используются субъектами юридической ситуации «предварительное следствие»: вещественные улики, юридическая документация и т.д. Следовательно, признаки данного плана определяют качественные характеристики дополнительного юридического адъекта. Выделяются два признака адъектно-субстанционального плана.

Признак *личностный адъект (ЛЧНС)* указывает на присутствие в рассматриваемой юридической ситуации дополнительного личностного актанта. Например, в значении глагола *contest* ('привлечь кого-либо в качестве свидетеля') адъект (актант, привлекаемый следователем с целью предоставления свидетельских показаний) представляет собой личностный актант.

Признак *материальный адъект (МТРЛ)* подразумевает наличие дополнительного материального атрибута в рамках исследуемой юридической

ситуации (документы, вещественные улики и т.д.). Например, *seal* ('опечатывать'): следственное действие со стороны субъекта («следователя» или его помощника) осуществляется через посредничество материального адъекта (материальной собственности) личностного актанта.

Признаки *интерактивного* плана выявляют, согласуется или рассогласуется воля субъекта с волей объекта при реализации глагольного действия. В составе данного плана противопоставлены два признака.

Признак *конвергентность (КНВ)*: воля субъекта согласуется с волей объекта. Например, *non-suït* ('прекращать производство дела'): воля субъекта базовой ситуации («следователя») приходит в согласование с волей объекта («подозреваемого»).

Признак *дивергентность (ДВРГ)* – наблюдается разнонаправленность воли субъекта и воли объекта: *incriminate* ('вменить в вину') – воля субъекта («обвинителя») приходит в конфликт с волей объекта («подозреваемого»).

Как уже не раз отмечалось, в данном исследовании фигурируют только те юридические глаголы, которые в структуре своего значения выявляют такого юридического актанта, как субъект «Расследователь». Рассматриваемый актант осуществляет воздействие в рамках ситуации «предварительное следствие» на закон *процессуальный*, являющийся *инструментом* реализации деятельности, конечный результат которой не репрезентирован в рамках рассматриваемой ситуации.

Полный словарный список юридических глаголов с субъектом «Расследователь» был отобран из авторитетных англоязычных лексикографических источников [Hornby, 2005; Webster, 1993].

Второй компонент семантического пространства, как уже отмечалось, образуют кластерные отношения между семантическими признаками. Применение метода кластерного анализа [Хайдуков, 2009] реализуется в тех случаях, когда у исследователя изначально отсутствуют какие-либо гипотезы относительно выделяемых классов объектов (в данном случае семантических признаков) и в то же время присутствует необходимость классифицировать некоторое количество элементов, то есть распределить их по пригодным для последующей интерпретации классам и подклассам. Кластерный анализ является синтетическим статистическим методом, учитывающим всю совокупность отношений между элементами множества.

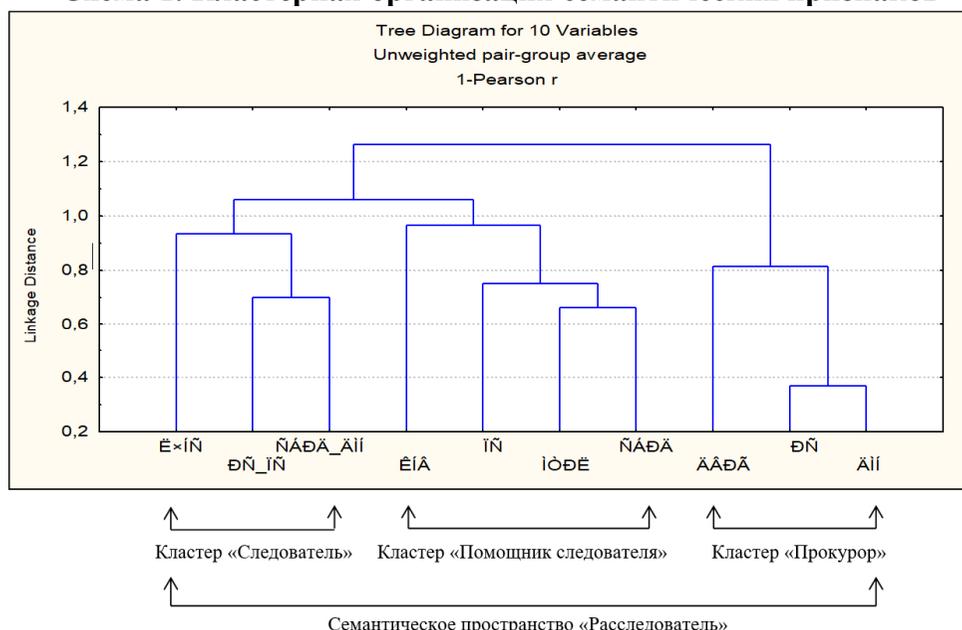
Различаются несколько вариантов кластерного анализа, каждый из которых соотносит несколько версий двух статистических критериев: *distance measure* (кластерное расстояние) и *amalgamation rules* (правило группировки). Первый критерий выявляет бинарные расстояния между всеми элементами исследуемого множества. Иными словами, устанавливается степень удаленности определенного объекта от каждого другого объекта исследуемой совокупности. В нашей работе по рассматриваемому параметру используется версия «1-Pearson r», то есть корреляционные соотношения по критерию Пирсона

[Елисеева, Юзбашев, 2002]. Данный метод статистики является одним из известных способов установления бинарных соотношений элементов исследуемого множества. Корреляционные коэффициенты (применительно к кластерному анализу) могут варьироваться в пределах 200 градаций (от 0,00 до 2,00). Показатель 1,00 играет роль порогового, то есть разграничивающего положительные и отрицательные статистические корреляционные соотношения. Первые (ниже 1,00) указывают на статистическую взаимосвязь элементов, тогда как вторые (выше 1,00) указывают на противопоставленность элементов друг другу [Сильницкий, 2019]. Минимальный положительный показатель равен 0,99, максимальный положительный показатель – 0,00; минимальный отрицательный показатель равен 1,01, максимальный показатель – 2,00.

Критерий «правило группировки» представляет собой способ объединения элементов системы в иерархически соотнесенные классы (кластеры). Из всей совокупности правил группировки в настоящем исследовании применяется вариация unweighted pair-group average (невзвешенное попарное среднее). Данный вариант осуществляет группировку объектов множества в комплексы за счет средней суммы бинарных кластерных расстояний всех объектов комплексов.

Результаты кластерного анализа представлены в виде кластерного дерева (см. схему 1).

Схема 1. Кластерная организация семантических признаков

В представленной кластерной системе выделяются три поля: релевантное положительное, нерелевантное положительное и отрицательное.

В рамках нерелевантного положительного поля организуются признаки, принадлежащие одному и тому же кластеру. Если признаки принадлежат разным кластерам, то они соотнесены друг с другом в пределах отрицательного поля, образуя оппозиции [Трубецкой, 2000].

В составе одного кластера семантические признаки могут характеризоваться различным статусом: ядерным или периферийным. Ядерные признаки связаны друг с другом в пределах релевантного положительного поля, то есть данные признаки соотнесены релевантными положительными корреляциями. Совокупность ядерных признаков того или иного кластера образует типовое значение, которое является семантически маркированным в исследуемой лексической подсистеме. Периферийные признаки организуются в рамках нерелевантного положительного поля кластера, то есть данные признаки не входят в структуру типового значения рассматриваемого кластерного комплекса. Относительно нашей базы данных показатель 0,77 ограничивает релевантное положительное поле: признаки, которые группируются в диапазоне от 0,0 до 0,77, соотнесены релевантными положительными корреляционными связями и образуют ядро соответствующего кластера.

Поскольку признаки категориальных планов (адъектно-правового, адъектно-функционального и телеологического) характеризуют значения всех глаголов рассматриваемой юридической ситуации, они в кластерной организации не участвуют.

В рамках вышеприведенной кластерной схемы десять семантических признаков иерархического, темпорального, интерактивного и адъектно-субстанционального планов организуются в три кластера. Наименования кластеров («Следователь», «Помощник следователя», «Прокурор») соотносятся с присутствующими в них признаками иерархического плана, которые, как уже отмечалось, являются маркерами более частных юридических субъектов в рамках юридической ситуации с ситуативным субъектом «Расследователь»

Для реализации сравнительного анализа структур кластеров вводятся следующие кластерные параметры:

- 1) *плановая вариативность кластера*: устанавливается количество признаков планов в составе одного кластера;
- 2) *признаковая вариативность кластера*: определяется количество признаков в структуре определенного кластера;
- 3) *ядерная вариативность кластера*: выявляется количество признаков, образующих ядро кластера;
- 4) *кластерная вариативность плана*: указывается количество кластеров, в которых наблюдаются признаки определенного семантического плана.

Проанализируем семантическую структуру всех кластеров в отдельности относительно вышеприведенных параметров.

Кластер «Следователь»

Плановая вариативность рассматриваемого кластера равна трем: присутствует по одному признаку иерархического плана (субординативно-доминантный признак), темпорального плана (ретро-перспективный признак) и адъектно-субстанциального плана (признак «личностный адъект»). Отсутствуют признаки интерактивного плана.

Признаковая вариативность кластера «Следователь» равна трем. Каждый из вышеуказанных семантических планов представлен только одним признаком. Таким образом, показатели плановой и признаковой вариативности в структуре рассматриваемого кластера совпадают. Это, в свою очередь, свидетельствует о достаточно высокой степени структурированности данного кластера, поскольку он содержит только разноплановые признаки и не выявляет одноплановых (то есть логически противопоставленных).

Ядерная вариативность кластера. В рассматриваемом комплексе наблюдаются два ядерных признака (субординативно-доминантный, ретро-перспективный) и один периферийный (личностный адъект). Следовательно, большинство признаков организуются в пределах релевантного положительного поля и входят в состав типового значения. В целом комплекс «Следователь» можно назвать ядерно маркированным. Примерами подобного типового значения могут служить единицы: *contest* ('привлекать лицо в качестве свидетеля'), *testify* ('представлять доказательства'), *arrest* ('арестовывать').

Кластер «Помощник следователя»

В данном кластере *плановая вариативность* равна четырем: в нем имеют место по одному признаку иерархического плана (субординативный признак), адъектно-субстанциального плана (признак «адъект материальный»), темпорального плана (перспективный признак) и интерактивного плана (конвергентный признак). Следовательно, в данном комплексе присутствуют признаки всех задействованных в кластерной классификации планов.

Показатель признаковой вариативности кластера «Помощник следователя» равен четырем. Все вышеупомянутые планы репрезентированы одним признаком. Следовательно, в кластере отсутствуют одноплановые признаки, что указывает на относительно высокую степень структурированности исследуемого комплекса.

Критерий ядерной вариативности кластера. В комплексе «Помощник следователя» наблюдаются два ядерных (субординативный, адъект материальный) и два периферийных признака (перспективный, конвергентный). Таким образом, половина признаков входит в состав типового значения. В целом данный кластер нельзя назвать ядерно маркированным или периферийно маркированным, поскольку имеет место количественная симметрия ядерных и периферийных семантических характеристик.

В качестве примеров рассматриваемого типового значения можно привести единицы: *autopsy* ('производить вскрытие'), *fingerprint* ('снимать

отпечатки пальцев’), *impround* (‘принимать на хранение вещи или документы при расследовании’).

Кластер «Прокурор»

Кластер «Прокурор» по параметру *плановая вариативность* выявляет показатель, равный трем, поскольку в нем присутствуют признаки трех планов: иерархического (доминантный признак), темпорального (ретроспективный признак) и интерактивного (дивергентный признак). Признаки адъектно-субстанциального плана отсутствуют.

Признаковая вариативность кластера «Прокурор» равна трем, то есть в данном кластере отсутствуют одноплановые признаки, что свидетельствует о достаточно высокой степени структурированности исследуемого комплекса.

Ядерная вариативность кластера. В комплексе «Прокурор» наблюдаются два ядерных признака (доминантный, ретроспективный) и один периферийный признак (дивергентный). Следовательно, более половины семантических признаков формируют структуру типового значения кластера и комплекс в целом является ядерно маркированным.

Примерами типового значения могут служить единицы: *recriminate* (‘утверждать обвинение’), *prosecute* (‘преследовать в уголовном порядке’).

Представляется целесообразным осуществить сравнительный анализ рассматриваемых кластеров относительно используемых параметров.

Плановая вариативность кластеров. Кластер «Помощник следователя» выявляет максимально возможную плановую вариативность, равную четырем. Кластеры «Следователь» и «Прокурор» включают по три признаковых плана. В целом признаковые планы распределились по кластерам равномерно.

Признаковая вариативность кластеров. Кластер «Помощник следователя» обладает самой высокой признаковой вариативностью, равной четырем. Кластеры «Следователь» и «Прокурор» содержат по три признака. Таким образом, в рассматриваемой кластерной системе семантические признаки также выявили достаточно равномерное распределение.

Ядерная вариативность кластеров. В двух кластерах («Следователь» и «Прокурор») преобладают ядерные признаки. В кластере «Помощник следователя» наблюдается равное количество ядерных и периферийных признаков. Следовательно, первые два кластера обладают более высокой степенью внутренней интегрированности признаков. С другой стороны, во всех трех кластерах присутствуют ядерные признаки, что свидетельствует о наличии типового значения в каждом признаковом комплексе. Таким образом, все кластеры, вне зависимости от конкретного количества признаков в их составе, репрезентируют одинаковое количество типовых значений.

Всего в данной системе выделяются три типовые метафоры: 1) субординативно-доминантный, ретро-проспективный адъект; 2) субординативно-

ный, материальный адъект; 3) доминантный, ретроспективный адъект. Следует отметить, что все признаки иерархического плана входят в семантическую структуру всех типовых значений, то есть рассматриваемый план в этом отношении является наиболее продуктивным, что еще раз свидетельствует о его особом статусе. Признаки темпорального плана характеризуют два типовых значения, признаки адъектно-субстанциального плана – одно значение. Таким образом, интерактивный план является наименее продуктивным по рассматриваемому параметру, поскольку его признаки отсутствуют в типовых значениях.

Кластерная вариативность планов. Как уже не раз отмечалось, иерархический план обладает максимальной кластерной вариативностью (равной трем), что в первую очередь объясняется количеством признаков этого плана. На критериальном уровне максимальную кластерную вариативность (равную трем) выявляет темпоральный план, самую низкую вариативность (равную двум) – интерактивный и адъектно-субстантивный планы. Следовательно, два последних плана выступают в качестве определенных семантических маркеров двух кластеров из трех, тогда как иерархический и темпоральный планы, как отмечалось ранее, равномерно распределяют признаки по всем трем кластерам, выраженно не маркируя ни один из них относительно других семантических планов.

Одним из релевантных в рассматриваемой системе, как уже отмечалось, является понятие *оппозиции*, позволяющее установить степень противопоставленности кластеров относительно друг друга. Количество оппозиций каждого кластера относительно всех остальных представлено в таблице 1.

Таблица 1

Оппозиции между кластерами

	Кластер «Следователь»	Кластер «Помощник следователя»	Кластер «Прокурор»	Всего
Кластер «Следователь»	X	3	2	5
Кластер «Помощник следователя»	3	X	3	6
Кластер «Прокурор»	2	3	X	5
Всего	5	6	5	

Кластер «Следователь» устанавливает пять оппозиций, кластер «Помощник следователя» – шесть оппозиций, кластер «Прокурор» – пять оппозиций. Таким образом, наиболее дифференциально маркированным является кластер «Помощник следователя», что обусловлено его самой высокой плановой и признаковой вариативностью. Это может быть объяснено тем,

что в рамках данного комплекса признаков кластерный субъект («Помощник следователя») обладает более вариативной семантикой сравнительно с двумя другими кластерными субъектами («Следователь», «Прокурор») и подразумевает соотносительность с несколькими еще более частными субъектами (делопроизводитель, эксперт и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

Елисеева И.И., Юзбашев М.М. Общая теория статистики: учебник / под ред. И.И. Елисеевой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и Статистика, 2002. 480 с.

Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия 1: Гуманитарные науки. 1996. № 2.

Сильницкий А.Г. Кластерная организация семантического пространства полиситуативных юридических глаголов английского языка с субъектом «судья». Смоленск: СмолГУ, 2019. 198 с.

Сильницкий А.Г. Типология юридических ситуаций (на материале юридических глаголов английского языка) // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 3(39). С. 88–95.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с фр., вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 800 с.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии / пер. с нем. А.А. Холодовича; под ред. С.Д. Кацнельсона; послесл. А.А. Реформатского; вступ. ст. Л.А. Касаткина. 2-е изд. М.: Аспект-Пресс, 2000. 352 с.

Хайдуков Д.С. Применение кластерного анализа в государственном управлении // Философия математики: актуальные проблемы. М.: МАКС Пресс, 2009. 287 с.

Oxford advanced learner's dictionary of current English / A.S. Hornby; chief editor Sally Wehmeier; editors Colin McIntosh, Joanna Turnbull; phonetics editor Michael Ashby. 7th ed. 2005.

Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Merriam-Webster, 1993.

A.G. Silnitsky

*Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of the English Language and Translation,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

The Configuration of the Semantic Space of Juridical Verbs with the Subject «Investigator» in English

The article is dedicated to the analysis of the semantic space of juridical verbs with the subject «Investigator» in English. The theoretical part of the research combines some aspects of «verb-centric» conception and «quantitative linguistics». The notion of a «juridical verb» correlates with a juridical social sphere. The diagnostic semantic features which constitute the structural elements of the semantic space are substantiated. The semantic features are organized into semantic plans. The features of three semantic plans, being «categorical», are correlated with the situational subject «Investigator». These features are: «pro-cessual law» («adject-legal» plan), «purpose-oriented» law («adject-functional»

plan) and «indefinite» situation («teleological» plan). The «hierarchical» semantic plan is identified as «subcategorical», the features of which differentiate the more concrete subjects within the juridical situation «preliminary investigation» with the situational subject «investigator». These subjects are: «Prosecutor» (the feature «dominant» subject), «Detective» (the feature «subordinate» subject) and «Detective's Assistant» («subordinate dominant» subject). The features of «criterial» plans are used as additional semantic markers within the semantic space: the «temporal» plan (the features: «retrospective» and «prospective» situations), the «adject-substantive» plan (the features: «material» and «person» adject), the «interactive» plan (the features: «convergent», «divergent»).

By means of cluster analysis the semantic features were grouped into three clusters: «Detective», «Detective's Assistant» and «Prosecutor». Within each cluster the «nuclear» features (constituting the structure of a 'typal' meaning) and «peripheral» features are revealed. The clusters are described and compared on the basis of several cluster criteria: «plan variability of a cluster», «feature variability of a cluster», «nuclear variability of a cluster», «cluster variability of a plan».

Key words: «juridical» verb; subject «investigator»; semantic space; semantic features; «categorical», «subcategorical» and «criterial» semantic plans; cluster analysis; clusters of features.

REFERENCES

- Eliseeva I.I., Uzbashev M.M. General Theory of Statistics: textbook [Obschaja teorija statistiki: Uchebnik]. Ed. by I.I. Eliseevoj. 4 izd. Moskva, Finansye i Statistika, 2002. 480 p. (in Russian).
- Popova Z.D. Semantic Space of Language as a Category of Cognitive Linguistics [Semanticheskoje prostranstvo jasyeka kak kategorija kognitivnoj lingvistiki]. *Vestnik Voronezhskogo gos. Universiteta*, Serija 1, Gumanitarnyje nauki, 1996, no. 2, pp. 34–68 (in Russian).
- Silnitskij A.G. Typology of Legal Situations (Based on English Legal Verbs) [Tipologija juridicheskikh situatsij (na materiale juridicheskikh glagolov anglijskogo jazyka)]. *Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 3(39), pp. 88–95 (in Russian).
- Silnitskij A.G. Cluster Organization of the Semantic Space of Polysituational Legal English Verbs with the Subject «Judge» [Klasternaja organizacija semanticheskogo prostranstva polisituativnyh juridicheskikh glagolov anglijskogo jasyeka s subjektom «csudja»]. Smolensk, SmolGU, 2019. 198 p. (in Russian).
- Tenjer L. Fundamentals of Structural Syntax [Osnovy struchurnogo sintaksisa]. Ed. by V.G. Gak. M., Progress, 1988. 656 p. (in Russian).
- Testelez J.G. Introduction to General Syntax [Vvedenie v obshii sintaksis]. M., Isd-vo RGGY, 2001. 800 p. (in Russian).
- Trubetskoy N.S. Fundamentals of Phonology [Osnovy fonologii]. Transl. by A.A. Holodovich; ed. by S.D. Katsnelson. 2-je izd. M., Aspect-Press, 2000. 352 p. (in Russian).
- Hajdukov D.S. (2009). Application of Cluster Analysis in Public Administration [Primenenije clasternogo analiza v gosudarstvennom upravlenii]. *Filosofija matematiki: aktualnyeje problemye*. Moscow, MAKS Press, 2009. 287 p. (in Russian).
- Oxford advanced learner's dictionary of current English / A.S. Hornby. 7th ed. / chief editor Sally Wehmeier; editors Colin McIntosh, Joanna Turnbull; phonetics editor Michael Ashby. 2005 (in English).
- Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Merriam-Webster, 1993 (in English).

Ю.А. Белютина

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 81'27

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-106-115

**РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ НЕВЕЖЛИВОСТИ ЧЕРЕЗ
ТАБУИРОВАННУЮ ЛЕКСИКУ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Ключевые слова: *прагмалингвистика; социопрагматика; лингвистическая вежливость; невежливость; прямая / косвенная невежливость; табуированная лексика.*

Статья посвящена исследованию средств категории невежливости в английском языке и выполнена в рамках прагмалингвистического направления языкознания. Невежливость связывается с «коммуникативным саботажем», поведением, направленным на неисполнение коммуникативных регулятивов. Отмечается, что интерпретация речевого поведения должна строиться не только на основе вербального компонента, но и с учетом контекста ситуации общения, который в ряде случаев может иметь первостепенную значимость. Невежливость в исследовании понимается как язык, который используется с целью оскорбить и/или воспринимается как оскорбительный, при этом анализ затрагивает лишь те случаи, в которых присутствует маркированная лексика и которые наносят вред адресату. Табуированный словарь английского языка подразделяется на четыре большие тематические группы. Первая группа включает в себя семы, имеющие отношение к христианской религии и ранее соотносившиеся с богохульством, но сейчас утратившие свой прежний потенциал, особенно в среде молодежи. Во вторую группу входят корни с общим значением «сексуальные отношения, экскреция», которые в большинстве ситуаций словоупотребления лишились своего первоначального статуса и чаще всего выполняют функцию катарсиса. Третья группа обозначена как зооокативы; согласно исследованию, они позволяют преуменьшить значимость адресата, возвыситься за его счет. К последней группе относится лексика с ядром «blood», также более не ассоциирующаяся с кровью Христа и подвергшаяся десемантизации. Она главным образом выполняет эксплетивную функцию – актуализирует отрицательные эмоции.

В связи с тем, что лингвистические учения на протяжении многих десятилетий ориентированы на антропоцентризм, актуальным представляется изучение речевого общения в условиях объективной реальности, где человеческий фактор проявляется наиболее отчетливо и ярко. Языкознание на современном этапе своего развития предоставляет для этого большие возможности благо-

даря возникшим на стыке с ним новым научным направлениям: социолингвистика, прагмалингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, паралингвистика, этнолингвистика, лингвострановедение и др. В свете этих наук речевое общение не только может быть исследовано и описано более полно, но и рассмотрено под различными углами зрения.

За последние годы было получено достаточно сведений о речевом этикете и вежливой речи, выявлены их свойства и характеристики, описаны способы их языковой репрезентации. Однако в реальном общении, затрагивающем интересы всех его участников, далеко не всегда наблюдается гармония, интересы людей могут сталкиваться, а ситуация общения, соответственно, в таких случаях имеет тенденцию превращаться в конфликтную. Если в психологии и социологии конфликтные ситуации издавна подвергались интенсивному изучению, то вербальная актуализация конфликта пока еще остается малоизученной.

Обычно внимание исследователей, изучающих механизмы межличностного взаимодействия, сосредоточено на условиях коммуникативного успеха. Предполагается, что все участники коммуникации идут навстречу друг другу и соблюдают все принципы и правила общения. Между тем принято считать, что и в речевом взаимодействии каждый стремится оказать влияние на собеседника, навязать ему свое мнение, скрыть нежелательные для себя факты, увернуться от ответа на неприятные вопросы, задеть или даже обидеть оппонента. Можно говорить о таких коммуникативных установках, которые направлены на срыв обмена информацией в беседе, о так называемом «коммуникативном саботаже» [Николаева, 2003, 268]. Стиль общения определяется степенью соответствия его основных аспектов, в реальной коммуникации нередко можно встретить факты несовпадения целей, способов, норм и правил общения.

В связи с этим *невежливость* можно определить как поведение, демонстрирующее неуважение к человеку, находящемуся в коммуникативном контакте с субъектом речи. При этом необходимо принимать во внимание не только вербальный компонент общения (words and structures), но и аудио-визуальный эффект, который слова производят (aural / oral and visual aspects) [Discursive approaches to politeness, 2011, 1]. Контекст при оценке поведения как (не)вежливого имеет первостепенную значимость [Culpeper, 2017, 13–14].

Вообще само понятие «(не)вежливость» как лингвистический термин происходит из сферы прагматики, исследования в которой строятся на использовании языка в определенном контексте. Раздел социопрагматики, согласно Дж. Личу, базируется на условиях непосредственного применения языковых единиц (local conditions of use) в коммуникативной ситуации. Такой подход важен в интерпретации (не)вежливости, так как маркированные семы не являются инвариантными в этом смысле, а чувствительны к обстоятельствам их употребления. Конечно, данный факт не отменяет того, что отмеченные как невежливые табуированные значения ассоциируются со

строго определенной сферой языкового выражения и поэтому идентифицируются как таковые даже без контекста. Таким образом, лингвистическую невежливость следует понимать как язык, который используется, чтобы оскорбить, нанести обиду, или воспринимается как оскорбительный.

В данном исследовании мы ограничимся анализом намеренной невежливости со стороны говорящего и/или поведения, воспринимаемого слушающим как невежливое, и исключаем случаи, в которых употребляются конвенционализированные маркеры невежливости, но которые при этом не воспринимаются адресатом и адресантом как невежливые (например, дружеское подшучивание). Такая оценка основывается на ожиданиях, ожиданиях, требованиях относительно социальной организации, включая то, как установка группы или отдельной личности опосредуется другими участниками во взаимодействии. Согласно исследованию Дж. Каллепера, поведение считается невежливым, когда оно вступает в конфликт с перспективной оценкой участников коммуникации и влечет за собой «эмоциональные последствия» (*emotional consequences*), то есть воспринимается как оскорбительное [Culpeper, 2019, 29].

Проблема интерпретации высказывания затрагивает и такую тему, как прямая и косвенная невежливость. Значение косвенных изречений не складывается непосредственно из значений составляющих их знаков и требует от актантов дополнительных усилий и мыслительных операций для извлечения реального смысла, содержащегося в фрагменте речи. В ряде случаев непрямолнейность считается более эффективным средством, так как позволяет избежать конфронтации и сохранить лицо собеседника, в других – индизказательность порождает двусмысленность и неправильное понимание намерений говорящего. В настоящем исследовании мы проанализировали прямую невежливость, включающую языковые маркеры, отмеченные как невежливые.

Вербализация категории невежливости широко представлена на разных языковых уровнях, но следует отметить, что синтаксический, морфологический и фонетический уровни не являются основными признаками, воплощающими ее напрямую. Лексические средства наиболее ярко репрезентируют приоритеты и ценности конкретного лингвокультурного сообщества. Оскорбительные слова и выражения присущи всем языкам и культурам мира [Елистратов, 1998, 61], и английский в этом смысле не исключение; их спецификация затрагивает лишь те области и сферы познания, которые служат источником образования эксплетивов. Примечательно, что в исследованиях лингвистической категории вежливости, как правило, выделяется дихотомия «вежливость – невежливость», в которой последняя считается нарушением тех или иных принципов, постулируемых авторами разных теорий. Так, например, Дж. Лич, выделивший шесть максим вежливости, указывал, что невежливость является нарушением одной из них. В то

же время он признавал, что маркированную лексику (табу, обцензизмы, ругательства, брань и т.п.) невозможно классифицировать таким же образом [Leech, 2014, 229].

Табуированная лексика английского языка представлена в четырех больших группах: 1) связана с христианской религией; 2) касается сексуальных отношений и экскреции; 3) основана на зоовокативах; 4) имеет отношение к крови. Вообще, все грубые и оскорбительные слова и выражения в английском языке происходят из так называемой «грязной дюжины» (*dirty dozen*) [Жельвис, 1990, 18]. Строго говоря, список бранных конструкций довольно широк, но в его основе лежат буквально десять-двенадцать наиболее популярных корней. Остановимся на каждой из перечисленных групп.

Изначально коммуникант, прибегавший к *богохульству*, подразумевал подсознательно (а иногда и намеренно) следующее: используя определенные лексемы, наделенные особой силой ввиду их связи с религиозной средой, он способен навлечь неприятности на своего собеседника. Однако в современном общении подобные ассоциативные признаки были утрачены, а скорее, заменены значениями, маркированными в лексикографических источниках как ругательства, брань, вулгаризмы. В повседневной коммуникации они выполняют совсем иные функции. Так, например, Т. Джей указывает, что данные его исследования степени агрессивности и «оскорбительного потенциала» ругательств, имеющих отношение к религиозным концептам, свидетельствуют о том, что в сравнении с другими группами табуированной лексики религиозные табу практически обладают довольно низкими способностями, особенно в молодежной среде [Jay, 1992, 167].

Функции сквернословия ограничиваются, как правило, актуализацией эмоционального отношения к происходящему, интенсификацией того смысла, который говорящий вкладывает в свое высказывание. Интересно отметить, что с помощью религиозной табуированной лексики коммуникант может выражать не только негативные эмоции (агрессию, раздражение, возмущение), но и в некоторых случаях положительные эмоциональные переживания, что свидетельствует также о содержательной трансформации табуированной лексики рассматриваемой группы. Ср. примеры.

(1) You know it – you know that, and you sit here smoking? Oh, *damn it*, Hamilton, I'm losing my temper <...> [Bierce A. In the Midst of Life. Tales of Soldiers and Civilians].

(2) Oh, you are not afraid of me? Your courage is well disguised – you seem *damnably afraid!* [Brontë E. Wuthering Heights].

(3) At the end he wheeled upon Placer and demanded: «*What in hell is that?*» [Crane S. Tales of Adventure].

(4) He walked over to Maggie and whispered in her ear. «Ah, *what d'hell*, Mag? Come ahn and we'll have *a hell of a time*» [Crane S. Maggie, a Girl of the Streets].

В примере (1) выражение *damn it* используется для описания высокой степени раздражения и возмущения, при этом оно не коррелирует со значением наказания в качестве переживания неприятностей или попадания в ад. Факт наличия в момент коммуникации негативных эмоций у говорящего подтверждает и его последующее высказывание: *I'm losing my temper*.

Во втором примере наречие *damnably* выступает в функции интенсификатора прилагательного *afraid*, в то же время актуализируя эмоциональное состояние коммуниканта в речи и подчеркивая его раздосадованность. Аналогично и выражение *what in hell...* в примере (3) усиливает содержащую его вопросительную конструкцию и символизирует гневное и/или раздраженное состояние адресанта сообщения, тем более что он не просто задал вопрос, а потребовал ответа (*demand*).

В последнем примере оба выражения имеют положительную коннотацию. Первое из них (*what d'hell*) демонстрирует полное отсутствие беспокойства у говорящего и его твердую решимость выполнить запланированное действие. Второе (*we'll have a hell of a time*) звучит не как угроза, а как обещание великолепного времяпрепровождения и, следовательно, передает информацию о позитивных эмоциях коммуниканта.

Особо следует сказать о словах, являющихся производными от религиозных табу. В процессе деривации они, как правило, сохранили отрицательную коннотацию, но в большинстве случаев утратили связь с исходным значением, чаще всего выступая способом присвоения характеристики явлению, процессу, объекту. Ср.: *hell of a fix* – большая неприятность; *hell of it* – неприятность, неприятная сторона события; *hell about (around)* – нарываться на неприятности, бездельничать; *raise hell* – скандалить, шуметь, разозлиться, выйти из себя; *heller* – отчаянный смельчак, распутник.

Однако следует отметить, что запрет на богохульство в связи с вечной актуальностью главной книги христиан Библии по-прежнему находит свое отражение в языке. В доказательство этому можно привести разветвленную систему эвфемизмов, существование которых обусловлено запретом церкви на богохульное употребление слов и общественным мнением, не поощряющим применение в речи эксплетивов, связанных с именем Бога, Иисуса Христа и дьявола. Ср. God: *gad, gar, gawd, gawsh, godfrey, gol (golly)* и др.; Jesus: *chee, cheez, gee-my-knee, jazzy, jiggers, Jupiter* и др.; Christ: *cracky, creation, Chris, cricky* и др.; Lord: *Law, Lawd, Lawks* и др.; Hell: *Billy Hell, hallelujah, HE double L, himmel, hot place* и др.; Devil: *(Old) Bendy, the (old) deuce, the (old) divel, (Old) Henry, (Old) Roundfoot* и др. В подавляющем большинстве случаев трансформированные единицы языка, как и сущности, которые они символизируют, призваны выражать самые разнообразные эмоциональные проявления – от негодования до восторга – и способны выполнять конкретные коммуникативные функции: сообщать информацию о

переживаемых говорящим эмоциях, передавая его отношение к происходящему, задавать зависящий от намерений коммуниканта тон общения, направлять коммуникацию в нужное русло, вплоть до ее остановки.

Вторая группа табуированной лексики, касающейся *сексуальных отношений и экскреции*, также в процессе исторических преобразований языка испытала на себе значительные изменения. Слова и выражения этой группы уже давно не воспринимаются носителями языка буквально. В подавляющем большинстве случаев они не служат средством названия тех процессов, явлений и объектов, которые обозначают, а дают возможность говорящему заявить о своем отношении к предмету разговора, привлечь к себе внимание, оказать необходимое воздействие на собеседника, чтобы продолжить коммуникацию в соответствии с интенциями адресанта, и вместе с тем выполняют функцию катарсиса [Жельвис, 2001, 37].

И все же запрет на использование лексики этой группы имеет некоторую корреляцию с обозначаемыми ей концептами, которая заключается в строгом контроле некоторых фактов жизни всего общества и отдельного индивида как его неотъемлемого элемента. Как отмечают Л. Андерссон и П. Траджилл, существование человека как живого организма предполагает реализацию им множества функций, которые обеспечивают его жизнедеятельность и наделяют возможностью продолжения в новых поколениях [Andersson, Trudgill, 1992, 56]. Однако высокая степень значимости этих функций определяет жесткий контроль за надлежащим их исполнением [Bergler, 1974, 148], что также находит свое лингвистическое отражение в табуированности номинаций действий и фактов в данной сфере активности человека. Обратимся к примерам.

(1) CLERIMONT. Did you ever hear such a *wind-fucker* as this?

DAUPHINE. Or such a rook, as the other! That will betray his mistress, to be seen [Jonson B. Epicoene or The silent Woman. A Comedy].

(2) «Do you always smoke arter you goes to bed, *old cock?*» inquired Mr. Weller of his landlord, when they had both retired for the night [Dickens Ch. The Posthumous Papers of the Pickwick Club].

(3) «<...> As Sir Oliver Parkin».

«Sir Oliver *Shit!*»

There was an angry silence. After a while she turned to him [Lawrence: Lady Chatterley's Lover (First Version)].

(4) FACE. Believe't, I will.

SUBTLE. Thy worst. I *fart* at thee [Jonson B. The Alchemist. A Comedy].

В отличие от предыдущей группы табуированных слов, лексические единицы данного класса обладают только негативной коннотацией. Они не просто являются средством «завести» и подзадорить противника, но и дают возможность самому говорящему обрести уверенность в собственных силах, приписав оппоненту заниженную характеристику (*old cock*), наделив

его отрицательными свойствами (*wind-fucker*), преуменьшив его человеческое достоинство (*Oliver Shit*), продемонстрировав ему свое неуважительное и даже пренебрежительное отношение (*I fart at thee*).

Особенно результативным механизмом моделирования грубых высказываний в отношении собеседника является применение говорящим атрибутивных конструкций, коммуникативная функция которых заключается в информировании слушающего о презрительном, пренебрежительном, агрессивном восприятии предмета беседы или/и самого адресата. Ср.: *an ignorant and a blatant ass, an old tedious prolix ass, a serious ass, an ill-tempered ferocious young ass, an old tup-headed ass, a thrice sodden ass, a preposterous ass, a fanatical ass, a mad ass, an ass-head, a virtuous ass, a thrice-double ass, a muckle ass, an old ass to boot, an infernal ass, an armor-plated ass, a perfect ass, a consummate ass, a driveling ass, Arkansas ass, the meddlesome ass, a self-complacent ass, an egregious ass, a stupid ass, a conceited ass, a jack ass, an utterly brainless ass* и т.п.

Нарушение запрета также имеет отношение к использованию **зоовокативов**. Очевидно, что в большинстве случаев возникновения конфликта стороны, стремясь к его разрешению, задействуют разнообразные средства, в том числе и те, которые помогают им одержать моральную победу над противником. Коммуникативная функция зооморфизмов в основном связана с социальной дискредитацией субъекта посредством адресованного ему текста. Обратимся к примерам.

(1) <...> You are *an old pig*. You are *a brimstone pig*. You're *a head of swine!* [Dickens Ch. Bleak House].

(2) «*A nasty, ungrateful, pig-headed, brutish, obstinate, sneaking dog*», exclaimed Mrs. Squeers, taking Smike's head under her arm, and administering a cuff at every epithet <...> [Dickens Ch. The Life and Adventures of Nicholas Nickleby].

(3) «Go on, *you dog-gone little yaller rat!*» he said over his shoulder. «You fellers can't chase me off this range. I got as much right here as anybody» [Crane S. Tales of Adventure].

(4) CORIOLANUS. Hence, *old goat!* [Shakespeare W. The Tragedy of Coriolanus].

(5) CORBACCIO.

I will not hear thee,

Monster of men, swine, goat, wolf, parricide,

Speak not, *thou viper* [Jonson B. Volpone, or The Fox].

(6) I won't kiss you. I won't. Stop doing that! Ugh! you're *like a dog* – you ought to find lovers round lamp-posts – *you beast* – you fiend! [Mansfield K. In a German Pension].

(7) «Look at the children, *you nasty little bitch!*» he sneered [Lawrence D.H. Sons and Lovers].

Выбор объектов для сравнения чаще всего падает на животных, ассоциирующихся у коммуникантов с проявлением конкретных отрицательных характеристик, которые в данный момент необходимо акцентировать. Именно по этой причине зооокативы часто сочетаются с различными частями речи в атрибутивной функции для интенсификации выделяемого свойства субъекта: *little swine, lousy swine, monstrous beast, glee'd swine, mannerless swine, a shocking little pig, obstinate as a pig, a dirty pig, a little selfish pig, a treacherous old goat, factious viper, a most unparalleled and unmitigated viper*. Кроме того, зооморфизмы сами активно применяются для описания внешних характеристик человека, вызывающих неприязнь у говорящего: *a pig-headed enthusiast, a pig-faced lady, a woman imbecile and pig-like, a pig of a fellow, a goat-bearded slave*. Лексемы данной группы вступают во взаимодействие с религиозными табу, образуя распространенные словосочетания и усиливая тем самым прагматическое воздействие: *damned and luxurious mountain goat, dog-gone little yaller rat, damn the nasty son of a bitch*.

Последняя группа табуированной лексики представлена словосочетаниями, ядром которых выступает слово **blood**. В отличие от рассмотренных ранее типов табу, данный класс функционирует в основном для актуализации эмоционального состояния адресанта и применяется говорящим в качестве эксплетивного восклицания. Следует подчеркнуть, что при этом словосочетание не десемантизируется полностью: помимо информации об эмоциях говорящего, оно может также сообщать о несогласии с высказанной точкой зрения, отказе выполнить какое-либо действие, нежелании сотрудничать и т.п. Обратимся к примерам.

- (1) Behold *my blood!* the first time it e'er flowed
Dishonourably [Byron G.G. Marino Faliero].
- (2) «*My blood!*» ejaculated the vexed coachman, «and not atop of Shooter's yet! Tst! Yah! Get on with you!» [Dickens Ch. A Tale of Two Cities].
- (3) If you ain't got tins an' cookin' things, all as you can get 'll be bread and cheese. *No bloody good* that! <...> [London J. The People of the Abyss].
- (4) «How about tobacco?» I asked. «Will the bloke bother with a fellow now?»
«Oh, no», he answered me. «*No bloody fear*. <...>» [London J. The People of the Abyss].

Как и в случае с зооокативами, табуированная лексика данной группы образует комбинации с религиозными табу в целях интенсификации выполняемой функции. Широко используемые словосочетания (*by*) *God's blood, damn my blood* часто выступают как апеллятивы и используются с целью привлечь к себе внимание, обратиться к собеседнику. Сходство групп обнаруживается и в их способности интерпретировать пейоративные свойства оппонента, понижая его социальный статус: *bloody-eyed, bloody-handed, bloody-minded dog, the bloody-minded Villains, the bloody Yankees*,

bloody black beast, a bloody thing, bloody woman, bloody, blind, and superstitious bigots.

Таким образом, в ходе анализа установлено, что лексические средства невежливой речи отличаются разнообразием и многоаспектностью. Часть из них, в силу своей категоричности и однозначности в толковании, используется с целью обидеть и оскорбить собеседника, другие связаны с пренебрежением правами и свободой личности партнера по общению, иные задействуются для прекращения коммуникации и т.д. При этом лингвокогнитивная «эксплуатация» табуированной лексики приобретает моделированный характер, что проявляется в установке говорящего обращаться в однотипных коммуникативных ситуациях к уже существующему в сознании инварианту.

ЛИТЕРАТУРА

Елистратов В.С. «Сниженный язык» и «национальный характер» // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 55–63.

Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1990. 81 с.

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

Николаева Т.М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / редкол.: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. М.: Индрик, 2003. С. 268–276.

Andersson L.G., Trudgill P. *Bad Language*. London: Penguin Books, 1992. 202 p.

Bergler R. *Sauberkeit. Norm – Verhalten – Persönlichkeit*. Bern, Stuttgart, 1974. 453 S.

Culpeper J. *Taboo language and impoliteness* // *Oxford Handbook of Taboo Words and Language*. New York: Oxford University Press, 2019. P. 28–40.

Culpeper J., Terkourafi M. *Pragmatics and (im)politeness* // *Palgrave Handbook of (Im)politeness*. Basingstoke: Palgrave, 2017. P. 11–39.

Discursive approaches to politeness / ed. by Linguistic Politeness Research Group. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2011. 163 p.

Jay T. *Cursing in America: A Psycholinguistic Study of Dirty Language in the Courts, in Movies, in the Schoolyards, and on the Streets*. Philadelphia; Amsterdam, 1992. 273 p.

Leech G.N. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 369 p.

Yu.A. Belyutina

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of the English Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Taboo Language as a Means of the Category of Impoliteness in the English Language

The article considers means of the linguistic category of impoliteness, and the research is based on the pragmatic approach in linguistics. Impoliteness is associated with the so-called communicative sabotage, behavior violating communicative norms. To interpret the speaker's verbal behavior one should judge

not only by the wording, but take into consideration the communicative situation, which, in some cases, is of paramount importance. In the research, impoliteness is understood as a language used to offend or / and is perceived as offensive. But the analysis touches upon the instances with marked vocabulary, which cause damage to the addressee. All the tabooed words in English are classified into four big semantic groups. The first group includes the semes related to the Christian religion that used to be associated with blasphemy but now have lost their initial capacity, especially among teenagers. The second group embraces roots with the meaning 'sexual relations,' 'excretion' but nowadays they lack their original status in most contexts and mostly perform the function of catharsis. The third group is mentioned as zoovocatives and, according to the research, are used to diminish the addressee's importance, to rise in the estimation of the public. The last group comprises the words with the seme 'blood' which no longer refers to Jesus's blood and has undergone desemantization. It mostly performs expletive function – emphasizes the speaker's negative emotions.

Key words: *pragmalinguistics; sociopragmatics; linguistic politeness; impoliteness; direct / indirect impoliteness; taboo language.*

REFERENCES

- Andersson L.G., Trudgill P. *Bad Language*. London: Penguin Books, 1992. 202 p. (in English).
- Culpeper J. *Taboo language and impoliteness*. In: *Oxford Handbook of Taboo Words and Language*. New York: Oxford University Press, 2019, pp. 28–40 (in English).
- Bergler R. *Sauberkeit. Norm – Verhalten – Persönlichkeit* [Norm – Behaviour – Personality]. Bern, Stuttgart, 1974. 453 S. (in German).
- Culpeper J., Terkourafi M. *Pragmatics and (Im)politeness*. *Palgrave Handbook of (Im)politeness*. Basingstoke: Palgrave, 2017, pp. 11–39 (in English).
- Discursive Approaches to Politeness*. Ed. by Linguistic Politeness Research Group. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, 2011. 163 p. (in English).
- Jay T. *Cursing in America: A Psycholinguistic Study of Dirty Language in the Courts, in Movies, in the Schoolyards, and on the Streets*. Philadelphia; Amsterdam, 1992. 273 p. (in English).
- Leech G.N. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford, Oxford University Press, 2014. 369 p. (in English).
- Nikolaeva T.M. *On the Principle of Non-cooperation and / or on the Categories of Sociolinguistic Manipulation* [O principe «nekooperacii» i / ili o kategorijah sociolingvističeskogo vozdejsťvija]. *Logical Analysis of a Language. Selected articles. 1988–1995* / ed. by N.D. Arutyunova, N.F. Spiridonova. M., Indrik, 2003, pp. 268–276 (in Russian).
- Yelistratov V.S. *Non-standard Language and National Character* [«Snizhennyj jazyk» i «nacional'nyj karakter»]. *Philosophic Matters*, 1998, no. 10, pp. 55–63 (in Russian).
- Zhelvis V.I. *Emotive Aspect of Speech. Psycholinguistic Interpretation of Persuasion* [Jemotivnyj aspekt reči. Psiholingvističeskaja interpretacija rečevogo vozdejsťvija]. Yaroslavl, 1990. 81 p. (in Russian).
- Zhelvis V.I. «Field of battle»: *Swearing as a Social Problem in World Languages and Cultures* [Pole brani: Skvernoslovie kak social'naja problema v jazykah i kul'turah mira]. M., Ladomir, 2001. 349 p. (in Russian).

А.А. Стрельцов

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

УДК 81'373.2+811.11

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-116-131

**СЛИЯНИЕ ОНИМОВ: К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ
ТЕЛЕСКОПИЧЕСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ**

Ключевые слова: словообразование; блендинг; телескопия; словослияние; ономастика; названия.

В статье рассматриваются имена собственные, образованные посредством блендинга – слияния двух и более слов, по меньшей мере одно из которых, в свою очередь, также является именем собственным – онимом. Установлено, что слова, образованные данным способом, представлены преимущественно в английском языке, но встречаются и в русском, немецком и французском языках, хотя и в значительно меньшей степени. Все блендо-онимы можно разделить на несколько групп, из которых самые многочисленные – антропонимы (имена для новорожденных, общие имена и/или фамилии супружеских пар, объединенные имена персонажей, придуманные фантами, – фиктонимы и т.п.) и топонимы (макро- и микро-топонимы, в частности ойконимы, урбанонимы); особенно популярен данный способ слияния имен собственных в США – в частности, названия групп штатов и приграничных городов. Несмотря на преобладание в целом англоязычных примеров, средствами русского языка создано немало блендов-прозвищ, многие из которых имеют шуточный или даже оскорбительный характер. Сравнительно небольшое число блендов-онимов – это названия предприятий и организаций – эргонимы, товарных знаков – прагмонимы и предметов материальной культуры – хрематонимы; нами впервые выделена отдельная группа – названия праздников – геортонимы. Наиболее распространенным является объединение усеченных основ одного или обоих слов, хотя встречаются случаи наложения и вставочного образования, а также объединения трех основ. Данная работа будет интересна лексикологам, поскольку в ней рассматриваются вопросы словообразования, и специалистам в сфере ономастики, так как объектом исследования выступают имена собственные.

В последние двадцать лет вопросы контаминированного словообразования (оно же телескопия или блендинг) привлекли внимание большого количества отечественных и зарубежных исследователей. Результаты их работы нашли отражение в десятках научных статей и ряде диссертаций. Вместе с тем лишь единицы делали объектом своего рассмотрения бленды (здесь и ниже мы

будем использовать именно этот термин. – А. С.), являющиеся именами собственными, и почти никто из известных нам ученых, кроме [Хрущева, 2011а; Парамонова, 2015; Волова, 2020], не рассматривал отдельно бленды, в образовании которых участвовали онимы (или даже только онимы), что является предметом нашего исследования. Цель настоящей работы – дать классификацию англо- и русскоязычных блендов-онимов. Материалы исследования получены методом сплошной выборки (объем – сто англо- и 35 русскоязычных блендов) из доступных научных публикаций (приведенных в списке литературы к настоящей статье, почти все из них опубликованы за последние 20 лет. – А. С.), поскольку подобные лексические единицы крайне редко фиксируются в словарях. При этом мы не затрагиваем узуальный / окказиональный аспект проблемы, поскольку он не отражается на классификации рассматриваемых нами лексических единиц. В ходе исследования нами было обнаружено еще около двух десятков примеров на немецком, французском и португальском языках, которые мы сочли возможным включить в состав общей выборки, предварительно сделав соответственно пометки ‘*нем.*’, ‘*фр.*’ и ‘*порт.*’.

Под блендингом мы понимаем процесс образования слов-слитков посредством частичной или полной редукции исходных составляющих – усечения одной или обеих основ – и последующего их объединения в новое слово, лексическое значение которого создается совокупностью значений его компонентов. Соответственно, основными моделями образования блендов являются: «полное первое слово + конец второго» ($ab + cd = abd$), «конец первого слова + конец второго» ($ab + cd = bd$), «начало первого слова + конец второго слова» ($ab + cd = ad$), «начало первого слова + начало второго слова» ($ab + cd = ac$), «начало первого слова + полное второе слово» ($ab + cd = acd$) (далее для краткости обозначаемые в тексте статьи как abd , bd , ad , ac и acd . – А. С.). Мы полагаем, что наложение и вставка – два других, менее употребительных способа образования блендов не будут являться продуктивными в случае слияния имен собственных, что станет гипотезой нашего исследования.

Первая группа – это антропонимы. Она достаточно многочисленна, и поэтому в ней можно выделить несколько подгрупп:

а) имена для новорожденных (baby-names): Olabelle < Ola + Isabel, Bethene < Elizabeth + Christine, Olouise < Olive + Louise, Adrielle < Adrienne + Belle, Rosella < Rose + Bella, Birdene < Birdie + Pauline, Romiette < Romeo + Juliette, Marjetta < Marjorie + Henrietta, Maybeth < May + Elizabeth, Leilabeth < Leila + Elizabeth, Armina < Ardelia + Wilhelmina, Charline < Charles + Pauline, Carolinda = Caroline + Linda [Mencken, 1949, 521; Хрущева, 2011а, 137; Мурзков, 2013, 23; Лаврова, 2011, 172], Палина < Павел + Алина, Елизалекс < Елизавета + Александр [Синкевич, 2016, 123–124]. Почти все англоязычные примеры образованы по моделям ad – половина или abd – треть выборки соответственно.

Они могут содержать в своей структуре имена отца и матери новорожденного либо два женских имени, выбранных в соответствии с именами родственников по женской линии или предпочтениями родителей. В этой связи можно также вспомнить моду в СССР в 1920-е годы и позже на такие имена, как Владлен < Владимир Ленин, Марлен < Маркс + Ленин и т.д.;

б) бленды-онимы для супружеских пар: Brad/ngelina < Brad (Pitt) + Angelina (Jolie), Tomkat < Tom (Cruise) + Katie (Holmes) (бленд созвучен слову tomcat – «кот»), Speidi < Spencer (Pratt) + Heidi (Montag), Kimye < Kim (Kardashian) + Kanye (West), Vaughniston < (Vince) Vaughn + (Jennifer) Aniston.

Есть несколько особых случаев:

– Bennifer < Ben (Afflek) + Jennifer (Lopez) – первоначально оно применялось в отношении пары Бена Аффлека и Дженнифер Лопез, а позднее приобрело форму *Bennifer 2* или *Bennifer Jr*, отражая изменения в паре, а именно новую избранницу Б. Аффлека – Дженнифер Гарнер. Также существовала более развернутая форма Bennifer J. Afflo < Ben + Affleck + Jennifer + Lopez. Возможно, по образцу образован бленд-оним Filliam H. Muffman < William H. Macy + Felicity Huffman [Хрущева, 2011a, 137; Нухов, 2016, 799];

– у четы Bill и Hillary Clinton имеется два варианта общего имени: Billary и HillBill (последний созвучен слову hillbill – «деревенщина») [Хрущева, 2011a, 137; Лаврова, 2011, 172; Парамонова, 2015, 137].

Идея создания единой семейной фамилии от фамилий обоих супругов возникла в США и получила название «meshing» (names), став альтернативой двусоставным фамилиям, используемым при желании невесты сохранить девичью фамилию после вступления в брак. Хотя нельзя отрицать, что в отдельных случаях подобное словотворчество с фамилиями может являться данью моде и следствием желания быть «оригинальными».

Первым стал мэр Лос-Анджелеса А. Вилларайгоза, который объединил свою фамилию – Villar с фамилией жены – Raigosa [Хрущева, 2011a, 137]. Это случилось в 1987 году, поэтому утверждение: «Первое официально зафиксированное контаминированное имя семейной пары датируется 1992 годом, когда в США в газете *The New York Times* было опубликовано объявление о бракосочетании Valerie Silverman и Michael Flaherty, которые стали Mr. и Mrs. Flaherman» [Парамонова, 2015, 138] является ошибочным.

В русском языке тоже отмечается подобное явление: Пугалкин < (Алла) Пугачева + (Максим) Галкин, Касавас < (Наталия) Касаткина + (Владимир) Василев (народные артисты, руководители театра классического балета в Москве), Дружмук < (Светлана) Дружинина + (Анатолий) Мукасей (народные артисты, актриса и режиссер и кинооператор).

Таким образом, большая часть англоязычных блендов-онимов из данной подгруппы образована по модели abd. Русскоязычные бленды-онимы в обеих рассмотренных подгруппах образованы по моделям ac и acd, в английском языке являющимся малопродуктивными;

в) именованя союзов:

– политических: Mr. Butskell < Rab (R.A.) Butler + (Hugh) Gaitskell (британские политики второй половины 1950-х – первой половины 1960-х годов: видный консерватор и известный лейборист; одно время возглавляли каждый свою партию), Mr. Blatcher < (Tony) Blair + (Margaret) Thatcher (британские премьер-министры, соответственно лейборист и консерватор), проводимые ими политические курсы получили названия Butskellism и Blatcherism; Merkozy (Меркози) < Merkel (Ангела Меркель) + Sarkozy (Николя Саркози) (существует также вариант Sarkel) и Merk(h)ollande (Мерколанд) < Merkel + Hollande (Франсуа Оланд) – федеральный канцлер Германии и президенты Французской республики соответственно, а также ряд блендов, образованных от имени премьер-министра Португалии в 1995–2002 годы (и впоследствии Генерального секретаря ООН) Антониу Гуттериша: Nogueires < Nogueira (Хоаким Фернандо Ногейра возглавлял Социал-демократическую партию в 1995 году, когда на выборах она уступила Социалистической партии Гуттериша) + Guterres, Guteiro < Guterres + Monteiro (Антониу Машкареньяш Монтейру, президент республики Кабо-Верде с 1991 по 2001 год, во внешней политике ориентировавшийся на Португалию и португалоговорящие страны), Monguerres < Monteiro + Guterres [Rio-Torto, 2014, 14];

– профессиональных и идейных: Серовин < (Валентин) Серов + (Константин) Коровин (друзья-художники), Scalito < Antonin Scalia + Samuel Alito (судьи Верховного суда США, которые отличались крайне консервативными взглядами, оба итальянского происхождения), Julielmo < Julie + Elmo (имена музыкантов), Beckovic < (Boris) Becker + (Novak) Djokovic и Fedberg < (Roger) Federer + (Stefan) Edberg (известные в конце прошлого века теннисисты Беккер и Эдберг некоторое время были тренерами соответственно Джоковича и Федерера, также ставших «первыми ракетками»). Почти все слова данной подгруппы образованы по модели ad.

Особо следует отметить слово «Толстоевский», представляющее собой объединенную фамилию двух классиков российской литературы, живших примерно в одно время, но находившихся в неприязненных отношениях;

г) бленды-прозвища: Маобама < Мао (Цзэдун) + (Барак) Обама, Путлер < Путин + Гитлер, Борель < Борис Ельцин, Влажирин < Владимир Жириновский; или же Gorbamastein < Al Gore + Obama + Frankenstein [Хрущева, 2011а, 138; Пекарская, 2013, 93; Mirzaie, 2014, 20; Синкевич, 2016, 123–124]. Во Франции популярны прозвища, в которых сочетаются имена современных политических деятелей и известных исторических личностей: Rocard-bespierre < Rocard + Robespierre (премьер-министр Мишель Рокар и Максимилиан Робеспьер, видный деятель Французской революции), Sarkoleon < Sarkozy + Napoleon; отдельно стоит упомянуть прозвище Жоржа Помпиду – Vougnaparte < bougnat + Vounaparte: жителей Оверни – региона, в котором родился президент Пятой республики, иногда называют

bougnats, а честолюбие политика привело к тому, что его сравнивают с Бонапартом [Rus, 2012, 206].

Некоторые прозвища могут являться откровенно неуважительными, им свойственна «глумливая тональность»: Джигурдашка < Джигурда + Чебурашка и Снегурда < Снегурочка + Джигурда [Коробкина, 2020, 8–9], а «противники действий мэра Москвы Сергея Собянина и депутата Госдумы РФ Натальи Поклонской создали слова Собякин и Поклоунская» [Григорьева, 2019, 489]; вышеупомянутого президента Николая Саркози в прессе называли Tsarkozy и Starkosy. В начале прошлого десятилетия в ходе предвыборной кампании в Украине два основных кандидата получили у избирателей прозвища «Бандюкович» (намек на криминальное прошлое Виктора Януковича) и «Тимошенница» – так прозвали главную соперницу Юлию Тимошенко, на которую было заведено несколько уголовных дел.

Также фамилии политиков могут использоваться наряду с нарицательными существительными для обозначения тех или иных политических реалий: Moosevelt < (bull) moose + (Theodore) Roosevelt – неформальное название Прогрессивной партии США 1912 года, образовавшейся в результате раскола Республиканской партии, эмблемой которой был американский лось (сохатый), а лидером – экс-президент Теодор Рузвельт (в 1948 году произошел кратковременный раскол уже Демократической партии, в результате которого появился бленд dixiecrat < Dixie + democrat – демократ-южанин, выступающий за сохранение сегрегации); Bulroneу < bull + (Brian) Mulroneу – обещание политика, которое он не собирается выполнять (в честь канадского премьер-министра Брайана Малруни, который делал легкомысленные заявления); Obamacan < (Barack) Obama + Republican – республиканец, отдавший голос за демократа Барака Обаму на президентских выборах в США, Hoovercrat < (Herbert) Hoover + democrat – демократ с Юга, голосовавший за (или поддерживавший) республиканца Г. Гувера в 1928 году [Хрущева, 2011а, 139; Нухов, 2016, 796]. Почти все англо- и франкоязычные прозвища образованы по моделям abd и ad, а 40% русскоязычных – ad и еще по 20% – ac и вставкой;

д) имена персонажей – фиктонимы:

– фанатские: литературные: Heron < Hermione + Ron, Harrione / Dramione < Harry / Draco + Hermione («Harry Potter»); мультипликационные: Zutara < Zuko + Katara («Легенда об Аанге» – «Avatar») и Adrianette / Lukanette < Adrien / Luka + Marinette («Леди Баг и Супер-Кот» – «Miraculous Ladybug»);

– телевизионные: Burktina < Preston Burke + Cristina Yang («Анатомия страсти» – «Grey's Anatomy»), Clois < Clark Kent + Lois Lane («Тайны Смолвилля» – «Smallville»), Caskett < Richard Castle + Kate Beckett («Касл» – «Castle»), Turla < Turk + Carla («Клиника» – «Scrubs»), Spuffy < Spike + Buffy («Баффи – истребительница вампиров» – «Buffy the Vampire Slayer»), Ram < Roy + Pam, Jam < Jim + Pam, Dwangela < Dwight + Angela («Офис» –

«The Office»), Nedna < Ned + Edna, Krustelope < Krusty + Penelope («Симпсоны» – «The Simpsons»), Страшнислав < страшный + Станислав (м/ф «Четверо в кубе»), Аршавкин < Аршавин + шавка (м/ф «Барбоскины») [Хрущева, 2011а, 138; Парамонова, 2015, 138]. Треть всех фиктонимов образована по модели ad, а четверть – acd.

Отдельно следует рассмотреть пример с именами пары, которая образовалась в 20-й серии 22-го сезона мультсериала «Симпсоны»: поначалу Milhouse и Taffy хотели назвать себя Milfy, что похоже по написанию и звучанию на аббревиатуру MILF, поэтому по совету мамы (но без озвучивания настоящей причины) было принято решение изменить его на Taff-house. Новое имя стало напоминать название какой-либо закусочной. Данный пример иллюстрирует те сложности, которые возникают при подборе длины сегментов слова и их порядка в процессе слияния: стремление к краткости, благозвучию и отсутствию нежелательных ассоциаций.

Подводя промежуточный итог, можно утверждать, что половина англоязычных блендов-антропонимов образована по модели ad, еще четверть – abd, на третьем месте по продуктивности – acd: с их помощью образовано 90% всех рассмотренных блендов. В русском языке самыми продуктивными являются модели ad и ac, популярны acd и вставочное образование, в совокупности также составляющие 90%.

Вторая группа, не менее многочисленная, – топонимы:

а) макротопонимы:

– части света: Eurasia < Europe + Asia, по-немецки Euroasien < Europa + Asien, по-французски Eurasie < Europe + Asie, по-русски Евразия < Европа + Азия или Азиопа < Азия + Европа, а также немецкие бленды Ameropa < Amerika + Europa, Afrasien < Afrika + Asien и французские Afrasie < Afrique + Asie, Eurafrique < Europe + Afrique (почти все образованы по модели acd). Слово Françafrique < France + Afrique используется для характеристики неформальной опеки Франции над своими бывшими колониями;

– страны – хоронимы: Chindia < China + India – два крупнейших развивающихся государства, расположенных в южной части Азии; Tanzania < Tanganyika + Zanzibar, *фр.* Sénégambie < Sénégal + Gambie (Сенегамбия – историческое название географического региона в Западной Африке), *порт.* Espanibéria < Espanha + Ibéria, *порт.* Afriganistão < Africa + Afeganistão – опасение, что часть так называемого региона Сахель, в частности Мавритания, Мали, Алжир, Нигер, Чад и Ливия, может стать новым очагом террористической угрозы вследствие усиления влияния в нем исламистских группировок, разгромленных в Афганистане, Израстина < Израиль + Палестина – идея создания единого государства из двух непримиримых, постоянно воюющих, Benelux < Belgium + Netherlands + Luxemburg – «Бенилюкс», экономический союз Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, а также созданный по образцу бленд Fritelux < France + Italy + Benelux – «Фрите-люкс», группа

из пяти западных европейских государств, включающая Францию, Италию и Бенилюкс [Архиреев, 2015, 43; Синкевич, 2016, 122; Сафарова, 2017, 12]. Нам встретилось два онима-бленда, образованных с участием прилагательного: *Hungarican* < *Hungarian* + *American* и *Amerindian* < *American Indian* [Lefilliâtre, 2019]. Отдельно следует упомянуть *Alcan* < *Alasca* + *Canada* – Аляскинская трасса, также известная как шоссе Аляска – Канада;

б) ойконимы и урбанонимы: *Oxbridge* < *Oxford* + *Cambridge* – объединенное название двух университетских городов в Англии (Великобритания), *Bollywood* < *Bombay* + *Hollywood*, а также *Лолливуд* < *Лахор* + *Голливуд* – названия центров соответственно индийской и пакистанской киноиндустрии, *нем.* *Mainhattan* < (*Frankfurt am*) *Main* + *Manhattan*, *фр.* *Parly* < *Paris* + *Marly*, *Bakerloo* < *Baker Street* + *Waterloo* – станция лондонского метро [Енарссон, 2006; Абросимова, 2016, 18, 19]. Почти все бленды-онимы образованы по модели *ad*.

Также можно упомянуть административный хороним «Оренбургская область», образованный от названия области и фамилии бывшего ее губернатора А.И. Берга, и астионимы *Путинбург* < *Путин* + *Санкт-Петербург* и *Ельцинбург* < *Ельцин* + *Екатеринбург*; все три названия являются ироничными и содержат в качестве одной из основ антропонимы [Хрущева, 2011а, 139, 140]. Ряд городов в России имеет названия-прозвища: *Барнаул* – «Барнаул не Сан-Франциско (из-за подвесного пешеходного моста, немного похожего на «Золотые ворота». – А. С.), не Неаполь, а уж точно Барнеаполь», *Иваново* – *Нирвано-Вознесенск* (шутливая переделка дореволюционного названия города), *Ереваново* (из-за большого числа «лиц кавказской национальности»), *Кондопога* – *Кондопенгаген*, *Хабаровск* – *Хабруйск*, а город *Читу* в шутку называют *Читаго* – из-за сложной криминогенной обстановки. Имеется единичный пример урбанонима: в Санкт-Петербурге ежегодно 8 июня, в день Санкт-петербургских кошек, Конногвардейский бульвар переименовывают в *Котогвардейский* [Григорьева, 2019, 489].

Отдельно стоит рассмотреть слова, не являющиеся топонимами, но образованные в результате их сложения и употребляемые в переносном значении:

– жаргонизмы, обозначающие места проживания иммигрантов: *Eurabia* < *Europe* + *Arabia* – так называют европейские страны, где живут выходцы из арабских стран, *Hongcouver* < *Hong Kong* + *Vancouver* – так называют Ванкувер, крупнейший город провинции Британская Колумбия (Канада), из-за того, что там проживает много выходцев из стран Юго-Восточной Азии, прежде всего китайцев, в частности – иммигрантов из Гонконга, *Bradistan* < *Bradford* + *Pakistan* – так называют город в графстве Западный Йоркшир (Великобритания), в котором проживает много выходцев из Пакистана [Енарссон, 2006; Савчин, 2012, 295; Vargas, 2018]. Сюда же можно отнести слова с компонентом-этнонимом: *Jewnited States* < *Jews* +

United States – «США для евреев» и Judapest < нем. Jude («Jew») + Budapest – автором последнего предположительно является австрийский политик-антисемит Карл Люэгер, занимавший на рубеже XIX–XX веков пост бургомистра Вены. В межвоенный период из-за большого количества наших соотечественников парижский пригород Биянкур окрестили «Биянкурском»;

– политические жаргонизмы: Euroshima < Europe + Hiroshima – Евросима < Европа + Хиросима – бленд-оним возник во время манифестаций против размещения арсеналов ядерного оружия на территории европейских государств и угрозы новой войны, способной превратить Европу в гигантскую Хиросиму; данный бленд стал образцом для лексемы Amerishima < Amerika + Hiroshima – Америсима < Америка + Хиросима, а также Боннтагон < Бонн + Пентагон – в недавнем прошлом шутовское название Министерства обороны ФРГ [Синкевич, 2016, 122; Коробкина, 2020, 3]. Все англоязычные жаргонные бленды-онимы образованы по модели ad. Сюда же можно отнести *порт.* Savaquistão < Cavaco (Кавако) + Cazaquistão (Казахстан) – название регионов Португалии, где в конце 1980 – начале 1990-х годов одержал убедительные победы на выборах бывший премьер-министр (впоследствии президент) Португалии Анибал Кавако Силва.

Образование топонимов-блендов очень популярно в Северной Америке, особенно в США. Преимущественно это хоронимы – названия штатов и отдельных территорий: Michiana < Michigan + Indiana, Texafornia < Texas + California – два крупнейших «южных» штата США; Pennsylvucky < Pennsylvania + Kentucky, Flohpa < Florida + Ohio + Pennsylvania, Minnewisowa < Minnesota + Wisconsin < Iowa (последние два примера связаны с выборами президента: по два штата из трех не имели явных электоральных предпочтений, и одержать победу в них мог любой кандидат), Idawanna (альтернативные варианты Washtanaho и Idawashaho) < (northern) Idaho + (eastern) Washington + (western) Montana – существует идея разделить территорию штата Айдахо, в частности, передав «мормонский» юго-восток (округ Мэдисон) штату Юта, а указанные три части разных штатов объединить в один, а также Bosnywash < Boston + New York City + Washington – густонаселенный район на востоке США, простирающийся от штата Новая Англия до Вашингтона. Сюда же можно отнести объединенное название трех канадских провинций: Alsama < Alberta + Saskatchewan + Manitoba; а также «объединенные» названия граничащих между собой бразильских штатов: piogão < Piauí (Пиауи) + Maranhão (Мараньяо), piocerão < Piauí + Ceará (Сеара) + Maranhão, piocería < Piauí + Maranhão + Ceará + Bahia (Байя).

В США много блендов-ойконимов – следствие приграничного месторасположения городов: Mexicalo < Mexico + California – город в Мексике близ Калифорнии, Ohíowa < Ohio + Iowa – город в штате Небраска, получивший свое название от поселенцев – выходцев из Огайо и Айовы, Texarkana < Arkansas + Texas – город в Арканзасе рядом с Техасом, Texico < Texas

+ New Mexico – город в Нью-Мексико близ Техаса, Texhoma < Texas + Oklahoma – город на границе Техаса и Оклахомы, Dakoming < Dakota + Wyoming, Kanorado < Kansas + Colorado, Pen Mar < Pennsylvania + Maryland, Delmar < Delaware + Maryland, последние два примера – названия «двойных городов», расположенных в разных штатах, по обеим сторонам административных границ, Calexico < California + Mexico. Также нам встретился один урбаноним: Hашbury < Haight + Ashbury – район в городе Сан-Франциско, штат Калифорния, на пересечении улиц Хейт и Эшбери [Mencken, 1949, 537; Шевелева, 2003, 14; Астафурова, 2006, 182; Липилина, 2006, 90; Enarsson, 2006; Bakaradze, 2010, 91; Лаврова, 2011, 33; Хрущева, 2011а, 136; Хрущева, 2011б, 18; Rio-Torto, 2014, 14; Архиреев, 2015, 43; Нухов, 2017, 250; Vargas, 2018].

Есть единичные случаи, когда только один из компонентов бленда является топонимом, а второй – названием стороны света: Westralia < west + Australia, Norlina < north + Carolina или заимствованием: Calimesa < California + mesa (исп. «стол»). Топонимы могут быть вымышленными: гидроним Твердиземное море < твердь (земная) + Средиземное море (Н.С. Лесков).

Таким образом, можно согласиться с утверждением, что «английский язык проявляет тенденцию к порождению онимов-блендов в большей степени, чем русский язык, что проявляется при создании названий для географических объектов, в бытовой номинации при имянаречении новорожденных, а также с целью удовлетворения творческих потребностей носителей языка для создания прозвищ и смешанных онимов известных личностей» [Хрущева, 2011а, 136]. Также мы подсчитали, что 60% англоязычных двухкомпонентных блендов-топонимов (в том числе примерно половина, встречающаяся на территории США) образованы по модели ad и еще 20% – по модели as, тогда как две трети русскоязычных – по моделям ad и abd.

Следующая группа – бленды-онимы в сфере бизнеса: названия предприятий и организаций – эргонимы, товарных знаков – прагмонимы. Самый известный пример – бренд Adidas – от имени Adi Dassler, основателя компании по выпуску спортивной одежды и обуви. Существует сеть массажных салонов, предлагающих услугу по снижению веса, Slenderella < slender + Cinderella, и производитель женской ночной одежды с тем же названием; известный книжный магазин Moby Dickens < Moby Dick + (Charles) Dickens в г. Таос, штат Нью-Мексико, и г. Веллингтон, Новая Зеландия [Савчин, 2012, 295; Стадульская, 2013, 171; Лаврова, 2013, 28]. Также можно упомянуть безалкогольный сильногазированный напиток fantola (Fanta + Cola) и Benderbrau (< Löwenbräu) – пиво, сваренное внутри робота Бендера из мультсериала «Футурама».

Можно привести примеры названий кинокомпаний: реальное – Шарез < (Федор) Шаляпин + Резников (импресарио, вместе с певцом организовавший товарищество для съемок фильма) и вымышленное – Chalmskin <

Chalmers + Skinner – организованной директором школы и его непосредственным начальником («The Simpsons»).

Существует также небольшая группа хремотонимов – названий предметов материальной культуры:

Ладарджини < Лада + Ламборджини – автомобиль, представляющий собой гибрид отечественного ВАЗ-2113 и итальянской иномарки Lamborghini [Коробкина, 2020, 4] (в действительности – тюнингованная версия отечественного автомобиля: житель Нового Уренгоя Айдар Бакиев установил на ней открывающиеся вертикально двери);

Wintel < Windows + Intel – персональный компьютер с процессором Интел и операционной системой MS Windows [Липилина, 2006, 90];

the Kloran < the Koran + clan (Ku Klux Klan) – настольная книга члена организации [Лаврова, 2011, 174].

Последняя группа – названия праздников – геортонимы, и самый яркий пример Kwanhanamas < Kwanzaa (на языке суахили «праздник первого плода» – афроамериканский фестиваль) + Hanakkah (Hanukkah – древний еврейский праздник) + Christmas – политкорректное название праздничного периода, во время которого принято зажигать свечи. Другой объединенный праздник – Chrismukkah < Christmas + Hanukkah – сочетает элементы Рождества и Хануки в смешанных семьях, где исповедуют христианство и иудаизм. Американский комик и телеведущий Билл Маер (Maher) придумал слово Thankshallowistmas < Thanksgiving + Halloween + Christmas. Также можно упомянуть Birthmas < birthday + Christmas – совмещенный праздник Рождества и дня рождения у тех, кто родился 25 декабря.

Существует несколько блендов с компонентом – названием праздника: Falloween < fall + Halloween, Crunkmas < crunk (веселый, взбудораженный) + Christmas, Crunksgiving < crunk + Thanksgiving (День благодарения). В мультфильмах встречаются свои названия: Pranksgiving < prank (проделка, шалость, розыгрыш) + Thanksgiving («The Simpsons») и Robonukkah < robot + Hanukkah («Futurama»). На основе геортонимов образовано слово cheaster < Christmas + Easter – так называют тех, кто приходит в церковь дважды в год: на Рождество и Пасху [Ермоленко, 2007, 23; Савчин, 2012, 295; Нухов, 2016, 796; Vargas, 2018]. Почти все они образованы по моделям abd и ad.

Существует также целый ряд блендов, образованных с участием онима, но таковыми не являющихся:

Jacobethan < Jacobean + Elizabethan – Якобетанский: термин предложил поэт Джон Бетчман (Sir John Betjeman) в 1933 году для обозначения архитектурного стиля, популярного в Англии в середине XIX века – параллельно с готическим возрождением, использующего элементы позднестюартовского (Елизаветы I) и раннестюартовского (Иакова I) зодчества. Также служит хоронимом – обозначением «золотого века» в Британской истории, пришедшегося на времена правления этих двух монархов;

Kripkenstein < (Saul) Kripke + (Ludwig) Wittgenstein – ироничное название для трактовки американским философом Крипке идей своего австрийско-британского предшественника;

Brabanditti < Brabant + banditti – такое нелестное прозвище получили солдаты генерала Эдварда Брабанта (Sir Edward Yewd Brabant) во время англо-бурской войны;

фр. Vaticanaille < Vatican + canaille – презрительное прозвище католического духовенства;

фр. Olympiaf < Olympia + Piaf – спектакль-воспоминание об Эдит Пиаф в концертном зале Олимпия, где певица часто выступала при жизни;

Yahooligans < Yahoo + hooligans – хакеры, взламывающие поисковую систему Yahoo;

Yanigan < Yankee + hooligan – янки-хулиган;

Googlepedia < Google + Wikipedia – особая система поиска информации в сети Интернет – предположительно, идеоним;

flirtberrying – флирт посредством коммуникаторов Blackberry;

Nightona < night + Daytona (Florida, USA) – ночные мотогонки в американском городе Дейтона (элемент Day-, имеющий значение «день», заменяется на слово night, и, таким образом, возникает игра слов) [Воронин, 1968, 83, 84; Шевелева, 2003, 13; Enarsson, 2006; Bakaradze, 2010, 88; Храброва, 2017, 166];

кемерунец < Кемерово + камерунец – скорее всего, неверно: в действительности от шуточного названия города – Кемерун;

Пирогерия < пирог + Нигерия (?) – название магазина по продаже пирогов [Минеева, 2015, 62; Григорьева, 2019, 490].

Последние двенадцать примеров тематически не структурированы, а часть из них не является предметом нашего исследования, но они представлены нами как пример многообразия блендов в русском и, в особенности, английском языке. Кроме того, как и в случае с геортонимами, почти все они образованы по моделям *abd* и *ad*.

Подводя итог нашему исследованию, можно утверждать, что заявленная цель была полностью достигнута: нами были выделены несколько групп антропонимов и топонимов, образованных с участием имен собственных, а также некоторое количество фиктонимов, эргонимов, прагмонимов и хреMATонимов. Впервые нами выделена группа геортонимов. Антропонимы и топонимы составляют около 80% от всей выборки.

В подавляющем большинстве случаев рассмотренные бленды-онимы появились в языке несколько десятилетий назад, что позволяет заявить о «моде» на некоторые подгруппы, в частности имена супружеских пар, литературных и телевизионных персонажей, или возросшем интересе к другим – названия политическим и профессиональным союзам и прозвищам политиков, окказиональные топонимы в русском языке, геортонимы в английском языке.

Популярность блендинга при образовании топонимов в американском варианте английского сохраняется уже более ста лет. Можно также утверждать, что бленды-онимы обозначают как реальные, так и вымышленные объекты и явления. Первые могут быть как нейтральными, и даже официальными (американские ойконимы и некоторые англоязычные антропонимы), так и эмоционально окрашенными (шуточные названия, жаргонизмы); вторые же образованы от имен литературных, а также кино-, теле- и мультперсонажей.

Самыми распространенными моделями образования блендов-онимов являются: «начало первого слова + конец второго слова» ($ab + cd = ad$) – половина от общего числа англоязычных и треть русскоязычных блендов-онимов, «полное первое слово + конец второго» ($ab + cd = abd$) – четвертая часть выборки, реже встречаются «начало первого слова + начало второго слова» ($ab + cd = ac$) и «начало первого слова + полное второе слово» ($ab + cd = acd$) – по 8% от выборки. В русском языке в порядке убывания продуктивности следуют модели ac , abd и acd .

Гипотеза исследования подтвердилась не полностью: нами были выявлены несколько случаев наложения (Маобама, Nedna, Ohiowa, а также Vaticanaille, Olympiaf и Yahoooligans) и вставочного (Аршавкин, Оренбергская, Поклоунская) образования. Было выявлено несколько трех- и четырехкомпонентных блендов-онимов, преимущественно образованных по моделям $ab + cd + ef = ace$ и $ab + cd + ef = acf$.

ЛИТЕРАТУРА

Абросимова Л.С. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 18–22.

Архиреев А.Г., Буслаев С.В., Нахлесткин А.А. Особенности словообразования слов-слитков в английском языке // IV межвузовская молодежная научно-практическая конференция / редкол.: Л.К. Кондратьюкова, М.А. Гросс, Т.А. Винникова. Омск: ОГТУ, 2015. С. 41–44.

Астафурова Т.Н., Сухорукова О.Н. Телескопия: новый способ словообразования? // Журнал Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 182–185.

Волова В.М., Васильева Ю.С. Имена собственные в составе телескопных номинаций в англоязычных публицистических текстах современных СМИ // Филология: научные исследования. 2020. № 7. С. 1–9.

Воронин С.В. Пограничные явления словообразования и фонетики (образование гаплогических слов-слитков и композитов) // Филологические науки. 1968. № 1. С. 82–85.

Григорьева П.В. Блендинг как тип неузального словообразования: к уточнению понятия // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3(76). С. 488–490.

Ермоленко Ю.П. Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.

Коробкина Н.И. Экологичность блендовых окказионализмов в публичной коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 1–10.

Лаврова Н.А. Towards blending as a word-building pattern // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 11. С. 171–175.

Лаврова Н.А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 48 с.

Липилина Л.А. Лексические слияния в современном английском языке // Вестник РГУ им. И. Канта. 2006. Вып. 2. Филологические науки. С. 87–92.

Минеева З.И. Контаминация в образовании номинаций человека // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 58–68.

Мурзаков А.А. Функционально-прагматические аспекты слияния в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 24 с.

Нухов С.Ж. Семантика контаминированных образований и сферы их распространения в английском языке // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 3. С. 795–802.

Нухов С.Ж. Сферы распространения лексических контаминаций игрового характера в английском языке и мотивационные основы их образования // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22, № 1. С. 249–253.

Парамонова Ю.В. Контаминация на основе антропонимов: современные тенденции // Язык, культура, речевое общение: материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Марка Яковлевича Блоха / под общ. ред. Е.А. Никулиной [и др.]. М.: Факультет иностранных языков МПГУ, 2015. Ч. 2. С. 136–142.

Пекарская И.В. Лексическая контаминация как принцип и орнаментальный элокутив: к проблеме соотношения понятий и типологии // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2013. № 4. С. 90–98.

Савчин І.М. Телескопія як один із словотворчих засобів мовної економії англійської мови // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Сер.: Філологічна. 2012. Вип. 26. С. 293–296.

Сафарова У.А. Семантические отношения между компонентами контаминированных слов // *Imiy Axborotnoma. Filologiya*. 2017. № 2. С. 11–15.

Синкевич Е.Н., Тетерлева О.В. Особый тип образования телескопических слов (на материале русского и немецкого языков) // Вестник ТвГТУ. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2016. Вып. 3. С. 121–125.

Стадильская Н.А. Бленд-модели вербальных товарных знаков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8, ч. 2. С. 169–171.

Храброва В.Е. Английский лексический блендинг в контексте лингвистической полемики и образовательной ценности // Коммуникация в современном поликультурном мире: массовая коммуникация и языковая личность: ежегодный сборник научных трудов. М., 2017. С. 163–174.

Хрущева О.А. Онимы-бленды в современном русском и английском языках // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2011а. № 1. С. 136–140.

Хрущева О.А. Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011б. 23 с.

Шевелева А.Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 18 с.

Bakaradze E.K. Principle of the Least Effort: Telescopic Wordformation // *International Journal of Arts and Sciences*. 2010. № 3(16). P. 86–105.

Enarsson A. *New Blends in the English Language*. Hostterminen, 2006.

Lefilliâtre B. The cognitive motivation and purposes of playful blending in English // *Corela: Cognition, représentation, langage*. 2019. Vol. 17, No. 2. P. 1–30.

Mencken H.L. *Proper names in America / The American Language*. 4th ed. New York, 1949.

Mirzaie H.N. New blends in English language // *International Journal of English Language and Linguistics Research*. 2014. Vol. 2, no. 2. P. 15–26.

Rio-Torto G. Blending, cruzamento ou fusão lexical em português: padrões estruturais e (dis)semelhanças com a composição // *Filologia e Linguística Portuguesa*. 2014. V. 16, no. 1. P. 7–29.

Rus G. Political anthroponyms in French mass media // Name and naming: synchronic and diachronic perspectives / ed. by Oliviu Felecan. Cambridge scholars publishing, 2012.

Vargas A. Blending as a productive means of word-formation in modern English // Science and Technology of the XXI Century, 2018. URL: <http://konfist.fl.kpi.ua/en/node/775> (дата обращения: 24.10.2020).

A.A. Streltsov

*Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor,
Department of Translation and ITL,
Institute of Philology, Journalism and CCC,
Southern Federal University
Rostov-on Don, Russia*

The Fusion of Onyms: on the Issue of the Formation of Telescopic Proper Nouns

The article deals with proper names formed by means of blending, i.e. merging two or more words, at least one of which, in its turn, is a proper name – an onym. It is stated that words formed in this way are mainly English, but they also occur in Russian, German and French, although to a much lesser extent. All blended onyms can be divided into several groups, of which the most numerous are anthroponyms (baby-names, fused names and / or surnames of married couples, combined names of characters, concocted by fans, etc.) and toponyms. This way of merging proper names is especially popular in the United States – in particular, names for groups of states and border-towns. Despite the predominance of English-language examples in general, there are some blended nicknames in Russian, many of which are facetious, or even derogatory. A relatively small number of blended onyms are names of enterprises and organizations, trademarks, and objects of material culture. We were the first to single out a separate group – names of holidays. The most common is the fusion of clipped stems of one or both words, although there are cases of overlapping and insertion, as well as blends formed of three stems. This paper will be of interest to both lexicologists, since it deals with the issues of word formation and specialists in the field of onomasiology, since the research is focused on proper names.

Key words: *word-formation; blending; telescoping; word-fusion; onomastics; names.*

REFERENCES

Abrosimova L.S. Blending from the Aspect of Cognitive-Communicative Paradigm [Blending v aspekte kognitivno-kommunikativnoi paradigmy]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika*, 2012, no. 1, pp. 18–22 (in Russian).

Arkhireev A.G., Buslaev S.V. & Nakhlestkin A.A. Features of Word Formation of Words-ingots in the English Language [Osobennosti slovoobrazovaniia slov-slitkov v angliiskom iazyke]. *IV thmezhvuzovskaia molodezhnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia*. Omsk, 2015, pp. 41–44 (in Russian).

Astafurova T.N., Suhorukova O.N. Telescoping: a New Way of Word Formation? [Teleskopija: novyj sposob slovoobrazovaniia?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie*, 2006, no. 5, pp. 182–185 (in Russian).

Volova V.I., Vasil'eva Yu.S. Proper Names as a Part of Telescopic Nomination in English-language Publicistic Texts of the Modern Mass-media [Imena sobstvennye v sostave teleskopnykh nominatsii v angliazychnykh publitsisticheskikh tekstakh sovremennykh SMI]. *Filologiya: nauchnye issledovaniia*, 2020, no. 7, pp. 1–9 (in Russian).

Voronin S.V. Borderline Phenomena of Word Formation and Phonetics (Formation of Haplological Words-ingots and Composites) [Pogranichnye iavleniia slovoobrazovaniia i fonetiki (Obrazovanie gapologicheskikh slov-slitkov i kompozitov)]. *Filologicheskie nauki*, 1968, no. 1, pp. 82–85 (in Russian).

Grigor'eva P.V. Blending as a Type of Unusual Derivation: to Clarify the Concept [Blending kak tip neuzual'nogo slovoobrazovaniia: k utocnieniu poniatii]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 2019, no. 3, pp. 488–490 (in Russian).

Ermolenko Yu.P. Nominative Models of the Formation of New Words by the Method of Contraction in Modern English [Nominativnye modeli formirovaniia novykh slov metodom stjazheniia v sovremennom angliiskom jazyke] (Published summary of doctoral thesis). Moscow, 2007. 24 p. (in Russian).

Korobkina N.I. Ecology in Blend Occasionalisms in Public Communication [Ekologichnost' blendovykh okkazionalizmov v publichnoi kommunikatsii]. *Ekologiya iazyka i kommunikativnaia praktika*, 2020, no. 1, pp. 1–10 (in Russian).

Lavrova N.A. Towards Blending as a Word-building Pattern. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2011, no. 11, pp. 171–175 (in English).

Lavrova N.A. Contamination as a Word-building Model: Structure, Semantics, Stylistics, Pragmatics (Based on the Material of the Modern English Language) [Kontaminatsiia kak slovotvorcheskaia model': struktura, semantika, stilistika, pragmatika (na materiale sovremennogo angliiskogo iazyka)]. Published summary of doctoral thesis. Moscow, 2013. 48 p. (in Russian).

Lipilina L.A. Lexical blends in English [Leksicheskie slijanija v sovremennom angliiskom jazyke]. *Vestnik RGU im. I. Kanta, Filologicheskie nauki*, 2006, no. 2, pp. 87–92 (in Russian).

Mineeva Z.I. Contamination in the Derivation of Nominations for People [Kontaminatsiia v obrazovanii nominatsii cheloveka]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 58–68 (in Russian).

Murzakov A.A. Functional and Pragmatic Aspects of Merging in the English Language [Funktsional'no-pragmaticheskie aspekty sliianiia v angliiskom iazyke]. Published summary of doctoral thesis. St Petersburg, 2013. 24 p. (in Russian).

Nukhov S.Zh. The Meaning of English Blends and the Spheres of their Usage [Semantika kontaminirovannykh obrazovanii i sfery ikh rasprostraneniia v angliiskom iazyke]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2016, vol. 21, no. 3, pp. 795–802 (in Russian).

Nukhov S.Zh. The Spheres of Usage of Ludic Blends in English and their Motivational Basis [Sfery rasprostraneniia leksicheskikh kontaminatsii igrovogo kharaktera v angliiskom iazyke i motivatsionnye osnovy ikh obrazovaniia]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2017, no. 1, pp. 249–253 (in Russian).

Paramonova Iu.V. Blending Anthroponyms: Current Trends [Kontaminatsiia na osnove antroponimov: sovremennye tendentsii]. *Iazyk, kul'tura, rechevoe obshchenie: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu professora Marka Iakovlevicha Blokha*. Part. 2. Moscow, MPGU, 2015, pp. 136–142 (in Russian).

Pekarskaja I.V. Lexical Contamination as a Principle and Ornamental Elocution: to the Problem of Concepts and Typology Correlation [Leksicheskaja kontaminatsiia kak princip i ornamental'nyj jelokutiv: k probleme sootnosheniia ponjatij i tipologii]. *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, 2013, no. 4, pp. 90–98 (in Russian).

Savchin I.M. Telescopy as One of Word-building Means of Speech Economy in English [Teleskopiia iak odin iz slovotvorchikh zasobiv movnoi ekonomii angliis'koï movi]. *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu «Ostroz'ka akademiiia»*. Serija: *Filologichna*, 2012, no. 26, pp. 293–296 (in Russian).

Safarova U.A. Semantic Relations between Components of Contaminated Words [Semanticheskie otnosheniia mezhdū komponentami kontaminirovannykh slov]. *Ilmiy Axborotnoma. Filologiya*, 2017, no. 2, pp. 11–15 (in Russian).

Sinkevich E.N., Teterleva O.V. Specific Manner of Telescopy Unit Formations (Case Study: The Russian and German Languages) [Osobyi tip obrazovaniia teleskopicheskikh slov (na materiale russkogo i nemetskogo iazykov)]. *Vestnik TvGTU. Serii: Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki*, 2016, no. 3, pp. 121–125 (in Russian).

Stadul'skaia N.A. Blend-models of Verbal Trademarks [Blend-modeli verbal'nykh tovarnykh znakov]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 8, part 2, pp. 169–171 (in Russian).

Khrabrova V.E. English Lexical Blending in Terms of Linguistic Polemics and Educational Value [Angliiskii leksicheskii blending v kontekste lingvisticheskoi polemiki i obrazovatel'noi tsennosti]. *Kommunikatsiia v sovremennom polikul'turnom mire: massovaia kommunikatsiia i iazykovaia lichnost' ezhegodnyi sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 2017, pp. 163–174 (in Russian).

Khrushcheva O.A. Blend Onims in Modern Russian and English Languages [Onimblendy v sovremennom rusском i angliiskom iazykakh]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, 2011a, no. 1, pp. 136–140 (in Russian).

Khrushcheva O.A. Universal and Linguocultural Features of Blending [Universal'nye i lingvokul'turnye osobennosti blending]. Published summary of doctoral thesis. Chelyabinsk, 2011b. 23p. (in Russian).

Khrushcheva O.A. Modern Russian Blends Reflecting Culture [Blendy sovremennogo russkogo jazyka kak zerkalo kul'tury]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 66–70 (in Russian).

Sheveleva A.N. Structure and Semantics of Telescopic Derivatives from the Point of view of Cognitive Linguistics (Based on the Material of Modern English) [Struktura i semantika teleskopicheskikh proizvodnykh s tochki zreniia kognitivnoi lingvistiki (na materiale sovremennogo angliiskogo iazyka)]. Published summary of doctoral thesis. St. Petersburg, 2003. 18 p. (in Russian).

Bakaradze E.K. Principle of the Least Effort: Telescopic Wordformation. *International Journal of Arts and Sciences*, 2010, no. 3(16), pp. 86–105 (in English).

Enarsson A. New Blends in the English Language. Hostterminen, 2006. 120 p. (in English).

Lefilliâtre B. The Cognitive Motivation and Purposes of Playful Blending in English. *Corela: Cognition, représentation, langage*, 2019, Vol.17, no. 2, pp. 1–30 (in English).

Mencken H.L. Proper Names in America / The American Language. 4th ed. New York, 1949 (in English).

Mirzaie H.N. New Blends in the English Language. *International Journal of English Language and Linguistics Research*, 2014, vol. 2, no. 2, pp. 15–26 (in English).

Rio-Torto G. Blending, Crossing or Lexical Fusion in Portuguese. *Filologia e Linguistica Portuguesa*, 2014, vol. 16, no. 1, pp. 7–29 (in English).

Rus G. Political anthroponyms in French mass media. Name and naming: synchronic and diachronic perspectives. Ed. by Oliviu Felecan. Cambridge scholars publishing, 2012 (in English).

Vargas A. Blending as a Productive Means of Word-formation in Modern English // *Science and Technology of the XXI Century*, 2018. Available at: <http://konfist.fl.kpi.ua/en/node/775> (accessed: October 24, 2020) (in English).

М.Н. Тришина

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'27

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-132-141

**ЛИНГВОТОКСИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ
НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Ключевые слова: лингвоэкология; лингвотоксины; заимствования; дискриминация; сексизм; вульгаризм.

В статье обосновывается актуальность исследования лингвотоксинов как неотъемлемых составляющих коммуникации. Исследование проводится на примере немецкой языковой картины мира, рассматриваются такие лингвотоксичные процессы, как неоправданные заимствования, ярлыкообразование, вульгаризация языка / речи и др. Исследование соответствующего проблемного поля позволяет утверждать, что явления токсичной коммуникации в немецком языке обладают широкой распространенностью. Ряд экстралингвистических факторов, к числу которых относятся, например, миграционный кризис, дискриминация по половому признаку, активная экспансия иноязычных конструкций в немецкий язык и др., оказывают влияние на речь носителей языка, а следовательно, и на целостный конструкт языка. Социальная значимость и междисциплинарный характер этой проблемы требуют комплексного лингвистического подхода к ее изучению и описанию с целью повышения коммуникативного уровня носителей языка и уменьшения вербальной агрессии, социальной напряженности, обеспечения чистоты и здоровья языка.

Родоначальник лингвоэкологических исследований – американский лингвист Э. Хауген – определял лингвоэкологию как науку о взаимоотношениях между языком и его окружением (средой) [Хауген, 1975].

Реинкарнацию идей об «экологии языка» можно наблюдать в работах многих отечественных и зарубежных ученых (см.: [Коровушкин, 2001; Сквородников, 2017; Ионова, 2018; Bolinger, 1980; Fill, 1993; Stibbe, 2021 и др.]).

Системные изменения языка происходят через речь, которую творит социум (его среда обитания), находясь часто в турбулентном, неустойчивом состоянии. Подобные неустойчивость и напряженность обусловлены множеством экстралингвистических факторов, к числу которых специалисты (О. Никитина, А.П. Сквородников, Г.А. Копнина и др.) относят миграционный кризис, социальное неравенство, дискриминацию по различным признакам и др.

Коммуникативно-прагматическое направление в лингвистике – лингвоэкология – указывает на наличие в «среде обитания языка» следующих явлений: языковой агрессии; языкового манипулирования; языковой травмы; засорения языка лингвотоксинами, вульгаризмов, лингвоцинизмов, канцеляризм, языковых ярлыков (языковых жупел).

Существование таких проблем создает запрос на языковое прогнозирование, лингвоэкологический мониторинг, охрану языка, его оздоровление, сбережение от «синдрома заимствований» и многих других лингвотоксичных явлений.

В данной работе исследуется проблема существования в системе немецкого языка так называемых *лингвотоксинов*. Лингвотоксинами принято считать «слова и обороты, которые наносят вред языку, коммуникативной системе и языковому сознанию носителей этого языка вплоть до трансформации их картины мира» [Сковородников, Копнина, 2017, 29].

Лингвотоксины могут создавать токсичную коммуникацию в различных сферах человеческой жизни: в деловой коммуникации [Kutz, 2016], в интернет-пространстве [Geramanis, Hutmacher, Walser, 2021], в сфере межкультурной коммуникации [Schwarz-Friesel, 2022] и др.

Поскольку мы ограничены объемом статьи, приведем сокращенную версию описания лингвотоксичных процессов, которые объединяются в следующие группы: 1) неоправданные заимствования; 2) ярлыкообразование; 3) вульгаризация языка / речи (лингвоцинизмы, инвективы, обценнизмы, просторечные слова и т.д.) (см.: [Сковородников, 2017]).

Экспериментальная база исследования представлена лексико-семантическим анализом примеров, заимствованных из интернет-источников, в которых прямо или опосредованно обсуждается данная проблематика.

Говоря об *иноязычных заимствованиях*, необходимо подчеркнуть, что многие исследователи отмечают неоспоримое лидерство английского языка, выступающего в качестве *lingua franca*. Престиж английского языка на сегодняшний день настолько велик, что каждый язык, взаимодействующий с ним, попадает под его влияние, изменяясь при этом на синтаксическом и лексическом уровнях. Ср.: «Das Prestige des Englischen ist heute so groß, dass jede Sprache, die mit ihm in Kontakt kommt auf das stärkste in Syntax und Wortschatz beeinflusst wird» [Fill, 1993, 24–25].

О доминирующей роли этого *lingua franca* свидетельствует следующий пример, демонстрирующий смешение английского и немецкого языков. Отчетливо видна «экспансия» иноязычной лексики в немецкий язык при сохранении его грамматической системы: «Loggen Sie sich remote im Homeoffice in den Call ein oder checken Sie mal, ob Sie ins Office kommen können?» [Denglish, URL]. Подобное высказывание зачастую становится нормой в немецкоязычном пространстве.

Наряду с приемлемостью и мотивированностью иноязычных заимствований все же превалирует мнение о негативной тенденции формирования так называемого «Denglisch» (смешение немецкого и английского языков), наносящего вред целостному конструкту немецкого языка и вводящего носителя в заблуждение [Nikitina, URL].

Немецкий лингвист Б. Зик делает справедливое замечание, что иноязычные слова не могут приветствоваться в языке в том случае, если они заменяют и вытесняют равноценные немецкие слова. Ср.: «Fremdwörter sind willkommen, wenn sie unsere Sprache bereichern; sie sind unnötig, wenn sie gleichwertige deutsche Wörter ersetzen oder verdrängen» [Sick, 2019, 153]. Является ли оправданным использование таких слов, как *Ich habe gemailt, geshoppt, gecancelled und promote*, в немецком языке? [Там же]. Целесообразно ли преодолеть тенденцию лексических потерь в рамках языка?

Исследователь иронично рассуждает о будущем «Denglisch», намеренно встраивая в свои рассуждения «онемеченные» англицизмы и их немецкие аналоги: «...dann wird man ein paar Ideen *recyceln* und etwas Neues *designen*. Oder ein paar Ideen *wiederverwenden* und etwas Neues *gestalten*. Warten wir's ab» [Sick, 2019, 153].

Помимо всеобщей дискуссии о так называемой американизации и гомогенизации на фоне глобализационных процессов, необходимо обратить внимание на «сложность и многогранность культурного развития и различных культурных пересечений, происходящих на местах» [Кирилина, 2011, 40].

Иными словами, акцентируя внимание именно на изменениях в немецком языке, приходится говорить о «локализации глобального». Миграция, являясь транснациональным феноменом, создает условия для возникновения в речевой практике немецкого языка феномена «Kanakisch-Deutsch», который является смешением немецкого языка с турецким и арабским акцентами. Ср.: «Kanakisch, ein Mix aus Deutsch mit unterschiedlichen türkischen und arabischen Akzenten ist zum Inbegriff einer neuen deutschen Jugendsprache geworden» [Kanakisch, URL].

Немецкий лингвист М. Фрайданк, создатель словаря «Kanakisch – Deutsch», анализирует возникшую лингвистическую вариативность и не без иронии говорит о том, что на сегодняшний день уже невозможно игнорировать эту форму существования языка. Возможно, уже совсем скоро многие фирмы при принятии на работу новых сотрудников будут требовать не только основательного знания английского языка и компьютерных программ, но и владения Kanakisch-Deutsch. Ср.: «Kanakisch ist unverzichtbar. Firmen werden neben fundierten Englisch und PC-Kenntnissen wahrscheinlich Kanakischkenntnisse in Wort und Schrift verlangen» [Freidank, 2001, 6].

Исследователь приводит в качестве примеров несколько коммуникативных ситуаций, содержащих в себе Kanakisch-Deutsch, и «дидактизирует»

их, отмечая отличительные черты новых языковых форм. Одним из примеров таких ситуаций может являться разговор двух приятелей о школе: «Hier, Alder, isch geh Schule wie isch Bock hab, weisstu! Hab isch gekriegt aktunvierssich blauem Briefem, abern scheiss mir egal, isch schwör... Bleib isch immern Sitzen, aber muss isch net arbeiten, weisst wie isch mein?» [Freidank, 2001, 17].

Подобные примеры свидетельствуют о том, что немецкий язык подвергается мутации и реконструкции. Kanakisch-Deutsch является выражено устным и неидиоматическим языком (*isch Bock hab*) и характеризуется упрощенной грамматикой (*isch geh Schule*), скудным лексическим потенциалом, сниженной значимостью и функциональной нагрузкой пунктуации (*weisst wie isch mein*).

Активная экспансия гибридного языка заставляет немецкое общество всерьез задуматься над новыми тенденциями в немецкой речи. Так, старшим школьникам одной из гимназий города Дуйсбург было дано задание проработать фрагмент из немецкой сказки «Гензель и Гретель», который был представлен не на немецком языке, а на Kanakisch-Deutsch и начинался следующим образом: «Murat und Ausche gehen dursch Wald auf Suche nach korrekte Feuerholz» [Märchen, URL].

По словам представителя администрации округа, идея задания исходила от самих учеников и обсуждалась в рамках темы «Размышления над языком – изменение и критическое осмысление языка» («Nachdenken über Sprache – Sprachgebrauch, Sprachwandel, Sprachkritik»). Несмотря на этот аргумент, задание было встречено критикой со стороны немецкой общественности и Федерации турецких родительских комитетов СРВ («Die Föderation Türkischer Elternvereinein NRW») и интерпретировано как дискриминирующее.

Появление новых гибридных форм в немецкой речи, с одной стороны, может способствовать рассмотрению языка с новых ракурсов и влиять на развитие мультикультурного общества, с другой – оно приведет к большему усугублению проблемы «вербальной агрессии и деструктивных коммуникативных стратегий», причем в разных дискурсивных практиках [Белютин, 2019, 165]. В результате исследователи в очередной раз вынуждены задаваться вопросом о том, возможно ли человеком преодоление клановости, ксенофобии и «размежевания на мы / они, свой / чужой» [Сапольски, 2020].

В продолжение темы «размежевания» необходимо заметить, что одно из активно исследуемых и обсуждаемых явлений в немецкой речи – наличие в нем *сексизмов*, использование которых подразумевает «идею о превосходстве одного пола над другим». Ср.: «Vorstellung, nach der ein Geschlecht dem anderen von Natur aus überlegen sei, und die [daher für gerechtfertigt gehaltene] Diskriminierung, Unterdrückung, Zurücksetzung, Benachteiligung von Menschen, besonders der Frauen, aufgrund ihres Geschlechts» [Duden, URL]. По словам С. Майер-Фиракера, сексизмы являются одной из форм дискриминации и дискриминирующего языка [Sprache und Diskriminierung, URL].

В основе сексистских высказываний лежат гендерные отношения. Несмотря на завуалированную и эвфемизированную вербализацию запретных в обществе тем, в последнее время зачастую использование сексизмов влечет за собой образование *ярлыков* и конфликтов в речевой практике.

Так, например, приветственное слово депутата баварского ландтага К. Штайнера на фестивале «Königinnentag», адресованное участницам мероприятия, немецкой общественностью было воспринято как «неуместное» («deplaziert») и сексистское: «Erscheinen Sie einfach im Bikini oder im String, dann wird das kühl, die meisten werden ja so ausgestattet sein» [Produktköniginnen, URL].

Одним из «способов вмешательства», «Interventionsmöglichkeiten» (по С. Майер-Фиракеру), препятствующим развитию дискриминирующего языка, сексизмов, является гендерный язык (Gendersprache), призванный создавать такие формы языка на письме и в речи, которые будут справедливыми по отношению к каждому полу, будь то мужской, женский или флюидный (средний) пол, а также соответствующее изменение уже существующих текстов. Ср.: «Das Verwenden der gendergerechten Sprache in Wort und Schrift, aber auch das diesbezügliche Verändern bestehender Texte» [Paug, 2021, 162].

Немецкий лингвист М. Блаха считает, что, хотя гендерный язык уже давно является активно обсуждаемой темой в немецком обществе, все же время от времени возникают споры между разными группами населения и учеными, не приносящие порой никаких плодов. Ср.: «Aus sprachwissenschaftlicher Sicht ist das Gendern ein “alter Hut”. Trotz aller Diskussionen gibt es dafür noch keine guten Lösungen. Das ist natürliche in Unding» [Gendern, URL].

Ученый считает, что гендерный язык с его многочисленными тире, двоеточиями и слешами делает текст тяжеловесным и сложным для восприятия. Ср.: «Die Texte werden zu lang, oder man stolpert über Dopplungen. Das alles ist schädlich für den Zweck des Textes. Er soll einen Inhalt kommunizieren» [Kampfzone, URL].

Неоправданное использование гендерного языка, по мнению М. Блахи, можно, например, наблюдать в новых немецких правилах дорожного движения: *Fuß Gehende* вместо *Fußgänger*; *Fahrende von Rollstühlen* вместо *Rollstuhlfahrer* и др. [Kampfzone, URL].

Употребление мужского рода в общепринятом смысле («generisches Maskulinum» / «inklusives Maskulinum» по терминологии Ф. Пайра) (*Fußgänger*, *Rollstuhlfahrer*) заменяется гендерно-нейтральными (*Fuß Gehende Fahrende*) неспецифическими языковыми формами с целью включения в ситуацию представителей всех полов.

Наряду с излишними иноязычными заимствованиями и сексизмами к лингвотоксинам относят *вульгаризмы*, так часто встречающиеся во многих сферах человеческой жизни, свидетельствующие о дисгармонии речевого

общения. К вульгаризмам, пошлым и грубым словам и выражениям, находящимся за пределами литературной нормы и требований речевого этикета, часто относят *лингвоцинизмы, инвективы, обценнизмы, просторечные слова* и другие явления.

Примером *лингвоцинизмов* могли бы послужить так называемые «Flüchtling-Witze» – анекдоты о беженцах, возникающие на фоне обостряющегося миграционного кризиса и зачастую содержащие в себе циничные смыслы «на грани фола».

Интернет-источник «Schlechte Witze» создал подборку коротких анекдотов о беженцах, вынужденных мигрировать в Германию. *Warum Wetten Flüchtlinge nicht bei «betathome», weil sie kein Zuhause haben; Was ist der Unterschied zwischen einem schlechten Witz und einem Flüchtling? Der schlechte Witz hält sich in Grenzen!* [Flüchtling-Witze, URL].

Смысл этих анекдотов раскрывает смысл основных экзистенциальных проблем беженцев – отсутствие постоянного места жительства (*kein Zuhause*) и вынужденная миграция, пересечение границ других стран (часто нелегальное) (*sich nicht in Grenzen halten*).

Инвективные и обценные слова и выражения часто относятся к одной группе и характеризуются как вид высказывания, содержащего оскорбления, бранные (нецензурные) слова, использование которых мотивировано стремлением намеренно создать дискомфортное состояние у адресата, дискредитировать его [Сковородников, 2017; Ионова, 2018; Глушенко, Гришанин, Кириллина, 2021; Панченко, 2022 и др.].

Исследователи Р. Седлачек и К. Виндер создали словарь «неприличного лексикона» («Das unanständige Lexikon»), демонстрирующий табуированные слова в немецком языке. Авторы пишут о том, что современный немецкий язык содержит в себе нелитературную лексику, которая возникает на базе разных концептуальных сфер, например, продукты жизнедеятельности, религия, сексуальная сфера. Ср.: «Beim Fluchen vollzieht sich der Übergang vom Religiösen zum Sexuellen und Fäkalen» [Sedlaczek, Winder, 2014].

Одним из примеров подобных слов могут быть: *reg dich nicht über jeden Fliegenschiss auf* (вместо *reg dich nicht über jede Kleinigkeit auf*), *Hibbelarsch* (вместо *ungeduldiger Mensch*), *Sackermert / Sackzement* (вместо *Sakrament*), *abgefuckt* (вместо *in einem üblen Zustand sein*), *Heilige Scheiße* (вместо *Heilige Maria*) и др. [Там же].

Анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о том, что через травмирующую речь, наполненную лингвотоксичными явлениями, современный немецкий язык претерпевает изменения своей системы – языку как средству коммуникации наносится вред. Происходит нарушение экологического баланса языковой системы, приносящее в определенной степени ущерб сознанию носителя языка и всему обществу в целом.

Проанализированные в данной статье примеры лингвотоксичных процессов в немецком языке демонстрируют наличие в обществе некоторой напряженности в сфере таких вопросов, как миграционный кризис, дискриминация по половому признаку, «лавинообразное» засилье иноязычной лексики, тенденция к упрощению и вульгаризации речи и т.д.

Язык, претерпевая системные изменения, обнажает существующие в немецком социуме проблемы. Именно поэтому перспективным представляется дальнейшее исследование проблематики «засорения языка» различного рода токсинами и поиск способов защиты, сохранения и приумножения здоровья ресурсов языка. Возможно изучение механизмов реализации «токсичных высказываний» в рамках деструктивного коммуникативного поведения на примерах различных дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

Белютин Р.В. Прагмасемантические и лингвоментальные проекции немецкого спортивного дискурса. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. 336 с.

Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2001. № 1(28). С. 60–64.

Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина нон-фикш, 2020. 766 с.

Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. VII: Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 441–469.

Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. А.П. Сквородников. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 384 с.

Bolinger D. Language – The Loaded Language. The use and abuse of language today. New York: Routledge, 1980. 324 p.

Freidank M. Kanakisch-Deutsch. Dem krasssten Sprachbuchubernhaupt. Eichborn AG, Frankfurt am Main, 2001. 63 S.

Fill A. Ökologiestik. Eine Einführung. Tübingen: Narr, 1993. 151 S.

Payr F. Von Menschen und Mensch*innen. 20 gute Gründe, mit dem Gendern aufzuhören. Wiesbaden, Deutschland: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, ein Teil von Springer Nature, 2021. 172 S.

Sedlaczek R., Winder C. Das unanständige Lexikon. Tabuwörter der deutschen Sprache und ihre Herkunft. Haymon E-Book, 2014. 280 S.

Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. Folge 1-3 in einem Band. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2019. 762 S.

Кирилина А.В. Контакт языков в немецком языковом пространстве // Вестник Московской международной академии. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontakt-yazykov-nemetskom-yazykovom-prostranstve> (дата обращения: 11.08.2022).

Сквородников А.П., Копнина Г.А. Языковая травма как лингвоэкологическое понятие и проблема (на материале современных российских СМИ) // Медиалингвистика. 2017. № 4(19). С. 70–79. URL: <https://medialing.ru/yazykovaya-travma-kak-lingvoehkologicheskoe-ponyatie-i-problema/> (дата обращения: 28.07.2022).

Сквородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи и языке // МИРС. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvotoksichnye-yavleniya-v-rechi-i-yazyke> (дата обращения: 28.07.2022).

Duden. Sexismus. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Sexismus> (дата обращения: 29.07.2022).

Gendern? Gern, und zwar nicht erst seit gestern! URL: <https://verstaendliche-sprache.de/leistungen/gendergerechte-sprache> (дата обращения: 11.08.2022).

Kampfzone Gendersprache: Warum das Binnen-I dem Text schadet. URL: <https://www.waz.de/region/rhein-und-ruhr/kampfzone-gendersprache-warum-das-binnen-i-dem-text-schadet-id235986121.html> (дата обращения: 11.08.2022).

Kanakisch, dem überhaupt krassestem Sprak. URL: <https://www.dw.com/de/kanakisch-dem-ubernhaupt-krassestem-sprak/a-339505-0> (дата обращения: 29.07.2022).

Nikitina O. Anglizismen und synonyme Wortneubildungen im modernen Deutsch: Sinnvolle Ergänzung oder Ersatz? URL: https://www.researchgate.net/publication/323430441_Anglizismen_und_synonyme_Wortneubildungen_im_modernen_Deutsch_Sinnvolle_Erganzung_oder_Ersatz1 (дата обращения: 11.08.2022).

Sprache und Diskriminierung. 1. Sitzung: Einführung. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZxBXURerQUU&list=PLGIksHy9A8eQh-r6fFgQcEYgkEw2IkUFI&index=2> (дата обращения: 12.08.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. «Erscheinen Sie einfach im Bikini»: CSU-Politiker nach sexistischen Aussagen in der Kritik. URL: <https://www.abendzeitung-muenchen.de/bayern/erscheinen-sie-einfach-im-bikini-csu-politiker-nach-sexistischen-aussagen-in-der-kritik-art-823275> (дата обращения: 29.07.2022).

2. Deutschlands Produktköniginnen: echte Heimatliebe oder doch Sexismus? | Y-Kollektiv. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eCewHBHwKxY> (дата обращения: 29.07.2022).

3. «Märchen auf “Kanakisch”: Schulaufgabe in Duisburg erntet laute Kritik». URL: <https://www.hellwegeranzeiger.de/regionales/maerchen-auf-kanakisch-schulaufgabe-in-duisburg-erntet-laute-kritik-w1740730-1000575915/> (дата обращения: 29.07.2022).

4. «Flüchtling-Witze». URL: <https://schlechtewitze.com/fl%C3%BCchtling/> (дата обращения: 2.08.2022).

5. «Denglisch: Verirrte und falsche Anglizismen». URL: <https://bildungsmarkt.faz.net/macht-das-sinn-verirrte-und-falsche-anglizismen/> (дата обращения: 10.08.2022).

M.N. Trishina

*Postgraduate Student,
Department of the German Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Linguotoxic Processes in the Modern German Language

The article substantiates the relevance of the study of linguotoxins as integral components of communication. The study is carried out on the example of the German language world picture, and such linguotoxic processes as unjustified borrowings, label formation, vulgarization of language / speech, etc. are considered. The study of the corresponding problem field suggests that the phenomena of toxic communication in the German language are widespread. A number of extralinguistic factors, which include, for example, the migration crisis, gender discrimination, the active expansion of foreign constructions into the German language, etc., have an impact on the speech of native speakers, and, consequently,

on the integral construct of the language. The social significance and interdisciplinary nature of this problem require an integrated linguistic approach to its study and description in order to improve the communicative level of native speakers and reduce verbal aggression, social tension, and ensure the purity and health of the language.

Key words: *linguoeecology; linguotoxins; borrowings; discrimination; sexism; vulgarism.*

REFERENCES

Belyutin R.V. Pragmasemantic and Linguamental Projections of German Sports Discourse [Pragmasemanticheskie i lingvomental'nye proekcii nemeckogo sportivnogo diskursa]: monograph. Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2019. 336 p. (in Russian).

Korovushkin V.P. The Main Attributes of Linguistic Ecology as an Autonomous Interdisciplinary Branch of Linguistics [Osnovnye atributy lingvoekologii kak avtonomnoj mezhdisciplinarnoj otrasli yazykoznanija]. *Vestnik Cherepovec. gos. un-ta*, 2001, no. 1 (28), pp. 60–64 (in Russian).

Sapol'ski R. Biology of Good and Evil. How Science Explains Our Actions [Biologiya dobra i zla. Kak nauka ob"yasnyayet nashi postupki]. M., Al'pina non-fiksh, 2020. 766 p. (in Russian).

Haugen E. Linguistics and Language Planning [Lingvistika i yazykovoe planirovanie]. *Novoe v lingvistike. Vyp. VII. Sociolingvistika*. M., Progress, 1975, pp. 441–469 (in Russian).

Ecology of the Russian Language. Dictionary of Linguoecological Terms [Ekologiya russkogo yazyka. Slovar' lingvoekologicheskikh terminov]. Compiler A.P. Skovorodnikov. M., FLINTA, Nauka, 2017. 384 p. (in Russian).

Bolinger D. Language – The Loaded Language. The Use and Abuse of Language Today. New York, Routledge, 1980. 324 p. (in English).

Freidank M. Kanak-German. Dem Krassesten Sprachbuchubernhaupt [Kanakisch-Deutsch. Dem krassesten Sprachbuchubernhaupt]. Eichborn AG, Frankfurt am Main, 2001. 63 p. (in German).

Fill A. Ecolinguistics. An Introduction [Ökologuistik. Eine Einführung]. Tübingen: Narr, 1993. 151 p. (in German).

Payr F. Of People and People. 20 Good Reasons to Stop Gendering [Von Menschen und Mensch*innen. 20 gute Gründe, mit dem Gendern aufzuhören]. Wiesbaden, Deutschland: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, ein Teil von Springer Nature, 2021. 172 p. (in German).

Sedlaczek R., Winder C. The Indecent Encyclopedia. Taboo Guardian of the German Language and its Origin [Das unanständige Lexikon. Tabuwärter der deutschen Sprache und ihre Herkunft]. Haymon E-Book, 2014. 280 p. (in German).

Sick B. The Dative is the Genitive his Death. A Guide through the Maze of the German Language [Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache]. Folge 1-3 in einem Band. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2019. 762 p. (in German).

Kirilina A.V. Contact of Languages in the German Language Space [Kontakt yazykov v nemeckom yazykovom prostranstve]. *Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj akademii*, 2011, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontakt-yazykov-v-nemetskom-yazykovom-prostranstve> (accessed: August 11, 2022) (in Russian).

Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Language Trauma as a Linguoecological Concept and a Problem (on the Material of Modern Russian Mass Media) [Yazykovaya travma kak

lingvoekologisches Pönyatie i problema (na materiale sovremennyh rossijskih SMI)]. *Medialingvistika*, 2017, no. 4(19), pp. 70–79. Available at: <https://medialing.ru/yazykovaya-travma-kak-lingvoekologicheskoe-ponyatie-i-problema/> (accessed: July 28, 2022) (in Russian).

Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Linguotoxic phenomena in speech and language [Lingvotoksichnye yavleniya v rechi i yazyke]. MIRS, 2017, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvotoksichnye-yavleniya-v-rechi-i-yazyke> (accessed: July 28, 2022) (in Russian).

Duden. Sexism [Sexismus]. Available at: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Sexismus> (accessed: July 27, 2022) (in German).

«Genders? Gladly, and not just since yesterday!» [«Gendern? Gern, und zwar nicht erst seit gestern!»]. Available at: <https://verstaendliche-sprache.de/dienstleistungen/genderrechte-sprache> (accessed: July 11, 2022) (in German).

«Battle zone gender language: Why the internal I damages the text» [«Kampfzone Gendersprache: Warum das Binnen-I dem Text schadet»]. Available at: <https://www.waz.de/region/rhein-und-ruhr/kampfzone-gendersprache-warum-das-binnen-i-dem-text-schadet-id235986121.html> (accessed: July 11, 2022) (in German).

«Kanakisch, dem ubernhaupt krassestem Sprak». Available at: <https://www.dw.com/de/kanakisch-dem-ubernhaupt-krassestem-sprak/a-339505-0> (accessed: July 29, 2022) (in German).

Nikitina O. Anglicisms and Synonymous New Word Formations in Modern German: Useful Supplement or Substitute?» [«Anglizismen und synonyme Wortneubildungen im modernen Deutsch: Sinnvolle Ergänzung oder Ersatz?»]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/323430441_Anglizismen_und_synonyme_Wortneubildungen_im_modernen_Deutsch_Sinnvolle_Erganzung_oder_Ersatz1 (accessed: July 11, 2022) (in German).

«Language and Discrimination. 1st Session: Introduction» [«Sprache und Diskriminierung. 1. Sitzung: Einführung»]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ZxBXURERqUU&list=PLGlksHy9A8eQh-r6fFgQcEYgkEw2IkUFI&index=2> (accessed: August 12, 2022). (in German).

LIST OF SOURCES OF EXAMPLES

«Erscheinen Sie einfach im Bikini»: CSU-Politiker nach sexistischen Aussagen in der Kritik. Available at: <https://www.abendzeitung-muenchen.de/bayern/erscheinen-sie-einfach-im-bikini-csu-politiker-nach-sexistischen-aussagen-in-der-kritik-art-823275> (accessed: July 29, 2022).

Deutschlands Produktköniginnen: echte Heimatliebe oder doch Sexismus? | Y-Kollektiv. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=eCewHBHwKxY> (accessed: July 29, 2022).

Märchen auf «Kanakisch»: Schulaufgabe in Duisburg erntet laute Kriti». Available at: <https://www.hellwegeranzeiger.de/regionales/maerchen-auf-kanakisch-schulaufgabe-in-duisburg-erntet-laute-kritik-w1740730-1000575915/> (accessed: July 29, 2022).

«Flüchtling-Witze». Available at: <https://schlechtewitze.com/fl%C3%BChtling> (accessed: August 2, 2022).

«Denglisch: Verirrte und falsche Anglizismen». Available at: <https://bildungsmarkt.faz.net/macht-das-sinn-verirrte-und-falsche-anglizismen/> (accessed: August 10, 2022).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.О. Зверев

*Омская академия Министерства внутренних дел России
Омск, Россия*

В.А. Иванов

*Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия*

УДК 355.401

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-142-152

ЦАРСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА В ЛИЦАХ. СЛЕДОВАТЕЛИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ (1908–1915)

Ключевые слова: контрразведчики; шпионы; Варшавский военный округ; следователи; Н.С. Батюшин; В.Г. Орлов; С.Д. Гуглинский.

По итогам многолетней архивно-поисковой и научно-исследовательской работы в федеральных архивохранилищах России удалось разыскать конкретные документы, позволившие пролить свет на неопубликованные страницы персонифицированной истории русской контрразведки. Цель статьи – раскрыть новые грани профессиональной компетентности и ранее не звучавшие характеристики выдающихся контрразведчиков и следователей Российской империи. Для реализации авторского замысла были использованы следующие методы исторического познания: актуализации, ретроспективный, дескриптивный, биографического анализа, обобщения независимых характеристик, дедукции, контент-анализа.

Сделанные выводы и умозаключения помогли приблизиться к полному представлению об историко-психологическом профиле «рыцарей плаща и кинжала» (руководители военно-розыскных подразделений и следователи), функционировавших главным образом на территории Привислинского края (а позже – в действующей армии) до и в первые годы Первой мировой войны. Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности по истории отечественных органов государственной безопасности.

На сегодняшний день лишь немногие историки (подразумеваются главным образом члены Общества изучения истории отечественных спецслужб и их публикации в сборниках трудов конференций «Исторические

чтения на Лубянке») добились существенных успехов в области военно-исторического портретирования или исследования профессионально-личностных качеств руководителей царской контрразведки. Пожалуй, одним из первых на этом пути был А.А. Зданович (президент названного Общества). Он в соавторстве со своим учителем И.И. Васильевым попытался воссоздать и интерпретировать образ будущего инициатора, организатора и непосредственного участника разведывательной / контрразведывательной практики в Варшавском военном округе Российской империи и за ее западной границей – подполковника (по состоянию на 1908 год), позже генерал-майора Николая Степановича Батюшина. Нельзя не отметить, что важными слагаемыми его «реального облика» (этот термин заимствован у И.И. Васильева и А.А. Здановича) были выдержки из уникальных архивных документов, а также отзывы «оппонентов, противников и врагов» (начальники германской и австрийской разведок В. Николаи и М. Ронге) [Батюшин, 2002, 3–7].

Перу А.А. Здановича принадлежит также краткое описание ступеней карьерного роста начальника разведывательного отделения штаба 2-й армии, потом – начальника разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта генерал-майора П.Ф. Рябикова [Антология, 2007, 5–7], что дало возможность проникательному читателю поразмышлять о его профессиональных качествах и роли в истории противостояния противоборствующих спецслужб. Последующее же вдумчивое погружение в труд «Разведывательная служба в мирное и военное время», впервые опубликованный в книге «Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924», позволило увидеть в его авторе (П.Ф. Рябиков) не только разведчика (организатора разведывательной работы), но и знатока в искусстве борьбы с иностранным шпионажем.

Со временем многогранная фигура Н.С. Батюшина как государственника и патриота, человека и семьянина оказалась в центре внимания А.М. Кузнецова [Кузнецов, 2009].

Вряд ли будет корректным утверждать, что российская историческая наука сумела дать всеобъемлющую оценку личности и результатам оперативно-розыскной деятельности Н.С. Батюшина (многие тайны до сих пор скрывают отечественные и иностранные архивы). Кроме того, за пределами научных изысканий остался целый ряд его сослуживцев по Варшавскому округу, а также начальников контрразведывательных отделений (далее – КРО) русской армии периода Первой мировой войны. Поэтому своих исследователей, в том числе биографов, по-прежнему ждут исторические образы ротмистров Щербачева и Сосновского, штабс-ротмистра Красильникова, капитанов Макеева, Моторного, Шумова, Нордмана и Алексева, подполковников Федорова, Беловодского, Фока, Злобина, Туркистанова и Раевского, генерал-майоров Монкевица, Рябикова, Потапова, Баженова, Леонтьева, Бонч-Бруевича и некоторых других.

Не сложившийся научный интерес к офицерам контрразведки среднего и высшего звена и обусловленное тем самым ограниченное количество конкретно-исторических публикаций объясняется недостатком архивно-документальных возможностей. Соответствующие служебные сведения о контрразведчиках, как правило, неинформативны (к примеру, содержание личных дел Батюшина, Сосновского и Злобина, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве) либо представлены в виде редких и порой обезличенных констатаций, встречающихся в разрозненных первоисточниках. А некоторые мемуары, в частности воспоминания В.Г. Орлова, Б.В. Никитина, М.Д. Бонч-Бруевича или теоретическое наследие крупных представителей контрразведывательного / разведывательного сообщества (В.Н. Клембовский, Н.С. Батюшин, А.С. Резанов, П.Ф. Рябиков и некоторые др.), формируют лишь контуры рассматриваемой нами проблемы.

В целом историография персонифицированного портретирования руководителей и отдельных сотрудников царской контрразведки так и не оформилась. Причем это утверждение мы распространяем не только на начсостав военно-розыскных подразделений различного уровня (от Главного управления Генерального штаба до армейских КРО), но и на корпус судебных следователей (военных следователей).

В «шпионской истории России первой четверти XX века» (имеются в виду события межвоенного периода и начала Первой мировой войны) одну из ключевых ролей сыграли следователи по особо важным делам. Осмысление проделанной ими ежедневной, кропотливой, напряженной и небезопасной работы по привлечению к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в военном шпионаже, подвигло авторов данной статьи к раскрытию личного вклада и личностей следователей в борьбе со шпионажем. Речь пойдет главным образом о В.Г. Орлове и С.Д. Гуглинском.

Достижение поставленной цели выглядело бы однобоко без краткого упоминания о военных контрразведчиках, которые добывали оперативные сведения о шпионах и изменниках Родины, занимались их выявлением и розыском, создавали будущую доказательственную основу предварительного следствия. Одним из тех, без кого следственный успех (то есть обнаружение истины по материалам находящихся в производстве уголовных дел) на конкретном участке «тайной войны» был бы невозможен, являлся вышеупомянутый Н.С. Батюшин. Поэтому, последовав примеру своих предшественников – отдельных исследователей из Общества изучения истории отечественных спецслужб, мы сочли целесообразным добавить несколько штрихов к портрету этой без преувеличения знаковой для царских спецслужб фигуры.

Н.С. Батюшин. Во-первых, в начале XX века Николай Степанович был опытным вербовщиком и организатором агентурных мероприятий. Об этом можно судить по эмоциональным оценкам ранее названного Максимилиана Ронге (1905–1906): «...Батюшин развил кипучую деятельность» или «...Россия вела против нас энергичную разведку (подразумевается разведывательный потенциал Варшавского военного округа. – В. З., В. И.)» [Ронге, 2000, 14–15].

Достоверным же свидетельством профессиональной успешности Н.С. Батюшина служат рассекреченные результаты деятельности вверенного ему разведывательного отделения штаба Варшавского военного округа. Так, летом 1908 года были получены обширные поименные сведения о кадровом составе разведок Румынии, Италии, Швейцарии, Японии, Франции, Англии, Германии и Австро-Венгрии [ГАРФ, ф. 217, оп. 1, д. 593, 21–26]. Причем подробные характеристики кадровых разведчиков австро-венгерского Эведенцбюро дают нам косвенное основание утверждать, что в нем работал очень осведомленный русский агент. Прочитав лишь некоторые его разведсообщения: «Польского происхождения. Свободно говорит на французском, английском, польском...» (начальник бюро Е. Гордличка), «Неразговорчив, беден, аккуратен. Говорит по-польски и немного по-русски...» (помощник начальника бюро Альфред Редль), «Ополяченный русин. Хитер. Увлекается водкой, женщинами и картами. Свободно говорит и пишет по-русски...» (Ехан Новак) [Там же, 21]. И, вероятнее всего, этим конфиденциальным источником был сам А. Редль, по имеющимся у нас косвенным доказательствам, завербованный варшавской разведкой в 1903 году. Хотя в историографии существует и другая, «дипломатическая версия», согласно которой Редль «...отправлял некоторые документы венному атташе России в Вене Занкевичу (мы допускаем, что он поддерживал агентурную связь со своим адресантом. – В. З., В. И.)» [Амурский лиман, 1913, № 435, 3]. О возможных контактах русского дипломата-агентуриста с Редлем иносказательно вспоминает и сам М. Ронге [Ронге, 2000, 62].

Вплоть до разоблачения и самоубийства полковника Редля (1913) в Варшаве имели исчерпывающее представление о разведывательном потенциале ряда иностранных государств. В архивных делах сохранились соответствующие донесения о разведках Греции, Румынии, Болгарии, Японии и Австро-Венгрии, датированные 27 декабря 1908 года [ГАРФ, ф. 217, оп. 1, д. 594, 6–9] и 9 апреля 1912 года [Там же, д. 600, 67].

Однако Редль был не единственным ценным приобретением, с которым контактировал Н.С. Батюшин. Об очередных победах на «незримом фронте» после «провала» названного австрийского офицера говорит хотя бы тот факт, что к весне 1914 года в распоряжении варшавского отделения оказались уникальные контрразведывательные сведения – «Данные по разведке, требуемые иностранными государствами (Германией и Австрией)» [Там же, д. 934, 152–157, 164–168]. Анализ структурированных и детализированных перечней или «Данных...», а также возможные выводы и решения, на наш взгляд, могли позволить русским генштабистам не только выяснить основные цели немецких и австрийских шпионов, но и предупредить, а в некоторых случаях и парализовать их усилия в России.

Во-вторых, полковник Н.С. Батюшин останется в памяти потомков (прежде всего историков отечественных спецслужб) не только непревзойденным специалистом по организации военно-шпионского розыска, видным теоретиком в области военной контрразведки, но и экспертом по шпионским преступлениям. Именно в этом качестве, он, как и некоторые его

соратники (к примеру, помощник первого обер-квартирмейстера полковник Н.А. Монкевиц или генерал-квартирмейстер штаба 6-й армии генерал-майор Б.П. Баженов), консультировал предварительное следствие по профильным (шпионским) уголовным делам.

Как выяснилось, например, в сентябре 1912 года Н.С. Батюшина привлекали к расследованию противоправных действий лейтенанта германской разведки Теодора Дамме, обвиняемого по пп. 1 и 2 ст. 111¹ Уголовного уложения 1903 года (в ред. Закона от 5 июля 1912 года) [Там же, д. 918, 69].

Параллельно с названным делом Н.С. Батюшин сотрудничал с руководством Варшавского губернского жандармского управления в рамках формального дознания по обвинению в шпионаже австрийских офицеров Эммануила Альтмане и Вацлава Махе. Предметом исследования стали изъятые у последнего из них записи, сделанные на немецком языке в немецко-чешском и чешско-немецком словарях. По окончании их изучения эксперт вынес следующее заключение: «Предъявленные мне в словаре заметки – чисто военного характера и относятся они к тактике и топографии. *Истинное значение их определить пока затрудняюсь* (курсив наш. – В. З., В. И.), могу лишь утверждать, что способ занесения заметок в книгу в разброс по разным страницам часто практикуется шпионами» [Там же, д. 604, 3а]. Обращает на себя внимание отсутствие поспешности и эмоционально-обвинительного уклона в словах эксперта, его осторожность в суждениях и скрупулезный подход к конкретному делу, а также лаконичный вывод, сделанный исключительно в рамках своей компетенции. Тем самым специалист по контрразведке продемонстрировал не только собственную квалифицированность, но и беспристрастность. Хотя, памятуя о том, что подозреваемые были выявлены и задержаны на территории Варшавского военного округа и не без оперативного участия подчиненных Н.С. Батюшина, допускаем, что у него, как у руководителя, мог быть соблазн искусственно увеличить статистику по раскрываемости и отправить более оптимистичный отчет в Главное управление Генерального штаба Военного министерства России.

Лишенной тенденциозности была и другая экспертиза, в проведении которой задействовали Н.С. Батюшина (в составе экспертной группы). По итогам осмотра потерпевшего крушение немецкого аэроплана и допроса его пилотов в Варшавском военном округе (15 мая 1914 года) он и его коллеги-эксперты (начальник контрразведки ротмистр С.В. Муев и авиаконструктор штабс-офицер И.И. Сикорский) были едины во мнении о непричастности задержанных к военному шпионажу [Там же, 15].

Хочется добавить и то обстоятельство, что к военно-экспертному мнению Н.С. Батюшина, снискавшего заслуженный авторитет и уважение среди своих товарищей и непосредственных руководителей, прислушивались прокуратуры и судьи (в ходе закрытых для прессы судебных процессов). Так, по данным А.А. Здановича, в период с 1900 по 1910 год этот офицер выступал на всех судебных «шпионских процессах» (общее число обвиняемых – 33) на территории обслуживания Варшавской судебной палаты [Батюшин, 2002, 7].

И, в-третьих, помимо собственно оперативно-служебной деятельности, Николай Степанович изыскивал время для решения задач сугубо гражданского или творческого содержания. До Первой мировой войны он был ответственным редактором военно-научного иллюстративного журнала «Военное дело за границей» (Варшава, штаб военного округа), главная цель которого характеризовалась так: изучение и знание своего противника. В данном русле печатались статьи «Организация шпионства в Германии» (1911, № 25), «Разведка и шпионаж» (1911, № 27), «Почтовый голубь – фотограф (Австрийской службы капитан Геза Фараго)» (1913, № 35) и др., что позволяет назвать журнал Н.С. Батюшина эффективным инструментом популяризации знаний о таком малоизвестном в начале XX века явлении, как шпионаж. Причем получателями этих знаний или подписчиками названного журнала выступали все военные округа Российской империи.

Отдав дань уважения уже сложившейся российской историографической традиции, все же вернемся назад и попытаемся набросать эскизы историко-психологических портретов отдельных следователей по особо важным делам, служивших в территориальных судебных органах Варшавской судебной палаты до эвакуации этого учреждения в г. Петроград. Эмпирическим фундаментом реализации авторского замысла стали изученные материалы уголовных расследований по делам о шпионаже и межведомственные переписки. Именно они помогут нам извлечь «из ретроспективного небытия» редкие упоминания о военных юристах и дать им объективную характеристику в контексте служебно-следственной деятельности в интересах военной безопасности России.

Начнем с того, что Варшавское генерал-губернаторство (Варшавский военный округ) в силу собственной территориально-географической, военно-политической и экономической привлекательности с начала XX века до его окончательной оккупации летом 1915 года являлось ареной стратегического планирования и военно-разведывательных операций германского и австрийского генеральных штабов. Практическим воплощением их разведывательных парадигм стало массированное изучение западноевропейского пограничья Российской империи через посредничество сотен завербованных и/или заброшенных в русский тыл агентов.

Борьбу с иностранным военным шпионажем в Привислинском крае осуществляли не только армейские разведчики, контрразведчики, жандармские управления и варшавское охранное отделение, но и органы судебного следствия (судебные следователи по особо важным делам).

В.Г. Орлов. Легендарной личностью, оставившей заметный след в истории Варшавского судебного округа накануне и в начале Первой мировой войны, был судебный следователь по особо важным делам Владимир Григорьевич Орлов. По нашим подсчетам, только в период с 1913 по 1914 год он лично или в составе следственных групп расследовал тридцать два уголовных дела с общим количеством фигурантов более 30 человек [Зверев, 2016, 259–274].

Большая их часть содержалась под стражей в печально известном 10-м павильоне Варшавской крепости. Там до войны сидели только особо опасные преступники, преимущественно обвиняемые / подсудимые по делам о государственной измене путем шпионажа. Благодаря заслугам Владимира Григорьевича некоторые из них со временем получили заслуженное наказание (как, например, запасной унтер-офицер 60-го пехотного Замостского полка Антон Здуй [ГАРФ, ф. 222, оп. 1, д. 925, 21]), другие были освобождены из заключения ввиду недостаточности улик (как, например, запасной рядовой 2-го Баварского Уланского полка Б.М. Мишевский [Там же, 42]).

Одним из косвенных критериев, свидетельствующих о профессионально-личностной эффективности следователя В.Г. Орлова, было то, что в его производстве находилось самое большое число уголовных дел (за вышеуказанный временной интервал по сравнению с аналогичным показателем его сослуживцев). Столь часто привлекать к расследованию шпионских преступлений могли лишь того сотрудника, который обладал богатым следственным опытом, а также отличался преданностью Отечеству, высокой степенью ответственности, оперативностью мышления и широтой кругозора, целеустремленностью, наблюдательностью, интуицией, стрессоустойчивостью и рядом других профессионально важных качеств. Следующим критерием, по нашему мнению, является достойная оценка деловой репутации В.Г. Орлова, прозвучавшая 22 декабря 1915 года в письме товарища прокурора Варшавской судебной палаты В.Д. Жижина начальнику штаба Северного фронта генерал-майору М.Д. Бонч-Бруевичу. Ему, в частности, были адресованы следующие слова: «...Особо я считаю своим нравственным долгом отметить исключительно выдающуюся работу Судебного Следователя Варшавского Округного Суда по особо важным делам Орлова, который находится на военной службе в чине прапорщика... Обладая блестящими способностями, знаниями и исключительно выдающимися энергией и трудолюбием, Судебный Следователь Орлов, неся свои воинские обязанности, одновременно, с разрешения своего начальства, с готовностью оказывает судебным чинам свою помощь и содействует в расследовании дел о шпионстве...» [РГВИА, ф. 2031, оп. 4, д. 602, 11–12]. К этому отзыву не лишним будет добавить, что желание В.Г. Орлова оказаться полезным в деле борьбы с военными шпионами было продиктовано добровольными побуждениями и на театр военных действий он попал тоже по собственной инициативе. Несмотря на то, что гражданское рвение и глубокая патриотичность – желание послужить на благо Царя и Отечества – были характерной приметой русского общества первых месяцев войны, пример с В.Г. Орловым все-таки являлся нетипичным. Судебные следователи не подлежали обязательной мобилизации, и Владимир Григорьевич был единственным из числа следственных чинов Варшавской судебной палаты, кто подал рапорт на зачисление в действующую армию. Названный поступок убедительно свидетельствует о сильном характере, моральной стойкости и духовно-нравственной зрелости человека, выбравшего путь жертвенного служения.

С.Д. Гуглинский. Накануне и в начале Первой мировой войны Сергей Дмитриевич Гуглинский был одним из опытных следователей Варшавского

окружного суда. Первое упоминание об этом специалисте мы встретили в документах Государственного архива Российской Федерации, датированных осенью 1907 года. Именно тогда С.Д. Гуглинский успешно расследовал уголовное дело о шпионаже, совершенном преступной организацией (шесть фигурантов). Ее участники признались в попытке передать немцам три копии действующего Мобилизационного расписания № 18 и семь подлинников различных мобилизационных документов [ГАРФ, ф. 222, оп. 1, д. 886, 4].

В январе 1908 года предварительное следствие завершилось обвинительным вердиктом Варшавского окружного суда. Э. Цегельского, К. Радзиминскую и А. Шишова приговорили к шести годам исправительных работ, Э.К. Радзиминскую, И. Карасака и И. Цызмана – к двум годам лишения свободы.

Названное дело было одним из немногих с участием следователя С.Д. Гуглинского, которое нам удалось обнаружить в архивах. Но вскоре мы познакомились с уникальным документом – рапортом прокурора Варшавской судебной палаты министру юстиции А.А. Хвостову от 9 сентября 1915 года. В нем говорится: «...Гуглинский *долгое время был судебным следователем по особо важным делам, причем заявил своей работой, как выдающийся, энергичный следователь, расследовавший ряд сложных дел политического характера* (курсив наш. – В. З., В. И.)...» [Там же, д. 930, 75]. Судя по этой четкой формулировке и ее комплиментарной тональности, можно предположить, что Сергей Дмитриевич действительно принимал неоднократное и эффективное участие в предварительном расследовании уголовных деяний против основ самодержавного режима. Беря же во внимание специфичный характер дел данной категории, мы допускаем наличие у этого следователя такой доминирующей черты личности, как правосознание. Оно включало в себя осознанное понимание всех принципов и институтов права, веру в их справедливость, нетерпимость к предателям Родины и изменническим настроениям, безоговорочное исполнение правовых норм, обостренное чувство установления истины и правды, справедливости и законности.

Подводя итог данной статьи, особо отметим, что в своих суждениях ее авторы полагались на немногочисленные документальные сведения (они были собраны по крупницам, в том числе в материалах уголовных дел и военной прессе). Их учет, систематизация и всесторонний анализ помогли не только приоткрыть ранее не прочтенные страницы политической истории одного из самых шпионоопасных и стратегически важных западных округов России (Варшавский военный округ), но и дополнить ее новыми знаниями об уже знакомых именах.

Как нам представляется, контрразведчик Н.С. Батюшин был исследователем по своей профессиональной натуре. Все его служебные достижения и заслуги (будь то агентурная или экспертная работа) отличались глубиной и обстоятельностью мысли, неординарностью подходов. Он запомнился как искусный психолог-агентурист и деятельный руководитель, масштаб усилий которого распространялся далеко за пределы обслуживаемой его подчиненными

территории Варшавского округа. Н.С. Батюшин предстал перед нами также блестящим организатором закордонной контрразведки – на ее западноевропейском направлении. Умелое сочетание и решение в своей работе разведывательных и контрразведывательных задач предопределяло полную самоотдачу и одержимость одного из главных контрразведчиков западного порубежья Российской империи в первой четверти XX века (1908–1915). Наконец, авторам этой статьи удалось открыть необычное амплуа Н.С. Батюшина (несвойственное людям, так сказать, «непубличных профессий») – его «редакционно-издательскую стезю». В новом, ранее неизвестном сегодняшним читателям и специалистам качестве Николай Степанович зарекомендовал себя идейным вдохновителем и умелым организатором военно-печатного дела, сумевшим поднять на государственный уровень, систематизировать и концептуализировать просветительскую деятельность в сфере профилактики и предупреждения иностранного шпионажа в России.

Наряду с оперсоставом военной контрразведки и жандармской полиции, а также органами дознания весомый вклад в дело борьбы с иностранным шпионажем в рассматриваемый период внесли конкретные следователи. Раскрытые в статье деловые и личностные характеристики В.Г. Орлова и С.Д. Гуглинского позволяют нам утверждать, что эти чиновники в условиях мира и тем более в обстановке войны являли собой образцы преданности монархическим устоям, армии и следственной профессии. И, несмотря на тяготы и лишения военного времени, а также «Великое отступление 1915 г.» и предопределенную этим фактором практику множественного предательства на оккупированных территориях и в непосредственной близости к линии фронта, следователи честно выполняли свой служебный долг.

Данное утверждение касается не только Орлова и Гуглинского, но и в равной степени их коллег и сослуживцев по Варшавскому генерал-губернаторству, которые также вели бескомпромиссную борьбу на «невидимом фронте» и составляли в российском государстве его правоохранительную элиту. К таковой можно отнести следователей по особо важным делам Марченко, Блюса, Григорьева, Матвеева (Варшавский окружной суд), Боженко, Сыромятникова, Костенецкого (Ломжинский окружной суд), Гладкого (Радомский окружной суд). Последующие исследования о них как об узких специалистах по борьбе с агентами и резидентами противника на стадии предварительного расследования или «лицах контрразведки» должны занять особое место в истории российских спецслужб.

ЛИТЕРАТУРА

- Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924 / вступ. статья А.А. Здановича. М.: Кучково поле, 2007. 640 с.
- Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней / предисл.: И.И. Васильев, А.А. Зданович. М.: X-history, 2002. 259 с.
- Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 217. Оп. 1. Д. 593.
- ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 594.
- ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 600.

- ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 934.
ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 918.
ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 604.
ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1485.
ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 925.
ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 936.
ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 886.
ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 930.
Зверев В.О. Иностраннный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.): монография. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 360 с.
Кузнецов А.М. Генерал-майор Н.С. Батюшин и в эмиграции остался русским патриотом // Военно-исторический журнал. 2009. № 5. С. 76–77.
Ронге М. Война и индустрия шпионажа. М.: Правовое просвещение, 2000. 288 с.
Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 602.
Шпионаж в Австрийском генеральном штабе // Амурский лиман. 1913. № 435.

V.O. Zverev

*Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Psychology and Pedagogy
in the Activities of Internal Affairs Bodies,
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Omsk, Russia*

V.A. Ivanov

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Associate Researcher,
Honored Worker of the Higher school of the Russian Federation,
Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russia*

Tsarist Counterintelligence in Faces. Investigators for Especially Important Cases (1908–1915)

The results of many years of archival search and research work in the federal archives of Russia made it possible to find specific documents that can shed light on the unpublished pages of the personalized history of Russian counterintelligence. The purpose of the article is to reveal new facets of professional competence and previously unheard characteristics of outstanding counterintelligence officers and investigators of the Russian Empire. To implement the author's intention, the following methods of historical knowledge were used: actualization, retrospective, descriptive, biographical analysis, generalization of independent characteristics, deduction, content analysis.

The achieved conclusions and deductions helped to get closer to a complete picture of the historical and psychological profile of the «cloak and dagger knights», who functioned mainly in the territory of the Privislinsky region (and later in the Active Army) before and during the First World War. The results of the research conducted in this article can be used in research and teaching activities on the history of domestic state security agencies.

Key words: *counterintelligence officers; spies; Warsaw military district; investigators; N.S. Batyushin; V.G. Orlov; S.D. Googliniski.*

REFERENCES

Anthology of the History of Special Services. Russia. 1905–1924 [Antologija istorii spets-luzhb. Rossija. 1905–1924]. Introductory article by A.A. Zdanovich. Moscow, Kuchkovofield, 2007. 640 p. (in Russian).

Batyushin N.S. Secret Military Intelligence and the Fight against it [Tajnaia voennaja razvedka i bor'ba s nej]. Foreword: I.I. Vasiliev, A.A. Zdanovich. Moscow, X-history, 2002. 259 p. (in Russian).

State Archive of the Russian Federation (GARF) [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacij]. Fund 217. List 1. Record 593. (in Russian).

GARF. Fund 217. List 1. Record 594. (in Russian).

GARF. Fund 217. List 1. Record 600. (in Russian).

GARF. Fund 222. List 1. Record 934. (in Russian).

GARF. Fund 222. List 1. Record 918. (in Russian).

GARF. Fund 215. List 1. Record 604. (in Russian).

GARF. Fund 265. List 1. Record 1485. (in Russian).

GARF. Fund 222. List 1. Record 925. (in Russian).

GARF. Fund 222. List 1. Record 936. (in Russian).

GARF. Fund 222. List 1. Record 886. (in Russian).

GARF. Fund 222. List 1. Record 930. (in Russian).

Zverev V.O. Foreign Espionage and the Organization of the Fight against it in the Russian Empire (1906-1914) [Inostrannyj shpionazh i organizacija bor'by s nim v Rossijskoj imperii (1906-1914 gg.)]: monograph. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. 360 p. (in Russian).

Kuznetsov A.M. Major General N.S. Batyushin Remained a Russian Patriot in Emigration [General-major N.S. Batjushin i v jemigracii ostalsja russkim patriotom]. *Military History Journal*, 2009, no. 5, pp. 76–77 (in Russian).

Ronge M. War and the Espionage Industry [Vojna i industrija shpionazha]. Moscow, Legal education, 2000. 288 p. (in Russian).

Russian State Military Historical Archive [Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv]. Fund 2031. List 4. Record 602. (in Russian).

Espionage in the Austrian General Staff [Shpionazh v Avstrijskom general'nom shtabe]. *Amur Estuary*, 1913, no. 435 (in Russian).

И.И. Родионов

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 93/94

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-153-166

ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ, 1920–1921 ГОДЫ

Ключевые слова: польско-советская война; польские военнопленные; трудовое использование; трудовые дружины; оплата труда.

В статье на основании материалов федеральных и региональных архивов Центральной России анализируется практика трудового использования военнопленных польско-советской войны в лагерях Центральной России в 1920–1921 годах. Автор рассмотрел нормативную базу трудового использования военнопленных польской армии. В исследовании был показан профессиональный состав польских военнопленных, а также их уровень образования. По сути, польские военнопленные представляли собой большую группу образованных специалистов, труд которых использовали в различных сферах. Регионы также запрашивали необходимое количество польских военнопленных для определенных трудовых задач, частично закрывая нехватку рабочей силы. Рассмотрена попытка организации из пленных поляков трудовых дружин. Но трудовые дружины были сформированы в Москве и в тех губерниях, где была высокая концентрация военнопленных польской армии. В остальных регионах по большей части трудовые дружины так и не были образованы. С началом репатриации польских военнопленных стали постепенно снимать с работ и искать им замену. Перед репатриацией военнопленные подавали заявления в подотделы принудительных работ для выдачи им жалования, заработанных на принудительных работах средств, которые они должны были получить в день отправления на родину. Труд польских военнопленных оплачивался по местным расценкам, по снабжению их приравнивали к красноармейцам.

Массовые мобилизации взрослого населения в ходе любой войны всегда вызывают нехватку рабочих рук, в первую очередь в сельском хозяйстве и в промышленности. Одним из способов «компенсации» такой нехватки становилось использование труда военнопленных. Польско-советская война начала XX века не стала в этом отношении каким-либо исключением. Труд военнопленных использовался как в Польше, так и в России.

Тяжелые условия жизни в стационарных лагерях в Польше являлись значительным стимулом к добровольной записи в рабочие отряды (дружины, роты). Инструкция для лагерей военнопленных I департамента министерства военных дел Польши от 17 мая 1919 года разрешала использовать

военнопленных на работах в военном ведомстве при условии, что эти работы не были связаны с военными действиями. Вопрос о формировании рабочих команд и железнодорожных рот, занятых на работах вдали от лагеря, передавался в ведение военного министерства [Матвеев, 2011, 115]. Это же министерство имело право выделять военнопленных для работы у частных предпринимателей или землевладельцев. Если место работы было недалеко и пленные возвращались в лагерь, то вопрос об их использовании могло решать командование генерального округа.

В августе 1919 года министерство военных дел Польши издало приказ об организации рабочих команд. Такие отряды могли формироваться только в стационарных лагерях. Штатный состав рабочего отряда был определен в 300 военнопленных, а железнодорожной роты – в 250 человек. Более детально отдельные вопросы использования пленных на работах были прописаны в инструкции от 21 июня 1920 года. По ней рабочие команды из пленных должны были заместить гражданских на работах, которые требовали большого количества рук, таких как железнодорожное строительство, выгрузка продуктов [Матвеев, 2011, 115–116].

Количество рабочих команд не было постоянным. В конце 1919 года их насчитывалось не менее 20. В ноябре 1920 года количество стационарных рабочих команд возросло до 78, а железнодорожных рот – до 7. На рубеже 1920–1921 годов их совокупное количество достигло 114. Всего в рабочих отрядах в ноябре – начале декабря 1920 года было около 25 тысяч пленных. Пленных также прикомандировывали поодиночке к различным военным, государственным и даже частным учреждениям в полосе ответственности верховного командования (например, военные госпитали, канцелярии и т.д.). В начале декабря 1920 года в распоряжении ставки верховного командования находилось от 3 до 5 тысяч пленных красноармейцев [Матвеев, 2011, 118–119].

В Советской России польских военнопленных было в целом существенно меньше, тем не менее для разрушенной Гражданской войной и интервенцией экономики страны, а также для разных организаций, учреждений и ведомств они представляли собой значительную дополнительную рабочую силу, которую можно было использовать для решения разных хозяйственных задач.

На сегодня проблематика трудового использования польских военнопленных еще не получила должного освещения в отечественной историографии. Отдельные аспекты нахождения польских военнопленных в лагерях Советской России рассматриваются в работах И.Б. Беловой, С.Ф. Володина, А.Л. Кубасова, И. Лышковой и других российских историков [Белова, 2021; Смирнов, Володин, 2013; Лышковская, 2006; Кодин, Родионов, 2021; 2021а; 2021б; 2020; 2019; 2018]. Однако вопросы использования труда польских военнопленных в этих и других публикациях представлены достаточно

фрагментарно. Тем более отсутствуют комплексные исследования по данной проблематике.

Документальные материалы о трудовом использовании польских военнопленных в лагерях и вне их в Центральной России с разной степенью информативности имеются как в региональных, так и в федеральных архивах, в частности в областных архивах (Государственный архив Брянской области (ГАБО) – фонд Р-2376 «Брянский губернский концлагерь», Государственный архив Орловской области (ГАОО) – фонд Р-1716 «Орловский концлагерь», Государственный архив Смоленской области (ГАСО) – фонд Р-136 «Смоленский концентрационный лагерь», Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) – фонд Р-3 «Смоленский губернский комитет (Губком) ВКП(б)»; архивный отдел Рославльского района – фонд № 338 «Рославльский концентрационный лагерь») и др. В региональных архивах сохранились нормативные документы, переписка с Главным управлением принудительных работ, списки польских военнопленных с указанием их профессии, запросы на рабочую силу от местных организаций, табели рабочих дней, доклады о деятельности подразделов принудительных работ. В фондах двух федеральных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (фонд 393, опись 89 «Главное управление принудительных работ») и Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) (фонд 63 «Польское бюро ЦК РКП(б)») – особый интерес представляет переписка с губернскими ведомствами, в том числе и по вопросам трудового использования военнопленных.

Документальная база относительно трудового использования военнопленных польской армии была разработана в 1920 году. Так, предписанием Главного управления принудительных работ (ГУПР) от 5 апреля 1920 года польских пленных разрешалось отправлять на работы вне лагеря лишь большими группами и под конвоем. С началом наступления на Западном фронте работа вне лагерей была приостановлена [Костюшко, 2000, 47]. 7 сентября 1920 года межведомственная комиссия, состоящая из представителей Польского бюро ЦК РКП(б), Главного управления принудительных работ (ГУПР), Центрального управления по эвакуации населения (Центрэвака), Польского отдела при ПУР, Особого отдела ВЧК постановила приравнять заработную плату поляков-военнопленных к оплате трудармейцев. Устанавливалось, что без разрешения ГУПР и Особого отдела на работы пленных не следует отпускать как из лагерей, так и во время их этапирования [ГАРФ, ф. 393, оп. 89, д. 7, 18 об.].

Основная информация об использовании труда польских военнопленных содержалась в циркуляре НКВД и ГУПР за № 46 «О нормах оплаты

труда и о порядке учинения расчета с военнопленными и заключенными»¹ [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 83, 80–80 об.]. В документе устанавливались следующие требования относительно оплаты труда и расчета с военнопленными. Все военнопленные должны были быть назначены на работы немедленно по поступлении в лагерь. Для них устанавливался 8-часовой рабочий день. Вознаграждение за труд каждого военнопленного должно было производиться по ставкам профессиональных союзов соответствующих местностей. Учреждения и организации, желавшие получить военнопленных на определенный срок, должны были положить на депозит лагеря аванс в размере 50% заработной платы требуемого количества рабочих. В тех случаях, когда работа заключенных могла продолжаться дольше предполагаемого срока, первоначальный аванс должен был своевременно пополняться. При направлении военнопленных на работы вне места нахождения лагеря на иждивение работодателя порядок расчета изменялся: из заработной платы вычиталась стоимость довольствия, содержания администрации лагеря и караула. Это составляло до 60% заработка, остальные 40% записывали на личный счет пленного.

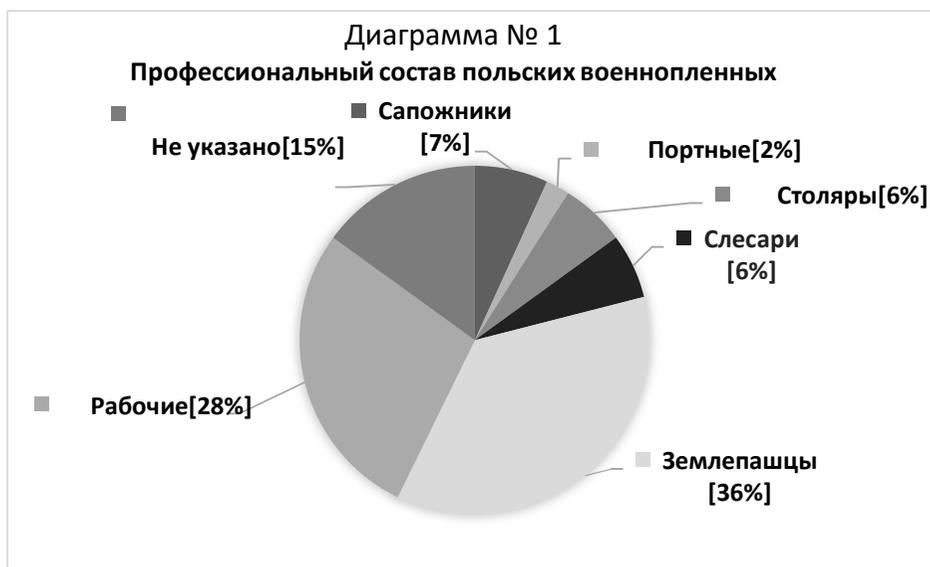
15 сентября 1920 года в постановлении Совета труда и обороны приказывалось, чтобы все военнопленные поляки были переданы в распоряжение Главного управления принудительных работ, а также предписывалось «в целях наилучшего трудового применения военнопленных путем придания им воинской организации поручить Главному Управлению Общественных работ и повинностей НКВД при всемерном содействии учреждений Военного ведомства» организовать из военнопленных польской армии трудовые дружины [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 103, 158]. Главное управление принудительных работ в одном из писем предписывало местным подотделам освобождать от работы всех польских военнопленных, которые вели культурно-просветительскую, санитарно-гигиеническую и контрольную работу, а также отправлять пленных на такие работы, при которых оставалось бы свободное время для политического развития. В этом же циркуляре на основании постановления Совета народных комиссаров от 3 апреля и постановления Совета труда и обороны от 15 сентября 1920 года приказывалось выдавать заработную плату всем военнопленным полякам, работавшим на фабриках и учреждениях, в полном объеме и без всяких удержаний.

Период использования труда пленных польской армии можно разделить на три этапа: конец 1919 – сентябрь 1920 года – разработка нормативной базы и начало использования труда пленных; октябрь 1920 – март 1921 года – период организации трудовых дружин из польских военнопленных;

¹ Документ был создан во второй половине 1919 года, поступил в Смоленский концлагерь 15 ноября 1920 года, имеется в деле «Декреты, постановления, циркуляры, инструкции ЦИК, ВЦИК и НКВД РСФСР о лагерях принудительных работ» за 1919–1920 годы.

март – октябрь 1921 года – время приостановки использования труда плен-ных (свертывание организации дружин и отзыв военнопленных с работ). На первом этапе местные подотделы принудительных работ сначала производи-ли разбивку военнопленных на группы по их профессиональным навыкам и подготовке [Польские военнопленные, 2004, 217]. Далее подотделы при-нудительных работ и заведующие решали, куда направлять на работы плен-ных. Так, управлением Смоленского лагеря составлялись списки отправляе-мых на работы и делались отметки о характере и времени выполнения работ. Например, в списке работников (ноябрь 1919 года) на Александров-ской железной дороге из 34 человек 4 были польскими военнопленными [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 1, 56]. После этого квалифицированные рабочие назначались на работы по специальности в учреждения, а также распреде-лялись по мастерским, которые были при лагерях. Что же касается пленных офицеров, то Главное управление принудительных работ приказывало местным губисполкомам использовать их по возможности внутри лагеря [Польские военнопленные, 2004, 39; ГАРФ, ф. 393, оп. 89, д. 131, 128].

Сохранившиеся списки по смоленским лагерям дают достаточно пол-ное представление об уровне образования и профессиональных навыках плен-ных поляков. Так, по роду занятий (диаграмма 1) среди них преобладали зем-лепашцы – 36%, далее следовали рабочие – 28%, затем ремесленники (сапожники – 7%, столяры – 6%, слесари – 6%, портные – 2%), у 15% военно-пленных профессия в анкетах не отражена [Кодин, Родионов, 2019, 385].

Приведенные данные полностью вписываются в профессиональную стратификацию польского общества. По переписи Российской империи 1897 года 35,88% населения Варшавской губернии занималось сельским хозяйством; те, кто работал в промышленности, составляли 15,64% [Первая

всеобщая перепись, 1904, т. 51, XL]. В Седлецкой губернии, например, 70,8% населения занималось земледелием, в промышленности было занято 10,5% населения [Первая всеобщая перепись, 1904, т. 60, XXIV]. Однако последовавшее развитие фабрично-заводской промышленности привело к росту курстарных промыслов и миграции крестьян в города. В целом военнопленные смоленских лагерей были частью польского общества переходного типа (от традиционного к индустриальному): они в первую очередь все еще причисляли себя к какому-либо сословию и только потом видели себя составной частью класса (например, рабочие). В процентном отношении с конца XIX века не изменилась численность тех, кто занимался сельским хозяйством, доля же тех, кто работал в промышленности, увеличилась на 13%. Смоленские архивные материалы также свидетельствуют о достаточно высоком уровне грамотности польского населения. Даже с учетом того, что более 70% военнопленных составляли крестьяне, 60% из них были грамотными людьми, хотя почти каждый пятый получил домашнее образование [Кодин, Родионов, 2019, 387].

По сути, польские военнопленные представляли собой большую группу образованных специалистов, труд которых можно было использовать в различных сферах. Работы, на которые направляли военнопленных поляков, условно можно разделить на поденные и постоянные, внешние и внутренние, платные и бесплатные. В отчете Польского отдела Политического управления Реввоенсовета (за период с августа по ноябрь 1920 года) указывалось, что занятые на работах пленные получали усиленный паек, труд их оплачивался в большинстве лагерей [Польские военнопленные, 2004, 152].

В регионах какого-либо единообразия в трудовом использовании пленных поляков не было. К примеру, внутренние работы. После проведенной местными подотделами разбивки военнопленных по специальностям квалифицированные рабочие назначались на работы по профилю в советские учреждения, а также в мастерские при лагерях. В регионах при концлагерях организовали 1–3 мастерские (сапожную, столярную, портняжную), которые работали на внутренние потребности лагеря или выполняли заказы со стороны. В лагерях при фабриках или лагерях производственного типа могло быть до 5 и более мастерских (слесарная, жестяная, кузнечная, ремонтная). В лагерях же военнопленных допускалась только одна из вышеперечисленных мастерских или их вообще не создавали. В таких мастерских работало от 7 до 15 человек. В вопросе организации мастерских имелось множество проблем, особенно на начальном этапе их создания: отсутствие инструментов, материалов, кадров и т.д. Например, в Орле для мастерских концлагеря необходимые инструменты не могли найти не только в губернии, но и в столице [ГАОО, ф. Р-1716, оп. 1, д. 1, 76].

Труд рядовых польских военнопленных использовался в угольных шахтах, на лесозаготовках, на торфяных разработках, при строительстве и

ремонте железной дороги, погрузке и разгрузке вагонов и судов, на сельскохозяйственных работах, в учреждениях и на предприятиях. Учреждения или организации, где работали военнопленные поляки, составляли платежные листы, включавшие информацию о количестве отработанных дней и заработанных суммах [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 16, 1].

На Смоленщине первые запросы на рабочую силу из числа военнопленных стали поступать в Смоленский концлагерь в конце 1919 года. Например, реввоенсовет 16 армии в телеграмме от 20 ноября 1919 года просил руководство лагеря предоставить в распоряжение отдела снабжения армии 21 человека рабочих из числа военнопленных [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 1, 48]. Отдельно в распоряжение комиссии снабжения тыловых частей на станции Стодолище той же 16 армии Смоленским лагерем было предоставлено 8 польских военнопленных [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 1, 55]. В Брянске большинство польских военнопленных работало при Брянском заводе [ГАБО, ф. Р-2376, оп. 1, д. 8. 28]. В Твери пленные польской армии в количестве 282 человек были распределены на постоянные работы на огородах, в советских коммунах, на кирпичном заводе, на торфяных болотах (Малышево, Крючково, Осиновая гряда, ст. Кулицкая и т.п.) [Польские военнопленные, 2004, 322]. В Туле пленные работали на электростанции, мельницах, занимались погрузкой угля и древесины, убирали улицы [Костюшко, 2000, 47]. В Рязанской губернии военнопленные поляки работали на угольных шахтах Побединского горного района [Польские военнопленные, 2004, 89]. На январь 1920 года в Москве на внешние работы польских военнопленных отправляли только из лагерей особого назначения, в остальных задействовали только на внутренних работах [ГАРФ, ф. 393, оп. 89, д. 16, 31 об.].

В одном из документов, направленных в адрес начальника Всероссийского главного штаба, этот «рабочий ресурс» из числа военнопленных определялся как единственное средство поддержания правильного снабжения расходных складов и сохранения работы Московско-Казанской железной дороги [ГАРФ, ф. 393, оп. 89, д. 156, 1]. В ноябре 1920 года управление работ по переустройству Москворецкой системы прислало в Польшбюро сведения о работавших у них 360 военнопленных (платформа Перерва Московско-Курской железной дороги (в 12 верстах от Москвы) – 200 человек; станция Томилино Московско-Казанской железной дороги (в 30 верстах) – 100 человек; станция Фаустово Московско-Казанской железной дороги (в 10 верстах) – 60 человек [РГАСПИ, ф. 63, оп. 1, д. 187, 31].

Регионы также могли запрашивать необходимое количество польских военнопленных для определенных трудовых задач, частично закрывая нехватку рабочей силы. Так, например, председатель Ярославского губернского комитета труда просил в июле 1920 года срочных распоряжений о посылке в Ярославль военнопленных в количестве до 5000 человек для усиления рабочей силы, задействованной в разгрузке и погрузке продовольствия

и других срочных грузов [ГАРФ, ф. 393, оп. 89, д. 13, 87]. Своеобразным «распределительным центром» для этих целей становился Смоленск. Здесь концентрировали пленных поляков, и отсюда их большими партиями направляли по месту требования. В Ярославль из Смоленска были направлены две партии военнопленных: первая в количестве 354 человек, вторая – 467 человек [ГАРФ, ф. 393, оп. 89, д. 13, 88].

Учреждения или организации, где работали военнопленные поляки, составляли платежные листы и расписки, в которых отражалась информация о периоде работы, количестве отработанных дней и заработанных суммах. Например, 2 ноября 1919 года была написана расписка о том, что на 1–2 ноября на пристани на разгрузке картофеля работали 25 военнопленных Смоленского лагеря [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 16, 1, 41]. По непосредственно отработанным дням составлялись специальные таблицы [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 16, 153–154]. 13 декабря 1919 года управление коменданта Смоленского лагеря в связи с переходом военнопленных в распоряжение Губпленбежа потребовало от всех учреждений и организаций города немедленно расплатиться по таблицю за проведенные военнопленными работы [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 45, 46, 54]. Для получения платы за труд военнопленных привлекали и Польшюро. Например, 3 сентября 1921 года Польшюро писало в Заднепровский райком о том, что подотдел принудработ требовал от райкома уплатить требуемую сумму в кассу подотдела за труд военнопленных, которые были взяты на службу в качестве курьеров в первой половине июля 1921 года [ГАНИСО, ф. Р-3, д. 1172, 55].

24 августа 1920 года было разработано положение о трудовых дружинах из военнопленных поляков [Польские военнопленные, 2004, 50–52]. В положении отмечалось, что трудовые дружины организовывались с целью наилучшего трудового применения сил путем придания им воинской организации. Отдельная трудовая дружина должна была состоять из 360 военнопленных поляков и подразделяться на две роты, в каждой по три взвода, состоявших из пяти отделений.

Дружины подчинялись местным органам Главного управления принудительных работ (ГУПР). Работы должны были проводиться по нарядам ГУПР или его местных органов. В письме ГУПР от 13 января 1921 года указывалось, что из заработанных военнопленными поляками сумм каждому надлежало выплачивать по 900 рублей в месяц [Польские военнопленные, 2004, 251]. В постановлении Совета труда и обороны от 15 сентября 1920 года дополнительно запрещалось передвижение и командирование на работы польских военнопленных без разрешения ГУПР [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 103, 158]. В дополнение к приказу чрезвычайного уполномоченного Совета рабочей и крестьянской обороны по снабжению Красной армии № 762 от 27 августа 1920 года польские военнопленные, передаваемые для формирования трудовых дружин, должны были обеспечиваться вещевым

довольствием по нормам для красноармейцев в соответствии с приказом Реввоенсовета № 199 от 3 февраля 1919 года [Польские военнопленные, 2004, 52].

Трудовые дружины были сформированы в Москве и в тех губерниях, где отмечалась высокая концентрация военнопленных польской армии. В остальных регионах по большей части трудовые дружины так и не были образованы. При Московском управлении принудительных работ на 23 февраля 1921 года было сформировано четыре трудовые дружины со своим штабом [Польские военнопленные, 2004, 282]. Первая дружина насчитывала 463 человека (418 военнопленных и 45 – командного состава) и располагалась в Рождественском лагере [Костюшко, 2000, 53]. Она занималась очисткой железнодорожных путей (в частности, Московского узла) и другими работами в городе. Вторая и третья дружины были сведены в первый отдельный трудовой батальон в составе 1717 человек (1569 человек пленников, 145 – командный состав) и размещались на станции Владыкино (тоже занимались очисткой путей от снега на железных дорогах Московского узла). Четвертая (416 пленников и 52 комсостава) была на станции Перерва Московско-Курской железной дороги. Пленные этой трудовой дружины работали при станциях Московской, Курской, Казанской железной дороги и на Коломенском заводе [Польские военнопленные, 2004, 283]. В Костроме была создана одна рабочая дружина, но ГУПР стало известно о том, что польские пленники указанной дружины не получали никакого жалования [Польские военнопленные, 2004, 251].

В Орловской губернии в местный подотдел от ГУПР поступило распоряжение от 11 марта 1921 года за № 2484 об организации трудовых дружин из военнопленных поляков, но вскоре (15 марта 1921 года) коменданту лагеря № 2 приказали организацию трудовой дружины приостановить, а командный состав отправить в распоряжение губвоенкома [ГАОО, ф. Р-1716, оп. 1, д. 13, 14]. Предписанием штаба Московского военного округа от 4 марта 1921 года в распоряжение Смоленского губернского подотдела принудительных работ на должность командира трудовой дружины был направлен Н.И. Клещев [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 60, 101]. Но в связи с начавшейся отправкой польских военнопленных в Польшу трудовые дружины военнопленных в Смоленской губернии созданы не были [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 60, 99]. Делегированного командира дружины откомандировали обратно в распоряжение штаба Московского военного округа [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 60, 100]. 4 апреля 1921 года ГУПР постановило приостановить формирование трудовых дружин ввиду начавшегося обмена военнопленными с Польшей [Польские военнопленные, 2004, 310].

С началом репатриации польских военнопленных стали постепенно снимать с работ и искать им замену. Так, 11 января 1921 года Польское бюро

ЦК РКП(б) предложило Политбюро изъять военнопленных поляков из трудовых дружин, снять с лесозаготовок и вообще работ. В случае экстренных работ предлагалось военнопленных заменять красноармейцами [РГАСПИ, ф. 63, оп. 1, д. 186, 5–5 об.]. 2 февраля 1921 года Совет народных комиссаров постановил обязать Главный комитет по трудовой повинности в кратчайший срок изменить соответствующие контингенты рабочих преимущественно за счет демобилизуемых красноармейцев, которые должны были заменить работающих на предприятиях ударного характера военнопленных польской армии [РГАСПИ, ф. 63, оп. 1, д. 186, 6–6 об.].

3 марта 1921 года Главное управление приказало комендантам лагерей приступить к «сгруппированию» всех военнопленных польской армии в губернских центрах, оставляя временно пленных на работах, если предприятия были размещены в непосредственной близости от лагерей. Также предписывалось произвести немедленно выплату заработка всем военнопленным полякам из расчета одной четвертой заработка работавших до организации трудовых дружин и по 900 рублей всем после организации таковых с полной оплатой сверхурочных и премиальных, известив губернские комитеты труда обо всех военнопленных, которые работали на предприятиях ударного характера [ГАСО, ф. Р-136, оп. 1, д. 59, 52]. Перед репатриацией военнопленные подавали заявления в подотделы принудительных работ для выдачи им жалования, заработанных на принудительных работах средств, которые они должны были получить в день отправления на родину.

По сути, из-за мобилизации населения на фронты Гражданской войны и общей нехватки рабочих рук труд польских военнопленных был востребован как в столице, так и в регионах. «Мобилизацией» военнопленных частично закрывался дефицит рабочей силы в регионах. Они привлекались к работе в угольных шахтах, на лесозаготовках, на торфяных разработках, при строительстве и ремонте железной дороги, погрузке и разгрузке вагонов и судов, в сельском хозяйстве, в учреждениях и на предприятиях. Труд польских военнопленных оплачивался по местным нормативам и расценкам, по снабжению работавших поляков приравнивали к красноармейцам.

ЛИТЕРАТУРА

Белова И.Б. Военнопленные советско-польской войны в лагерях принудительных работ в 1920–1921 гг. (по материалам центральных губерний Европейской России) // Военно-исторический журнал. 2021. № 12. С. 76–81.

Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. Р-2376. Оп. 1. Д. 8. Л. 28.

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1172. Л. 55.

Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-1716. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

ГАОО. Ф. Р-1716. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 89. Д. 7. Л. 18 об.

ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 13. Л. 87.

ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 156. Л. 1.

ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 16. Л. 31 об.

- ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 131. Л. 128.
- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
- ГАСО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.
- ГАСО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.
- ГАСО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
- ГАСО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 45, 46, 54.
- ГАСО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 59. Л. 52.
- ГАСО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 60. Л. 101.
- ГАСО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 83. Л. 80–80 об.
- ГАСО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 103. Л. 158.
- Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1921 гг. // Вопросы истории. 2021. № 12–4. С. 162–180.
- Кодин Е.В., Родионов И.И. Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России: 1921–1922 гг. // Новейшая история России. 2021а. Т. 11, № 1. С. 72–88.
- Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 годы // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021б. № 4(106). С. 21–34.
- Кодин Е.В., Родионов И.И. Лагерь военнопленных польско-советской войны в Центральной России, 1919–1922 гг.: нормативная база, инфраструктура // Вопросы истории. 2020. № 7. С. 43–56.
- Кодин Е.В., Родионов И.И. Социальный портрет польских военнопленных (на материалах лагерей Смоленской губернии, 1920–1921 гг.) // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 3(47). С. 377–395.
- Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в Рославльском и Смоленском концентрационных лагерях в 1920–1922 годах // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2(42). С. 341–358.
- Костюшко И.И. К вопросу о польских пленниках 1920 г. // Славяноведение. 2000. № 3. С. 42–63.
- Лышковская И. Смоленский концентрационный лагерь // Край Смоленский. 2006. № 8. С. 48–53.
- Матвеев Г.Ф., Матвеева В. С. Польский плен: Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М.: Родина-медиа, 2011. 174 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. и с предисл. Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. Т. 51: Варшавская губерния. 1904. XII, 319 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/436610> (дата обращения: 18.06.2022).
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. и с предисл. Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. Т. 60: Седлецкая губерния. 1904. XXX, 217 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/436675> (дата обращения: 18.06.2022).
- Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы): Документы и материалы / публикацию подготовил И.И. Костюшко. М., 2004. 404 с.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 186. Л. 5–5 об.
- РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 187. Л. 31.
- Смирнов Ю.Ф., Володин С.Ф. Тульские концентрационные лагеря принудительных работ в 1919–1923 гг.: организация, эффективность, повседневность: моногр. Калуга: Изд-во АКФ «Политпоп», 2013. 188 с.

I.I. Rodionov

*Candidate of Historical Sciences,
Assistant,
Department of Russian History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Labor Use of Polish Prisoners of War in the Camps of Central Russia, 1920–1921

Based on the materials of the federal and regional archives of Central Russia, the article analyzes the practice of labor use of prisoners of war of the Polish-Soviet War in the camps of Central Russia in 1920–1921. The author examined the regulatory framework for the labor use of prisoners of war of the Polish army. The study showed the professional composition of Polish prisoners of war, as well as their level of education. In fact, Polish prisoners of war were a large group of educated specialists whose work was used in various fields. The regions also requested the necessary number of Polish prisoners of war for certain labor tasks, partially covering the shortage of labor. An attempt to organize labor squads from captured Poles is considered. But, labor squads were formed in Moscow and in those provinces where there was a high concentration of prisoners of war of the Polish army. In the rest, for the most part, labor unions were never formed. With the beginning of the repatriation of Polish prisoners of war, they began to gradually remove from work and look for a replacement for them. Before repatriation, prisoners of war submitted applications to the sub-departments of forced labor to issue them salaries, funds earned from forced labor, which they were supposed to receive on the day of departure to their homeland. The labor of Polish prisoners of war was paid at local rates, and they were equated with Red Army soldiers in terms of supply.

Key words: Polish-Soviet war; Polish prisoners of war; labor use; labor squads; remuneration.

REFERENCES

Belova I.B. Prisoners of War of the Soviet-Polish War in Forced Labor Camps in 1920–1921 (Based on the Materials of the Central Provinces of European Russia) [Voennoplennye sovetskopol'skoj vojny v lageryah prinuditel'nyh rabot v 1920–1921 gg. (po materialam central'nyh gubernij Evropejskoj Rossii)]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 2021, no. 12, pp. 76–81 (in Russian).

State Archive of the Bryansk region [Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti (GABO)]. Fund R–2376. List 1. Record 8. Page 28 (in Russian).

State Archive of the Modern History of the Smolensk region [Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Smolenskoj oblasti (GANISO)]. Fund R-3. List 1. Record 1172. Page 55 (in Russian).

State Archive of the Orel region [Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti (GAOO)]. Fund R-1716. List 1. Record 1. Page 76 (in Russian).

State Archive of the Orel region [Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti (GAOO)]. Fund R-1716. List 1. Record 13. Page 14 (in Russian).

State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)]. Fund 393. List 89. Record 7. Page 18 ob. (in Russian).

State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)]. Fund 393. List 89. Record 13. Page 87 (in Russian).

State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)]. Fund 393. List 89. Record 15b. Page 1 (in Russian).

State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)]. Fund 393. List 89. Record 16. Page 31 ob. (in Russian).

State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)]. Fund 393. List 89. Record 131. Page 128 (in Russian).

State Archive of the Smolensk region [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)]. Fund R-136. List 1. Record 1. Page 48 (in Russian).

State Archive of the Smolensk region [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)]. Fund R-136. List 1. Record 1. Page 55 (in Russian).

State Archive of the Smolensk region [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)]. Fund R-136. List 1. Record 1. Page 56 (in Russian).

State Archive of the Smolensk region [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)]. Fund R-136. List 1. Record 16. Page 1 (in Russian).

State Archive of the Smolensk region [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)]. Fund R-136. List 1. Record 45, 46, 54 (in Russian).

State Archive of the Smolensk region [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)]. Fund R-136. List 1. Record 59. Page 52 (in Russian).

State Archive of the Smolensk region [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)]. Fund R-136. List 1. Record 60. Page 101 (in Russian).

State Archive of the Smolensk region [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)]. Fund R-136. List 1. Record 83. Page 80–80 ob. (in Russian).

State Archive of the Smolensk region [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)]. Fund R-136. List 1. Record 103. Page 158 (in Russian).

Kodin E.V., Rodionov I.I. Polish Prisoners of War in the Camps of Central Russia, 1919–1921 [Pol'skie voennoplennye v lageryah Central'noj Rossii, 1919–1921 gg.]. *Voprosy istorii*, 2021, no. 12-4, pp. 162–180 (in Russian).

Kodin E.V., Rodionov I.I. Repatriation of Polish Prisoners of War from the Camps of Central Russia: 1921–1922 [Repatriaciya pol'skih voennoplennyh iz lagerej Central'noj Rossii: 1921–1922 gg.]. *Novejšaya istoriya Rossii*, 2021a, pp. 72–88 (in Russian).

Kodin E.V., Rodionov I.I. Polish Prisoners of War in the Camps of Central Russia, 1919–1922 [Pol'skie voennoplennye v lageryah Central'noj Rossii, 1919–1922 gody]. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij. Gumanitarnye i obščestvennye nauki*, 2021b, no. 4(106), pp. 21–34 (in Russian).

Kodin E.V., Rodionov I.I. Prisoner of War Camps of the Polish-Soviet War in Central Russia, 1919–1922: Regulatory Framework, Infrastructure [Lagerya voennoplennyh pol'sko-sovetskoj vojny v Central'noj Rossii, 1919–1922 gg.: normativnaya baza, infrastruktura]. *Voprosy istorii*, 2020, no. 7, pp. 43–56 (in Russian).

Kodin E.V., Rodionov I.I. Social Portrait of Polish Prisoners of War (based on the Materials of the Camps of the Smolensk Province, 1920–1921) [Social'nyj portret pol'skih voennoplennyh (na materialah lagerej Smolenskoj gubernii, 1920–1921 gg.)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 3(47), pp. 377–395 (in Russian).

Kodin E.V., Rodionov I.I. Polish Prisoners of War in the Roslavl and Smolensk Concentration Camps in 1920–1922 [Pol'skie voennoplennye v Roslavl'skom i Smolenskom koncentracionnyh lageryah v 1920–1922 godah]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 2(42), pp. 341–358 (in Russian).

Kostyushko I.I. On the Question of Polish Prisoners of 1920 [K voprosu o pol'skih plennyh 1920 g.]. *Slavyanovedenie*, 2000, no. 3, pp. 42–63 (in Russian).

Lyshkovskaya I. Smolensky Concentration Camp [Smolenskij koncentracionnyj lager']. *Kraj Smolenskij*, 2006, no. 8, pp. 48–53 (in Russian).

Matveev G.F., Matveeva V.S. Polish Captivity: Red Army Soldiers Captured by Poles in 1919–1921 [Pol'skij plen: Voennosluzhashchie Krasnoj armii v plenu u polyakov v 1919–1921 godah.]. Moscow, Rodina-Media LLC, 2011. 174 p. (in Russian).

The first General Population Census of the Russian Empire in 1897 [Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g.]. Ed. by N.A. Trojnickij. St. Petersburg, Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1899–1905. Vol. 51: Warsaw Province. 1904. XII, 319 p. Available at: <https://www.prilib.ru/item/436610> (accessed June 18, 2022) (in Russian).

The first General Population Census of the Russian Empire in 1897 [Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g.]. Ed. by N.A. Trojnickij. St. Petersburg, Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1899–1905. Vol. 60: Sedletskaya province. 1904. XXX, 217 p. Available at: <https://www.prilib.ru/item/436675> (accessed June 18, 2022) (in Russian).

Polish Prisoners of War in the RSFSR, the BSSR and the Ukrainian SSR (1919–1922): Documents and materials [Pol'skie voennoplennye v RSFSR, BSSR i USSR (1919–1922 gody): Dokumenty i materialy]. The publication was prepared by I.I. Kosciusko. M., 2004. 404 p. (in Russian).

Russian State Archive of Socio-political History [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii (RGASPI)]. Fund 63. List 1. Record 186. Page 5–5 ob. (in Russian).

Russian State Archive of Socio-political History [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii (RGASPI)]. Fund 63. List 1. Record 187. Page 31 (in Russian).

Smirnov Y.F., Volodin S.F. Tula Concentration Camps of Forced Labor in 1919–1923: Organization, Efficiency, Everyday Life: monograph [Tul'skie koncentracionnye lagerya prinuditel'nyh rabot v 1919–1923 gg.: organizaciya, effektivnost', povsednevnost': monogr.]. Kaluga, Publishing house of AKF «Politpop», 2013. 188 p. (in Russian).

С.С. Демина

*Владимирский государственный
университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
Владимир, Россия*

УДК 94(37)

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-166-177

ЦЕЗАРЬ О ФАКТОРАХ УСПЕХОВ НА ВОЙНЕ

Ключевые слова: *Древний Рим; Цезарь; факторы успехов на войне; галльская война; гражданская война.*

В статье изучаются представления Цезаря о факторах победы на войне на основе его высказываний в «Записках о галльской войне» и «Записках о гражданской войне». Факторы военного успеха, которые не зависят от людей, – это влияние богов, воздействие природных явлений, фортуна. Факторы, зависящие от людей, – знание (scientia), опыт (usus), доблесть (virtus) и настроение (animus, voluntas) солдат, а также умелое воздействие полководца на их боевой дух и его правильные решения, касающиеся выбора времени и места сражения, его тактики. Деятельность богов Цезарь не относит к значимым факторам победы. Явления природы, на его взгляд, влияют только

на военные действия на море и около реки. Фортуна (fortuna) является довольно важной для хода и результатов сражений. Однако в большей степени, по мнению Цезаря, победы достигаются поведением солдат и полководца. Влияние знаний, опыта, доблести и настроения воинов, решений и действий военачальника и воздействие фортуны он рассматривает как универсальные факторы успеха, которые проявляются как в сражениях с варварами, так и в условиях войны с согражданами.

Гай Юлий Цезарь одержал множество побед на полях сражений и по праву считается одним из выдающихся полководцев в мировой истории. Изучению его жизни, военно-политической и литературной деятельности посвящено большое количество монографий (из новейших исследований см., например: [Batstone, Damon, 2006; Goldsworthy, 2006; Billows, 2011; Grillo, 2012; Егоров, 2014]) и научных статей. Исследователи пытаются понять, в чем кроется секрет его успехов в галльских походах и гражданской войне. Но как сам Цезарь объяснял свои победы? Иными словами, какие факторы, с его точки зрения, способствовали успеху на поле боя? Поиск ответа на этот вопрос возможен благодаря написанным им самим «Запискам о галльской войне» (кроме восьмой книги, автором которой является Гирций [Утченко, 1984, 4; Billows, 2011, 322; Sage, 2018, 4]) и «Запискам о гражданской войне». Вопрос о времени создания обоих сочинений до сих пор активно обсуждается учеными. «Записки о галльской войне» датируют 52–51 до н. э. [Утченко, 1984, 106] или 51–50 до н. э. [Goldsworthy, 2006, 187; Billows, 2011, 320–321], а «Записки о гражданской войне» – 49–48 годами до н. э. [Grillo, 2012, 178], последней четвертью 47 года до н. э. [Boatwright, 1988, 40], концом 47 – началом 46 года до н. э. [Billows, 2011, 321] или 46 годом до н. э. [Дуров, 1991, 165]. Сравнение сведений, имеющих в двух произведениях, позволит понять, зависят ли, по мнению их автора, факторы, содействующие военным успехам, от того, кто именно был соперником армии Цезаря на поле брани, или же они универсальны и одинаково проявляются как в войне с галльскими и германскими племенами, так и в войне с согражданами. Изучение данного вопроса расширит современное научное знание об этом полководце I века до н. э., его мировоззрении, отношении к собственным победам и поражениям врагов и о римской военно-политической культуре в целом, а также позволит приблизиться к более широкой философско-исторической проблеме – пониманию того, что или кого римляне воспринимали в качестве движущей силы событий исторического процесса.

Исследователи многократно упрекали Цезаря в субъективности, тенденциозности при описании боевых действий и своих противников, особенно при изложении событий гражданской войны (см., например: [Barwick, 1951, 17, 22, 36, 128–129; Balsdon, 1957, 24; Mutschler, 1975, 205; Утченко, 1984, 200; Дуров, 1991, 152, 162, 165–166; Avery, 1993, 469; Rossi, 2000, 247, 254; Goldsworthy, 2003, 9; Billows, 2011, 316, 321; Grillo, 2012, 43; Sage, 2018, 4]). Однако в рамках данной статьи в центре внимания будут

находиться не описания конкретных битв, а те весьма краткие рассуждения автора «Записок», которые их иногда сопровождают.

Вопрос о том, какие факторы, по мнению Цезаря, влияют на военные успехи и неудачи, не был предметом отдельного исследования. В то же время историки рассматривали его более или менее подробно в ходе анализа деятельности Цезаря как полководца, его сочинений или событий галльских походов и гражданской войны 49–45 годов до н. э., при этом одни специалисты опирались в своих исследованиях лишь на информацию, содержащуюся в «Записках о галльской войне» (А.Б. Егоров, С.М. Адема), другие – на материал «Записок о гражданской войне» (В.С. Дуров, Дж.Е. Лендон, В.В. Бэтстоун, С. Дэймон, Л. Грилло), а некоторые, ссылаясь на оба произведения, не предпринимали попыток сравнить их сведения (С.Л. Утченко, А.В. Махлаюк, Дж. Левитан) (см.: [Егоров, 2007; Adema, 2017; Дуров, 1991; Batstone, Damon, 2006; Grillo, 2011; Grillo, 2012; Утченко, 1984; Махлаюк, 2000; Махлаюк, 2006; Levithan, 2013]). Так, С.Л. Утченко, описывая битву римской армии с нервиями, указывает на то, что перелом в ходе сражения в пользу римлян Цезарь приписывает «своим умелым распоряжениям: соединению легионов, маневрированию, взаимопомощи», хотя, по мнению исследователя, он обусловлен действиями 10-го легиона [Утченко, 1984, 122]. При характеристике боя при Диррахии, когда войско Цезаря едва не было полностью разгромлено помпеянами, С.Л. Утченко обращает внимание на слова самого Цезаря о вмешательстве судьбы [Там же, 218]. Оценивая этого римского полководца, историк отмечает его предусмотрительность, хорошую профессиональную подготовку и опыт [Там же, 126, 316]. С точки зрения А.Б. Егорова, успехи римской армии в борьбе с галльскими племенами объясняются ее превосходством, полководческим талантом Цезаря, его тактикой и стратегией, более высоким уровнем развития Рима, проявившимся в создании и активном использовании в ходе боевых действий мостов, крепостных сооружений, осадных машин, а также раздробленностью Галлии [Егоров, 2007, 133, 147, 149]. Дж. Левитан полагает, что Цезарь ценил доблесть (*virtus*) солдат как фактор успеха выше учета особенностей местности, где происходило сражение, тактики и военной хитрости, он умело применял традиционные римские способы ведения боя и был искусным мотиватором, вдохновлявшим своих подчиненных [Levithan, 2013, 121, 122, 130]. С.Э. Зверев указывает, что основой успехов армии Цезаря являлась созданная им система воинского воспитания [Зверев, 2011, 114]. По мнению Дж.Е. Лендона, полководец уделял большое внимание психологическому настрою (*animus*) войска до, во время и после сражения, однако, потерпев поражение при Диррахии, виновницей бедствий его армии считал фортуна [Lendon, 1999, 297, 300]. Вообще, исследователи довольно часто обращаются к вопросу об отношении Цезаря к фактору случайности, удачи, судьбы (*fortuna*) на войне. С точки зрения В.С. Дурова, римский полководец верил в свою исключительную удачу, особенно после Фарсальской битвы [Дуров, 1991, 106]. А.В. Махлаюк

утверждает, что в сочинениях Цезаря и других античных авторов иногда «доблесть и фортуна выступают как равнозначные или рядоположенные факторы», а в некоторых случаях фортуна приобретает особую значимость [Махлаюк, 2000, 149; Махлаюк, 2006, 304]. Исследователь также отмечает, что на помощь богов в военных делах Цезарь не рассчитывал, ориентируясь на проявление доблести своих солдат, их патриотизм, чувство чести и собственное искусство полководца [Махлаюк, 2000, 150; Махлаюк, 2006, 305]. Л. Грилло пишет, что в «Записках о гражданской войне» fortuna – это и счастливый случай, и несчастье, и личная способность успешно преодолевать трудности [Grillo, 2012, 155]. По его словам, Цезарь не может предсказать, какие перемены принесет капризная фортуна, поэтому в ходе войны ему лишь остается наслаждаться ее благосклонностью в одних ситуациях и справляться с посланными ею невзгодами в других [Grillo, 2011, 248]. С.М. Адема, основываясь на «Записках о галльской войне», напротив, полагает, что для римского полководца война – это явление, поддающееся планированию и управлению [Adema, 2017, 7, 109, 112, 166, 231, 236–238]. Сам Цезарь, по утверждению этой исследовательницы, в описании своих речей и мыслей предстает перед читателем его произведения как решительный, умелый главнокомандующий, четко контролирующий ход войны [Ibid., 95, 111–112]. В.В. Бэтстоун и С. Деймон на материале «Записок о гражданской войне» достаточно подробно рассматривают представления Цезаря о факторах, негативно влияющих на исход сражений. В их числе они называют страх, ошибки солдат и командиров, воздействие фортуны, проявляющееся в формах непогоды или случаях выбора неблагоприятного для битвы времени, а также влияние человеческой природы [Batstone, Damon, 2006, 123–129]. Однако В.В. Бэтстоун и С. Деймон не предприняли попытки сопоставить значимость данных факторов для Цезаря, а лишь ограничились характеристикой каждого из них, заметив, что этот римский полководец считал крайне важным учиться на неудачах [Ibid., 123].

Представленный историографический обзор свидетельствует об устойчивом интересе историков второй половины XX – XXI века к представлениям Цезаря о факторах, способствующих победе или поражению на поле боя. В то же время необходимо отметить фрагментарную изученность этого вопроса и его дискуссионный характер, которые можно объяснить двумя обстоятельствами: во-первых, он не был предметом отдельного исследования и, во-вторых, анализу подвергался не весь материал, имеющийся в двух сочинениях Цезаря, а лишь его отдельные части, что не позволило ученым системно рассмотреть взгляды римского полководца I века до н. э. на «секреты» побед. В связи с этим в статье будет предпринята попытка изучить их, сопоставив сведения «Записок о галльской войне» и «Записок о гражданской войне» о различных факторах военного успеха, как не зависящих от человека, так и зависящих от него, и их значимости для самого Цезаря.

Среди факторов, не зависящих от человека, менее значимыми для Цезаря можно считать вмешательство богов и воздействие природных явлений, поскольку он упоминает их крайне редко. Более того, слова о влиянии божественных сил на ход и результаты событий встречаются лишь в «Записках о галльской войне» (В. Г. I. 12, 14; II. 31; V. 52). Упоминания о воздействии стихии есть в обоих произведениях. Влиянием ветра или, наоборот, штиля этот римский полководец объясняет успехи или поражения только при описании событий, происходивших на море (В. Г. III. 15; В. С. III. 25–27), а следствием половодья, на его взгляд, стали трудности, связанные с переправами через реки и с доставкой продовольствия (В. С. I. 48). Однако он не рассматривает явления природы как результат деятельности богов, поэтому можно полагать, что для него эти факторы являются самостоятельными, не зависящими один от другого.

Значительно чаще, чем влияние богов и природных явлений, в «Записках о галльской войне» и «Записках о гражданской войне» упоминается фортуна как важный фактор, воздействующий на исход военных событий. Вообще, термин «*fortuna*» употребляется у Цезаря в разных смыслах: это благоприятный случай, удача, успех, судьба (человека, племени, войны). Успех, хороший результат дела обозначается у этого римского автора не только данным термином (см.: В. Г. IV. 26), но также выражениями «*secundi rerum proventus*» (В. Г. VII. 29: «... qui in bello omnes secundos rerum proventus exspectent») и «*felicitas rerum gestarum*» (В. С. II. 31). Упомянув участь, судьбу (кого-либо или чего-либо), он использует термины «*fortuna*» и «*fatum*» как синонимичные (см.: В. Г. I. 39, 53; II. 16; VII. 89; В. С. II. 6, 32; III. 13, 60). При описании фактора, влияющего на исход событий войны, слово «*fortuna*» употребляется у Цезаря в значениях «благоприятный случай», «удача», поэтому на их характеристике необходимо остановиться подробнее.

Для обозначения благоприятного случайного обстоятельства в «Записках» часто используются термины «*fortuna*», «*casus*», «*occasio*» как синонимы (см.: В. Г. I. 12; VI.30, 42; В. С. I. 71; III. 25, 95). Случай, с точки зрения их автора, не связан с замыслом богов (см.: «*sive casu, sive consilio deorum immortalium*») (В. Г. I. 12). Именно удачей Цезарь объясняет беспечность Амбиорига, которая позволила римлянам успешно атаковать его, а также его спасение (Ibid. VI. 30), неожиданный отход германцев от римского лагеря после нападения на него (Ibid. VI. 42), завоевание своим войском всей Италии без единого поражения (В. С. III. 73), удобный момент для нападения на лагерь помпеянцев (Ibid. III. 95). Он утверждает, что от удачи многое зависит «как во всех делах, так и в военном деле»¹ («*quum in omnibus rebus, tum in re militari*»: В. Г. VI. 30; «*cum in reliquis rebus tum praecipue in bello*»: В. С. III. 68), и считает, что нужно пользоваться ее милостью (*beneficium*: В. С. III. 26, 95) и быть ей благодарными («*habendam fortunae*

¹Здесь и далее перевод с латыни на русский язык выполнен автором статьи.

gratiam»: Ibid. III. 73). В то же время, на его взгляд, не следует испытывать (periclitari: Ibid. III. 10) фортуны и полагаться лишь на нее из-за ее переменчивости (см.: В. Г. II. 22; В. С. III. 27, 68). Римский полководец твердо убежден: «Если не все складывается успешно, то удаче должно помогать усердие» («si non omnia caderent secunda, fortunam esse industria sublevandam»: В. С. III. 73). Таким образом, признавая, что на войне фортуна играет довольно значительную роль, Цезарь все же считает, что в большей мере победы и поражения зависят от самих людей.

Факторы успеха, зависящие от человека, можно разделить на две группы: первая связана с поведением солдат, вторая – с деятельностью полководца.

По мнению Цезаря, победы на поле боя зачастую достигаются благодаря опыту и знаниям рядовых воинов, их доблести, настроению.

В своих сочинениях полководец показывает на конкретных примерах, что знание (scientia) и опыт (usus) помогали солдатам успешно преодолевать различные трудности (см.: В. Г. II. 20; В. С. II. 8; III. 50, 93) и иногда даже действовать самостоятельно (per se), не дожидаясь приказов командира (см.: В. Г. II. 20), чего совсем не могли «только что набранные и не имеющие военного опыта» («modo conscripti atque usus militaris imperiti»: Ibid. VI. 39). По его словам, «опыт – учитель во всех делах» («est regum omnium magister usus»: В. С. II. 8), поэтому так важно извлекать уроки из всех предыдущих сражений и войн. Цезарь неоднократно подчеркивает, что галльские походы существенно увеличили запас знаний и умений его солдат, применение которых позволило им успешно сражаться с войском Помпея во время гражданской войны (Ibid. I. 54; III. 73). Помпейцы, в свою очередь, также значительно обогатили свой опыт прежними битвами с лузитанами и племенами, населявшими Испанию, и воспользовались тактикой этих народов в сражении у Илерды (Ibid. I. 44). Отсутствие опыта у солдат может привести к их массовой гибели и поражениям. В «Записках о галльской войне» Верцингеториг на сходке объясняет своему войску, что римляне завоевали Аварик, так как превосходили галлов «какой-то хитростью и знанием осадного дела, в котором они сами были неопытны» («artificio quodam et scientia oppugnationis cuius rei fuerint ipsi imperiti»: В. Г. VII. 29). В одном пассаже «Записок о гражданской войне» Цезарь описывает своих новобранцев (tirones), которые из-за страха, вызванного большим количеством вражеских кораблей, и мучений от качки и морской болезни поверили обещаниям коменданта Лисса Отацилия сохранить им жизнь и сдались, но были убиты (В. С. III. 28). Солдаты из легиона ветеранов, находящиеся в тех же условиях, проявили доблесть, перехитрили противника и, убив множество врагов, успешно добрались до своих (Ibid.). Признавая значимость военного опыта для успехов на поле боя, Цезарь во время гражданской войны регулярно приказывал молодым антесигнанам сражаться среди всадников

налегке для увеличения скорости их передвижения (Ibid. III. 84). Эта мера, нацеленная, с одной стороны, на накопление опыта у юных бойцов, а с другой – на усиление конницы, уступавшей численностью вражеской, оказалась, по его собственному признанию, весьма эффективной (Ibid.).

Одним из важных качеств, способствующих победам на полях сражений, Цезарь считает «virtus» (доблесть, мужество). В традиционном римском сознании понятие доблести, как указывают исследователи, было тесно связано с представлениями о храбрости, дисциплине, стойкости, усердии, ратных трудах (см.: [Махлаюк, 2000, 119–120, 147, 157; Махлаюк, 2006, 276–277, 302, 311; Coulston, 2013, 14]). Цезарь ценит доблесть солдат не меньше, чем их опыт. Он полагает, что она позволяет преодолевать различные трудности и вместе с другими факторами приносит успехи на войне (В. Г. II. 27; III. 5–6, 19; В. С. III. 73), а иногда исход сражения зависит исключительно от нее (В. С. III. 89). В своих произведениях полководец указывает, что солдаты его армии превосходили противника доблестью независимо от того, с кем они сражались – с галльскими и германскими племенами, обладавшими знаниями и умениями в военной сфере, отличными от римских (В. Г. III. 14), или с согражданами, что, кстати, признавали и сами помпеянцы (В. С. II. 16). В «Записках о галльской войне» он подчеркивает, что его легионеры, осознавая это свое превосходство, полагались именно на доблесть, в то время как враги – на удобную позицию и численное преимущество (В. Г. VII. 50). Сильное воздействие на проявление доблести в бою, по его словам, оказывали «жажда славы и боязнь бесчестья» («laudis cupiditas et timor ignominiae»: Ibid. VII. 80).

На исход сражения, по мнению Цезаря, влияет и настроение (*voluntas, animus*) солдат. Их надежда (*spes*) на успех и добычу, стремление сразиться (*studium pugnandi / pugnae*), величие духа (*animi magnitudo*), иногда еще огорчение (*dolor*) из-за неудачи и стремление загладить вину (*studium infamiae sarcienidae*) при умелом воздействии на них со стороны полководца, его ободрении, воодушевлении могут способствовать победе (см.: В. Г. II. 25; VII. 45, 52; В. С. III. 74, 92). Однако в отдельных случаях ему, напротив, следует сдерживать их сильные душевные порывы, чтобы они не переросли в безрассудство (*temeritas*) и страсть (*cupiditas*), своеволие (*licentia*) и самомнение (*arrogantia*), которые заставляют солдат думать, будто «они сами в большей степени, чем полководец, о победе и исходе дел» («plus se quam imperatorem de victoria atque exitu rerum») способны судить, и даже побуждают их не подчиниться своим непосредственным командирам (В. Г. VII. 52). Цезарь отмечает, что от рядовых воинов требуются не только доблесть (*virtus*) и величие духа (*animi magnitudo*), но и послушание (*modestia*) и самообладание (*continentia*) в любых ситуациях (Ibid.). Он считает настроение (*voluntas*) когорт переменчивым фактором, способным на

войне привести к значительным событиям (*magni casus*), но не гарантирующим успеха, поскольку на него могут повлиять щедрые раздачи, ободрение, ложные известия («*aut largitionibus aut animi confirmatione aut falsis nuntiis*»: В. С. I. 21). Кроме того, столкновение с чем-то небывалым и неожиданным зачастую вызывает не только самоуверенность, но и страх (*Ibid.* II. 4), а на уstraшенных солдат (*milites perterriti*), по его мнению, полагаться нельзя – следует дать им некоторое время «для укрепления духа» («*ad recreandos animos*»: *Ibid.* III. 74).

Сам Цезарь, как свидетельствуют его произведения, оказывал весьма значительное психологическое воздействие на боевой дух своих легионеров. Для этого он использовал различные способы. К примеру, в «Записках о гражданской войне» этот римский полководец пишет, что взял взаймы деньги у военных трибунов и центурионов для раздачи войску, благодаря чему он, с одной стороны, «души центурионов привязал к себе» («*animos centurionum devinxit*»), а с другой – «щедростью расположение солдат приобрел» («*largitione militum voluntates redemit*») (*Ibid.* I. 39). Однако он не указывает, насколько часто действовал подобным образом. Регулярно используемым Цезарем способом воздействия на настроение рядовых воинов перед сражением являются его речи. И в этой связи можно согласиться с исследователями, отмечающими высокую степень эффективности его военной риторики (см.: [Зверев, 2011, 115–116; Levithan, 2013, 121, 130]). Если же во время битвы боевой дух солдат оказывался недостаточно крепок и они начинали уступать противнику, Цезарь вдохновлял их своим присутствием на поле боя (см.: В. С. I. 25; II. 25; III. 14). Такая готовность полководца, несмотря на угрозу погибнуть, находиться рядом со своими подчиненными во время сражения имела сильный мотивационный эффект и, как указывают исследователи, высоко ценилась в римском обществе (см.: [Телепень, 2011, 16; Телепень, 2013, 16; Махлаюк, 2013, 31]). Однажды, увидев панику своих солдат во время боя, Цезарь даже сам выхватил у них знамена (*signa*) и приказал им остановиться (В. С. III. 69), а уже после битвы выступил с ободрительной речью перед войском, после чего «некоторых знаменосцев заклеил позором и снял с должности» («*nonnullos signiferos ignominia potavit ac loco movit*»), что воспламенило в солдатах сильное желание сразиться (*Ibid.* III. 74). Можно утверждать, что наказание римский полководец I века до н. э. считал крайним средством воздействия на подчиненных, которое следует применять лишь в том случае, когда ни его ободряющие речи, ни его личное присутствие на поле боя не приносили ему желаемого результата.

Как видим, с точки зрения Цезаря, настроение воинов является не очень надежным, крайне переменчивым, но все же управляемым фактором на войне и лишь от полководца, от его умелого руководства зависит, принесет ли их настрой свой вклад в победу. Успех на поле боя обеспечивается в значительно большей степени опытом, доблестью, знаниями и умениями солдат, чем их эмоциями.

Влияние полководца на исход битвы проявляется, согласно Цезарю, не только в его воздействии на боевой дух воинов, но и в правильности принятых им решений о выборе времени и места сражения, о его тактике (см.: В. G. VI. 29; VII. 45; В. С. I. 29, 71; III. 51, 85, 95). В «Записках о гражданской войне» он пишет, что именно военачальник «должен по своей воле принимать меры для наилучшего исхода дела» («libere ad summam rerum consulere debet»: В. С. III. 51), а его ошибку указывает в числе причин поражений (Ibid. III. 72). Правильно принятые решения и победы в отдельных сражениях и войнах как их результат влияют на веру рядовых воинов в своего командира, на его авторитет в их глазах (см.: В. G. I. 40; В. С. II. 31). Ошибочность и поспешность решений Куриона (см.: В. С. II. 30–42), а также нерешительность Помпея, его склонность прислушиваться к советам своего окружения (см.: Ibid. III. 70, 86, 92), как полагает Цезарь, не позволили их солдатам добиться успехов в сражениях. В то же время, на его взгляд, даже правильно принятые полководцем решения не всегда приносят победу. Так, после битвы у Диррахия и успешного наступления войска Помпея в речи перед своими солдатами он сказал, что его вины в этом поражении нет, поскольку он выбрал удобную позицию, позволившую захватить вражеский лагерь, но окончательной победе что-то помешало, «либо замешательство своих, либо ошибка какая-то, либо также судьба» («sive ipsorum perturbatio sive error aliquis sive etiam fortuna»: Ibid. III. 73).

Таким образом, анализ сочинений Цезаря позволяет говорить о том, что вмешательство богов в происходящие события, о котором есть сведения лишь в «Записках о галльской войне», этот римский полководец и писатель не относил к числу важных факторов, способных привести армию к победе. Явления природы, на его взгляд, оказывают влияние только на военные действия, разворачивающиеся на море или требующие переправы через реку. Довольно значительное воздействие на ход и результаты отдельных сражений или этапов войны оказывает фортуна (благоприятный случай, удача, судьба). Однако решающими факторами побед Цезарь считал те, которые связаны с деятельностью солдат и полководца. Он отмечал, что вклад рядовых воинов в достижение успехов на поле брани зависит от их знаний, умений, боевого опыта и доблести. Настроение солдат, по его мнению, крайне переменчиво, поэтому требует умелого воздействия на него со стороны командира. Наконец, важное значение для победы имеют верные, хорошо обдуманые решения полководца о выборе времени и места сражения, его тактике. Успехи на войне, с точки зрения Цезаря, не достигаются ни исключительно солдатами, сколь бы умелыми, опытными и доблестными они ни были, ни одними лишь выдающимися военачальниками с их мудрыми решениями и правильным психологическим воздействием на боевой дух подчиненных. Победы, как полагал полководец I века до н. э., это результат эффективного взаимодействия рядовых воинов и командиров при их добросовестном исполнении своих обязанностей. Очевидно, что

влияние фортуны, поведения солдат, решений и действий военачальников Цезарь рассматривал как универсальные факторы успехов, проявляющиеся как в сражениях с варварами, так и в условиях войны с согражданами.

ЛИТЕРАТУРА

- Дуров В.С. Юлий Цезарь: Человек и писатель. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. 208 с.
- Егоров А.Б. Стратегическая концепция Галльских войн Цезаря // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. Вып. 6. С. 129–150.
- Егоров А.Б. Юлий Цезарь: политическая биография. СПб.: Нестор-История, 2014. 548 с.
- Зверев С.Э. Военная риторика Древнего мира. СПб.: Алетейя, 2011. 176 с.
- Махлаюк А.В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2000. 235 с.
- Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Акра, 2006. 440 с.
- Махлаюк А.В. Римский полководец в бою: образы, дискурсы и прагматика военного лидерства (II) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4(3). С. 27–38.
- Телепень С.В. Полководец и его войско: военное лидерство в Древнем Риме (поздняя Республика – ранняя Империя) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2011. № 9. С. 12–17.
- Телепень С.В. *Disciplina militaris* и ее культурный контекст (идеология и реалии римского военного лидерства) // Современная научная мысль. 2013. № 3. С. 12–22.
- Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М.: Мысль, 1984. 342 с.
- Adema S.M. *Speech and Thought in Latin War Narratives: Words of Warriors*. Leiden: Brill, 2017. 416 p.
- Avery H.C. A Lost Episode in Caesar's Civil War // *Hermes*. 1993. Bd. 121. H. 4. S. 452–469.
- Balsdon J.P.V.D. The Veracity of Caesar // *Greece & Rome*. 1957. Vol. 4. № 1. P. 19–28.
- Barwick K. *Caesars Bellum civile* (Tendenz, Abfassungszeit und Stil). Berlin: Acad., 1951. 178 S.
- Batstone W.W., Damon C. *Caesar's Civil War*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 225 p.
- Billows R.A. *Julio César. El coloso de Roma*. Madrid: Editorial Gredos, S. A., 2011. 481 p.
- Boatwright M.T. Caesar's Second Consulship and the Completion and Date of the *Bellum Civile* // *The Classical Journal*. 1988. Vol. 84, № 1. P. 31–40.
- Coulston J. Courage and Cowardice in the Roman Imperial Army // *War in History*. 2013. Vol. 20, № 1. P. 7–31.
- Goldsworthy A. *Caesar's Civil War 49–44 BC*. New York, London: Routledge, 2003. 73 p.
- Goldsworthy A. *Caesar: Life of a Colossus*. New Haven, London: Yale University Press, 2006. 583 p.
- Grillo L. *Scribam ipse de me: The Personality of the Narrator in Caesar's Bellum Civile* // *American Journal of Philology*. 2011. Vol. 132, № 2. P. 243–271.
- Grillo L. *The Art of Caesar's Bellum Civile: Literature, Ideology, and Community*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 221 p.
- Lendon J.E. The Rhetoric of Combat: Greek Military Theory and Roman Culture in Julius Caesar's Battle Descriptions // *Classical Antiquity*. 1999. Vol. 18, № 2. P. 273–329.
- Levithan J. *Roman Siege Warfare*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. 247 p.
- Mutschler F.-H. *Erzählstil und Propaganda in Caesars Kommentarien*. Heidelberg: Winter, 1975. 251 S.

Rossi A. The Camp of Pompey: Strategy of Representation in Caesar's *Bellum Ciuile* // *The Classical Journal*. 2000. Vol. 95, № 3. P. 239–256.

Sage M.M. *The Army of the Roman Republic: From the Regal Period to the Army of Julius Caesar*. Barnsley, South Yorkshire: Pen & Sword Military, 2018. 332 p.

S.S. Demina

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of World History,*

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
Vladimir, Russia*

Caesar on the Factors of Success in the War

This article investigates Caesar's thoughts about the factors of victory in the war on the basis of his remarks in the «Commentaries on the Gallic War» and the «Commentaries on the Civil War». The influence of the gods, the impact of natural phenomena, the fortune are the factors of the military success that do not depend on people. The knowledge (scientia), an experience (usus), the valour (virtus) and the spirit (animus, voluntas) of soldiers, as well as a skilful influence of the commander on it and his correct decisions are the factors that depend on people. Caesar does not attribute the activity of the gods to the important factors of victory. In his opinion, the natural phenomena influence only the military operations at sea and near the river. According to Caesar, the fortune (fortuna) is important enough, however, the behavior of soldiers and commander is decisive for victory. He describes the influence of fortune, knowledge, experience, valour and spirit of warriors, the decisions and actions of commander as the universal factors of success that are effective both in battles against barbarians and in conditions of civil war.

Key words: Ancient Rome; Caesar; factors of success in the war; the Gallic war; civil war.

REFERENCES

Adema S.M. *Speech and Thought in Latin War Narratives: Words of Warriors*. Leiden, Brill, 2017. 416 p. (in English).

Avery H.C. A Lost Episode in Caesar's Civil War. *Hermes*, 1993, Bd. 121, H. 4, pp. 452–469 (in English).

Balsdon J.P.V.D. The Veracity of Caesar. *Greece & Rome*, 1957, vol. 4, no 1, pp. 19–28 (in English).

Barwick K. *Caesar's Bellum Civile (Tendency, Time of Writing, and Stile) [Caesars Bellum civile (Tendenz, Abfassungszeit und Stil)]*. Berlin, Acad, 1951. 178 p. (in German).

Batstone W.W., Damon C. *Caesar's Civil War*. Oxford, Oxford University Press, 2006. 225 p. (in English).

Billows R.A. *Julius Caesar. The Colossus of Rome [Julio César. El coloso de Roma]*. Madrid, Editorial Gredos, S. A., 2011. 481 p. (in Spanish).

Boatwright M.T. Caesar's Second Consulship and the Completion and Date of the *Bellum Civile*. *The Classical Journal*, 1988, vol. 84, no 1, pp. 31–40 (in English).

Coulston J. *Courage and Cowardice in the Roman Imperial Army. War in History*, 2013, vol. 20, no 1, pp. 7–31 (in English).

- Durov V.S. Julius Caesar: The Man and the Writer [Yuliy Tsezar': Chelovek i pisatel']. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991. 208 p. (in Russian).
- Egorov A.B. The Strategic Concept of Caesar's Gallic Wars [Strategicheskaya kontseptsiya Gall'skikh voyn Tsezarya]. *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*. St Petersburg, Izdatel'stvo St Petersburg University, 2007. Issue 6, pp. 129–150 (in Russian).
- Egorov A.B. Julius Caesar: a Political Biography [Yuliy Tsezar': politicheskaya biografiya]. St Petersburg, Nestor-Istoriya, 2014. 548 p. (in Russian).
- Goldsworthy A. Caesar's Civil War 49–44 BC. New York, London, Routledge, 2003. 73 p. (in English).
- Goldsworthy A. Caesar: Life of a Colossus. New Haven, London, Yale University Press, 2006. 583 p. (in English).
- Grillo L. Scribam ipse de me: The Personality of the Narrator in Caesar's Bellum Civile. *American Journal of Philology*, 2011, vol. 132, no 2, pp. 243–271 (in English).
- Grillo L. The Art of Caesar's Bellum Civile: Literature, Ideology, and Community. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 221 p. (in English).
- Lendon J.E. The Rhetoric of Combat: Greek Military Theory and Roman Culture in Julius Caesar's Battle Descriptions. *Classical Antiquity*, 1999, vol. 18, no 2, pp. 273–329 (in English).
- Levithan J. Roman Siege Warfare. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2013. 247 p. (in English).
- Makhlayuk A.V. The Army of the Roman Empire. Essays on Traditions and Mentality [Armiya Rimskoi imperii. Ocherki traditsii i mental'nosti]. Nizhni Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, 2000. 235 p. (in Russian).
- Makhlayuk A.V. Soldiers of the Roman Empire. The Traditions of Military Service and the Martial Mentality. [Soldaty Rimskoi imperii. Traditsii voennoi sluzhby i voinskaya mental'nost']. St Petersburg, St. Petersburg State University Faculty of Philology, «Acra» Publishing House, 2006. 440 p. (in Russian).
- Makhlayuk A.V. Roman General in Battle: Images, Discourses and Pragmatics of Military Leadership (II) [Rimskiy polkovodets v boyu: obrazy, diskursy i pragmatika voennogo liderstva (II)]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2013, no 4(3), pp. 27–38 (in Russian).
- Mutschler F.-H. Narrative Style and Propaganda in Caesar's Commentaries [Erzählstil und Propaganda in Caesars Kommentarien]. Heidelberg, Winter, 1975. 251 p. (in German).
- Rossi A. The Camp of Pompey: Strategy of Representation in Caesar's Bellum Civile. *The Classical Journal*, 2000, vol. 95, no 3, pp. 239–256 (in English).
- Sage M.M. The Army of the Roman Republic: From the Regal Period to the Army of Julius Caesar. Barnsley, South Yorkshire: Pen & Sword Military, 2018. 332 p. (in English).
- Telepen S.V. The Commander and its Army: Military Leadership in Ancient Rome (Late Republic – Early Empire) [Polkovodets i ego voisko: voennoe liderstvo v Drevnem Rime (pozdnaya Respublika – rannaya Imperiya)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya A, Gumanitarnye nauki*, 2011, no 9, pp. 12–17 (in Russian).
- Telepen S.V. Disciplina Militaris and its Cultural Context (Ideology and Realities of the Roman Military Leadership) [Disciplina militaris i ee kul'turnyy kontekst (ideologiya i realii rimskogo voennogo liderstva)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2013, no 3, pp. 12–22 (in Russian).
- Utchenko S.L. Julius Caesar [Yuliy Tsezar']. Moscow, Mysl', 1984. 342 p. (in Russian).
- Zverev S.E. The Military Rhetoric of the Ancient World [Voennaya ritorika Drevnego mira]. St Petersburg, Aleteiya, 2011. 176 p. (in Russian).

А.Н. Малькова

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Россия*

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-178-190

ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ В «ПРЯДИ О НОРНА-ГЕСТЕ»: ЭПИЧЕСКИЙ ВОЖДЬ И КОРОЛЬ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

Ключевые слова: исландские пряди; королевские саги; саги о древних временах; христианство; язычество; средневековая литература.

Предметом исследования в статье является специфика формирования образа правителя в «Пряди о Норна-Гесте» – произведении средневековой исландской литературы, которое было создано в конце XIV века и включено в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне». Главная особенность данной пряди – разновидности произведения, которое содержит в себе информацию, отступающую от основного повествования саги, – состоит в том, что в ее нарративном пространстве герои эпоса оказываются рядом и взаимодействуют с историческими лицами.

Целью исследования стало выявление ключевых особенностей формирования образа правителя – конунга Олава Трюггвасона – в их историческом контексте. В основе исследования лежат интерпретативный и сравнительно-текстуальный подходы с опорой на исследования Е.А. Гуревич, которая перевела и прокомментировала текст пряди, а также посвятила ему несколько статей.

Полученные результаты показывают, что формирование образа правителя в тексте пряди производится через выстраивание общего пространства культурной памяти для эпических героев и исторических личностей и сопоставление их действий и достижений.

Фигура правителя (и ее соответствие или, наоборот, несоответствие идеалу) часто оказывалась в центре внимания средневековых авторов. В этом отношении литература Северной Европы в Средневековье не стала исключением: эпос, стихи скальдов, саги и хроники содержат немало примеров описания образа и поведения правителей¹. «Прядь о Норна-Гесте» входит в их число – в ней фигура правителя выдвинута на передний план.

«Прядь о Норна-Гесте» представляет собой произведение средневековой исландской литературы, которое было включено в «Большую сагу об

¹ Этому вопросу посвящена первая глава книги: [Литвина, Успенский, 2018].

Олаве Трюггвасоне», составленную на рубеже XIII и XIV веков и предваряющую компиляции более ранних саг (составленные в XIV–XV веках). Данная сага выпадает из общего ряда королевских саг из-за незначительного количества следов индивидуального авторства [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2009, 83]. В стилистическом отношении «Прядь о Норна-Гесте» занимает промежуточное положение между «сагами о древних временах» и «прядями о крещении», несет в себе следы влияния древнеанглийской поэзии и христианской литературы (латинских *exempla*). Прядь разительно отличается от саги, в которую она включена, и представляет собой пример использования так называемого «украшенного стиля», применение которого для составления прядей считалось приемлемым [Гуревич, 2020, 384–401].

Сама прядь сохранилась в трех редакциях: во-первых, в упомянутой выше «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» в «Книге с Плоского Острова» (GkS 1005 fol.) (редакция F – последняя четверть XIV века). Также она дошла до нас во фрагменте той же саги в рукописи AM 62 fol. (редакция S), которая относится к середине XIV века. И еще один вариант сохранился в качестве отдельного рассказа в рукописи XV века в Gks 2845 4to (редакция A) [Гуревич, 2011, 175]. Большинство исследователей обращается в своей работе именно к редакции F, поскольку кардинальных отличий в остальных редакциях не выявлено.

«Книгу с Плоского Острова» (GkS 1005 fol. Или Codex Flatöiensis) составили два священника – Йон Тордарсон² и Магнус Торхалльсон³. Согласно предположению Олавюра Халльдорсона, книга должна была стать подарком для юного короля Норвегии Олава Хаконарсона. Исследователь выдвигает такую гипотезу, основываясь на том факте, что в «Книгу с Плоского острова» вошли все доступные на момент составления рукописи саги об истории земель, подвластных королю Норвегии (кроме Исландии), а также на тексте послесловия к «Саге об Эйрике Путешественнике», в котором содержится тезис: «Мудрый человек больше прочих восхваляет тех, кто продвигает дело Церкви». Если гипотеза исследователя верна, то «Книга с Плоского острова» представляет собой «подарок с намеком», который призван был побудить юного короля выстраивать свое поведение с оглядкой на пример своих почитаемых тезок – Олава Трюггвасона и Олава Святого [Rowe, 1998, 4].

Следовательно, формирование образа конунга в нарративе пряди имеет не только художественное, но и в определенной степени идеологическое значение. Составители рукописи, таким образом, предприняли попытку понять, каким должен быть идеальный монарх, используя традиционную для норвежско-исландской историографии форму.

² Его руке принадлежит текст с оборотной стороны четвертого листа до предпоследней строки первого столбца листа 134 [Rowe, 1998, 3–4].

³ Ему принадлежит текст с последней строки первого столбца оборотной стороны листа 134 до конца рукописи – кроме листов 188–210, которые были вставлены Торлейфом Бьорнсоном во второй половине XV века [Rowe, 1998, 3–4].

Сюжет пряди разворачивается во временном промежутке от прибытия Норна-Геста ко двору конунга Олава Трюгвасона и до его, Геста, смерти, перемежаясь рассказами о службе у других конунгов и поэтическими вставками. Вставки представлены записью эддического цикла о Сигурде, близкой Codex Regius (GKS 2365 4to), и занимают подчиненное положение относительно нарратива пряди [Гуревич, 2014, 75–85].

Текст пряди примечателен тем, что, несмотря на обильное цитирование близкой Codex Regius записи эддического цикла о Сигурде и саг о древних временах, его составитель отводит эпическому нарративу подчиненную роль по отношению к нарративу пряди [Гуревич, 2014, 75–85]. Основой текста пряди становится столкновение представителей языческого прошлого и христианского настоящего. Джозеф Харрис, исследуя пряди, включенные в текст «Саги об Олаве Трюгвасоне» в редакции «Книги с Плоского острова» [Harris, 1980, 166] предполагал, что назначение прядей этого типа – демонстрация «исторической пропасти между Ветхим и Новым Устроением» [Rowe, 1998, 11]. Тем не менее данный тезис нуждается в дополнении: составитель пряди, используя элементы сюжета, создает нарратив, в котором происходит, с одной стороны, включение эпоса о Сигурде Убийце Фафнира в историческую хронологию, а с другой – включение исторических лиц, прежде всего Олава Трюгвасона, в один ряд с эпическими героями.

Эпизод прибытия Геста ко двору конунга и эксцесс с альвом из первой главы пряди были подробно освещены в статье-послесловии Е.А. Гуревич к переводу текста пряди, а также в статье Дж. Харриса и Т. Хилла «“Gestr’s Prime Sign”: Source and Signification in Norna-Gests þátr», где были сопоставлены с эпизодом из главы 64 «Саги об Олаве Трюгвасоне» из «Круга Земного» и главы 106 «Саги об Олаве Святом» из «Книги с Плоского острова». Несмотря на сходство в структуре повествования, имеется важное отличие: в вышеупомянутых сагах источником опасности выступает пришелец как таковой, в обоих случаях он пытается подтолкнуть конунга к отступничеству. В пряди же мы наблюдаем несколько иную картину: источником опасности для души конунга и остальных присутствующих выступает дух, а Норна-Гест становится его невольной приманкой, но, осев на себя крестным знаменем вместе со всеми, спасается. Иначе говоря, составитель пряди как бы расщепляет фигуру «гостя из прошлого» на две части, выделяя носителя знания, таящего в себе опасность отступничества, и носителя знания, которое этой опасности лишено.

После этого эксцесса Норна-Гест представляется конунгу и его дружине, рассказывая о себе и своем отце, а также упоминая, что он принял «*príma signatíó*», именуемое в оригинальном тексте саги «*prímsignindr*» (букв. «первое знамение [креста]»), то есть оглашение, начальная ступень катехизации), которое в какой-то момент времени, по всей видимости, позволяло соприкоснуться с христианским миром, но не порывать при этом с миром языческим до конца.

То, что Норна-Гест в оригинальном тексте отделяет «prima signatio» от крещения⁴, как и факт недовольства конунга тем, что «Свейн конунг разрешает некрещеным людям покидать его державу и ездить из страны в страну» [Исландские пряди, 2017, 87], приписываемый конунгу Олаву Трюггвасону, еще раз доказывает позднее происхождение «Пряди о Норна-Гесте», поскольку такое суждение характерно для более поздней эпохи, когда уже, как сказано в статье Ф.Б. Успенского «Крещение костей князей Олега и Ярополка: к интерпретации летописной статьи 1044 года», «четко проведена граница между тремя статурами: некрещенного язычника, оглашенного и крещеного, где оглашенный стоит выше некрещенного язычника, но ниже крещеного христианина» [Успенский, 2002, 141–169].

Построение сюжета, таким образом, позволяет автору пряди напомнить читателю о том, что конунг Олав Трюггвасон – король-миссионер, который видел свое предназначение в том, чтобы распространять христианскую веру везде, где это возможно⁵.

Следующий эпизод, представляющий интерес для нашего исследования, – спор Норна-Геста с дружинниками Олава Трюггвасона о золоте. Этому эпизоду посвящены 2 и 3-я главы, где описывается контекст появления золотого запястья Хнитуд у конунга Олава Трюггвасона, включая перечень предыдущих его владельцев, а также сам спор Норна-Геста с дружинниками Олава. Повествование начинается следующим образом:

«Незадолго до Рождества воротился домой Ульв Рыжий со своими людьми. Все лето он разъезжал, выполняя поручения конунга, а осенью на него была возложена обязанность охранять в Вике пределы страны от набегов датчан. У него было в обычае проводить середину зимы вместе с конунгом. Ульв привез конунгу много отменных сокровищ, которые он добыл летом. Там было одно золотое запястье, оно называлось Хнитуд. Это запястье было спаяно в семи местах, и каждая его часть отличалась цветом, изготовлено же оно было из куда лучшего золота, чем другие обручья. Ульв получил его от бонда по имени Лодмунд, а прежде им владел Хальв конунг, чьим именем стали называть Хальвовых воинов, которые силой отняли это запястье у Хальвдана конунга Ильвинга. А взамен Лодмунд попросил Ульва, чтобы тот оберегал его усадьбу и заручился для него поддержкой Олава конунга. Ульв пообещал ему это» (Litlu fyrir jól kom Úlfr heim inn rauði ok sveit manna með honum. Hann hafði verið um sumarit í konungs erendum, því at hann var settr til landsgæzlu um haustit í Víkinni við áhlaupum Dana. Var hann jafnan vanr at vera með Óláfi konungi um hávetri. Úlfr hafði at færa konungi marga góða

⁴ Гест сказал, что является оглашенным, но не крещеным (Gestr lézt vera prímsigndr, en eigi skírðr) [Fornaldar sögur Norðurlanda, 1954, 307].

⁵ «Конунг сказал, что тот может остаться при дружине, – “Но только ты недолго пробудешь у меня некрещеным”» (Konungr sagði honum heimilt at vera með hirðinni, – «en skamma stund muntu með mér óskírðr») [Прядь о Норна-Гесте, 2011, 152].

gripi, er hann hafði aflat um sumarit, ok einn gullhring hafði hann aflat, er Hnituðr hét. Hann var hnitaðr saman í sjau stöðum, ok var með sínum lit hvern hlutrinn. Miklu var hann gullbetri en aðrir hringar. Þann hring hafði gefit Úlfi einn bóndi, er Loðmundr hét, en þenna hring hafði átt áðr Hálfir konungr, er Hálfisrekkar eru frá komnir ok við kenndir, er þeir höfðu kúgat fé af Hálfdani konungi í Ylfing. En Loðmundr beiddi Úlfi í móti, at hann mundi halda bænum fyrir honum með fulltingi Óláfs konungs. Úlfr játaði honum því.) [Исландские пряди, 2017, 88].

Из повествования мы видим, что Ульв выступает как доверенное лицо конунга Олава и, соответственно, «запястье Хнитуд» попадает к конунгу именно через Ульва после такой «служебной поездки».

Автор пряди подчеркивает, что Хнитуд, во-первых, отличается от других обручей качеством золота, во-вторых, бонд Лодмунд просит Ульва в обмен на это запястье о защите его усадьбы и поддержке Олава конунга. Автору пряди в данном случае зачем-то нужно, чтобы отношения конунга Олава и его подданных в рамках нарратива пряди приобрели некоторые черты, характерные для вассально-сеньориальных отношений, закрепленных оммажем, но со скандинавской спецификой: происходит передача запястья, а не какого-то иного предмета, и передача происходит на пиру, а не где-то еще. Обе эти детали отсылают нас к зафиксированным в сагах процедурам клятвы, характерным для скандинавской дружинной культуры.

Так, И.Б. Губанов в своей статье «Формула клятвы на священном кольце и священный пир как базовые элементы сакральной и правовой культуры в древней Скандинавии» указывает на формулу клятвы, которая приводится в «Книге о занятии земли» Ари Мудрого вкупе с предписанием кропить «священное кольцо» годи кровью жертвенного животного. Здесь четко прослеживается связь правовой и сакральной сфер в древнескандинавском обществе и уделяется внимание роли священного кольца в структуре описываемых процессов. Кольцо лежит на самом священном месте храма – алтаре, годи должен окроплять его кровью жертвенного животного, прежде чем наденет, выступающий в суде произносит клятву на священном кольце, которая носит для всех участников судебного процесса универсальный характер [Губанов, 2018, 10].

Подробный анализ семантической нагрузки кольца в германской культуре в целом и скандинавской в частности содержится в статье Е.А. Мельниковой, где, помимо письменных источников (саг и хроник), приводятся данные археологии и изобразительного искусства («рисованные камни» Готланда) [Мельникова, 2014, 176–192].

Далее конунг предоставляет возможность полюбоваться запястьем и пускает его по рядам. Украшением восхищаются все, кроме Норна-Геста, который не проявил никакого интереса к нему – и это поведение нашли очень странным [Исландские пряди, 2017, 88].

Конунг Олав и здесь демонстрирует свою проницательность и дальновидность, решив, что пришелец не так прост, как кажется на первый

взгляд. Этот фрагмент резонирует с эпизодом из «Саги об Олаве Трюггвасоне» из «Круга Земного», где конунг также сам просит пришельца рассказывать ему истории, но с одним важным отличием: в пряди конунг специально уточняет, что прийти он должен утром.

Следом разворачивается диалог между Гестом и дружинниками Олава Трюггвасона, который приводит к тому, что Гест принимает предложение побиться об заклад с дружинниками Олава Трюггвасона [Исландские пряди, 2017, 88–89].

Разгоревшийся спор между «Гестом-чужаком» и дружинниками конунга Олава не вполне обычен – хотя он содержит в себе некоторые условия, необходимые для начала перебранки⁶. А именно: принадлежность оппонентов к дружественным группам, связанным отношениями гостеприимства (на это указывают постоянные уточнения «Гест-пришелец», «Гест-чужак» и т.д.), и изначальный паритет, выраженный, как выяснится впоследствии, через золото конунга Олава и золото Сигурда, о котором будет рассказано позже. Тем не менее обе стороны спорят о том, что их касается опосредованно, – о качестве золота, которым владеют их вожди. Да и Гест, как мы видим из фрагмента, не торопится раскрывать факт принадлежности (в прошлом) к дружине самого Сигурда Фафниробойцы, а кроме того, принимая условия заклада, призывает в арбитры конунга Олава.

Некоторые детали этого спора уже получили свою интерпретацию в науке – так, например, упоминаемая в тексте пара «нож и ремень» является распространенным топосом в прядях и сагах, что было продемонстрировано Е.А. Гуревич в соответствующей статье [Гуревич, 2020, 401–415].

В следующей главе мы видим, как дружинники и Гест переходят к исполнению условий договора. Прежде они решают уведомить о нем конунга Олава [Исландские пряди, 2017, 89].

Мы снова видим, что автор пряди акцентирует внимание на факте посещения конунгом заутрени. Акцент на посещении церковной службы и перенос аудиенции по поводу спора Норна-Геста с дружинниками на утро должны помочь создать образ монарха, который осознает важность участия в церковной жизни и выстраивает свой распорядок дня с учетом этого фактора.

После пира конунг Олав просит Геста в доказательство своих слов предъявить золото, которое качеством будет превосходить Хнитуд, что Гест и делает. Конунг в этом эпизоде проявляет себя не только мудрым человеком, но и справедливым судьей, а дружинники остаются в дураках перед Гестом.

⁶ Перебранка – разновидность вербального состязания, характерная для литературных памятников германской словесности, восходящих к устной традиции [Матюшина, 2011, 207]. Подробно это явление исследовано в монографии Матюшиной И.Г. «Перебранка в древнегерманской словесности» (М., 2011).

В свою очередь Гест демонстрирует свой добрый нрав и благородство, отказываясь от выигранных денег, но при этом произносит назидательную речь, а конунг Олав Трюггвасон изъявляет желание узнать, как же Норна-Гест получил свое золото, причем ему приходится настаивать на своей просьбе [Исландские пряди, 2017, 89–90].

Далее автор пряди возвращается к этому вопросу в 8-й главе. Он вплетает историю Геста в «тело» эддического рассказа о Старкаде Старом⁷.

Волос из конского хвоста, который имел длину в семь локтей, – еще один признак принадлежности Геста дохристианскому героико-эпическому пласту, этот момент перекликается с выдающимся телосложением самого Норна-Геста.

⁷ Как-то раз, когда Сигурд Убийца Фафнира отправился на одну встречу, случилось ему по дороге захватить в болотце. Тут конь его Грани прыгнул вверх с такою прытью, что на нем лопнула подпруга и застежка от нее упала на землю. Я увидел, как она блестит в грязи, поднял и отнес Сигурду, а он отдал ее мне. Это – то самое золото, что вы видели давеча. Потом Сигурд спешился, и я обтер его коня и смыл с него грязь. Я тогда выдернул волос из его хвоста, чтобы иметь доказательства того, как велик был Грани.

Тут Гест предъявил этот волос, а был он длиною в семь локтей.

Олав конунг сказал:

– Истории твои кажутся мне весьма занятными.

Тут все принялись расхваливать его рассказы и превозносить его за доблесть. Конунг пожелал, чтобы он поведал им еще многое другое о событиях, свидетелем которых он стал во время своих странствий. И вот до позднего вечера Гест рассказывает им всякие занимательные истории. Потом люди отправились спать.

На следующее утро конунг велит призвать Геста и желает и дальше беседовать с ним.

Конунг сказал:

– Что-то я никак не пойму, сколько же тебе лет. Да и как такое может быть, чтобы ты был так стар, что сам мог присутствовать при всех этих событиях? Придется тебе рассказать нам еще какую-нибудь историю, чтобы мы смогли в этом разобраться.

Гест отвечает:

– Я так и знал, что, коли расскажу, как было дело с тем золотом, тебе наверняка захочется послушать и другие мои истории.

Конунг сказал:

– Так и есть. А ну-ка, расскажи еще.

(«Var þat einn dag, at Sigurðr Fáfnisbani reið til einhverrar stefnu, þá reið hann í einhverja veisu, en hestrinn Grani hljóp upp svá hart, at í sundr stökk brjóstgjörðin ok fell niðr hringjan. En er ek sá, hvar at hún glóaði í leirinum, tók ek upp ok færða ek Sigurði, en hann gaf mér. Hafi þér nú fyrir litlu sét þetta sama gull. Þá stökk Sigurðr af baki, en ek strauk hest hans, ok þó ek leir af honum, ok tók ek einn lepp ór tagli hans til sýnis vaxtar hans».)

Sýndi Gestr þá leppinn, ok var hann sjau álna hár. Óláfr konungr mælti: «Gaman mikit þykki mér at sögum þínum».

Lofuðu nú allir frásagnir hans ok frækleik. Vildi konungr, at hann segði miklu fleira um atburði frænda sinna. Segir Gestr þeim marga gamansamliga hluti allt til aptans. Fóru menn þá at sofa.

En um morgininn eftir lét konungr kalla Gest ok vill enn fleira tala við Gest.

Konungr mælti: «Eigi fæ ek skilit til fulls um aldr þinn, hver líkendi þat má vera, at þú sér maðr svá gamall, at værir við staddr þessi tíðendi. Verð þú at segja sögu aðra, svá at vér verðim sannfróðari um slíka atburði».

Gestr svarar: «Vita þóttumst ek þat fyrir, at þér mundið heyra vilja aðra sögu mína, ef ek segða um gullit, hversu farit væri». Konungr mælti: «Segja skaltu víst» [Исландские пряди, 2017, 97–98].

Здесь самое время вспомнить имя первого владельца запрястья Хнитуд – конунга Хальвдана из рода Ильвингов. Автор пряди, в 4–7 главах продемонстрировавший хорошее знание «Старшей Эдды», наверняка прекрасно знал, что Вельсунгов (к которым принадлежит и Сигурд) также называли Ильвингами [Гуревич, 2011, 177]. То есть в рамках нарратива пряди и золото Норна-Геста, и золото Олава Трюггвасона происходит из одного источника. Но есть и очень важное отличие: в случае с золотом Геста цепочка владельцев максимально короткая – Сигурд Убийца Фафнира > Норна-Гест. В случае с золотом Олава Трюггвасона она выглядит следующим образом: конунг Хальвдан из рода Ильвингов > Хальв-конунг > бонд Лодмунд > Олав Трюггвасон. Здесь могут сработать два не противоречащих друг другу объяснения: во-первых, золото в скандинавских источниках выступает как такой вид богатства, который служит воплощением удачи и благополучия рода, владеющего им. Следовательно, если богатство стало объектом дарения, то получатель оказывается как бы сопричастен удаче дарителя, о чем не раз писал А.Я. Гуревич [Гуревич, 2009, 410–425]. Следовательно, такая длинная цепочка владельцев золота могла привести к тому, что удача, воплощением которой оно служит, станет меньше.

Во-вторых, такой поворот сюжета мог быть вдохновлен и характерными для традиционного общества представлениями о Золотом веке и ухудшении качества всего, что от него располагается все дальше. Отсюда апелляция к богатырскому телосложению Норна-Геста, которую мы видим в начале пряди, к аномально большому размеру коня Грани и т.д.

Процедура дарения здесь также обращает на себя внимание: во-первых, мы видим, что сам акт дарения происходит, когда Сигурд сидит верхом. Кроме того, акт дарения в данном случае может выступать символом укрепления связи господства-подчинения и поддержки престижа вождя. Сигурд – образцовый герой германского героического эпоса, и, как образцовый вождь, он неукоснительно чтит архаический этикет. Норна-Гест, принимая дар, в свою очередь признает себя его подданным. Об этой стороне акта дарения также писал А.Я. Гуревич, ссылаясь на «Очерк о даре» М. Мосса.

В «материальном» (насколько возможно относить «золото как воплощение удачи» к материальному миру) плане автор признает первенство за вождем дохристианской героической эпохи – Сигурдом и Норна-Гестом, как соратником Сигурда, однако проводит линию преемственности через вышеупомянутое запрястье Хнитуд.

Последний фрагмент пряди, который нас интересует, – это 10 глава, в которой Норна-Гест беседует с конунгом Олавом Трюггвасоном о том, при дворе какого конунга ему понравилось больше всего⁸.

⁸ Потом конунг спросил Геста:

– У кого же из конунгов, которых ты посетил, тебе больше всего понравилось?

Гест говорит:

В этом фрагменте пряди мы можем наблюдать, как побеждает новая система ценностей, поскольку среди всех дворов конунгов Гест особо выделяет двор конунга «Хледвера в стране Саксов», где он принял «prima signatio» (и этот момент оговаривается отдельно, как и то, что там «справно придерживались христианской веры») [Исландские пряди, 2017, 102].

Выделение именно христианского правителя среди всех прочих должно сообщить читателю о том, что в духовном плане христианская культура настолько превосходит языческую, что даже последний свидетель языческой героической эпохи это признает. На тот же тезис работают разбросанные по тексту пряди указания на набожность конунга Олава и строгое подчинение им своего распорядка дня церковным предписаниям. Автор как бы стремится сопоставить в христианском благочестии Людовика Благочестивого и Олава Трюгвасона, показывая, что оба правителя считали своей миссией не просто приращение территории, но расширение границ христианского мира. Именование Людовика Благочестивого «конунгом в Стране Саксов» не случайно: это и свидетельство расширения границ христианского мира, и указание на прямую обязанность конунга – вести дружину в бой, чтобы завоевывать новые земли.

Нелишне также вспомнить, что именно на годы правления Людовика Благочестивого приходится расцвет историописания в королевстве – знание истории становится важной чертой правителя [Сидоров, 2019, 24–25]. Интерес, который конунг Олав Трюгвасон проявляет к историям Норна-Геста, следует рассматривать именно в этом русле: составитель пряди уже не жил в парадигме жесткого противостояния языческого и христианского укладов, следы которого

– Самой большой отрадой для меня было находиться у Сигурда и Гьокунгов. Что же до сыновей Лодброка, то у них людям жилось всего привольнее. Нигде не было такого достатка, как у Эйрика в Уппсале. А конунг Харальд Прекрасноволосый строже, чем кто-нибудь из названных прежде конунгов, соблюдал придворные обычаи. Довелось мне также побывать у конунга Хледвера в Стране Саксов, и там я принял неполное крещение, а иначе мне нельзя было бы там оставаться, так справно придерживались там христианской веры. Там-то мне и пришлось по душе больше всего.

Конунг сказал:

– Видно, о многом ты мог бы еще поведать, если бы мы стали тебя расспрашивать.

И вот конунг задает Гесту множество вопросов, и тот на все отвечает толково и обстоятельно, а немного погодя говорит:

– А теперь я должен рассказать вам, отчего я был прозван Норна-Гестом.

Конунг сказал, что охотно послушает.

(Enn spurði konungr Gest: «Hvar hefir þú þess komit til konunga, er þér hefir bezt þótt?»)

Gestr segir: «Mest gleði þótti mér með Sigurði ok Gjúkungum. En þeir Loðbrókar synir váru menn sjálfráðastir at lifa sem menn vildu. En með Eireki at Uppsölum var sæla mest. En Haraldr konungr hárfagri var vandastr at hirðsiðum allra fyrrnefndra konunga. Ek var ok með Hlödvé konungi á Saxlandi, ok þar var ek prímsigndr, því at ek mátti eigi þar vera elligar, því at þar var kristni vel haldin, ok þar þótti mér at öllu bezt».

Konungr mælti: «Mörg tíðendi muntu segja kunna, ef vér viljum spyrja».

Konungr fréttir nú margs Gest. En Gestr segir þat allt greiniliga, ok um síðir talar hann svá: «Nú má ek segja yðr, hví at ek em Norna-Gestr kallaðr».

Konungr sagðist þat heyra vilja) [Прядь о Норна-Гесте, 2011, 172].

мы можем наблюдать в «Саге об Олаве Трюггвасоне» и «Саге об Олаве Святом», но, по всей видимости, был знаком с франкской книжной культурой и предпринял попытку создания на исландско-норвежском культурном фундаменте труда, который выполнял бы функции, аналогичные задачам европейских исторических хроник, – наставление юного короля Олафа IV Хаконссона.

В этом же ключе следует трактовать крещение и следующую за ним смерть Геста, который предпочел принять крещение при дворе конунга Олава и избрал его своим последним пристанищем. Норна-Гест принял крещение после того, как поведал конунгу Олаву о том, почему его зовут Норна-Гестом [Исландские пряди, 2017, 103–104].

Норна-Гест окончательно вливается в общество дружинников Олава Трюггвасона после своего обращения, что позволяет внести этот текст в число «прядей о крещении». Замыкает историю, как и полагается «пряди о крещении», смерть христианина Норна-Геста [Исландские пряди, 2017, 104].

Следует особо отметить, что в данном случае имеется в виду «большая сотня» лет, которая равняется 120 годам, – таким образом, мы выясняем, что Норна-Гесту 360 лет [Гуревич, 2011, 187], и это позволяет предположить, в каком временном промежутке происходили события. Следовательно, история, рассказанная в пряди, из эпической плоскости переносится в историко-хроникальную и окончательно становится частью прошлого – в связи со смертью последнего участника описываемых событий. Схожие истории из западноевропейского материала были рассмотрены Ф. Панцером [Panzer, 1925, 27–33]. Также герои-долгожители упоминались в исландских сагах.

На основании всего перечисленного выше мы можем сделать следующие выводы.

Автор пряди, используя широкий круг письменных источников как исландско-норвежского, так и западноевропейского происхождения, выстраивает свою хронологическую шкалу, на которую оказываются помещены герои эпоса, таким образом как бы становящиеся историческими лицами.

В отличие от ранее упомянутых саг и иных прядей о крещении, нарратив данной пряди выстроен автором таким образом, чтобы не просто показать превосходство христианства перед язычеством, но сформировать некое общее пространство прошлого, в котором между христианским и языческим временными пластами существует определенная культурная преемственность [Ассман, 2004, 16].

Конунг Олав Трюггвасон предстает перед нами в образе, в котором сочетаются черты, характерные для скандинавских вождей и для европейских (в частности, франкских) королей. Помимо очевидной параллели, проводимой между Людовиком Благочестивым и Олавом Трюггвасоном в деле обращения язычников в христианство и соблюдения канонов христианской веры, существует и менее очевидная, выраженная в том интересе, который Олав Трюггвасон проявляет к истории, к деяниям прошлого, – ведь именно

при Каролингах знание истории стало рассматриваться как важное качество для правителя [Сидоров, 2019, 24–27], и составитель пряди, знакомый с таким обширным количеством литературы, наверняка это знал.

В нарративе пряди конунг уже не отворачивается от языческого прошлого, как это происходит, например, в одноименной саге из «Круга Земного», а проявляет к прошлому эксплицитный интерес – и этот интерес никак не противоречит его христианской вере. Напротив, он, так сказать, вписан в нее и подчинен ей, на что указывают упоминания о времени суток, в которое Норна-Гест рассказывает свои истории, а также то, что Гест рассказывает их только тогда, когда его об этом просят. В этом интересе точно так же отсутствует угроза сойти с пути истинной веры – напротив, Норна-Гест сам на него становится, принимая христианство при дворе Олава Трюггвасона, что призвано показать некоторое превосходство конунга Норвегии, поскольку последний свидетель героической эпохи принял крещение и упокоился именно у него.

Таким образом, сочетая специфические скандинавские и западноевропейские элементы, составитель пряди выстраивает свой нарратив так, что образ конунга Олава Трюггвасона совмещает в себе три составляющие: во-первых, конунг является набожным христианином, который строго следует канонам веры сам и следит за их соблюдением со стороны подданных. Во-вторых, конунг Олав выступает как справедливый судья и человек, который чтит традиции своей страны, – это мы видели на примере того, как он рассматривал спор дружинников и Норна-Геста. В-третьих, конунг, как и подобает правителю, интересуется историей, он не упускает возможности узнать что-то новое о прошлом из уст самого участника событий. Завершающий повествование комментарий «конунг также придавал большое значение его историям и почитал за правду то, что он поведал о своей жизни» [Исландские пряди, 2017, 104] призван не столько убедить читателя в достоверности повествования, сколько обратить его внимание на те качества конунга, которые составитель пряди в его образе выделяет.

ЛИТЕРАТУРА

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica).

Губанов И.Б. Формула клятвы на священном кольце и священный пир как базовые элементы сакральной и правовой культуры в древней Скандинавии // Научный вестник Крыма. 2018. № 4(15). С. 1–16.

Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 2009. 470 с.

Гуревич Е.А. Гость из стародавних времен: фигура рассказчика и отношение к героическому прошлому в «Пряди о Норна-Гесте» // Обретенное время: сборник трудов памяти Андрея Дмитриевича Михайлова. М., 2014. С. 74–85.

Гуревич Е.А. Послесловие // Мировое древо = Arbor mundi. 2011. № 18. С. 189–198.

Гуревич Е.А. Поэзия и проза средневековой Исландии. Избранные статьи. М. – СПб., 2020. 452 с.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Т. V: Древнескандинавские источники. Часть V: Королевские саги. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 81–84.

Исландские пряди / подгот. Е.А. Гуревич; отв. ред. О.А. Смирницкая. М.: Наука, 2017. 80 л. 1005 с. (Литературные памятники). С. 86–104.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 192 с.

Матюшина И.Г. Перебранка в древнегерманской словесности. М., 2011. 304 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 59).

Мельникова Е.А. «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // Средние века. 2014. № 75(4). С. 176–192.

Прядь о Норна-Гесте / пер. с др.-исл., коммент. и послесловие Е.А. Гуревич // Мировое древо = Arbor mundi. 2011. № 18. С. 151–198.

Сидоров А.И. Историописание и историческая культура у франков при Каролингах // Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники / сост. и общ. ред. А.И. Сидоров. СПб.: Евразия, 2019. 512 с.

Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2002. 456 с. (Studia philologica).

Fornaldar sögur Norðurlanda / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Akureyri, 1954. Bd. I. 408 Bls. Bls. 307–335.

Harris J. Folktale and Thattr: The Case of Rognvald and Raud // Folklore Forum. 1980. No. 13. P. 158–198.

Harris J., Hill Th.D. Gestr's 'Prime Sign': Source and Signification in Norna-Gests þátrr // Arkiv för Nordisk Filologi. 1989. No. 104. P. 103–122.

Panzer F. Zur Erzählung von Nornagest // Vom Werden des deutschen Geistes. 1925. S. 27–33.

Rowe E.A. (1998) Cultural Paternity in the Flateyjarbók Óláfs saga Tryggvasonar // Alvissmál. 1998. No. 8. P. 3–28.

A.N. Malkova

Postgraduate Student,

Institute of Social Sciences,

the Russian Academy of National Economy

and public Service under the President of the Russian Federation

Moscow, Russia

The Image of King in «Norna-gests þátrr»: the Epic Chieftain and the King from Chronicles

The article deals with specific qualities of designing the image of the king Olav Tryggvason into narrative space of the «Norna-gests þátrr», which was written at the end of XIV c. and included into «Olafs saga Tryggvasonar en mesta». The main specific of this kind of narrative consists in the fact, that epic heroes are near to historical persons.

The basement of the research is the interpretative and comparative textual approaches. It is also guided by the research of E.A. Gurevich, who translated and commented the text of the «Norna-gests þátrr», having devoted several scientific articles to it. The received results show that the formation of the image of the ruler in the text of the strand is carried out through building a common space of cultural memory for epic heroes and historical figures and comparing their actions and achievements.

Key words: *Icelandic strands; Kings' sagas; Legendary sagas; Elder Edda; Christianity; Paganism; Medieval literature.*

REFERENCES

Assman Ia. Cultural memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity [Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti]. Transl. by M.M. Sokol'skaja. M., Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 368 p. (Studia historica). (in Russian).

Ancient Rus' in the Light of Foreign Sources: an Anthology [Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: Khrestomatiia]. Ed. by T.N. Dzhakson, I.G. Konvalova i A.V. Podosinov. Vol. V: Korolvskie sagi. M., Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke, 2009, pp. 81–84 (in Russian).

Fornaldar sögur Norðurlanda / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Akureyri, 1954. Bd. I. 408 Bls. Bls. 307–335.

Gubanov I.B. The Oath Formula on the Sacred Ring and the Sacred Feast as Basic Elements of Sacred and Legal Culture in Ancient Scandinavia [Formula kliatvy na sviashchennom kol'tse i sviashchennyi pir kak bazovye elementy sakral'noi i pravovoi kul'tury v drevnei Skandinavii]. Publ. I.B. Gubanova. *Nauchnyi vestnik Kryma*, 2018, no. 4(15), pp. 1–16 (in Russian).

Gurevich E.A. Selected Works. Norwegian Society [Izbrannye trudy. Norvezhskoe obshchestvo]. M., Traditsiia, 2009. 470 p. (in Russian).

Gurevich E.A. Afterword [Posleslovie]. Publ. Gurevich E.A. *Mirovoe drevo = Arbor mundi*, 2011, no. 18, pp. 189–198 (in Russian).

Gurevich E.A. A Visitor from Ancient Times: the Figure of the Narrator and the Attitude to the Heroic Past in the «Strands of the Norn-Gest» [Gost' iz starodavnykh vremen: figura rasskazchika i otnoshenie k geroicheskomu proshlomu v «Priadi o Norna-geste»]. Publ. E.A. Gurevich. *Obretennoe vremia: sbornik trudov pamiati Andreia Dmitrievicha Mikhailova*. M., 2014, pp. 74–85. (in Russian).

Gurevich E.A. Poetry and Prose of Medieval Iceland. Featured Articles [Poeziia i proza srednevekovoi Islandii. Izbrannye stat'i]. M.; SPb., 2020. 452 p. (in Russian).

Litvina A.F., Uspenskij F.B. Praise of generosity, a bowl of a skull, a golden tin... Contours of Russian-Varangian cultural interaction [Pohvala shhedrosti, chasha iz cherepa, zolotaja luda... Kontury rusko-varjazhskogo kul'turnogo vzaimodejstviia]. M., 2018. 192 p. (in Russian).

Matiushina I.G. Quarrel in ancient German literature [Perebranka v drevnegermanskoj slovesnosti]. M., 2011 (Chtenya po istorii i teorii kul'tury. Vyp. 59). 304 p. (in Russian).

Mel'nikova E.A. «Hoops» of Unbaptized Rus in the Russian-Byzantine Treaty of 944 and «Oath Rings» of the Old Norse Legal Tradition. Middle Ages ['Obruch'ia' nekreshchenoi Rusi v rusko-vizantiiskom dogovore 944 g. i 'kol'tsa kliatvy' drevneskandinavskoi pravovoi traditsii]. Publ. Mel'nikovoi E.A. *Srednie veka*, 2014, no. 75(4), pp. 176–192 (in Russian).

Sidorov A.I. Historical Writing and Historical Culture among the Franks under the Carolingians [Istoriopisanie i istoricheskaiia kul'tura u frankov pri Karolingakh]. Dinastiia Karolingov. Ot korolevstva k imperii, VIII–IX veka. Istochniki. Ed. by A.I. Sidorov. SPb., Evraziia, 2019. 512 p. (in Russian).

Uspenskii F.B. Scandinavians. Varangians. Rus: Historical and Philological Essays [Skandinav. Variagi. Rus': Istoriko-filologicheskie ocherki]. M., Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002. 456 p. (Studia philologica) (in Russian).

Harris J., Hill Th.D. Gest's 'Prime Sign': Source and Signification in Norna-Gests þátr. *Arkiv för Nordisk Filologi*, 1989, no. 104, pp. 103–122 (in English).

Harris J. Folktale and Thattr: The Case of Rognvald and Raud. *Folklore Forum*, 1980, no. 13, pp. 158–98 (in English).

Panzer F. Zur Erzählung von Nornagest. *Vom Werden des deutschen Geistes*, 1925, pp. 27–33 (in German).

Rowe E.A. Cultural Paternity in the Flateyjarbók Óláfs saga Tryggvasonar. *Alvíssmál* 8, 1998. pp. 3–28 (in English).

М.Б. Бессуднова

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-191-207

ИМПЕРИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ОРДЕНСКИХ ГОСУДАРСТВ ПРУССИИ И ЛИВОНИИ РУБЕЖА XV–XVI ВЕКОВ

Ключевые слова: *Тевтонский орден; орденовые государства; Пруссия; Ливония; Священная Римская империя; Максимилиан I; папство.*

Реализация императорского проекта по включению орденовых государств Пруссии и Ливонии в состав Священной Римской империи в качестве княжеств не соответствовала интересам верховного и ливонского магистров Тевтонского ордена. Желая оставить за собой статус государей, они намеревались сохранить с императором традиционные отношения как с «защитником» ордена, от которого ожидали помощи в разрешении внешнеполитических проблем прусского и ливонского подразделений ордена в их противостоянии польско-литовским Ягеллонам и Московскому государству. Магистры медлили с принятием княжеских регалий и переводом своих владений в ранг имперских ленов до тех пор, пока у них была надежда на помощь со стороны второго «куратора» орденовых государств, папства, от которого также зависело сохранение орденовых привилегий и получение орденом денежных субсидий в рамках «папской милости» (сигиате). Малая эффективность подобных расчетов и начавшаяся Реформация предопределили конечный курс орденовых государств на сближение с империей.

По завершении эпохи Люксембургов новый и весьма продуктивный этап территориального и институционального конституирования Священной Римской империи германской нации пришелся на времена правления Габсбургов, стремившихся завершить вековой спор императоров и пап о лидерстве в пределах католического сообщества возвышением собственной династии и реставрацией мировой империи. Начало процессу положили Фридрих III (1440–1493) с его «домашней политикой» (Hauspolitik) и Максимилиан I (1493–1519), немало преуспевший в конкурентной борьбе с Римом, королями Франции и польско-литовско-венгерскими Ягеллонами с тем, чтобы передать эстафету своему внуку и достойному преемнику Карлу V (1519–1555). Среди европейских государств и институтов, которым по замыслу Габсбургов надлежало пребывать в политической орбите Священной Римской империи, особое место занимали подразделения Немецкого (Тев-

тонского) ордена, еще в эпоху крестовых походов обосновавшиеся в империи, Пруссии и Ливонии. Потребность в выявлении обстоятельств их вхождения в систему имперской государственности и их роли в ее поступательном развитии не подлежит сомнению хотя бы потому, что спустя века наследник прусского орденского государства, королевство Пруссия, станет центром собирания разрозненных немецких земель, а созданная канцлером Бисмарком Германская империя будет «преимущественно прусской империей», в пределах которой со временем «пруссские традиции превратились в традиции немецкие» [Arnold, 2001, 39].

На начальной стадии своего существования Немецкий орден своим динамичным развитием во многом был обязан инициативам императорского дома Штауфенов, вследствие чего в историографии именуется порой их «домашним» орденом [Arnold, 2007]. Тесная связь его имперского подразделения с императорской властью не вызывает сомнений. С XIII века владения ордена в империи пребывали под ее защитой, а имперские магистры с середины XIV века считались «тайными советниками» императоров и по их приглашению, не являясь *de jure* князьями империи, принимали участие в общеимперских предприятиях, будь то заседания рейхстагов или итальянские походы. В 1491 году Максимилиан Габсбург, в то время соправитель своего отца Фридриха III, удостоил имперского магистра Андреаса фон Грумбаха (1489–1499) подтверждением привилегий Немецкого ордена; в 1494 году он уже как римский король ввел Грумбаха в круг своих ближних советников, а годом позже пожаловал ему княжеские регалии [Hofmann, 1964, 110–111]. Совершить подобное в отношении глав прусского и ливонского подразделений Немецкого ордена, верховного магистра Иоганна фон Тифена (1488–1497) и ландмейстера Вольтера фон Плеттенберга (1494–1535), оказалось не в пример сложнее. На Вормском рейхстаге 1495 года Максимилиан предписал им последовать примеру имперского магистра – принять княжеский титул и занять место в «сословии» имперских князей, однако оба орденских иерарха постарались удержать дистанцию в отношении империи и по факту саботировали распоряжение ее государя. Включить глав прусского и ливонского подразделений Немецкого ордена в систему имперских «сословий» Габсбургам удалось лишь спустя годы в условиях перемен, порожденных успехами Реформации. Один из преемников Тифена, верховный магистр Альбрехт Бранденбургский (1510–1525) сделал это после секуляризации в 1525 году вверенного ему орденского подразделения в звании герцога Прусского, что же до ливонского магистра Плеттенберга, то он принял титул имперского князя в 1526 году, получив Ливонию от Карла V в качестве имперского лена в 1530 году [Biskup, 1990, 102–103].

Различия в отношении руководителей трех ответвлений единого ордена к перспективе обретения княжеских регалий и сближению с империей следует рассматривать с учетом неоднозначности объектов и концепций их

власти, варьирующей их поведенческие парадигмы. В то время как имперские магистры ведали управлением восьми орденов баллей (округов) и в плане своих отношений с императорами вписывались в формат сеньориальной зависимости, верховные магистры в Пруссии и ливонские магистры в дополнение к руководству подразделениями Немецкого ордена как духовно-рыцарской корпорации возглавляли административные структуры орденов государств и в качестве их ландсгерров (государей) являлись воплощением государственного суверенитета. Тип орденового государства, подобно духовно-рыцарским орденам, являлся порождением крестовых походов на Ближний Восток и рассматривается как разновидность «крестовых государств» (*Kreuzfahrerstaaten*), смысл существования которых заключался в защите завоеваний, достигнутых в войнах с неверными, и в обеспечении условий для их успешного продолжения [Maschke, 1935; Hellmann, 1991; Favreau-Lilie, 2001; Nowak, 2001; Państwo zakonu krzyżackiego, 2008; Jähmig, 2011; Leighton, 2021]. Применительно к государствам Немецкого ордена, возникшим в XIII веке в Балтийском регионе, используется также определение «миссионерское государство» (*Missionsstaat*), которое исходило из концепта христианской «миссии», нацеленной на обращение в католичество местного языческого населения [Maschke, 1928]. Реализация этой программы вменялась в обязанность духовно-рыцарской корпорации, ордену, которой волею пап и императоров в пределах собственных территориальных владений становился субъектом права, администрирования и собственности. Подвластное ему орденовое государство представляло собой уникальную и довольно сложную организацию правления, сочетавшую сеньориальные (крупное землевладение, доминиальное хозяйство, сеньориальное право, вассалитет) и институциональные (войско, административный аппарат) элементы.

Пространная характеристика орденового государства способна увести нас в несколько иную плоскость исследования, во избежание чего нам придется действовать избирательно и сосредоточиться на тех его дефинициях, что касаются заявленной темы. Важнейшая историческая парадигма, которая заложила фундамент современных исследований соотношений империи с орденовыми государствами Пруссии и Ливонии, была задана в 1971 году Э. Питцем, который отрицал их принадлежность к империи в качестве ленов или марок, как полагали немецко-прибалтийские историки XIX – первой половины XX века [Arbusow, 1944], и именовал их «ничейной землей» (*Niemandland*) [Pitz, 1971, 32–33]. В продолжение темы М. Хельман указал на этнокультурную идентичность империи и орденовых государств, которые служили «немецкой нации» тем, что помогли ей закрепиться в Восточной Прибалтике [Hellmann, 1989, 34–35], а М. Бискуп – на существование между ними «эмоциональной связи» (*gefühlmäßige Bindung*), обусловленной нижненемецким происхождением братьев-рыцарей, высшего духовенства, вассалов, бюргерства (в

Пруссии еще и значительной части крестьянства), а также позаимствованными из Германии правовыми и культурными традициями [Biskup, 1990, 121–122]. Уезжая из Германии к месту службы в Пруссии или Ливонии, братья-рыцари порывали с отчизной, и в этом смысле их перемещение в орденские государства, с которыми они связывали всю свою последующую жизнь, представляло «дорогу в один конец» [Boockmann, 1995]. С другой стороны, чувство общности с империей в орденских подразделениях за ее пределами крепло по мере превращения Немецкого ордена в «госпиталь и пристанище для бедного немецкого дворянства» (*des armen teutschen adels spital und uffenthalt*) [Hellmann, 1961, 126–142; Armgart, 1999, 27–54]. Кроме того, после окончания Тринадцатилетней войны 1454–1466 годов и подписания 2-го Торуньского мира, по условиям которого Орденская Пруссия оказалась в политической зависимости от Польско-Литовского государства, ее потребность в поддержке со стороны Габсбургов значительно возросла [Biskup, 1990; Kwiatkowski, 2000]. Что касается Тевтонского ордена в Ливонии (Ливонского ордена), то его заинтересованность в сближении с империей стала проявляться на рубеже XV–XVI веков в связи с осложнением русско-ливонских отношений [Wimmer, 1988].

Вопрос о помощи «имперских сословий» ордену в Ливонии в его противостоянии русским был включен в повестку дня Вормского рейхстага 1495 года, что привело к утверждению нового имперского налога «единого пфеннига» [Schmid, 2000]. В письме Максимилиана I, написанном по этому поводу магистратам Данцига (Гданьска) и Торна (Торуни), сказано, что верховный магистр Иоганн фон Тифен в Пруссии и ливонский магистр Плеттенберг также должны нести данную повинность, поскольку они являются имперскими князьями [LEKUB 2, 2, № 834]. Оба орденских чина, как сказано выше, в нарушение данной условной привязки не спешили принять княжеские регалии, как обычно считают, во избежание связанного с тем бремени имперских налогов в отношении подвластных им территорий [Schmid, 2000, 539–541]. Стоит, однако, учитывать мнение М. Бискупа, полагавшего, что поведение магистров мотивировалось не только фискальными соображениями, но и обстоятельствами идеолого-политического порядка [Biskup, 1990, 111]. В развитие этой идеи можно добавить, что на Вормском соборе 1495 года имела место попытка Максимилиана I сделать орденские государства Пруссии и Ливонии частью имперской политической модели, используя стратегию, успешно апробированную в отношении имперского подразделения Немецкого ордена, то есть путем включения их ландсгерров в «сословие» имперских князей и признания их территорий частью империи. В случае с имперским магистром в последнем не было необходимости, поскольку единство подконтрольных ему немецких земель с империей ни у кого сомнений не вызывало. Что касается Орденской Пруссии и ливонского орденского государства, то их принадлежность к конгломерату имперских княжеств представлялась слишком эфемерной – полемика в современной историографии по этому поводу возникла отнюдь не на

пустом месте – и нуждалась если не в законодательном оформлении, то хотя бы в декларации высокого уровня. Письмо Максимилиана I к Данцигу и Торну 1495 года, в котором говорилось о его намерении предоставить верховному и ливонскому магистрам княжеские регалии, поэтому содержит прямую ссылку на то, что подвластные им земли принадлежат империи [LEKUB 2, 2, № 834], однако, как сказано выше, оба ландсгерра этого не признали.

В данной связи уместно заметить, что Пруссия и Ливония на тот момент не могли являться частями империи, поскольку в силу статуса «крестоносных» или «миссионерских» государств их нельзя было пожаловать в лен, а их ландсгерры не могли оказаться в вассальной зависимости ни от одного государя. Булла папы Гонория III от 15 декабря 1220 года гласит: «Ни одна духовная или светская персона да не отважится от магистра, от кого-либо из его преемников или братьев того самого дома [ордена] потребовать обеты верности, ленную присягу или прочие заверения, которыми обязаны светские лица (*domus iam dicte magister, vel suorum quolibet successorum, nullus eiusdem domus fratribus preponatur nisi militaris et religiosa persona, que vestram religionem et habitum sit professa, nec ab aliis nisi ab omnibus fratribus insimul vel a maiori et saniori eorum parte, qui preponendus fuerit, eligatur*)» [Tabulae Ordinis Theutonici, 1869, № 306]. Их «хранителями» (*conservatores*), «покровителями» (*protectores*) и гарантами считались оба главы католического сообщества, духовный и светский, папа и император. В письме верховного магистра Немецкого ордена Германа фон Зальца, направленном в 1229 году императору Фридриху II, в связи с этим сказано: «Нас же, в которых [состоит] честь Церкви и империи, пусть и та и другая высоко ценят и возвеличивают (*Nos vero sicut ille honorem ecclesie et imperii diligit et utriusque exultationi intendit*)» [Monumenta Germaniae Historica, 2, 1963. № 123; Arnold, 1990]. Вытекающие из этой роли обязательства покровительства и патронажа объяснялись тем, что империя и папство обеспечили государствам Немецкого ордена условия для их успешного конструирования путем предоставления им широкого круга привилегий, касающихся административно-правовых прерогатив ордена как ландсгерра в отношении захваченных им языческих территорий [Tabulae Ordinis Theutonici, 1869, № 306; Hellmann, 1956/1957, 80–83]. Император как светский государь выступал еще и в качестве «защитника» ордена (*Schutzherr*), на которого возлагалась ответственность за оборону орденских государств в случае военно-политических конфликтов. Ввиду этого соподчинение данных государственных образований императорской власти вплоть до конца XV века следует рассматривать не в контексте имперской политико-правовой модели, к тому времени окончательно сложившейся, а с учетом крестоносных реалий времен зарождения орденских государств, в соответствии с которыми император в отношении них фигурировал не в роли сюзерена, но как государь, ответственный за торжество «креста» в противостоянии его

врагам и потому обязанный защищать «крестоносные» государства. В этот ракурс стоит переформатировать поддержку Габсбургами борьбы верховных магистров с польско-литовскими Ягеллонами во второй половине XV века, широко представленную в зарубежной историографии, а также их причастность противостоянию Ливонского ордена «русской угрозе», чему, по замыслу Максимилиана I, должны были содействовать постановления Вормского рейхстага 1495 года.

Потребность в содействии императорской власти руководству Немецкого ордена ощущало также в связи с широкомасштабной кампанией по спасению орденских привилегий. После христианизации Литвы и завершения католической «миссии» правомочность ордена обладать ими оспаривалась в римской курии польско-литовскими государями вкупе с оппозиционными ордену прусскими сословиями [Sarnowsky, 2000]. Упразднение привилегий было чревато утратой Немецким орденом статуса ландсгерра, реорганизацией орденских структур и возможной передислокацией на Дунай для обороны католической Европы от турок-османов [Thumser, 2000]. В целях нейтрализации подобной угрозы верховные магистры Немецкого ордена изначально делали ставку не на империю, а на папство как со-гаранта его привилегий. В связи с этим орденское руководство, в частности, на протяжении всего XV века осуществляло серию реформ, нацеленных на возрождение в братьях-рыцарях духа старинного благочестия и традиций служения «на пути Господнем» (*iter Dei*), что должно было подтвердить идентичность ордена тому духовно-рыцарскому сообществу, которому эти привилегии некогда были пожалованы [Arnold, 1989; Biskup, 1999]. В конце XV века верховный магистр Иоганн фон Тифен при посредничестве официальных представителей ордена при римской курии, его генеральных прокураторов, старался лоббировать интересы ордена, но нехватка денег сокращала эффект от его усилий. В конце столетия глава ордена сделал основной упор на противостоянии ливонского подразделения «русским схизматикам», что представлялось неоспоримым свидетельством сохранения Немецким орденом в целом своей исконной крестоносной сущности. В начале 1494 года Тифен писал в Рим: «<...> требуется сохранить Немецкий орден, госпиталь всей немецкой нации, который и сегодня является оплотом против русских и защитой святого христианства на окраинах [католического мира], вместе с его привилегиями и установлениями (*grundfeste*), пожалованными папами, императорами и князьями, утвердить их и ничего против них не предпринимать» [Geheimes Staatsarchiv preußischer Kulturbesitz (GStA PK), Berlin. HA XX. OF 18b. 169v.-r.].

Переориентация на сотрудничество с папством представлялась руководством ордена еще более ценной в силу того, что наряду с сохранением привилегий давала шанс обрести «крестоносную милость» (*cruciate*) в виде

«отпущения» (*aplaß*), под которым понималось присвоение доходов от продажи «крестоносных» индульгенций, которое папа предоставлял государям, имеющим заслуги в борьбе с «врагами христианства» [Arbusow, 1910]. Отсюда происходит стремление верховных и ливонских магистров обрести для того веский правовой довод путем догматизации представлений о турецкой [Thumser, 2000] и русской угрозе [Бессуднова, 2014], которые утверждали «крестоносный» статус внешнеполитических предприятий Немецкого ордена и тем самым не только гарантировали незыблемость его привилегий, но и обеспечивали ему солидные денежные поступления. 24 мая 1497 года верховный магистр Тифен обратился к императору с посланием, где живописал крупные расходы, которые понесет прусское подразделение ордена в связи с предстоящим походом против турок в Валахию (в реальности против союзника Порты господаря Стефана), а также нависшую над Ливонией угрозу со стороны «неверных русских схизматиков» (*abgesünderten ungloubigen Rewszzen*) и просил освободить имперские баллеи от «единого пфеннига» [LEKUB 2, 1, № 536, 539], но успеха не достиг.

В феврале 1499 года верховный магистр Фридрих Саксонский, сменивший умершего во время валашского похода Иоганна фон Тифена, обратился к Максимилиану I с просьбой утвердить привилегии Немецкого ордена, как это делалось при смене верховных магистров, и одновременно, как подобает его «защитнику», выступить в роли третейского судьи во все еще продолжавшемся споре об орденских привилегиях, предоставив документальные подтверждения прав ордена на обладание ими [LEKUB 2, 1, № 775]. Помощь Немецкому ордену в Пруссии и Ливонии хоть и не принадлежала к числу приоритетов имперской внешней политики, но Максимилиан I предложил еще один вариант решения проблемы его противостояния Польше и «русским схизматикам», для чего, по его мнению, следовало объединить его с двумя другими орденами – с иоаннитами (госпитальерами) и орденом св. Георга [LEKUB 2, 1, № 757].

Орден братьев иерусалимского госпиталя св. Иоанна Иерусалимского (*Fratres Hospitalis sancti Ioannis Hierosolymitani*) после пожалования ему в 1310 году острова Родос стал именоваться орденом «родосских братьев», а с 1530 года после переселения на Мальту – Мальтийским орденом. В конце XV века он являлся форпостом западного христианства в Восточном Средиземноморье и, будучи одним из старейших и наиболее крупных духовно-рыцарских орденов, играл важную роль в сдерживании турецкой экспансии как инструмент антитурецкой политики Габсбургов [Vatin, 2004, 148–162, 231–235]. Орден же св. Георга (*Ordo militaris Sancti Georgii; St. Georgs-Orden*) был учрежден императором Фридрихом III в 1469 году в качестве «домашнего ордена» Габсбургов в целях обороны от османов их австрийских владений [Koller, 1980, 417–429]. Выбор для поименования но-

вого ордена святого, который в эпоху «литовских рейзов» XIV века, проводившихся под лозунгом борьбы с язычеством, стал почитаться небесным патроном Немецкого ордена наряду с Девой Марией и св. Елизаветой Тюрингской [Arnold, 2002, 161–171], допускает обращение императора-учредителя к «тевтонским» орденским традициям как к консолидирующему моменту, необходимому для объединения орденов, и как к условию, облегчавшему единство самоидентификации их членов.

В любом случае, проект объединения орденов, предложенный Максимилианом I в 1499 году, равно как и его намерение превратить верховного и ливонского магистров в имперских князей, проявленное им в 1495 году в Вормсе, радикально менял характер взаимосвязи императора с орденскими государствами Пруссии и Ливонии. Император избавлялся от положения «защитника», чьи функции определялись «крестоносными» привилегиями орденских государств и властными прерогативами их ландсгерров, вместо чего в отношении них утверждался наивысший авторитет императорской власти, который обеспечивался принципом монархической автократии. Об этом, в частности, говорится в письме имперского магистра Грумбаха к верховному магистру Фридриху Саксонскому от 1 января 1499 года [LEKUB 2, 1, № 757].

Не имея правового основания требовать от орденских государей принесения присяги за владения, не принадлежавшие империи, Максимилиан I посчитал возможным приступить к подготовке условий для объединения орденов, для чего запросил у верховного магистра Фридриха Саксонского копии устава и хроник Немецкого ордена, но тот желал уклониться от поручения, поскольку объединение орденов в его планы не входило [LEKUB 2, 1, № 775, 1022]. Вместе с тем к этому времени главе Немецкого ордена стало очевидно, что бесперспективно рассчитывать на папу в деле защиты орденских привилегий и обретения денежных средств с помощью папского «отпущения», и он начал постепенно активизироваться в отношении второго «куратора» ордена, императора. Тому способствовал ряд дополнительных обстоятельств:

1) поражение Немецкого ордена в Валахии 1497 года, существенно девальвировавшее его претензии на звание поборника в делах веры;

2) вручение в 1498 году магистерских полномочий представителю имперской княжеской фамилии Фридриху Саксонскому, которого в 1510 году сменил другой аристократ Альбрехт Бранденбургский. Появление во главе Немецкого ордена персоны княжеского происхождения увеличивало его шансы на помощь имперских сословий, а также положило начало перестройке орденского государства в Пруссии в сторону его превращения в светское княжество, что импонировало настроению императора [Oberländer, 1914];

3) постепенный отход Фридриха Саксонского и Альбрехта Бранденбургского в конфронтации с Ягеллонами от парадигмы противостояния

«русской угрозе» и переориентация на развитие мирных отношений с Московским государством, что соответствовало внешнеполитической стратегии Священной Римской империи [Sach, 2002].

В сумме все эти обстоятельства побуждали верховного магистра Фридриха Саксонского, озабоченного сохранением привилегий ордена и рассчитывавшего на поддержку высокопоставленной родни, отказаться от упований на папскую милость и активизировать свои контакты с императором Максимилианом I в расчете на «защиту» с его стороны. В 1500 году он направил комтура Людвига фон Зайнсхайма на переговоры с императором по вопросу принятия регалий имперского князя и принесения присяги верности. В посольской инструкции, составленной в конце лета – начале осени 1500 года, говорилось, что «вследствие предоставления себя империи и восприятия [верховным магистром княжеских] регалий орден не будет иметь проблем из-за своих привилегий» [ЛЕКУВ 2, 1, № 1022]. Княжеский статус верховного магистра, таким образом, представлялся гарантией сохранения орденовских привилегий. В том же документе содержится указание на то, что владения Немецкого ордена в Пруссии и Ливонии, хоть и не являются наследственными землями Габсбургов, ценной больших усилий были приобретены им для Священной Римской империи и немецкой нации и не могут быть утрачены, а потому императору «из милосердия» следует защищать орден от притязаний польско-литовских государей и «русской угрозы» [ЛЕКУВ 2, 1, № 1022, 1023, 1046]. Верховный магистр в данной ситуации представлял Немецкий орден элементом имперской политической модели, причем, что интересно, не прибегая к конкретным правовым аргументам, но пребывая, говоря словами современных зарубежных историков, на «эмоциональной» платформе. Основу его позиции по-прежнему составляет концептуализированная идея государя-защитника, характерная для Средневековья и соответствовавшая статусу Орденской Пруссии как «крестоносного государства».

Как следует из ответа императора прусскому посольству, посетившему его в 1500 году, он считал для себя возможным отложить вопрос об объединении орденов, с чем верховный магистр Фридрих Саксонский категорически не был согласен, но заявил о необходимости изучить привилегии ордена, с тем чтобы избежать затруднений при включении прусского орденового государства в империю и при обретении верховным магистром княжеских регалий [ЛЕКУВ 2, 1, № 1046]. Из этого следует, что император также изначально разграничивал Немецкий орден в Пруссии и империю, но настаивал на перестройке их взаимоотношений путем включения главы ордена в иерархию имперских князей – модель отношений «крестоносного государства» с его «защитником» тем самым упразднялась. С другой стороны, Максимилиан I продемонстрировал намерение взять на себя защиту

интересов ордена уже в роли его сюзерена. Об этом, в частности, свидетельствует инструкция для его посольства к великому князю Московскому Ивану III того же 1500 года [LEKUB 2, 1, № 1055, 1072, 1082].

Изменение вектора прусской политики в отношении империи, как уже отмечалось, в немалой степени предопределялось ухудшением отношений Орденской Пруссии с Польшей начала XVI века и заинтересованностью Фридриха Саксонского в сближении с великим князем Московским. Ссылки на «русскую угрозу» к началу нового, XVI века исчезли из его корреспонденции, и Ливонский орден в качестве борца против «русских схизматиков» для него перестал представлять интерес. Равнодушие к судьбе ливонских собратьев просматривается в письме имперского магистра Андреаса фон Грумбаха к верховному магистру, где сказано, что тяжелое положение Ливонии Немецкому ордену как таковому не угрожает (*zu unsers ordenns noitdorft dorinne nichts gespart oder verhalten*).

В ливонском подразделении ордена, которое к началу XVI века все больше превращалось в самостоятельный субъект европейской политики [Biskup, 1999, 130], отношение к империи и императорской власти оказалось несколько иным. В канун русско-ливонской войны 1501–1503 годов ливонский магистр Вольтер фон Плеттенберг хоть и обращался к императору за помощью – просил у него солдат [LEKUB 2, 2, № 184], а после окончания войны рассчитывал на его содействие при размене пленными с русской стороной [LEKUB 2, 2, № 443, § 62; Wimmer, 1988, S. 81], но принадлежность к империи вверенного его заботам орденского государства, как и Ливонии в целом, не признавал. Возможно, что его настораживали приверженность Максимилиана I идее сближения с Россией, малая результативность обсуждений «ливонского вопроса» на рейхстагах и нежелание превращать Ливонию в «разменную монету имперской политики» [Wimmer, 1988, 70]. Плеттенберг тактично отклонил приглашение императора на Аугсбургский рейхстаг 1500 года [LEKUB 2, 1, № 1034, 1046], где ему вместе с верховным магистром в обмен на утверждение императором орденских привилегий надлежало принять княжеские регалии с принесением присяги верности.

Ливонский магистр был настроен сохранять отношения с императором как с «защитником» Ливонии. В 1505 году Максимилиан I предпринял еще одну попытку обойти Плеттенберга с его «осторожной мудростью» (К. фон Ширрен) и предложил пожаловать Ливонскому ордену выгодную торговую льготу при условии восприятия магистром княжеских регалий. Ему повезло, что при отказе он мог сослаться на протест верховного магистра и ливонских прелатов [Wimmer, 1988, 81–82]. В 1508 году император на правах «защитника» запретил Плеттенбергу вступать в войну с Россией, тот так и поступил, но лишь потому, что это соответствовало его собствен-

ным планам. И вообще, судя по содержанию ливонской орденской корреспонденции рубежа столетий, к императору он обращался гораздо меньше, чем к Ганзе и римской курии. В последнем случае особое значение имело участие Ливонского ордена в двух кампаниях за предоставление Ливонскому ордену выручки от продажи «крестоносных» индульгенций в 1503–1506 и в 1507–1510 годах [Arbusow, 1910, 397–441; Ehlers, 2007, 385–402], которая пошла на укрепление ливонского орденского государства.

Таким образом, реализация императорского проекта включения орденских государств Пруссии и Ливонии в империю в качестве княжеств мало устраивала верховного и ливонского магистров, которые предпочитали сохранять с императором исконные, хоть и лишенные юридического обоснования отношения как с «защитником». Большую лояльность проявил верховный магистр Фридрих Саксонский, поскольку этот план совпадал с его курсом на секуляризацию ордена и основание светского государства, а также способствовал усилению саксонских Веттинов внутри империи. Не случайно старший брат верховного магистра, саксонский герцог Георг, содействовал его планам [LEKUB 2, 1, № 1082; Patze, 2002]. Вместе с тем его промедление с принятием княжеских регалий, на чем настаивал император, давало тому основание ограничить свое вмешательство как «защитника» в разрешении внешнеполитических проблем прусского и ливонского отделений Тевтонского ордена. Отсутствие помощи для Орденской Пруссии в ее конфликтах с Польско-Литовским государством первой четверти XVI века со стороны империи в немалой степени предрешило поражение ордена и его секуляризацию в 1525 году. В 1525 году Альбрехт Бранденбургский стал имперским князем (его потомки носили этот титул до 1805 года), но ордену в Пруссии это уже не могло помочь. Ливонский магистр Вольтер фон Плеттенберг оставался к идее прочного союза с империей еще более равнодушным, поскольку продолжал делать ставку на папство и предоставляемые тем финансовые возможности. Ситуацию изменила ливонская Реформация 1520-х годов, которая поставила крест на союзе Ливонского ордена с папством и переориентировала его руководство на сближение с империей.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессуднова М.Б. «Русская угроза» в ливонской орденской документации 80-х и начала 90-х годов XV в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. Вып. 1. С. 144–156.
- Arbusow L. (d. Ä.). Die Beziehungen des Deutschen Ordens zum Ablasshandel seit 15. Jahrhundert // *Mitteilungen aus der livländischen Geschichte*. 1910. Bd. 20. H. 3. S. 367–529.
- Arbusow L. Livland – Mark des Reiches 1207–1561. Ein Abschnitt deutscher Verfassungs- und Rechtsgeschichte. Riga: Verlag-Geschichte Ostland, 1944. 67 S.
- Armgarth M. Vom Spital der Armen zum Spital des Adels. Der Deutsche Orden im Reich und seine Niederlassung in Einsiedel bei Kaiserslautern // *Arbeitsgemeinschaft für Geschichtliche Landeskunde am Oberrhein e.V. Karlsruhe*, 1999. S. 27–54.
- Arnold U. Der Deutsche Orden – ein staufischer Hausorden? // *Arnold U. Deutscher Orden und Preußenland. Ausgewählte Aufsätze anlässlich des 65. Geburtstages / hrsg. v. B. Jähnig und G. Mihels. Marburg: Elwert*, 2007. S. 149–162.

Arnold U. Der Deutsche Orden im deutschen Bewusstsein des 20. Jahrhunderts // Vergangenheit und Gegenwart der Ritterorden (Ordines militares – Colloquia Torunensia Historica 11) / hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń, 2001. S. 39–54.

Arnold U. Der Deutsche Orden zwischen Kaiser und Papst im 13. Jahrhundert // Die Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht im Mittelalter. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1990. S. 57–70.

Arnold U. Georg im Deutschen Orden bis zur Regelreform im 17. Jahrhundert // Sankt Georg und sein Bilderzyklus in Neuhaus/Böhmen. Historische, kunsthistorische und theologische Beiträge / hrsg. v. E. Volgger. Marburg: Elwert, 2002. S. 161–171.

Arnold U. Reformansätze im Deutschen Orden während des Spätmittelalters // Reformbemühungen und Observanzbestrebungen im spätmittelalterlichen Ordenswesen / hrsg. v. K. Elm. Berlin, 1989. S. 139–152.

Biskup M. Der Deutsche Orden im Reich, in Preußen und Livland im Banne habsburgischer Politik in der zweiten Hälfte des 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts // Die Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht im Mittelalter (Ordines militares – Colloquia Torunensia Historica 5) / hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1990. S. 101–126.

Biskup M. Livland als politischer Faktor im Ostseeraum zur Zeit der Kalmarer Union (1397–1521) // Der Deutsche Orden in der Zeit der Kalmarer Union, 1397–1521 (Ordines militares – Colloquia Torunensia Historica 10) / hrsg. v. Z.H. Nowak, R. Czaja. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. S. 99–133.

Biskup M. Plany reform zakonu krzyżakigo w Prusach z 1492 roku // Prusy – Polska – Europa: studia z dziejów średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych; prace ofiarowane Profesorowi Zenonowi Hubertowi Nowakowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej / pod red. A. Radziwińskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. S. 277–285.

Boockmann H. Herkunftsregion und Einsatzgebiet: Beobachtungen am Beispiel des Deutschen Ordens // Ritterorden und Region – politische, soziale und wirtschaftliche Verbindungen im Mittelalter (Ordines Militares – Colloquia Torunensia Historica 8) / hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995. S. 7–19.

Ehlers A. Die Ablasspraxis des Deutschen Ordens im Mittelalter (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens 64). Marburg: Elwert, 2007. 659 S.

Favreau-Lilie M.-L. Vorstellungen und Realität. Die Ritterorden in den Kreuzfahrerstaaten // Vergangenheit und Gegenwart der Ritterorden (Ordines militares – Colloquia Torunensia historica 11) / hrsg. v. Zenon Hubert Nowak. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2001. S. 11–38.

Hellmann M. Bemerkungen zur sozialgeschichtlichen Erforschung des Deutschen Ordens // Historisches Jahrbuch. 1961. Bd. 80. S. 126–142.

Hellmann M. Der Deutsche Orden im politischen Gefüge Alt-Livland // Zeitschrift für Ostforschung. 1991. Bd. 40. H. 5. S. 481–489.

Hellmann M. Die Verfassungsgrundlagen Livlands und Preußens im Mittelalter. Ein Beitrag zur vergleichenden Verfassungsgeschichte // Ostdeutsche Wissenschaft. 1956/1957. Bd. 3/4. S. 78–108.

Hellmann M. Livland und das Reich: das Problem ihrer gegenseitigen Beziehungen // Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte 6. München, 1989. S. 3–35.

Hofmann H.H. Der Staat des Deutschmeisters. Studien zu einer Geschichte des Deutschen Ordens im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation (Studien zur bayerischen Verfassungs- und Sozialgeschichte 3). München: Kommission für Bayerische Landesgeschichte, 1964. 580 S.

Jähniß B. Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seine Herrschaft in Livland (Schriften der Baltischen Historischen Kommission 16). Münster: LIT, 2011. 333 S.

Koller H. Der St.-Georgs-Ritterorden Kaiser Friedrichs III // Die geistlichen Ritterorden Europas / hrsg. v. J. Fleckenstein, M. Hellmann. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1980. S. 417–429.

Kwiatkowski S. Der Deutsche Orden im Streit um Polen-Litauen. Eine theologische Kontroverse über Krieg und Frieden auf dem Konzil von Konstanz (1414–1418). Stuttgart: Kohlhammer, 2000. 60 S.

Leighton G. The Teutonic Order and the Origins of its State as an Example of a Crusading Landscape in Fourteenth-Century Prussia // Legacies of the Crusades. Proceedings of the Ninth Conference of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East, Odense, 27 June–1 July 2016 / ed. by N.K. Torben, K.V. Jensen. Turnhout: Brepols, 2021. P. 285–304.

Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2 (LEKUB 2) / hrsg. v. L. Arbusow. Bde. 1–2. Riga, Moskau: Kommissions-Verlag v. J. Deubner, 1905, 1910. 900 S., 759 S.

Maschke E. Der deutsche Orden und die Preussen: Bekehrung und Unterwerfung in der preussisch-baltischen Mission des 13. Jahrhunderts (Historische Studien 176). Berlin: Ebering, 1928. 166 S.

Maschke E. Der Deutsche Ordensstaat: Gestalten seiner grossen Meister. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1935. 127 S.

Monumenta Germaniae Historica. Vol. 2: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum / ed. L. Weiland. Berlin: Hahnsche Buchhandlung, 1963. 691 p.

Nowak Z.H. Der Deutsche Orden in Preußen: War der Ordensstaat ein moderner Staat? // Medieval spirituality in Scandinavia and Europe. A collection of essays in honour of Tore Nyberg / hrsg. L. v. Bisgaard. Odense: Odense University Press, 2001. S. 157–168.

Oberländer P. Hochmeister Friedrich von Sachsen (1498–1510). Berlin: Philosophische Fakultät der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin, 1914. Bd. 1. 115 S.

Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. 581 s.

Patze H. Die Wettiner in der Geschichte des Reiches und Europas // Patze H. Ausgewählte Aufsätze (Vorträge und Forschungen 50) / hrsg. v. P. Johanek. Stuttgart: Thorbecke, 2002. S. 703–729.

Pitz E. Papstreskript und Kaiserreskript im Mittelalter. Tübingen: M. Niemeyer, 1971 (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom 36). S. 32–33.

Sach M. Hochmeister und Großfürst: die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. 488 S.

Sarnowsky J. Die ständische Kritik am Deutschen Orden in der ersten Hälfte des 15. Jahrhunderts // Das Preußenland als Forschungsaufgabe. Festschrift für U. Arnold zum 60. Geburtstag / hrsg. V.B. Jähnig, G. Michels. Lüneburg: Nordostdt. Kulturwerk, 2000. S. 403–422.

Schmid P. Der Deutsche Orden und die Reichssteuer des Gemeinen Pfennigs von 1495: die Grundherrschaft des Deutschen Ordens im Reich an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert. Neustadt a.d. Aisch: Degener, 2000. 276 S.

Tabulae Ordinis Theutonicici: ex tabularii regii Berolinensis codice potissimum / ed. by E. Strehlke. Berlin: Apud Weidmannos, 1869. 490 p.

Thumser M. Eine neue Aufgabe im Heidenkampf?: Pläne mit dem Deutschen Orden als Vorposten gegen die Türken // Europa und die Türken in der Renaissance / hrsg. v. B. Guttmüller, W. Kühlmann. Tübingen: Walter de Gruyter, 2000. S. 139–178.

Vatin N. The Hospitallers at Rhodos and the Ottoman Turks, 1480–1522 // Crusading in the Fifteenth Century. Message and Impact / ed. by N. Housley. Paigrove Macmillan Ltd, 2004. P. 148–163.

Wimmer E. Livland – ein Problem der habsburgisch-russischen Beziehungen zur Zeit Maximilians I. // Deutschland – Livland – Russland. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg / hrsg. v. N. Angermann. Lüneburg: Verlag Nordostdt. Kulturwerk, 1988. S. 53–110.

M.B. Bessudnova

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of World History and International Relations,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russia*

The Empire in the Political Strategy of Order States of Prussia and Livonia on the Turn of the 15th – 16th Centuries

The implementation of an imperial project to include the Order states of Prussia and Livonia into the Holy Roman Empire as principedoms didn't meet interests of the Supreme and Livonian Masters of the Teutonic Order. Wishing to keep the status of sovereign rulers, they intended to maintain traditional relations with the emperor as the «defender» of the Order, from whom they expected some help to resolve foreign policy problems of the Prussian and Livonian branches of the Order in their confrontation with the Polish-Lithuanian Jagiellonowie and the Moscow state. The masters were slow over accepting the ducal regalia and transfer their possessions into the rank of imperial fiefs until they had hope for help from the second «curator» of the Order states, the pontificate, on which the order's privileges preservation and the receipt of cash grants by the Order within «papal grace» (cruciate) also depended. The low efficiency of such analysis and the beginning of the Reformation made inevitable the final course of the Order states for rapprochement with the empire.

Key words: Teutonic Order; Order states; Prussia; Livonia; Holy Roman Empire; Maximilian I; pontificate.

REFERENCES

- Bessudnova M.B. «Russian Threat» in the Livonian Order Documentation of the 80s and Early 90s of the XV Century [«Russkaya ugroza» v livonskoy ordenskoj dokumentazii 80-kh i nachala 90-kh godov XV v.]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2014, no 1, pp. 144–156 (in Russian).
- Arbusow L. The Relations of the Teutonic Order to the Selling of Indulgences since the 15th century [Die Beziehungen des Deutschen Ordens zum Ablasshandel seit 15. Jahrhundert]. *Mitteilungen aus der livländischen Geschichte*, 1910, vol. 20, no. 3, pp. 367–529 (in German).
- Arbusow L. Livonia – Mark of the Empire 1207–1561. A Section of German Constitutional and Legal History [Livland – Mark des Reiches 1207–1561. Ein Abschnitt deutscher Verfassungs- und Rechtsgeschichte]. Riga, Verlag-Geschichte Ostland, 1944. 67 p. (in German).
- Armgarth M. From the Hospital of the Poor to the Hospital of the Nobility. The Teutonic Order in the Empire and its Branch in Einsiedel near Kaiserslautern [Vom Spital der Armen zum Spital des Adels. Der Deutsche Orden im Reich und seine Niederlassung in Einsiedel bei Kaiserslautern]. Arbeitsgemeinschaft für Geschichtliche Landeskunde am Oberrhein e.V., 1999, pp. 27–54 (in German).
- Arnold U. The Teutonic Order – a Staufer House Order [Der Deutsche Orden – ein staufischer Hausorden?]. Arnold U. *Deutscher Orden und Preußenland. Ausgewählte Aufsätze anlässlich des 65. Geburtstages*. Ed. by B. Jähnig and G. Mihels, Marburg, Elwert, 2007, pp. 149–162 (in German).
- Arnold U. The Teutonic Order in the German Consciousness of the 20th Century [Der Deutsche Orden im deutschen Bewusstsein des 20. Jahrhunderts]. *Vergangenheit und Gegenwart der*

Ritterorden (Ordines militares – Colloquia Torunensia Historica XI). Ed. by Z.H. Nowak, Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2001, pp. 39–54 (in German).

Arnold U. The Teutonic Order between Emperor and Pope in the 13th Century [Der Deutsche Orden zwischen Kaiser und Papst im 13. Jahrhundert]. Die Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht im Mittelalter. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1990, pp. 57–70 (in German).

Arnold U. George in the Teutonic Order until the Rule Reform in the 17th Century [Georg im Deutschen Orden bis zur Regelreform im 17. Jahrhundert]. Sankt Georg und sein Bilderzyklus in Neuhaus/Böhmen. Historische, kunsthistorische und theologische Beiträge. Ed. by E. Volgger. Marburg, Elwert, 2002, pp. 161–171 (in German).

Arnold U. Approaches to Reform in the Teutonic Order during the Late Middle Ages [Reformansätze im Deutschen Orden während des Spätmittelalters]. Reformbemühungen und Observanzbestrebungen im spätmittelalterlichen Ordenswesen. Ed. by K. Elm. Berlin, 1989, pp. 139–152 (in German).

Biskup M. The Teutonic Order in the Empire, in Prussia and Livonia under the Spell of Habsburg Politics in the Second Half of the 15th and Early 16th Centuries [Der Deutsche Orden im Reich, in Preußen und Livland im Banne habsburgischer Politik in der zweiten Hälfte des 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts] Die Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht im Mittelalter (Ordines militares – Colloquia Torunensia Historica 5). Ed. by Z.H. Nowak. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1990, pp. 101–126 (in German).

Biskup M. Livonia as a Political Factor in the Baltic Region at the Time of the Kalmar Union (1397–1521) [Livland als politischer Faktor im Ostseeraum zur Zeit der Kalmarer Union (1397–1521)], Der Deutsche Orden in der Zeit der Kalmarer Union, 1397–1521 (Ordines militares – Colloquia Torunensia Historica 10). Ed. by Z.H. Nowak and R. Czaja. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999, pp. 99–133 (in German).

Biskup M. Plans for Reforms of the Teutonic Order in Prussia from 1492 [Plany reform zakonu krzyżackiego w Prusach z 1492 roku]. Prusy – Polska – Europa: studia z dziejów średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych; prace ofiarowane Profesorowi Zenonowi Hubertowi Nowakowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej. Ed. by A. Radziwiński. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999, pp. 277–285 (in Polish).

Boockmann H. Region of Origin and Area of Application: Observations Using the Example of the Teutonic Order [Herkunftsregion und Einsatzgebiet: Beobachtungen am Beispiel des Deutschen Ordens]. Ritterorden und Region – politische, soziale und wirtschaftliche Verbindungen im Mittelalter (Ordines Militares – Colloquia Torunensia Historica 8). Ed. by Z.H. Nowak. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995, pp. 7–19 (in German).

Ehlers A. The Indulgence Practice of the Teutonic Order in the Middle Ages [Die Ablasspraxis des Deutschen Ordens im Mittelalter (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens 64)]. Marburg, Elwert, 2007, 659 p. (in German).

Favreau-Lilie M.-L. Ideas and Reality. The Orders of Chivalry in the Crusader States [Vorstellungen und Realität. Die Ritterorden in den Kreuzfahrerstaaten]. Vergangenheit und Gegenwart der Ritterorden (Ordines militares – Colloquia Torunensia historica 11). Ed. by Z.H. Nowak. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2001, pp. 11–38 (in German).

Hellmann M. Remarks on the Socio-historical Research of the Teutonic Order [Bemerkungen zur sozialgeschichtlichen Erforschung des Deutschen Ordens]. Historisches Jahrbuch, 1961, vol. 80, pp. 126–142 (in German).

Hellmann M. The Teutonic Order in the Political Structure of Old Livonia [Der Deutsche Orden im politischen Gefüge Alt-Livland]. Zeitschrift für Ostforschung, 1991, vol. 40, no. 5, pp. 481–489 (in German).

Hellmann M. The Constitutional Foundations of Livonia and Prussia in the Middle Ages. A Contribution to Comparative Constitutional History [Die Verfassungsgrundlagen Livlands und

Preußens im Mittelalter. Ein Beitrag zur vergleichenden Verfassungsgeschichte]. Ostdeutsche Wissenschaft, 1956/1957, Bd. 3/4, pp. 78–108 (in German).

Hellmann M. Livonia and the Empire: the Problem of their Mutual Relations [Livland und das Reich: das Problem ihrer gegenseitigen Beziehungen]. Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte 6, München, 1989, pp. 3–35 (in German).

Hofmann H.H. The State of the German Master. Studies on a History of the Teutonic Order in the Holy Roman Empire of the German Nation [Der Staat des Deutschmeisters. Studien zu einer Geschichte des Deutschen Ordens im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation] (Studien zur bayerischen Verfassungs- und Sozialgeschichte 3), München: Kommission für Bayerische Landesgeschichte, 1964, 580 pp. (in German).

Jähmig B. Constitution and Administration of the Teutonic Order and its rule in Livonia [Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seine Herrschaft in Livland] (Schriften der Baltischen Historischen Kommission 16). Münster, LIT, 2011. 333 p. (in German).

Koller H. The Order of St. George of Emperor Friedrich III. [Der St.-Georgs-Ritterorden Kaiser Friedrichs III]. Die geistlichen Ritterorden Europas. Ed. by J. Fleckenstein and M. Hellmann. Sigmaringen, Jan Thorbecke Verlag, 1980, pp. 417–429 (in German).

Kwiatkowski S. The Teutonic Order in the Dispute over Poland-Lithuania. A Theological Controversy about War and Peace at the Council of Constance (1414–1418) [Der Deutsche Orden im Streit um Polen-Litauen. Eine theologische Kontroverse über Krieg und Frieden auf dem Konzil von Konstanz (1414–1418)]. Stuttgart, Kohlhammer, 2000. 60 p. (in German).

Leighton G. The Teutonic Order and the Origins of its State as an Example of a Crusading Landscape in Fourteenth-Century Prussia. Legacies of the Crusades. Proceedings of the Ninth Conference of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East, Odense, 27 June – 1 July 2016. Ed. by N.K. Torben, K. . Jensen. Turnhout, Brepols, 2021, pp. 285–304 (in English).

Liv-, Est- and Kurland document book. Part. 2 [Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abteilung 2] (LEKUB 2). Ed. by L. Arbusow. Vols. 1–2. Riga, Moscow, Kommissions-Verlag v. J. Deubner, 1905, 1910. 900 p., 759 p. (in German).

Maschke E. The Teutonic Order and the Prussians: Conversion and Submission in the Prussian-Baltic Mission of the Thirteenth Century [Der deutsche Orden und die Preussen: Bekehrung und Unterwerfung in der preussisch-baltischen Mission des 13. Jahrhunderts] (Historische Studien 176). Berlin, Ebering, 1928. 166 p. (in German).

Maschke E. The German Order State: Shapes of its Great Masters [Der Deutsche Ordensstaat: Gestalten seiner grossen Meister]. Hamburg, Hanseatische Verlagsanstalt, 1935. 127 p. (in German).

Historical Monuments of Germany. Vol. 2: Constitutions and public acts of emperors and kings [Monumenta Germaniae Historica. Vol. 2: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum]. Ed. L. Weiland. Berlin, Hahnsche Buchhandlung, 1963. 691 p. (in Latin).

Nowak Z.H. The Teutonic Order in Prussia: Was the Order State a Modern State? [Der Deutsche Orden in Preußen: War der Ordensstaat ein moderner Staat?]. Medieval spirituality in Scandinavia and Europe. A collection of essays in honour of Tore Nyberg. Ed. by Bisgaard. Odense, Odense University Press, 2001, p. 157–168 (in English).

Oberländer P. Grand Master Frederick of Saxony (1498–1510) [Hochmeister Friedrich von Sachsen (1498–1510)]. Berlin, Philosophische Fakultät der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin, 1914, vol. 1. 115 p. (in German).

State of the Teutonic Order in Prussia. Power and Society [Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo]. Ed. by M. Biskup and R. Czaja. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. 581 p. (in Polish).

Patze H. The Wettins in the History of the Empire and Europe [Die Wettiner in der Geschichte des Reiches und Europas]. Patze H. Ausgewählte Aufsätze (Vorträge und Forschungen 50). Ed. by P. Johanek. Stuttgart, Thorbecke, 2002, pp. 703–729 (in German).

Pitz E. Papal Rescript and Imperial Rescript in the Middle Ages [Papstreskript und Kaiserreskript im Mittelalter]. Tübingen, M. Niemeyer, 1971 (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom 36). 340 p. (in German).

Sach M. Grand Master and Grand Duke: the Relations between the Teutonic Order in Prussia and the Moscow State at the Turn of the Modern Era [Hochmeister und Großfürst: die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit]. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2002. 488 p. (in German).

Sarnowsky J. Criticism of the Estates on the Teutonic Order in the First Half of the 15th Century [Die ständische Kritik am Deutschen Orden in der ersten Hälfte des 15. Jahrhunderts]. Das Preußenland als Forschungsaufgabe. Festschrift für U. Arnold zum 60. Geburtstag. Ed. by B. Jähnig and G. Michels. Lüneburg, Nordostdt. Kulturwerk, 2000, pp. 403–422 (in German).

Schmid P. The Teutonic Order and the Imperial Tax of the Common Penny of 1495: the Manorial Rule of the Teutonic Order in the Empire at the Turn of the 15th and 16th Centuries [Der Deutsche Orden und die Reichssteuer des Gemeinen Pfennigs von 1495: die Grundherrschaft des Deutschen Ordens im Reich an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert]. Neustadt a.d. Aisch, Degener, 2000. 276 p. (in German).

The Records of the Teutonic Order: the Most Important Codex from the Royal Records of Berlin [Tabulae Ordinis Theutonicici: ex tabularii regii Berolinensis codice potissimum]. Ed. by E. Strehlke. Berlin, Apud Weidmannos, 1869, 490 p. (in Latin).

Thumser M. A New Task in the Heathen Struggle? Plans with the Teutonic Knights as an Outpost Against the Turks [Eine neue Aufgabe im Heidenkampf? Pläne mit dem Deutschen Orden als Vorposten gegen die Türken]. Europa und die Türken in der Renaissance. Ed. by Gutmüller and W. Kühlmann. Tübingen, Walter de Gruyter, 2000, pp. 139–178 (in German).

Vatin N. The Hospitallers at Rhodos and the Ottoman Turks, 1480–1522. Crusading in the Fifteenth Century. Message and Impact. Ed. by N. Housley. Paigrove Macmillan Ltd, 2004, pp. 148–163 (in English).

Wimmer E. Livonia – a problem of Habsburg-Russian Relations in the Time of Maximilian I. [Livland – ein Problem der habsburgisch-russischen Beziehungen zur Zeit Maximilians I.]. Deutschland – Livland – Russland. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. Ed. by N. Angermann. Lüneburg, Verlag Nordostdt. Kulturwerk, 1988, pp. 53–110 (in German).

В.М. Овчинников

*Смоленский областной институт развития образования
Смоленск, Россия*

УДК 94(44)03, 033

DOI 10.35785/2072-9464-2022-60-4-208-227

РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ В ЭПОХУ «ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЕВРОПЕ» ВО ФРАНЦИИ

Ключевые слова: военный механизм; медицина; хирургия; клиента; госпитали; Летелье; абсолютизм; госпитали; Pre Carre.

Предметом исследования являются основные аспекты формирования военно-медицинской службы французского королевства эпохи Великого века. Целью рассмотрения становится демонстрация интеграции института военной медицины в идеологическую машину «короля-солнце». Автор уделяет внимание политическим, экономическим и социокультурным аспектам данного процесса, протекавшего на фоне оформления абсолютизма как военно-политической концепции.

Демонстрируется превращение военной медицины как специфической социокультурной практики в неотъемлемую часть жизни французской армии эпохи военной революции, являвшейся в первую очередь элементом пропаганды, что было связано с регулярной актуализацией тезиса о том, что действия врачей – акт доброй воли со стороны короны, так же как и снабжение частей одеждой, провизией и боеприпасами. Это повышало боевой дух войск, несмотря на удаление из лагерей обозных жещин, которые уже на тот момент получили идиллическое именование «армия Афродиты».

Характеризуемое явление представлено в статье как пример инструментализации античного (в частности, римского) наследия, происходившей в рамках трансформации военных и политических механизмов европейских государств. Во многом неочевидным проявлением этого процесса становится повсеместное вхождение в армейский обиход простейших санитарно-гигиенических норм, как, например, применение блоковой системы расположения основных компонентов лагеря, что делало его структуру более упорядоченной и эффективной.

Эпоха «военной революции» традиционно рассматривается большинством исследователей как один из ключевых этапов развития межгосударственных отношений в масштабах всей Западной Европы. Важнейшим фактором данного процесса, по общепринятому мнению, стало массовое внедрение огнестрельного оружия, повлекшее за собой кардинальные изменения как в тактике, так и в стратегии ведения боевых действий. В свою

очередь, это породило продолжительную технологическую гонку между ведущими европейскими державами, вызвав значительные изменения в политической сфере, сопряженные с развитием такого феномена, как абсолютизм [Bernier, 2018]. По нашему мнению, базируясь на богатейшем наследии античного Рима, он в значительной степени повлиял на видоизменение массового сознания европейцев, став важной предпосылкой формирования национальных государств в Европе.

Примером подобного рода трансформаций может быть деятельность Людовика XIV как одного из ярчайших теоретиков и практиков строительства абсолютистского государства, базировавшегося на глубокой инструментализации римской традиции управления, основанной на сбалансированном взаимодействии таких механизмов, как военный, бюрократический и придворный. Каждый из них был подчинен непосредственно монарху, для чего активно использовался античный принцип клиентелы [Antoine, 1993, 87–122].

Стоит обратить внимание на мнение Дж. Шеннана, который рассматривал развитие административных систем эпохи раннего Нового времени как следствие укрепления отношений между монархом и дворянством [Shennan, 1974, 50], делая невозможным обезличивание государства [Shennan, 1974, 125], обуславливая формирование клиентелы на различных уровнях обширного административного аппарата. Соответственно, власть в лице монарха выделяла в обществе несколько звеньев, мелких групп, значительно влиявших на зарождающееся общественное мнение, и подчиняла их. Подобного рода практика, лежащая в основе функционирования патримониальных режимов, абсолютизирует принцип идентификации формальных представителей различных сословий, заинтересованных в контактах с властью. При этом наблюдался переход от традиционной системы верности вассала к принципу подчинения государству в лице монарха [Mousnier, 1984, 108]. В подобных условиях создается новая система отношений в социальном пространстве, что приводит к укреплению диалога между обществом и государством. Доминантой реализации этого процесса становится привлечение провинциального дворянства в различные сферы управления при кардинале Ришелье (1624–1642), что продемонстрировало себя как очень перспективное начинание в области модернизации государственного механизма [Kettering, 1986, 142; André, 1947, 82–85].

Можно со значительной долей уверенности утверждать, что абсолютизм, как в первую очередь военно-политическая концепция, в полной мере воспринял римские традиции взаимоотношений между монархом и одним из важнейших государственных механизмов, то есть армией, создавая прочные связи, напоминающие клиентелу эпохи ранней Империи, что требовало, в свою очередь, оформления четкого механизма взаимных обязанностей. Реализация этого принципа проявлялась, в числе прочего, в создании

целой сети гражданских медицинских учреждений, крупнейшими из которых были знаменитый Отель Дье и не менее известный парижский Дом инвалидов, которые функционировали под патронатом государства. Однако создание именно сети военных госпиталей было показателем укрепления клиентских связей в первую очередь между монархом и его любимым детищем – военными структурами.

Не менее важным аспектом данного процесса было развитие в обозначенный нами период военно-полевой медицины во Франции. В определенной степени создание многочисленных военных госпиталей во Франции имело большое политическое значение, так как превращало армию в замкнутую социальную группу, получавшую из рук короля все необходимое. Не менее важна и утилитарная составляющая, ведь в значительной степени повышался процент возвращаемых в строй комбатантов, а также появились возможности препятствовать распространению эпидемий. Весьма лаконично по сему поводу выразился еще Ришелье: «Две тысячи солдат, покинувших госпитали здоровыми и, кроме всего прочего, ставших закаленными в боях воинами, превосходят шесть тысяч новобранцев» [Avenel, 1861, 712]¹.

Стоит учитывать один весьма существенный факт: в условиях формирования постоянных армий проблема сохранения здоровья солдат в обозначенный нами период становится весьма актуальной, в этом случае уместно говорить о сочетании уже ставшего классическим опыта римской военной машины и ряда инноваций, характерных для развития крупнейших европейских государств. Фактически уже к концу XVI столетия подобная проблема выходит за пределы теоретических размышлений философов (Юст Липсий и др.) и начинает реализовываться на практике. В частности, в 1585 году появляется один из первых в истории Европы военных госпиталей в испанских Нидерландах в Мехелене на территории современной Бельгии, к 1637 году этот госпиталь будет рассчитан на содержание 330 пациентов, причем на финансирование подобного учреждения тратилось более 1 миллиона дукатов ежегодно [Parker, 1972, 167–168].

Как подчеркивает Х. Одуэн, усилиями Генриха IV и герцога Сюлли французская армия, ориентируясь на римские образцы, оформила целую систему стационарных и мобильных госпиталей, создав, кроме всего прочего, целый комплекс инструкций и положений по данному вопросу. Однако в полной мере реализовать и развить до необходимых государству масштабов рассматриваемый механизм смог уже Людовик XIII в рамках войны за Мантуанское наследство [Audouin, 1811, 63–64].

При всем при этом французская армия того периода, по сути, не нуждалась в специальной системе медицинского обслуживания, в первую очередь в связи со своей малочисленностью. Поэтому на протяжении весьма

¹ Письмо от Ришелье к Сервье 22 апреля 1635 года.

долгого времени любой из солдат мог потребовать у капитана отпуск ввиду болезни, легкого ранения или увечья и получить необходимую помощь в ближайшем городе, если это позволяла ситуация [Vabeau, 1890, 212]. Подобные действия были связаны с целым рядом сложностей. Солдаты могли в принципе отказываться от лечения, за чем могла последовать эпидемия. К тому же отправившийся на лечение самовольно или же по разрешению своего капитана мог дезертировать, также он мог быть убит или покалечен в результате конфликта с местными жителями или дезертирами, кроме того, отлучки приводили к серьезному падению дисциплины.

С этой порочной практикой покончил Ришелье – один из архитекторов Великого века, создав несколько военных госпиталей, первый из которых был открыт в Пинероло [Audouin, 1811, 64]. Несмотря на это, создать систему военной медицины в масштабах всего государства Ришелье так и не смог, оформив тем не менее прочную правовую базу решения данной проблемы.

Кодекс Мишо 1629 года, названный так по имени хранителя печати Мишеля де Марильяка, считавшегося его составителем, в частности, требовал, чтобы «в армейском обозе обязательно присутствовал госпиталь», также выделялось еще одно немаловажное условие: в каждом полку должен находиться на содержании специальный полковой хирург, в каждой роте (200 человек) также должен присутствовать соответствующий специалист [Andre, 1829, 285–286]². Таким образом, законодательно подчеркивалась необходимость создания медицинских учреждений для нужд армии, и уже в 1635 году выходит особый ордонанс, в котором предписывалось «иметь хорошо действующий госпиталь при каждой из армий» [Lynn, 2006, 422].

Упорная борьба Ришелье с разного рода деструктивными факторами в этой области стала приносить плоды, и забота о многочисленных раненых во время итальянской кампании Людовика XIII была поручена целому штату медиков, состоящему из хирургов, аптекарей и братьев ордена иезуитов [Caillet, 1857, 372–373]. Кроме того, создавалась и система снабжения раненых горячей пищей: для этих нужд в каждом крупном воинском формировании существовал особый штат так называемых «гражданских специалистов», состоящих из главного повара и 5–6 его подмастерьев, причем выделялось для изготовления мясного бульона для раненых не менее пяти овец в день [Vabeau, 1890, 213].

Благодаря усилиям этого выдающегося государственного мужа начала реализовываться инициатива государственного секретаря по военным делам и покровителя французских иезуитов Франсуа Сюбле де Нуайе по строительству госпиталей при крупных крепостях. При поддержке властей в 1633 году Викентий (Винсен) де Поль и герцогиня Луиз де Марийяк основывают конгрегацию дочерей милосердия (или же «серых сестер», по-

² Кодекс Мишо, статьи 226, 232.

лучивших такое именование из-за цвета их облачения), призванную помогать больным, брошенным детям и каторжникам. С 1656 года в их обязанности входила помощь раненым на поле боя, хотя подобного рода эпизоды встречались и ранее.

Проблема создания военных госпиталей активно муссировалась и при жизни кардинала Мазарини, который во многом старался продолжать политику Ришелье. В его корреспонденции мы можем обнаружить следующие рассуждения: «Я полагаю, мы должны уделить самое пристальное внимание всему тому, что необходимо для развития госпиталей и выходит за пределы государственной благотворительности, ибо ничто не влияет на войска так плодотворно, как забота о раненых со стороны короля» [Cilleuls, 1950, 7].

В сороковые годы XVII столетия, что совпадает с началом активной деятельности Мишеля Летелье, корона содержит несколько крупных стационарных военных госпиталей в крупнейших крепостях королевства, таких как Аррас, Кале, Дюнкерк, а также Перпиньян [Andre, 1942, 380]. Летелье активно использует институт военных интендантов для реализации инновационных для своего времени идей, связанных с созданием мобильных военных госпиталей, размещавшихся недалеко от полевых позиций и имевших возможность незамедлительно оказывать помощь раненым, однако значительный недостаток средств в казне, ставший критическим в период Фронды, не позволил реализовать этот план [Andre, 1942, 379–382, 475–488]³.

В одном из писем, датированном июнем 1650 года, он указывает, что для нужд госпиталя, создаваемого при фландрской армии, выделено не более половины необходимых средств [Andre, 1942, 471]⁴. Те же, кто воочию видел развитие событий, еще более пессимистичны в своих рассуждениях. Так, Франсуа Николя Бодо с прискорбием писал: «Беспорядок в нашей армии ужасен, нет никаких госпиталей, раненых просто отводят в близлежащий сарай, где они умирают как собаки» [Dubuisson-Aubenaу, 1883, 325]⁵.

Осознавая потенциальные опасности, с которыми может столкнуться армия в ходе продолжительных боевых действий при условии растянутости коммуникаций, маркиз де Лувау, продолжавший дело своего отца, предложил ряд инновационных идей в развитии медицинской службы, что он считал одним из важнейших факторов модернизации современной ему армии. Им подчеркивалась необходимость создания стационарного госпиталя в каждой из крепостей, а также значительного количества полевых госпиталей и особых карет скорой помощи, которые могли бы действовать в зоне прямой видимости своих войск [Rousset, 1862, 250–251].

С началом Деволюционной войны против республики Соединенных провинций (1667–1668) у военного министра появилась возможность хотя бы

³ Письмо Летелье к Мазарини.

⁴ Письмо Летелье к Мазарини от 19 июля 1650 года.

⁵ Письмо Летелье к Мазарини от 19 июля 1650 года.

частично реализовать свои идеи в области создания во французской армии полноценной военно-медицинской службы. Если верить его корреспонденции, даваемые им указания выполнялись во многом успешно. К примеру, военный интендант, располагавшийся в прифронтовом бельгийском городе Бинч, докладывал: «Я делаю все от меня зависящее, чтобы раненные на королевской службе вернулись в строй, и обеспечиваю их всем необходимым для возвращения в их подразделения, где бы они ни находились» [Lynn, 2006, 422].

Во многом опираясь на военный опыт голландских кампаний Людовика XIV, в основе которых лежала концентрация сил на укреплении стратегически важных территорий, что впоследствии станет основой системы Pre Carre, для придания основным элементам многоэшелонированной системы обороны границ определенной автономности ордонансом, датированным 1676 годом, было принято решение о создании военных госпиталей во всех крупных крепостях королевства.

Несмотря на высокий уровень коррупции во Франции того периода, в случае с финансированием военной медицины удалось добиться поразительных результатов. Инспекторы, посетившие Пинероло и Казале-Монферрато, с нескрываемым удовлетворением писали: «В парижских благотворительных госпиталях ненамного чище, больные великолепно питаются и получают все, что необходимо для укрепления души и тела» [Vabeau, 1890, 219]. Корреспонденция периода Деволюционной войны демонстрирует, что в условиях военного конфликта, в рамках которого одна из сторон активно использует тактику партизанской войны, проблема упорядоченного обеспечения, в том числе и медицинского, становится исключительно важным фактором ведения боевых действий. Неизвестный интендант подчеркивал: «Только поддержание доброго порядка подталкивает солдат к выполнению своего долга перед короной» [Lynn, 2006, 421].

В контексте анализа рассматриваемой кампании, а также целого комплекса последующих и предшествующих ей видно, что эффективная система медицинского обеспечения была наряду с бесперебойным снабжением одним из важнейших факторов поддержания высокого морального настроения войск. Собственно, именно поэтому во Франции еще на заре Великого века появляются довольно многочисленные по меркам того времени военные госпитали.

«Король-солнце», вняв подобным аргументам, признавал то, что в новых условиях ведения войн медицинское обеспечение армии имеет приоритетное значение и «инфекция может уничтожить целую армию» [Louis XIV, 1860, 250]. Во время кампании 1667 года он давал в своих письмах маршалу Тюренну следующие рекомендации: «Проявляйте больше заботы о своих силах, в особенности о раненых воинах» [Louis XIV, 1860, 188–189]. Без сомнения, французский король выступает в данном случае как прагматик, заинтересованный в сохранении ценных ресурсов, призывая всеми возможными способами контролировать распространение эпидемий

и возвращать в строй максимальное количество солдат. В то же время подобная практика сопряжена с демонстрацией моральной ответственности государства в лице короля перед его подданными, что подчинено принципу государственного интереса (то есть целесообразности в политике).

При всем оптимизме королевских чиновников, инспектировавших госпитали и отчитывавшихся в Версале, реальное положение вещей было не столь радужным, и непосредственно в действующей армии можно было столкнуться с такими случаями, которые описывает Тюренн в одном из своих писем Лувуа: «В полку Шампань⁶ из тысячи человек – четыреста больны, но солдаты отказываются идти в госпиталь, где их будут держать на хлебе и гнилой воде... В Шарлеруа больны не менее 800 человек, и я вынужден прислать сюда полк Бретань для усиления охраны крепости» [Barthelemy, 1874, 89].

С ужасом один из армейских интендантов в тот же период писал о размещении порядка двух десятков солдат на четырех импровизированных кроватях под покосившимся соломенным навесом. Второе из описаний наглядно демонстрирует причины опасений солдат, не желавших покидать свои части, несмотря на болезни или же легкие ранения.

Конечно, личное внимание секретаря по военным делам кардинально меняло ситуацию. Так, например, госпиталь, создаваемый в захваченном в 1673 году Маастрихте, был образцовым учреждением. Об этом восхищенно пишет в своих мемуарах граф де Алиньи, раненный в Порт-де-Тонгр, где погиб знаменитый Шарль де Бац «граф» Д'Артаньян. Он сравнивает госпиталь с великолепным парижским особняком с рентой по крайней мере 20 тысяч ливров в год. При этом не стоит забывать, что в осаде участвовали части «Военного дома Короля», охранявшие в том числе монарха, присутствовавшего во время осады.

К началу восьмидесятых годов Лувуа смог навести порядок в работе медицинских учреждений на франко-савойской границе, которые пользовались дурной славой мест, откуда не возвращаются. По требованию секретаря по военным делам были полностью реконструированы госпитали в Пинероло, Казале и ряд прочих. К сожалению, это скорее исключение, нежели правило, что подтверждает инспекционная поездка маршала де Лоржа, который, описывая свои впечатления после посещения Страсбургского госпиталя, с содроганием вспоминал, что больным не достается даже соломы, они лежат по 3–5 человек на импровизированных кроватях, а хирурги только и знают, что резать руки и ноги безо всякой на то необходимости.

⁶ Вероятно, маршал подразумевал под полком Шампань те его части, которые составляли гарнизон крепости. Стоит заметить, что практика дробления старых полков, как и временного их объединения в бригады, с дальнейшим использованием в рамках военных операций была весьма распространенной.

Усугубляли ситуацию злоупотребления начальствующего состава, которые в ряде случаев могли стать причиной многочисленных небоевых потерь. В частности, в пьемонтской крепости Казале-Монферрато в целях «экономии средств» на обуви солдат последняя им не выдавалась, кроме случаев проведения смотров, при этом средства на закупку новой в крепость поступали регулярно... Такого рода ситуации отнюдь не были редкостью.

Тем не менее печальные эпизоды не умаляют заслуг многочисленных чиновников военного ведомства во главе с Лувуа, который в начале фландрской кампании Девятилетней войны в 1690 году организовал для нужд армии крупный госпиталь в Жемаппе, расширив его штат вопреки прежним военным установлениям. Наряду со штатом хирургов в госпитале появился, к примеру, институт младших хирургов («garçons chirurgiens»), однако намного более существенным шагом была организация весной 1691 года (первоначально в рамках циркумвалационной линии во время осады Монса) полевых медицинских пунктов (или же передвижных госпиталей «hôpitaux ambulants»), располагающихся непосредственно на линии соприкосновения с противником. Они были предназначены для тех, кто не мог добраться или же быть доставлен в главный армейский госпиталь. Нельзя не заметить, что наибольшее развитие подобная практика получила уже в наполеоновский период благодаря усилиям Д.Ж. Ларрея и П.Ф. Перси [Тепляков, 2011], но их создателем все же являлся именно маркиз де Лувуа.

Рассматриваемый нами вопрос, лежащий по большей части в практической плоскости, еще в конце XVII столетия привлек целый ряд «полевых специалистов», которые, следуя традициям эпохи, демонстрировали свой опыт в обозначенной области в произведениях, зачастую именуемых трактатами. Опирается на результаты кампании 1667–1668 годов (традиционно именуемой Деволуционной войной) «Трактат о ранах и увечьях, наносимых огнестрельным оружием, обычно именуемым аркебузой» Ф. Плаззони [Plazzoni, 1668].

По прошествии пяти лет (возможно, по следам первой кампании Голландской войны 1672–1679 годов) появляется обобщение практического опыта Леонарда Тассина, старшего хирурга маастрихтского госпиталя, «Искусство военной хирургии или лечение огнестрельных ранений» [Tassin, 1668]. Автор описывает наилучшие практики лечения, техники и препараты, доступные в военном госпитале.

Война Аугсбургской лиги порождает еще несколько произведений. За год до завершения конфликта, в 1696 году, появляется труд главного хирурга полка Пикардия и старшего хирурга королевских госпиталей Фландрии Сципиона Абейль под патетическим названием «Идеальный армейский хирург...» [Abeille, 1696].

Также обращает на себя внимание работа Огюстена Беллоста, руководившего тыловыми госпиталями в Бриансоне и Ульксе итальянской армии маршала Катина в период Девятилетней войны [Belloste, 1705]. Этот труд «Госпитальная хирургия», переиздававшийся более 10 раз, был одним из самых популярных руководств по полевой хирургии на протяжении более полувека. Именно автор данного трактата рекомендовал одним из первых использовать палатки для развертывания полевых госпиталей, что обеспечивало изоляцию групп заболевших и препятствовало распространению инфекции. Не менее активно он призывал применять эти несложные конструкции при развертывании военного лагеря и во время ночлега солдат на привале (надо заметить, что в XVII столетии это предложение не пользовалось популярностью, несмотря на то что оно прямо инструментализировало аналогичную римскую практику).

Среди многочисленных «военных теоретиков», которые наиболее подробно рассматривают проблему медицинского обеспечения армии, выделяется автор трактата «Искусство войны в современном видении...» Луи де Гайя, чья работа датируется 1689 годом. Подражая античным военным классикам, он патетично характеризует основные аспекты развития военного искусства своей эпохи, неоднократно, как и многие его современники, проводя параллели с римским военным искусством. Он превозносит идеи французских полевых госпиталей, рассуждая о них следующим образом: «Госпиталь – настоящее спасение для больного и раненого, поскольку о них столь же хорошо заботятся, как в лучших городских больницах королевства, многочисленные врачи, хирурги, аптекари и монашествующие братья, находясь все под властью директора». «Госпиталь следует в обозе вслед за армией, пока в нем не возникает необходимость, после чего находится подходящее место и производится его развертывание с дальнейшей транспортировкой раненых, кроме того, непосредственно в лагере остается несколько медиков для оказания экстренной помощи в случае необходимости...» [Gaya, 1689, 41–42].

Выглядит идеалистично, даже для эпохи барокко, но реальное положение вещей было весьма и весьма далеким от подобной картины, что подтверждается результатами многочисленных инспекций военных госпиталей, созданных на прифронтовых территориях. В частности, интендант, осматривавший страсбургскую больницу в 1689 году, уже через 8 лет после оккупации города писал: «Несчастные глупцы умирают и будут умирать, не получая помощи, облегчающей их страдания, больные истекают кровью, заражая своих товарищей по несчастью, лежащих по трое на одной кровати» [Baillargeat, 1974, 171], и это во многом повторяет характеристику, данную в отчете маршала де Лоржа, представленную Лувуа несколькими месяцами ранее. Данное описание также характеризует ситуацию в одном из пограничных

стратегически важных городов, о котором в период оккупации очевидец заявил следующее: «...этот город – одно из колес повозки, на которой французы въедут в Империю» [Rousset, 1863, 50]. Как видно, ситуация более чем противоречива. Если верить официальным источникам, к 1690 году все четыре французские армии [Belhomme, 1895a, 156–157] обладали подвижными полевыми госпиталями, однако на практике единственное, что у них было, – своеобразные пункты первой помощи, которые могли помочь лишь некоторым раненым. Это прямое отражение концепции управления военным механизмом, созданным Лувуа (принцип кабинетной войны). Подобная практика приводила к неисполнению, в силу целого ряда обстоятельств, многочисленных приказов и инструкций военного ведомства, поэтому на бумаге французская армия обладала эффективно функционирующей военно-медицинской службой, в реальности же она не имела и половины заявленного.

Единственным спасением были обращения непосредственно к королю. Генерал Антуан де Па де Фекьер, к примеру, подчеркивал в своих письмах Людовику XIV, что «армия, не имеющая хороших полевых госпиталей, тает прямо на глазах, и боевые потери и болезни вследствие неэффективной работы госпиталей становятся ее основной проблемой и лишают возможности действовать» [Andre, 1906, 475–476]. Не менее красноречивы рассуждения маршала Виллара, который пришел к выводу, что «плохо работающие госпитали подобны чуме», соответственно, нежелание учитывать медицинские инновации своей эпохи, по мнению маршала, влечет за собой «беспорядок в больнице, убивающий не меньше солдат, нежели воздушные инфекции» [Lynn, 2006, 421].

Именно по этой причине в соответствии с особым ордонансом от 17 января 1708 года в самый разгар войны за Испанское наследство (1701–1714) были выделены значительные средства на создание медицинской службы, попытки чего предпринимались, как видно, неоднократно. В ордонансе подчеркивалось, что король, заботясь о своих солдатах и гражданских чиновниках, находящихся в войсках, ценя их героизм и беззаветную верность долгу, желая позаботиться о них, повелевает учредить при армейских обозах и крепостных госпиталях специальный врачебный штат для помощи всем нуждающимся – больным и раненым [Baillargeat, 1974, 171]⁷.

Рассматривая особенности формирования системы врачебной помощи во французской армии эпохи Великого века, нельзя не упомянуть о роли ряда военачальников «короля-солнце», среди которых особо стоит выделить усилия маршала Николя Катина на этом поприще, весьма подробно описанные в работе О. Кабане [Cabanès, 1918]. Он уделяет самое пристальное внимание попыткам создать эффективную систему эвакуации раненых

⁷ Ордонанс от 17 января 1708 года.

с поля боя после битвы при Марсальи, о чем, в числе прочего, упоминается в его обширной переписке.

Современники удивлялись его административным талантам, умениям систематизировать и оптимизировать работу тыловых служб, что в то же время вызывало недовольство у тех, кто определял стратегию ведения боевых действий. Маршал вел обширную переписку как с королем, так и с Л.Ф. Летелье, маркизом Барбезье, секретарем по военным делам, прилагая немалые усилия к тому, чтобы обратить внимание высшего командования на проблему высоких небоевых потерь и неэффективность существующей военно-медицинской службы. Он писал Людовику XIV о невозможности армии использовать давно созданный для военных нужд госпиталь в Пинероло, который не может вместить более двух тысяч раненых. Ближайшие аналогичные учреждения располагаются в городах Бриансон и Улькс, однако их использование осложнено необходимостью транспортировать больных и раненых по горным тропам (порядка 2,5 лье), что сопряжено с большими потерями. Он неоднократно просил короля развернуть в районе крепостей, на которые опиралась армия, несколько госпиталей на 200–300 человек, подкрепляя свои рассуждения многочисленными аргументами об опасности переполнения военно-медицинских учреждений из-за увеличения угрозы эпидемий и повышения уровня смертности раненых. Наиболее активно он приводил подобные печальные примеры в письмах секретарю по военным делам. Благодаря этому была создана целая система военно-медицинских учреждений с центром Пинероло (как крупнейшим прифронтовым госпиталем), серии опорных учреждений и главного тылового госпиталя в Гренобле [Cabanès, 1918], которые смогли решить проблему медицинского обеспечения итальянской армии.

Если рассматривать масштабы всего королевства, в организационном плане создание реально функционирующей медицинской службы осложнялось тем, что во французской армии военные пользовались уже устоявшейся практикой продажи офицерских должностей, высококвалифицированные медики приравнивались к офицерам и получали соответствующие звания и жалование. Как следствие, возникали дополнительные препятствия для развития военной медицины. Несмотря на это, в войсках было развернуто 50 военных госпиталей, во главе которых стояли офицеры в звании майора, являвшиеся врачами общей практики или хирургами (что было редкостью вплоть до знаменитого эпизода по избавлению короля от ректального свища) [Harper, Goeth, 2018]⁸. Причем в штате каждого госпиталя было более двадцати высококвалифицированных медицинских специалистов, имевших офицерские, а в ряде случаев сержантские звания и должности, а также необходимый обслуживающий персонал из соответствующим

⁸ Долгое время хирурги считались, по сути, ремесленниками, иными словами, ремесленной корпорацией, статус врачей они получили относительно поздно.

образом подготовленных солдат [Contamine, 1992, 539]. Кроме того, непосредственное управление госпиталями возлагалось на специальных гражданских чиновников, которые в документах именуется частными лицами, как это подчеркивает Бейом. Он обращает внимание на то, что постепенно в штате каждого госпиталя были закреплены несколько хирургов и врачей общей практики, ряд помощников этих специалистов, а также несколько капелланов. Однако, если отталкиваться от практического опыта, полученного в многочисленных кампаниях конца XVII – начала XVIII столетия, подобное штатное расписание появляется в большинстве военных госпиталей еще до выхода регулирующего данный вопрос королевского ордонанса, упоминаемого ранее. Вполне логичным в этом контексте является мнение Джона Лина, подчеркивающего, что власть над военными госпиталями особые гражданские чиновники, именуемые военными комиссарами, получили задолго до появления соответствующего ордонанса, датируемого 1717 годом [Baillargeat, 1974, 171].

В целом рассматриваемое явление выглядит как многоэтапный процесс.

1. Начальный этап связан с накоплением большого практического опыта функционирования военно-медицинской службы в первых военных кампаниях «короля-солнце», следствием становится принятие ордонанса от 15 апреля 1689 года, устанавливающего три категории «медицинских служителей», которые должны иметься в штате любого госпиталя: врачи, хирурги и аптекари. По прошествии 14 лет М. Шамильяр, пытаясь хотя бы формально упорядочить создаваемую организационную структуру управления военно-медицинскими учреждениями, устанавливает должность генерального директора по поставкам, транспортировке, фуражу и госпиталям, деятельность которого определило принятие королевского эдикта от 17 января 1708 года [Guiffrey, 1881].

2. Реализация этого акта положила начало формированию французской военно-медицинской службы современного типа (многие элементы которой сохранились и по сей день). Был установлен постоянный штат медицинских служб, приписанных к подразделениям, четко регламентировано жалование медицинских специалистов. Кроме того, определено и зафиксировано количество медиков, которые должны были находиться в каждом полку и каждой крепости королевства, ну и, конечно, в специализированных военно-медицинских учреждениях.

Для контроля за функционированием военно-медицинской службы на приграничных территориях – во Фландрии, Эльзасе и Лотарингии, Дофинэ и Провансе, Руссильоне и Гиени – были направлены по два генеральных советника («*médecins in specteurs généraux conseillers du roi*») и «*conseillers chirurgiens in specteurs généraux*»), с той же целью в 50 крупней-

ших крепостей системы Pre Carre направлялись старшие советники. За каждым из полков закреплялся старший хирург (причем в войсках королевского дома соответствующий специалист находился в каждой из рот). Устанавливалось жалование для каждого из них [Wilkinson, 2019].

Без сомнения, одним из самых сложных аспектов существования системы военных госпиталей была финансовая составляющая их деятельности, связанная с оплатой труда врачей и медицинского персонала. Командир подразделения и корона несли финансовую ответственность за содержание раненых и больных солдат в лечебных учреждениях. В крепости города Лилля хирурги находящегося там госпиталя получали за лечение каждого солдата сумму в 7 су и 6 денье (в сутки) (что включало оплату за лечение и содержание раненого): 4 денье платил командир подразделения [Babeau, 1890, 214]⁹, в котором служил солдат, остальная сумма выплачивалась короной [Lynn, 2006, 424].

Постоянные войны в значительной степени стимулировали инфляцию, и уже в 1690 году за содержание каждого солдата платилось 11 су и 6 денье, для содержания выздоравливающих предусматривалась иная сумма – 6 денье в день. В значительной степени расходы на содержание раненых увеличились во время войны за Испанское наследство, что связано как с масштабами конфликта, так и с его протяженностью. На излечение раненых при Мальплаке, а эта битва, как известно, была одним из самых кровопролитных сражений начала XVIII столетия, Людовик XIV вынужден был потратить не менее 100 000 ливров [Dangeau, 1858, 46].

Как уже упоминалось ранее, наряду с комплексом мобильных и стационарных госпиталей, находившихся в армейском обозе и в крупных фортификационных сооружениях как элементах Pre Carre, существовала особая категория медицинских специалистов, пребывающих непосредственно в действующей армии, – полковые хирурги. Это, пожалуй, самая многочисленная группа военных медиков в армии «короля-солнце», причем, что весьма показательно, фактически каждое воинское подразделение к началу XVIII столетия формально имело в своем штате военного хирурга.

Еще в период Девятилетней войны в первом батальоне каждого из полков в штате находился военный медик. Как показывают источники, и драгунские, и кавалерийские полки должны были обеспечиваться медицинскими специалистами, однако из 11 полков драгун лишь 8 были укомплектованы военными медиками [Lynn, 2006, 424]. Уже во время войны за Испанское наследство хирург пехотного полка, как и полковой капеллан, получал по 10 су в день, в то время как жалование лейтенанта пехоты со-

⁹ Как подчеркивает Бабу, своего рода компенсацией расходов командира роты, который, как известно, вынужден был оплачивать обмундирование своих солдат, была передача последнему комплекта одежды умершего от ран.

ставляло 32 су в день, сержант мог получать 11 су. В дополнение к денежному довольствию хирургу полагалась двойная порция, подобная мера была связана с тем, что в основном при враче состояли один или несколько ассистентов, которые периодически именовались подмастерьями, и на довольствие они не ставились.

Врачи при кавалерийских подразделениях традиционно имели более высокий оклад в 13 су и 10 денье в день [Mallet, 1789, 159–164]. Несмотря на то, что в линейных и гарнизонных частях появилось значительное количество медицинских специалистов, их тем не менее было недостаточно. Осознавая эту проблему, французские политики активно использовали параллельно с профессиональными медиками братьев многочисленных монашеских орденов. Подобная практика прослеживается и в развитии гражданской медицины рассматриваемого нами периода. Еще Ришелье привлекал иезуитов для выполнения подобных функций [Caillet, 1857, 372–373; Parrot, 2003, 534–540]. Та же практика применялась и в период деятельности Джулио Мазарини, который уже на закате своей деятельности в 1658 году, будучи серьезно болен, подчеркивал необходимость использования в войсках наряду с хирургами орденов братьев (им выделялись капуцины и иезуиты) для ухода за ранеными [Cheruel, d'Avenel, 1894, 731]¹⁰.

Людовик XIV предпочитал им францисканцев, которые, как утверждал выдающийся французский историк Андре Корвизье, традиционно использовались в полевых армиях и в качестве полковых священников, и как медицинский персонал в полевых госпиталях [Corvisier, 1983, 403]. В своих «военных мемуарах» маркиз де Фекиер комментировал данную ситуацию следующим образом: «Какое-то время в полевых госпиталях можно было обнаружить большое количество францисканцев, служивших для облегчения душевных страданий [pour l'administration du spirituel] больных и раненых, все расходы на их содержание, включая транспортировку передвижных часовен, утвари и багажа, брала на себя корона» [Feuquières, 1775, 164]. Не стоит забывать о деятельности ранее упоминаемых «серых сестер».

Священнослужители выполняли довольно широкий спектр функций в системе военных медицинских учреждений. С одной стороны, это традиционная для них пасторская душеспасительная деятельность, которая нередко была сопряжена со значительными злоупотреблениями, так как часто капелланы утверждали, что перед смертью многие умирающие солдаты завещали им свои деньги и имущество в обмен на молитвы об их душах. Это повлекло за собой настоятельное требование военного министра маркиза де Лувуа, чтобы во время последней исповеди и оглашения воли умирающего присутствовал военный комиссар или директор больницы для подтверждения фактов подобного рода [Belhomme, 1895a, 156]. Их деятельность этим отнюдь не ограничивалась,

¹⁰ Письмо от 12 июня 1658 года Робертогу.

они вынуждены были выполнять определенные инспекторские функции [Belhomme, 1895a, 155], что в основном выражалось в наблюдении за уходом за ранеными, которым обычно занимались женщины, в том числе и те, которые всегда в большом количестве находились в военном обозе. Поэтому условно можно говорить, что уже в XVII столетии начинает оформляться такая категория госпитальных служащих, как медицинские сестры [Hacker, 1981, 643–681]. Подтверждением подобного факта могут быть многочисленные отчеты интендантов, инспектирующих военные госпитали. В частности, после осмотра военного госпиталя в Берге в 1667 году были написаны следующие строки: «Я наблюдал деятельность священника и большого количества женщин и иных помощников, находящихся в достаточном количестве в его подчинении» [Lynn, 2006, 425].

Стоит заметить, что вторая половина XVII столетия может характеризоваться и как период активного вхождения женщины в складывающуюся систему оказания врачебной помощи. Возвращаясь к уже ставшей классической средневековой практике, правительство активно использует женские конгрегации для выполнения важнейших медицинских функций, связанных с уходом за больными и ранеными, что придавало создаваемой во Франции единой системе медицинского обеспечения определенную устойчивость. Большую роль в этом процессе играла одна из крупнейших больниц Франции – Отель Дье [Corvisier, 1983, 216], причем часто подготовленные там медсестры приглашались для выполнения своих прямых обязанностей в самые отдаленные уголки королевства, такие, например, как крепость Валансьен, являвшаяся важным элементом *Pre Carre*. В последние десятилетия правления «короля-солнце», вероятно из-за весьма высокой активности государства, армейские госпитали активно вводили в свой состав «профессиональных медсестер» из расчета одна к пяти раненым или десяти больным, что наглядно демонстрирует роль женщины в формирующейся системе французской военной медицины [Belhomme, 1895a, 154–157]. Подобные изменения также связаны со значительным увеличением времени пребывания больных и раненых в госпиталях, ну и, конечно, с ростом их количества. Ряд документов, датированных 1682 годом, демонстрируют нам этот факт, описывая возникшую в одной из пьемонтских полков эпидемию, с которой были вынуждены бороться врачи госпиталя, располагавшегося в Пинероло. Более 20 солдат из роты капитана Беерхта провели в госпитале от 15 до 25 дней, требуя постоянного ухода [Lynn, 2006, 426]. Таких фактов немало: к примеру, в конце 80-х годов была локализована крупная эпидемия к северо-востоку от Шартра в районе замка Ментенон, когда было госпитализировано 483 человека из более чем двадцатитысячной группы военных рабочих, которые вели строительные работы в регионе. Несмотря на высокий уровень смертности, составивший 14,7% госпитализированных на второй-третьей неделе пребывания в госпитале, эпидемия была локализована

путем проведения карантинных мероприятий, что напрямую связано с активным участием монахинь, выполнявших функции младшего медицинского персонала [Contamine, 1992, 403, 442].

Подводя общий итог, можно констатировать следующее.

1. Как утверждают французские авторы, статистика демонстрирует нам печальные факты: в многочисленных войнах в период с 1672 по 1713 год потери французской армии составили примерно 750 тысяч человек, причем лишь каждый десятый из них погиб на поле боя, треть умерла от ран, шестая же часть скончалась от болезней [Corvisier, 1979, 124].

2. Несмотря на столь пессимистичные данные, остается очевидным тот факт, что в эпоху становления постоянных армий были сделаны первые, в ряде случаев не очень удачные шаги к созданию централизованной системы медицинского снабжения войск, которая долгое время была частью нового «французского мифа», концентрированным выражением которого являлась военно-политическая доктрина абсолютизма, определившая основные аспекты развития европейского военного искусства раннего Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Тепляков С.А. Век Наполеона. Реконструкция эпохи. Барнаул: Алтай, 2011. 431 с.
- Abeille S. Le parfait chirurgien d'armée, le traité de splayes d'arquebusade, le chapitre singuliertiré de Guidon, l'anatomie de la teste. P., 1696. 247 p.
- Andre F. Isambert et al., eds., Recueil general des ancienn eslois frangaises, depuis l'an 420, jusqu'a la Revolution de 1789. Paris, 1829. V. 16. 562 p.
- Andre L. Michel Le Tellieret l'organisation de l'arme'e monarchique. Paris, 1906. 714 p.
- Andre L. Michel Le Tellier et Louvois. Paris, 1942. 710 p.
- Andre L. ed. Testament politique du Cardinal de Richelieu. Paris, 1947. 433 p.
- Antoine M. Les remontrances des courssupérieures sous le règne de Louis XIV // Bibliothèque de l'école des Chartes. T. 151. 1993. Janvier-juin. P. 87–122.
- Audouin X. Histoire de l'administration de la guerre. Paris, 1811. T. 2. 535 p.
- Avenel D.L.M. Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'etat du cardinal de Richelieu (Collection de documents inedit ssur l'histoire de France), 8 vols. P., 1861. Vol. 4. 819 p.
- Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministère. Cheruel P., d'Avenel G. ed. Paris, 1894. T. 8. 835 p.
- Babeau A. La vie militaire sous l'antien regime. Paris, 1890. V. 1. 414 p.
- Baillargeat R. Les Invalides, trois siecles d'histoire. Paris, 1974. 600 p.
- Belhomme V. Histoire de l'infanterie en France. Paris, 1895. T. 2. 493 p.
- Belhomme V. l'armee francaise en 1690. Paris, 1895. 242 p.
- Le Chirurgien d'hôpital, enseignant une manière douce et facile de guérir promptement toutes sortes de playes. Avec un moyen d'éviter l'exfoliation des os, et une plaque nouvellement inventée pour le pansement des trépars. Par Monsieur Belloste... Seconde édition... P., 1705. 525 p.
- Bernier O. Louis XIV. New Word City, Inc, 2018. 351 p.
- Cabanes A. Chirurgiens et blessés: a travers l'histoire; des origines à la Croix-Rouge. P., 1918. 624 p.
- Caillet J. De l'adminstration en France sous le ministere du Cardinal de Richelieu. Paris, 1857. 578 p.
- Cilleuls J. Le Service de sante en campagne aux armees de l'Ancien Regime// Revue historique de l'Armee. Service historique de la défense. Paris, 1950. P. 5–26.
- Contamine P. Histoire militaire de la France. Paris, 1992. V. 1. 648 p.

- Correspondence inedite de Turenne avec Le Tellier et Louvois. Par Barthelemy. Paris, 1874. 857 p.
- Corvisier A. La France de Louis XIV, 1643–1715: Ordre interieur et place en Europe. Paris, 1979. 374 p.
- Corvisier A. Louvois. Paris: Fayard, 1983. 558 p.
- Duffy M.M. The Military Revolution and the State 1500–1800. Exeter, 1980. 90 p.
- Gaya L. L'art de la guerre, et la maniere dont on la fait à present. ... La Haye: Adrian Moetjens, 1689. 224 p.
- Guiffrey J Comptes des bâtiments du Roi sous le règne de Louis XIV. Tome cinquième, Jules Hardouin-Mansard et le Duc d'Antin, 1706–1715. P., 1881. 1057 p.
- Hacker B. Women and Military Institutions in Early Modern Europe: A Reconnaissance // Journal of Women in Culture and Society. 1981. Vol. 6, № 4. P. 643–671.
- Harpep J., Goeth A von. Louis XIV, the Real Sun King. Pen and Sword, 2018. 144 p.
- Journal des guerres civiles de Dubuisson-Aubenay: 1648–1652. T. 1. Paris, 1883. 424 p.
- Journal du marquis de Dangeau. Paris, 1858. V. 13. 489 p.
- Kettering S. Patrons, Brokers and Clients in Seventeenth-Century France. Oxford, 1986. 322 p.
- Lynn J. Giant of the grand siècle. The French army 1610–1715. Cambridge, 2006. 651 p.
- Mallet J.R. Comptes rendus de l'administration des finances du royaume de France. London, 1789. 431 p.
- Memoires de Louis XIV pour instruction du dauphin. Paris, 1860. T. 2. 590 p.
- Mémoires sur la guerre écrits par feu M. le marquis de Feuquières... 1775. T. 1. 226 p.
- Mousnier R. The Institutions of France under the Absolute Monarchy. 2 vols. Chicago: University of Chicago Press, 1984. Vol. 1. 804 p.
- Plazzoni F. Traité de blessure set plaies faites par armes à feu, vulgairement dites playes d'arquebusade. P., 1668. 418 p.
- Parrot D. Richelieu's Army: War, Government and Society in France. C., 2003. 602 p.
- Parker G. The Army of Flanders and the Spanish Road, 1667–1669: The Logistics of Spanish Victory and Defeat in the Low Countries Wars. Cambridge, 1972. 309 p.
- Rousset C. Histoire de Louvois. Paris, 1862. V. 1. 474 p.
- Rousset C. Histoire de Louvois. P., 1863. V. 3. 553 p.
- Shennan J.H. The Origins of the Early Modern State 1450–1725. London: Hutchinson, 1974. 135 p.
- Tassin L. La chirurgie militaire ou l'art de guairir les playes d'arquebusades. P., 1668. 62 p.
- Wilkinson J. Louis XIV: The Power and the Glory. Pegasus Books, 2019, 488 p.

V.M. Ovchinnikov

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Teaching Basic and Secondary Education,
Smolensk Regional Institute of Education Development
Smolensk Russia*

The Development of Military Medicine in the Era of the «Military Revolution in Europe» in France

The subject of the study is the main aspects of the formation of the military medical service of the French Kingdom of the epoch of the Great Century. The purpose of the review is to demonstrate the integration of the Institute of military Medicine into the ideological machine of the Sun King. The author pays attention to the political, economic and socio-cultural aspects of this process, which took place

against the background of the formation of absolutism as a military-political concept. The author demonstrates the transformation of military medicine as a specific socio-cultural practice into an integral part of the life of the French army of the era of the military revolution, which was primarily an element of propaganda, which was associated with the regular actualization of the thesis that the actions of doctors are an act of goodwill on the part of the crown, as well as the supply of units, clothing provisions and ammunition. This increased the morale of the troops, despite the removal from the camps of the baggage women, who had already received the idyllic name "Aphrodite's army" at that time. The characterized phenomenon is presented in the article as an example of the instrumentalization of the ancient (in particular, the Roman heritage), which is an integral part of the transformation of the military and political mechanisms of European political states. In many ways, an unobvious manifestation of this process is the widespread introduction of the simplest sanitary and hygienic standards into army use, such as, for example, the use of a block system for the location of the main components of the camp, which made its structure more orderly and efficient.

Key words: military mechanism; medicine; surgery; clientele; hospitals; Le Tellier; absolutism; hospitals; Pre Carre.

REFERENCES

- Teplyakov S.A. Age of Napoleon. Reconstruction of the Era. [Vek Napoleona. Rekonstrukcija jepohi]. IPP «Altai». Barnaul, 2011. 431 p. (in Russian).
- Abeille S. The Perfect Army Surgeon, the Treatise on Arquebusade Splays, the Singular Chapter Taken from Guidon, the Anatomy of the Test [Le parfait chirurgien d'armée, le traité de splayes d'arquebusade, le chapitre singuliertiré de Guidon, l'anatomie de la teste]. P., 1696. 247 p. (in French).
- Andre F. Isambert et al., eds., General Collection of Ancient French Eslois, since the Year 420, until the Revolution of 1789 [Recueil general des ancienn eslois frangaises, depuis l'420, jusqu'a la Revolution de 1789]. Paris, 1829, v. 16. 562 p. (in French).
- Andre L. Michel Le Tellier and the Organization of the Monarchical Army [Michel Le Tellieret l'organisation de l'arme'e monarchique]. Paris, 1906. 714 p. (in French).
- Andre L. Michel Le Tellier and Louvois [Michel Le Tellier et Louvois]. Paris, 1942. 710 p. (in French)
- Andre L. ed. Political Testament of Cardinal de Richelieu [Testament politique du Cardinal de Richelieu]. Paris, 1947. 433 p. (in French).
- Antoine M. The Remonstrances of the Superior courts during the Reign of Louis XIV [Les remonstrances des courssupérieures sous le règne de Louis XIV]. *Library of the School of Charters*. Vol. 151. 1993. January – June, pp. 87–122 (in French).
- Audouin X. History of the Administration of War [Histoire de l'administration de la guerre]. Paris, 1811. Vol. 2. 535 p. (in French).
- Avenel D.L.M. Letters, Diplomatic Instructions and State Papers of Cardinal de Richelieu (Collection of unpublished documents on the history of France) [Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'etat du cardinal de Richelieu (Collection de documents inedit ssur l'histoire de France)]. 8 vols. P., 1861, vol. 4. 819 p. (in French).
- Letters of Cardinal Mazarin during his Ministry [Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministère]. Cheruel P., d'Avenel G. ed. Paris, 1894, vol. 8. 835 p. (in French).

Babeau A. Military Life under the Anti-regime [La vie militaire sous l'ancien regime]. Paris, 1890, v. 1. 414 p. (in French).

Baillargeat R. Les Invalides, Three Centuries of History [Les Invalides, trois siecles d'histoire]. Paris, 1974. 600 p. (in French).

Belhomme V. History of the Infantry in France [Histoire de l'infanterie en France]. Paris, 1895, vol. 2. 493 p. (in French).

Belhomme Va. the French Army in 1690 [l'armee francaise en 1690]. Paris, 1895. 242 p. (in French).

The Hospital Surgeon, Teaching a Gentle and Easy Way of Speedily Curing all Kinds of Playes. With a Means to Prevent the Exfoliation of Bones, and a Newly Invented Plate for the Dressing of Trephines [Le Chirurgien d'hôpital, enseignant une manière douce et facile de guérir promptement toutes sortes de playes. Avec un moyen d'éviter l'exfoliation des os, et une plaque nouvellement inventée pour le pansement des trépan]. By Monsieur Belloste. Second edition. P., 1705. 525 p. (in French).

Bernier O. Louis XIV. New Word City, Inc, 2018, 351 p. (in English).

Cabanes A. Surgeons and Wounded: through History; from the Origins to the Red Cross [Chirurgiens et blessés: a travers l'histoire; des origines à la Croix-Rouge]. P., 1918. 624 p. (in French).

Caillet J. Of the Administration in France under the Ministry of Cardinal de Richelieu [De l'administration en France sous le ministere du Cardinal de Richelieu]. Paris, 1857. 578 p. (in French).

Cilleuls J. The Field Health Service in the Armies of the Old Regime [Le Service de sante en campagne aux armees de l'Ancien Regime]. Revue historique de l'Armee. Defense History Service. Paris, 1950, pp. 5–26. (in French).

Contaminates P. Military History of France [Histoire militaire de la France]. Paris, 1992, v. 1. 648 p. (in French).

Unpublished correspondence of Turenne with Le Tellier and Louvois [Correspondence inedite de Turenne avec Le Tellier et Louvois]. By Bartholomew. Paris, 1874. 857 p. (in French).

Corvisier A. The France of Louis XIV, 1643–1715: Interior order and place in Europe [La France de Louis XIV, 1643–1715: Ordre interieur et place en Europe]. Paris, 1979. 374 p. (in French).

Corvisier A. Louvois [Louvois]. Paris, Fayard, 1983. 558 p. (in French).

Duffy M.M. The Military Revolution and the State 1500–1800. Exeter, 1980. 90 p. (in English).

Gaya L. The art of war, and how it is fought today. [L'art de la guerre, et la maniere dont on la fait à present]. The Hague, Adrian Moetjens, 1689. 224 p. (in French).

Diary of the civil wars of Dubuisson-Aubenay: 1648–1652 [Journal des guerres civiles de Dubuisson-Aubenay: 1648–1652]. Vol. 1. Paris, 1883. 424 p. (in French).

Diary of the Marquis de Dangeau [Journal du marquis de Dangeau]. Paris, 1858, vol. 13. 489 p. (in French).

Guiffrey J. Accounts of the King's buildings during the reign of Louis XIV [Comptes des bâtiments du Roi sous le règne de Louis XIV]. Volume five, Jules Hardouin-Mansard and the Duc d'Antin, 1706–1715. P., 1881. 1057 p. (in French).

Hacker B. Women and Military Institutions in Early Modern Europe. *A Reconnaissance. Journal of Women in Culture and Society*, 1981, vol. 6, no. 4, pp. 643–671 (in English).

Harpep J., Goeth A von Louis XIV, the Real Sun King. Pen and Sword, 2018. 144 p. (in English).

Kettering S. Patrons, Brokers and Clients in Seventeenth-Century France. Oxford, 1986. 322 p. (in English).

Lynn J. Giant of the Great Century. The French Army 1610–1715. Cambridge, 2006. 651 p. (in English).

Mallet J.R. Accounts of the Administration of Finances of the Kingdom of France. London, 1789. 431 p. (in English).

Memoirs of Louis XIV for the Dauphin's Instruction [Memoires de Louis XIV pour instruction du dauphin]. Paris, 1860, vol. 2. 590 p. (in French).

Memoirs on the war written by the late M. le marquis de Feuquières [Mémoires sur la guerre écrits par feu M. le marquis de Feuquières]. 1775, vol. 1. 226 p. (in French).

Mousnier R. The Institutions of France under the Absolute Monarchy, 2 vols, Chicago: University of Chicago Press, 1984, vol. 1, 804 p. (in English).

Plazzoni F. Treatise on Wounds and Wounds Caused by Firearms, Commonly Called Arquebus Playes [Traité de blessure set plaies faites par armes à feu, vulgairement dites playes d'arquebusade]. P., 1668. 418 p. (in French).

Parrot D. Richelieu's Army: War, Government and Society in France. C., 2003. 602 p. (in English).

Parker G. The Army of Flanders and the Spanish Road, 1667–1669: The Logistics of Spanish Victory and Defeat in the Low Countries Wars. Cambridge, 1972. 309 p. (in English).

Rousset C. History of Louvois [Histoire de Louvois]. Paris, 1862. Vol. 1. 474 p. (in French).

Rousset C. History of Louvois [Histoire de Louvois]. Paris, 1863. Vol. 3. 553 p. (in French).

Shennan J.H. The Origins of the Early Modern State 1450–1725. London, Hutchinson, 1974. 135 p. (in English).

Tassin L. Military Surgery or the Art of Curing the Plays of Arquebusades [La chirurgie militaire ou l'art de guairir les playes d'arquebusades]. P., 1668. 62 p. (in French).

Wilkinson J. Louis XIV: The Power and the Glory. Pegasus Books, 2019, 488 p. (in English).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИИ

И.В. Марусова

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

Павлова Л.В., Романова И.В. Литературная жизнь в российской провинции на рубеже XX–XXI веков. Студия «Персона» (Смоленск). Смоленск: Изд-во СмолГУ; Свиток, 2022. ISBN 978-5-88018-699-0

Монография Л.В. Павловой и И.В. Романовой посвящена истории и современности литературной студии «Персона», которая уже тридцать лет успешно работает, обсуждает и творит в стенах Смоленского государственного университета – alma mater ряда замечательных смоленских писателей.

«Персона» в некотором роде уникальна, что убедительно показано в монографии. Во-первых, возникнув как локальная творческая студия при кафедре литературы, она существует необычайно долго для таких объединений: в ней сменилось три поколения, у каждого из которых свое лицо, свой стиль и характер. Во-вторых, она динамична, подвижна: новые молодые поэты приходят и уходят каждый год, принося новые идеи, темы, образы, сюжеты и жанры, прикасаясь к поэзии на самом пике ее творения. В-третьих, несмотря на «вечное бурление юности», в «Персоне» сохраняется самое важное: стремление оценивать свое и чужое стихотворение по гамбургскому счету, быть максимально объективным в анализе поэтики, способствовать работе поэта над собой. Это возможно, поскольку студией руководят филологи, доктора наук, исследователи и педагоги, привыкшие строго, беспристрастно и доброжелательно оценивать успехи своих учеников; многие из студийцев: педагоги высшей школы, учителя, кандидаты наук – выбрали для себя тот же путь.

В истории Смоленского государственного университета, одного из ведущих вузов региона, «Персона» стала заметным явлением. Ее, безусловно, знали все студенты филфака, но не только. Об этом живо, с обилием характеристических подробностей рассказано в монографии. В истории «Персоны» сфокусирована история университета, его жизни в эпоху перемен и стабильности, представлен мгновенный отклик поэтов на события современности, не всегда прямой, но всегда чуткий и яркий (интересны, например, страницы, посвященные изменению литературных «кумиров»

поколений «Персоны», – здесь в миниатюре отразилась история современной литературы в «смоленском зеркале»).

Книга написана на высоком научном уровне, но при этом может рассматриваться одновременно и как научно-популярная. Исследования в рамках современных и наиболее актуальных направлений филологии (квантитативная филология с применением цифровых методов) облечены здесь в абсолютно доступную форму. Из корпуса исследований, посвященных поэзии «Персоны», выбраны аспекты, наиболее интересные широкому читателю, любящему литературу. Во-первых, это авторская символика цвета, своего рода «портрет автора в красках» (причем смоленского автора, что в перспективе можно использовать в организации цветового пространства Смоленска, экскурсионной деятельности, подготовке популярных изданий о городе и т.п.). Во-вторых, рассмотрен волнующий вопрос: как сочетаются в творчестве сознательное и бессознательное, какие скрытые шестеренки механизма творчества поможет выявить компьютерная программа и как к этому отнесутся сами авторы. Здесь использована редкая возможность получить от «объекта исследования» не просто обратную связь, но доброжелательную обратную связь, построить продуктивный диалог «алгебры и гармонии».

Монография очень современна в жанрово-композиционном отношении. Ее структура мозаична, она представляет собой коллаж научных исследований, мемуарных очерков, монографических глав, посвященных отдельным «персонам», документальных источников (фрагментов протоколов заседаний студии, точнее, того, что сделала с официально-деловым жанром фантазия поэта). Анализ анкет участников сменяется их посвящениями друг другу, лирический рассказ о Доме, который пытается выстроить поэт в своих стихах, – ироничным постмодернистским диалогом о поэтической книге. Это придает чтению интригу и увлекательность.

Со страниц монографии живо встает недавнее прошлое. Авторы, кажется, поименно помнят каждого участника студии и для каждого находят теплые слова и уверенные штрихи для литературного портрета. В этом смысле книга приобретает ценность человеческого документа, важного для изучения смоленской повседневности 1990–2020-х годов.

Благодаря монографии становится ясно: то, что казалось нам в юности «посиделками в семидесятой аудитории», превратилось в яркое явление смоленской литературной жизни и может сыграть существенную роль в создании смоленского бренда, привлекая к городскому пространству внимание любителей поэзии. А смоляне, особенно выпускники филфака СГПИ – СГПУ – СмолГУ, получают вместе с книгой возможность вдохнуть воздух студенческой юности и вновь с трепетом войти «в пятницу в пять вечера» в знакомую аудиторию.

М.Ю. Кукин

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия*

Зафиксированная речь.

Рецензия на книгу: Павлова Л.В., Романова И.В. Литературная жизнь в российской провинции на рубеже XX–XXI веков. Студия «Персона» (Смоленск). Смоленск: Изд-во СмолГУ; Свиток, 2022. ISBN 978-5-88018-699-0

Монография Л.В. Павловой и И.В. Романовой «Литературная жизнь в российской провинции на рубеже XX–XXI веков. Студия “Персона” (Смоленск)», вышедшая в 2022 году в смоленском издательстве «Свиток», представляет несомненный интерес хотя бы по ряду формальных признаков. С точки зрения структуры книга о студии «Персона» может быть названа «сложносочиненным целым», и эта сложная структура в точности соответствует как сложности изучаемого явления, так и методам, привлеченным для его анализа. С точки зрения жанра – перед нами произведение опять же сложное, такой жанр можно определить как синтетический: одновременно и реконструкция нескольких десятилетий истории интереснейшего литературного явления, и «окно» в университетскую среду Смоленска, и филологическое, местами лингвопоэтическое исследование, и рассказ о судьбе нескольких поэтов, и пример того, как в провинции может жить, развиваться, расцветать и «растить таланты» настоящий независимый культурный центр.

В монографии удачно сошлись и дополнили друг друга самые разные направления гуманитарных исследований: литературное краеведение, мемуаристика, изучение определенной социальной группы, классическое литературоведение, поэтика, лингвистика и стиховедение.

В небольшом вступлении, озаглавленном «Несколько слов для начала», авторы исследования сами дают своему труду такое определение: «Наша книга – не просто собрание статей, отражающих результаты разноаспектных исследований, проведенных при помощи различных методов, вплоть до самых современных. Это своего рода *собирательный портрет уникального литературного сообщества* (курсив мой. – М. К.), ставшего ярким фактом культурной жизни провинциальной России на рубеже XX–XXI веков» (с. 8 – здесь и далее цитаты из монографии Л.В. Павловой и И.В. Романовой даются с указанием номера страницы в скобках после текста).

I

Литературная (поэтическая) студия появилась на филфаке Смоленского университета в 1992 году, объединив нескольких молодых людей, чье

становление пришлось на время после Перестройки. Собирались регулярно, по пятницам два раза в месяц, начали вести протоколы своих заседаний. Главное занятие на этих встречах – обсуждение нового, только что написанного участниками студии. В основном это были стихи, но кроме поэтов «на Персону» приходили и пишущие прозу, и просто «критики», те, кому был интересен сам процесс обсуждения. Что важно, это была независимая студия, не санкционированная кем-то из руководства вуза, то есть неформальное самостоятельное объединение. Естественно, круг участников «Персоны» был одновременно и дружеским кругом, разговоры не ограничивались только обсуждением текстов – это был и постоянный обмен шутками, новостями, походы в гости друг к другу и т.д.

Таких молодежных литературных компаний, кружков и студий всегда, а особенно в 90-е, в постперестроечное время, возникало множество, они были практически в каждом городе, но, как правило, срок их жизни был краток. Участники кружка взрослеют, дороги их расходятся, со временем многие разъезжаются из родного гнезда. Уникальность смоленской «Персоны» в том, что она активно работает и даже расцветает вот уже 30 лет – срок для литературной студии огромный. Всестороннему анализу этого явления посвящена большая часть рецензируемой монографии, особенно ее первый раздел: «Персональная история. Появление и формирование литературной студии» (с. 11).

Первой части монографии предпосланы два эпиграфа, один из них: «Так что же такое литературная студия? Осмелюсь предположить, что жанр этот не определим вербально. Игорь Волгин». Слово «жанр», неожиданно выбранное здесь И.Л. Волгиным, становится для авторов монографии словом-вызовом, они пытаются уточнить и определить его границы и содержание. Если литературная студия – это «жанр», то в чем его специфика? Деятельность «Персоны» рассматривается сразу в нескольких контекстах: в широком контексте литературной жизни России последних трех-четырех десятилетий, в том числе деятельности литературных журналов и премий, в локальном контексте официальной смоленской литературной жизни, в ряду других литературных кружков и студий Смоленской области. Ставится важный вопрос о том, что можно считать ориентирами, которые помогли бы «разобраться, оценить происходящее в литературе в целом и отдельное поэтическое явление (автора, группу, произведение)» (с. 12). Обсуждая возможные варианты ответа (журналы, премии, писательские союзы), авторы монографии приходят к выводу, что факторы «которые ранее способствовали росту и развитию автора, его самоидентификации и идентификации в литературном контексте, ныне либо не работают, либо работают недостаточно эффективно» (с. 14). И далее напоминают о том, что «для молодых авторов, стремящихся осмыслить собственное творчество и то, что происходит вокруг них в литературе, сохраняется возможность найти творческую среду обитания...». Литературная студия обеспечивает именно «творческую среду обитания», контакт с другими пишущими, с себе

подобными, обеспечивает постоянный обмен информацией и мнениями, а значит, выполняет важнейшую функцию помощника и ориентира в широком литературном процессе.

В своей монографии Л.В. Павлова и И.В. Романова сравнивают «Персону» с другими известными студиями и ЛИТО, в частности с известной студией Игоря Волгина «Луч» при МГУ и с «Филологической школой», сложившейся вокруг университетского филфака ЛГУ, и устанавливают как ряд характерных сходств, так и ряд существенных отличий. Главным сходством в данном случае можно считать «филологизм», ориентацию на книжную поэзию, на модернизм в широком смысле слова, а самым заметным отличием – уникальную эволюцию «Персоны», которая со временем, не потеряв почти никого из первых составов и объединив несколько поколений студийцев, превратилась из классической «литературной студии» в «литературное сообщество» (с. 32).

«Все, что нужно начинающему автору, было найдено на месте: филологи, гарантировавшие дельные обсуждения, большая компания единомышленников, приток свежих сил, следовательно, и взглядов из университетской среды» (с. 20).

В то же время с «официальной» смоленской поэзией, с региональными отделениями Союза писателей России и Союза российских писателей, у «персоновцев» отношения складывались «по принципу взаимного оттачивания» (с. 31).

II

Важное событие в истории «Персоны» – выход первого альманаха и, собственно, появление названия студии. Особенно интересен рассказ о названии: «В результате горячих дискуссий студия обрела имя – “Персона”. В этом названии, с одной стороны, подчеркнута индивидуальность творчества, с другой – в традиционной юнгианской оппозиции “Анима / Анимус – Персона” предпочтение отдано именно маске, под которой скрывается автор и которая непосредственно обращена к читателю в образе лирического субъекта, лирического героя» (с. 32).

Юнгианский след в названии – характерная черта именно университетского, интеллектуального литературного содружества молодых авторов.

В первом альманахе «Персоны» был опубликован и манифест участников под названием «Сегодня и завтра», где изложены основные мировоззренческие и эстетические взгляды участников группы. Анализу основных идей этого манифеста посвящены несколько важных страниц монографии, с выделением трех главных аспектов: мироощущение, предмет творчества и особенности поэтики.

Манифест «Персоны» утверждает: «Жизнь ставит человека лицом к лицу с миром. Многогранность его предполагается или предчувствуется

многими, но отсутствие перспективы не позволяет получить реальное представление об увиденном. И только художник способен, увидев обращенную к нему грань, запечатлеть это видение (в слове), тем самым сделав его достоянием всех. Появляется перспектива, картина мира усложняется. Таким образом, *поэзия служит средством создания и познания мира* (курсив мой. – М. К.)» (с. 33).

Предмет творчества «персоновцы» в своем манифесте определяют как триаду: Человек, Бог, Мир (именно так, с прописных букв. – М. К.).

Если говорить о поэтике, тут идею манифеста можно характеризовать как максимально широкую, это не нормативная поэтика, автору предоставлена полная свобода творчества. С одной стороны, речь идет о синтезе – о возможности широкого использования средств не только литературного, но и разговорного языка, чтобы «облагородить разговорную речь и оживить литературный язык». С другой стороны, авторы манифеста приветствуют эксперименты в области словотворчества, причем на самых разных языковых уровнях, оговаривая, что «эти эксперименты должны быть “органичны, оправданны и целесообразны”» (с. 34).

В манифесте «Сегодня и завтра», как отмечают авторы монографии, «есть необходимая для подобного жанра... критическая позиция по отношению к предшествующей литературе прямого высказывания, к публицистичности, равно как и к восторженно-романтической поэтике абстракций. Заявлено неприятие какой бы то ни было ангажированности. Есть попытки “моделирования будущего литературного поля”». К ним относится провозглашение нетривиальной для того времени христианской мировоззренческой и этической позиции; утверждение внимания к миру, его деталям... Главное же – формулируется некая лингвоцентрическая позиция, при которой языку уделяется большое внимание – как стилистической палитре его использования, так и экспериментам в области словотворчества» (с. 34).

Деятельность выросшего из литературной студии поэтического сообщества «Персона» в монографии Л.В. Павловой и И.В. Романовой не просто описывается, но именно анализируется, со всей возможной филологической тщательностью. Чрезвычайно интересными представляются результаты двух анкетирований «персоновцев», проведенных с интервалом в 20 лет, в 1999 и в 2019 годах (ответы авторов вынесены в отдельное Приложение в конце книги). Выяснилось – и это можно считать объективным фактом – что взгляды участников «Персоны» разных лет на природу творчества, поэзию принципиально не изменились: «неизменным остается представление о чуде творчества как феномена и о необходимости строго и рационально подходить к тексту как предмету искусства» (с. 35). И это при том, что, в отличие от любой «литературной школы», сообщество «Персона» представляет собой *принципиально открытую структуру*: «Наряду со сложившимся костяком авторов на каждое заседание может приходиться

любое количество новых людей – и авторов, и свободных слушателей – разного возраста и рода занятий» (с. 36).

В 2022 году портрет «Персоны», по мнению авторов монографии, выглядит так: «На сегодняшний день “Персона” существует в двух формах – объединения и студии (курсив мой. – М. К.). Члены объединения выпускают авторские книги, участвуют в многочисленных публичных выступлениях, писательских семинарах, фестивалях и конкурсах, вступают в творческие союзы.

Студия, помимо регулярных рабочих заседаний, большое внимание уделяет работе с детьми и молодежью. Это выступления в школах города и, особенно, области, проведение лекций о современной поэзии, о культуре чтения и анализа текста; мастер-классов, рассчитанных на развитие творческих способностей юных авторов, организация молодежных литературных конкурсов и т.п. Кроме решения образовательных и воспитательных задач, для “Персоны” важны и эстетические: выработать у читателей хороший вкус, противящийся пошлости и графомании, обеспечить навигацию в бескрайнем информационном пространстве и научить выбирать по-настоящему хорошие тексты, издания, сайты» (с. 38).

Можно констатировать, что, согласно этому описанию, «Персона» соединяет в себе не только разные поколения участников (что уже само по себе бесценно для объединений такого рода), но и самые разные функции – и творческого союза, и благоприятной среды для общения, дискуссий, накопления и передачи знаний, и культурной площадки, и, по отношению к «внешнему» миру, полноценного культурного центра с его просветительскими задачами. Со временем студия «Персона» стала ядром, вокруг которого возникает целое поле деятельности, организуется интеллектуальная жизнь нынешнего Смоленска.

III

В монографии Л.В. Павловой и И.В. Романовой выделяются и подробно описываются условные «поколения» «Персоны». Как считают авторы, «за 30 лет жизни “Персоны” в ней сменилось более трех поколений» (с. 38). В исследовании «персоновцы» всех поколений перечислены поименно, для каждого поколения сформулированы свои характерные черты, приметы, надо сказать, хорошо узнаваемые для каждого, кто следил за российской поэзией последних четырех десятилетий.

Так, первое поколение «Персоны» сформировалось в постперестроечное время. «Особенностью их творчества был отказ как от гражданской, так и от романтической поэзии. На первое место выдвинулась тема философски осмысленного быта» (с. 39).

Второе поколение – поколение нулевых годов – отличается «неистовым интересом к мировой культуре, ставшей чуть ли не единственным источником вдохновения» (с. 40). «Прочитанное воспринимается как факт собственной

биографии; воплощенное в произведении искусства вызывает большее доверие, чем непосредственные жизненные впечатления... Творческий процесс становится главным предметом рефлексии и изображения» (с. 41–42).

В третьем поколении «Персоны» авторы отмечают поворот к социальной тематике, при этом уточняется, что «социальные темы порой предстают в необычной форме: через призму психоанализа, в свете исторической, религиозной и научной парадигм» (с. 46).

Четвертое поколение «Персоны», по мнению Л.В. Павловой и И.В. Романовой, заметно отличается от предыдущих. «Поэтическое творчество для них лишь одна из форм самовыражения. Они активно занимаются культурной деятельностью, популяризируя поэзию в индивидуальных и коллективных проектах. Для них студия – направляющий механизм, а способ самопрезентации они находят в сети, где вполне комфортно себя чувствуют» (с. 48).

Замечу, что примерно в тех же терминах можно было бы описать и разницу между «поколениями» в российской поэзии в целом – и это как раз говорит о неизолированности «Персоны», о ее органичном включении, несмотря на всю уникальность смоленского феномена, в более широкий литературный и культурный контекст.

В чем, по мнению авторов монографии, секрет такой удивительной многолетней устойчивости и способности к росту и развитию литературной студии / сообщества «Персона»? «Гармоничное сосуществование разных поколений и приверженцев разных литературных течений, на наш взгляд, обеспечивается именно форматом студии, где, во-первых, царит культ текста, во-вторых, руководители и большинство участников – филологи, имеющие навык литературоведческого... анализа (курсив мой. – М. К.). Все говорят на одном языке, но при этом каждый приходит на заседание, дабы самому разобраться в литературной ситуации, сформировать собственное представление о творчестве других авторов, совершенствовать свой текст, услышать мнение о своем произведении и прочие самости» (с. 55).

IV

Вторая часть монографии, «Персональная поэтика», состоит из четырех разделов, каждый из которых представляет собой отдельную филологическую статью, эти тексты были опубликованы авторами, Л.В. Павловой и И.В. Романовой, в 2016–2019 годах как в альманахе «Персона», так и в «Известиях Смоленского государственного университета».

Первый раздел посвящен «теме слова» в поэзии авторов «Персоны», второй – взаимоотношениям «Персоны» с широким литературным контекстом, третий – изучению устойчивых лексических комбинаций в творчестве авторов «Персоны» (лексические комбинации – переходящие из текста в текст устойчивые соседства слов, не закрепленные между собой граммати-

ческими связями, отчего компоненты-участники комбинаций могут находиться друг от друга на расстоянии нескольких слов, стихотворных строк, в разных строфах и т.д.), четвертый раздел – анализу визуально-цветового аспекта в изображении мира у авторов так называемой «Персональной серии» (одиннадцать поэтических книг участников «Персоны», вышедших в смоленском издательстве «Свиток»).

Все четыре раздела отличает, с одной стороны, высокий филологический уровень, стремление к объективности выводов, с другой – разнообразие литературоведческих методов, от вполне традиционного аналитического описания явления до современных числовых компьютерных методов (особенно в 3 и 4-м разделах). Размышления соседствуют во II части монографии с объемными таблицами (характерные примеры – таблица 1 в четвертом разделе: «Частотный словарь цветоименований у авторов “Персоны”» (с. 115–116) или огромная таблица 2 «Что бывает белым и черным у авторов “Персональной серии”» (с. 117–124). Выводы этих аналитических разделов чрезвычайно интересны, и, по мнению рецензента, их материал может еще не раз послужить филологам для построения новых теорий и обобщений.

Кратко остановлюсь на идеях и выводах первого раздела, который представляется мне принципиально важным в монографии: *Весь мир был рукописным* или *Мир от истоков устный, произнесенный свыше?* Тема слова в поэзии авторов «Персоны» (с. 62).

Стихи Пятого выпуска альманаха «Персона» (2008) сравниваются здесь со стихами авторов «Персоны» 1993–1998 годов, которым была посвящена статья Л.В. Павловой и И.В. Романовой «Смоленская поэтическая школа: новое поколение», вышедшая в ученых записках кафедры истории и теории литературы СГПУ «Русская филология».

По сути, эта работа представляет собой сопоставительный анализ и посвящена вопросам эволюции поэтики. При сравнении учитывались три аспекта: 1) тематика текстов; 2) образный строй; 3) пространственно-временная ориентация поэтического мира. Читатель монографии встречает здесь целый ряд интересных наблюдений над изменениями основных тем и образов «персоновцев» разных поколений. Например, изменений в том, что касается столь важной для лирической поэзии предметной сферы: «раньше внимание (поэтов. – М. К.) привлекал прежде всего транспорт и всякого рода “мелочь” (ложка, лампочка, заколка, тапочки и т.п.). Спустя годы в первую очередь – книги, во вторую – пища (питье)... предметы интерьера, одежда, транспорт по-прежнему упоминаются, но значительно реже» (с. 63).

Однако основная тема этого раздела – тема слова «как средства общения, как результата творческого акта, как неопровержимого свидетельства существования мира во всем многообразии его проявлений» (с. 67).

Слову посвящена бóльшая часть раздела, слову звучащему и слову написанному. Филологический анализ переходит здесь местами в область лингвистики, или, точнее говоря, лингвопоэтики.

Рассмотрев множество примеров, авторы замечают, что «не Язык, как у Бродского, но Слово в творчестве авторов “Персоны” – центр вселенной и наивысшая ценность» (с. 73), однако звучащее слово «хрупко и недолговечно, оно легко рассыпается на отдельные ускользающие звуки», а мир вокруг – устойчив и вечен, и поэтому поэты, входящие в сообщество «Персона», приходят к выводу, что «мир в своей основе, у истоков – зафиксированная речь, то есть текст и его производные (курсив мой. – М. К.) – книга, изящная словесность». У разных авторов «Персоны» текст – рожденный из хаоса космос, или сама жизнь, или чудесный сад, или умело сплетенная ткань... «Вначале было не просто Слово, а Слово, написанное от руки» (с. 74).

Продолжая эту логику, авторы формулируют следующую мысль: «в Книге жизни границы между реальностью и условностью неуловимы. Подлинно художественный текст может стать реальностью, живым существом или предметом. И наоборот, создатель текста и объект воспевания становятся продолжением стиха и стиля».

Замечательные примеры, подтверждающие эти размышления, обнаруживаются, к примеру, в стихах поэта «Персоны» Вадима Мозгового, автора строки-тезиса «стихотворения – вещи этого мира...» (с. 77).

Другой пример – строфы Вадима Мозгового, где узнаваемый пейзаж возникает на наших глазах из элементов и фрагментов незаконченного поэтического текста, черновика:

Ненастье. Середина ноября.
Невольный отдых пальцам летописца.
Не зажигая в комнате огня,
Он смотрит на последнюю страницу.
Там, среди клякс домов и облаков,
Курсива птичьего вихляющие строчки,
Каракули деревьев, проводов,
Фонарные беспомощные точки.
Там, в полумраке, блеклые слова
Бредут по слякоти и кромке тротуара,
Скрипит по рельсам ржавая строфа
Битком набитого усталостью трамвая,
Меняет содержание и строй,
Искрит на стыках неудачной рифмой,
Пока не скроется за ретушь сырой
Во мрак бессмыслицы, безмолвной и безвидной...

Замечу, что кроме прекрасно и точно выраженной поэтической философии, интуиции о взаимном проникновении и слиянии текста и мира

здесь есть еще одна тема, важнейшая, как представляется, для поэзии сообщества «Персона» – тема мучительного рождения слова из окружающей поэта обыденной реальности. И связанная с ней тема немоты этого мира, который вне слова покрывается «мраком бессмыслицы, безмолвной и безвидной». Зрение и речь одинаково вспыхивают и одинаково угасают, когда поэт замолкает, а черновик остается недописанным.

V

Третья часть монографии, «Персональный разбор», посвящена отдельным авторам-персонам и их индивидуальным манерам. Здесь читатель получает возможность рассмотреть поэта ближе, крупным планом, почувствовать его стихи, мир его образов, его творческий метод.

Первый раздел носит название «Не-вероятность существования: о книге Эдуарда Кирсанова “Круг чтения. Квадрат окна. Треугольник души”» (с. 141), второй – «Три дома лирики Дмитрия Смагина» (с. 153), третий – «Диалоги об Александре Асадчем и его книге «Саморазвивающееся устройство, или Человек с прописной буквы» (с. 165). Все три раздела, входящие в третью часть – собранные вместе опубликованные ранее тексты: И.В. Романовой об Эдуарде Кирсанове, Л.В. Павловой о Дмитрии Смагине, третий текст, об Александре Асадчем, написан совместно.

Завершают книгу еще три текста, собранные в разделе «Приложения» (с. 185), из них два первых – совместные статьи авторов монографии: «PERSONA GRATA», об итогах первого десятилетия студии, и «Время «Персоны», написанная через пять лет статья, подводящая итоги первого 15-летия.

Третий текст в Приложениях снова погружает нас в любимую авторами монографии филологическую стихию: здесь собраны вместе ответы участников объединения на вопросы, заданные в 1999 и 2009 годах, а затем проведен подробный сопоставительный анализ этих ответов, выделены закономерности, предложены объясняющие гипотезы. В этом смысле последний раздел книги, «Вопросы и ответы», дает нам еще одну возможность собрать вместе впечатления от прочитанного и представить себе главное, чему и посвящена книга – собирательный портрет уникального литературного сообщества «Персона», данный в его развитии.

В полном соответствии с академической традицией завершает монографию «Библиография работ о “Персоне”» (с. 217) – впечатляющий список филологических работ, содержащий около 100 названий и охватывающий период с 1992 по 2021 год.

ЮБИЛЕИ

Р.А. Багдасарян

*Национальное Собрание Республики Армения
Ереван, Армения*

ГЛАШАТАЙ РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО БРАТСТВА (К 90-летию со дня рождения литературоведа Михаила Амирханяна)

Видный советский и армянский ученый, доктор филологических наук, профессор, почетный профессор Российского нового университета Михаил Давидович Амирханян родился 5 ноября 1932 года в одном из живописнейших уголков Армении – Лори. Окончив в 1960 году факультет русского языка и литературы Ереванского государственного университета, работал старшим преподавателем. В 1972 году защитил кандидатскую диссертацию «Средневековая армянская поэзия в русских переводах», а в 1987 году докторскую – «Интернациональный характер русской литературы в аспекте русско-армянских отношений (XII – начало XX вв.)» в МГУ. С 1995 года в течение пяти лет являлся заведующим кафедрой русской литературы Брюсовского университета.

Михаил Давидович – руководитель Центра русского языка и культуры Ереванского государственного университета им. В. Брюсова, председатель общества дружбы «Армения – Россия» в Армянском обществе культурных связей (АОКС). За общественно-культурные заслуги награжден памятной медалью «К 100-летию М.А. Шолохова», армянской памятной медалью «Григор Нарекаци» (2012), почетным знаком «За дружбу и сотрудничество» (2015) Россотрудничества, медалью «За вклад в развитие Евразийского экономического союза» (2019), российской медалью Пушкина (2022). К этому надо добавить, что в процессе работы М. Амирханян был удостоен неоднократно благодарностей послов Российской федерации в Армении В.Е. Коваленко, А.Н. Дрюкова, С.П. Копыркина.

М.Д. Амирханян – автор уникальной идеи и бессменный организатор международных научно-практических конференций по сквозной теме «Русские классики: русская и национальные литературы». С 2009 по 2022 год последовательными и энергичными усилиями ученого успешно проведено 19 конференций, вызвавших неугасаемый интерес многих видных ученых Армении, России, Грузии, Словакии, Германии, Италии, Испании, Румынии, Китая, США, Японии и других стран, исследовавших различные аспекты жизни и творчества выдающихся русских поэтов и писателей – Карамзина, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Чехова, Льва Толстого, Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, А. Островского, Достоевского, Бунина, Ахматовой, Пастернака,

Булгакова, Солженицына. Это в общей сложности около 8500 страниц, которые оцифрованы и размещены в электронном архиве Уральского федерального университета (Екатеринбург): <https://elar.urfu.ru/browse?type=author&value=%D0%90%D0%BC%D0%B8%D1%80%D1%85%D0%B0%D0%BD%D1%8F%D0%BD%2C+%D0%9C+%D0%94>.

Примечательно, что, как отмечалось в докладах выступавших на конференциях участников, в творчестве многих классиков русской литературы неотъемлемым элементом, наряду с глубинным и разносторонним отображением различных аспектов русской действительности и культуры, являются армянские «вкрапления», мотивы, образы и эпизоды, что, несомненно, свидетельствует об интернациональном характере русской литературы. Важным элементом всех конференций является то, что к началу конференций издаются материалы отдельной коллективной монографией под редакцией М.Д. Амирханяна. Это редкое, если не единственное явление в проведении международных литературных конференций.

Все прошедшие в Ереване конференции получили многочисленные положительные отклики в научной и литературной периодике Армении, России и других стран, начиная с заметок и личных писем участникам организаторам конференций и заканчивая серьезными аналитическими обзорами. Нельзя не привести проникновенные слова благодарности и признательности профессору Амирханяну некоторых российских участников конференций разных лет.

Так, доктор филологических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) О. Страшкова писала осенью 2015 года: «Уважаемый Михаил Давидович! Преогромное Вам спасибо за прекрасную организацию, научную компетентность, добрые чувства! Вы совершаете высокую миссию не только по объединению ученых разных стран, но, что самое главное, – наших душ! Мы, приехавшие под Ваше сильное и заботливое крыло, любим Вашу страну благодаря Вам! Еще раз огромное спасибо!»

Профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета, доктор филологии Э. Шафранская делилась своими впечатлениями от проведенной в Ереване в октябре 2016 года конференции, посвященной Н. Карамзину: «Международная научно-практическая конференция стала очередной ассамблеей российских, армянских и других зарубежных филологов – в череде ежегодных научных встреч, посвященных классикам русской литературы и их отражениям в мировом литературном процессе. Интересная и многосторонняя повестка научного диалога, а также культурно-просветительская программа как нынешней, так и предыдущих встреч – плод кропотливой работы, неравнодушной опеки, невероятных физических, эмоциональных и материальных затрат главного устроителя этого международного действия – Михаила Давидовича Амирханяна. Без его личного участия и посредничества, без его любовного отношения к русской литературе, к нам,

ее “медиаторам”, эти ежегодные осенние встречи были бы невозможны. Глобальную работу, выполняемую М.Д. Амирханяном, можно и нужно назвать высоким слогом – миссией, культурной, просветительской, соединяющей Армению, Россию, Германию, Украину, Италию и другие страны. Время, в которое мы живем, увы, отличается этническими, языковыми, культурными, религиозными конфликтами. Мало тех, кто этому противостоит. М.Д. Амирханян – один из немногих, кто сопротивляется этим конфликтам, за что ему низкий поклон от участников конференции».

Ректор Российского нового университета (РНОУ) профессор В. Зернов в связи с 85-летием М.Д. Амирханяна отмечал в поздравительном адресе: «Глубокоуважаемый Михаил Давидович! Примите слова глубочайшей признательности за Ваш неоценимый вклад в организацию и проведение Международной научно-практической конференции “М.А. Булгаков: русская и национальные литературы”, которая состоялась на базе Вашего университета в период с 9 по 11 октября 2017 года. Мы знаем, что именно Вы являетесь инициатором, вдохновителем и главной движущей силой ежегодных осенних конференций в Ереване, посвященных проблемам классической русской литературы в контексте ее взаимодействия с армянской и шире – мировой литературой и культурой. Эти конференции стали хорошей традицией и своеобразной визитной карточкой Вашего университета. В рамках международных конференций на гостеприимной армянской земле при Вашем по-настоящему отеческом участии встречаются и обсуждают современные вопросы гуманитарной науки известные ученые и еще совсем молодые исследователи не только из России и Армении, но и из других стран мира. Ваши конференции всегда безукоризненно организованы и отличаются искренним, радушным приемом. Желаю Вам в год Вашего личного юбилея крепкого здоровья, бесконечного творческого вдохновения, новых планов, грандиозных свершений и еще многих важных и нужных конференций по русской литературе, проведенных под Вашим руководством. С уверенностью в продолжении нашей дружбы и плодотворного сотрудничества на благо наших народов, мировой науки и культуры».

А вот выдержка из письма заведующей кафедрой литературы и журналистики Смоленского госуниверситета Ирины Романовой, участницы Гончаровской конференции (2022): «Вчера была удивительная пара со студентами. Вместо того, чтоб заняться запланированным, они меня сразу попросили рассказать о поездке в Армению. И я начала рассказывать... Слушали очень хорошо. В какой-то момент кто-то всплакнул. После пары подошло несколько человек и попросили выслать им в электронном виде антологию почитать, а некоторые попросили научную тему на основе стихотворений русских авторов об Армении. Процесс пошел!»

Подобных отзывов о личности и подвижнической деятельности М.Д. Амирханяна – целый изданный том...

Благодаря стараниям неутомимого труженика и искреннего поборника дружбы народов Амирханяна Ереван стал, пожалуй, авторитетным центром изучения русской литературы, русистики не только на Кавказе, но и на всем постсоветском пространстве.

В научно-творческом наследии Амирханяна – книги «Русская художественная литература об Армении» (1983), «Русская художественная публицистика об Армении» (1984), «Русская художественная литература и геноцид армян» (1988), «Классики русской литературы и Армении» (1991), «Геноцид армян и русская публицистика» (1997), «Пушкин и Армения» (1999), «Россия и Армения. Очерки русско-армянских литературных отношений» (2003), «Геноцид в Западной Армении и русская поэзия» (2008), «Нация и национализм. Голос разума и милосердия. К 100-летию Геноцида армян» (2015) и др.

Особое место в ряду исследований ученого занимает книга «Армяне – Герои Советского Союза» (2005), подготовленная к изданию и вышедшая в свет к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

В этой связи нелишне заметить, что во время конференции «И.А. Гончаров: русская и национальные литературы» по предложению М.Д. Амирханяна с директором института гуманитарных наук МГПУ В.В. Кирилловым было заключено соглашение о создании энциклопедического словаря «Армяне – генералы Царской армии со времен Суворова и до Октябрьской революции».

В 1991–2012 годах Михаил Давидович был учредителем и ректором Ереванского гуманитарного института, где впервые в Армении начали изучать китайский, японский, хинди, греческий, итальянский и испанский языки. Ученый является соавтором впервые изданных в Ереване «Армянско-японского словаря» (2004), «Армянско-итальянского словаря» (2005), «Армянско-хинди словаря» (2006), сборника «Армения – Япония. Исторические, деловые и культурные взаимоотношения» (2005).

М.Д. Амирханян также является организатором, составителем, редактором и автором вступительных очерков сборников «Брюсовские чтения – 1986» (1992), «Венок Брюсову» (1996), «Брюсовские чтения. Избранное» (1998), «Брюсовские чтения в критике» (1998).

Поистине уникально составление и издание ученым монографии-антологии «Армения в зеркале русской поэзии» (2021–2022), где собран и по возможности систематизирован огромный пласт поэтических сочинений русских авторов об Армении с ранней поры до начала XXI века, дана краткая информация о путях и причинах появления «армянского текста» русской поэзии. Представляя читателю и характеризуя объемистый том, редактор книги доктор филологических наук, профессор Смоленского госуниверситета И. Романова отмечает: «Перед вами – уникальная книга,

составление которой равнозначно подвигу – подвигу перед армянской культурой и русской словесностью одновременно. Главная заслуга по ее созданию принадлежит настоящему подвижнику и просветителю, выдающемуся филологу и педагогу, доктору филологических наук, профессору Михаилу Давидовичу Амирханяну. Всю свою жизнь он посвятил популяризации русской литературы на армянской земле. Книга “Армения в зеркале русской поэзии” – настоящий подарок и армянам, которые получили собранные водино страницы великой литературы, посвященные Армении, и нашим соотечественникам, – как единое, более 600-страничное поэтическое высказывание о своем соседе. Эта книга – бесценный вклад в дело укрепления армяно-российской дружбы».

Более чем шестидесятилетняя трудовая деятельность М.Д. Амирханяна в основном посвящена просвещению и воспитанию многих поколений русистов, пропаганде русского языка, русской литературы и культуры в Армении, о чем свидетельствуют многие его инициативы и проведение им вышеуказанных научно-практических конференций, особенно в сложившихся современных непростых условиях в регионе и мире в целом.

Несмотря на почтенный возраст, Михаил Давидович неутомим – проявляет завидную энергию в претворении в жизнь все новых замыслов и идей, щедро делится своим жизненным, научным и педагогическим опытом с более молодыми коллегами, нередко бывшими питомцами, которые по-прежнему тянутся к нему. Амирханян – поистине уникальная, удивительная личность, заряжающая всех вокруг неиссякаемым оптимизмом, жизнелюбием, стремлением ко все новым творческим и научным достижениям.

С 90-летним юбилеем, дорогой Михаил Давидович – маститый ученый, одухотворенный человек, гордость и цвет армянской интеллигенции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Вадим Сергеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Смоленского государственного университета. E-mail: vadim.andreev@yandex.com.

Багдасарян Роберт Андраникович – доктор филологических наук, главный специалист Управления по связям с общественностью Национального Собрания Республики Армения. E-mail: rob.bagdasaryan73@rambler.ru.

Балашова Елена Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: balashova_ea@mail.ru.

Белютина Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: ryubelyutins@mail.ru.

Бессуднова Марина Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. E-mail: magistrmb@gmail.com.

Демина Светлана Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. E-mail: ist-drev@yandex.ru.

Зверев Вадим Олегович – доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России. E-mail: zverevoma@mail.ru.

Зейферт Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник научной лаборатории сравнительного литературоведения и художественной антропологии Московского государственного лингвистического университета. E-mail: elena_seifert@list.ru.

Иванов Виктор Александрович – доктор исторических наук, профессор, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, заслуженный работник высшей школы. E-mail: iva063@mail.ru.

Кукин Михаил Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва). E-mail: koukin@yandex.ru.

Майорова Анастасия Владимировна – студентка Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: anastasiama04@yandex.ru.

Максимчук Нина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: nmaximchuk@yandex.ru.

Малькова Анна Николаевна – аспирант кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, специалист по учету музейных предметов Музея Зеленограда (г. Москва). E-mail: amalkova-20@edu.ranepa.ru.

Марусова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, редактор издательства Смоленского государственного университета. E-mail: marusova_ira@bk.ru.

Матюшкина Екатерина Никитична – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Санкт-Петербургского государственного экономического университета. E-mail: ekaterinamatyush@yandex.ru.

Овчинников Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры методики преподавания предметов основного и среднего образования Смоленского областного института развития образования. E-mail: Venkey1985@yandex.ru.

Родионов Иван Игоревич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: vanro.rodionov@yandex.ru.

Семина Анна Андреевна – кандидат филологических наук, преподаватель филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: seminaaaa@yandex.ru.

Сильницкий Антон Георгиевич – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета. E-mail: anton-silnitsky@mail.ru.

Стрельцов Алексей Александрович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ Института филологии, журналистики и МКК Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: al-astr@yandex.ru.

Сухов Всеволод Вадимович – аспирант кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: visssvald@mail.ru.

Тришина Мария Николаевна – ассистент кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: trim4ik@mail.ru.

Филатова Елена Михайловна – ассистент кафедры интенсивного обучения русскому языку как иностранному Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: alena-filatova93@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2022 ГОД

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Базылева Ю.С. Особенности структуры биографических очерков В.С. Баевского об историках. – № 1(57). – С. 34–43.

Гуревич Р.В. Изображение рабоче-крестьянского факультета в произведениях Г. Канта («Die Aula», 1965) и Ф. Марквардта («Dokument oder Wider im Dornbusch», 1965): утверждение и противостояние новой реальности в ГДР в 1950–1960-х годах. – № 1(57). – С. 43–56.

Двоенко Я.Ю. Закроева Г.А. Личное письмо как факт литературы: по материалам писем Л.Я. Гинзбург и В.С. Баевского. – № 3(59). – С. 29–39.

Козлов Д.А. «Шапка-невидимка» для «сверх-Пушкиных». Хроника литературной жизни Смоленска 1919–1921 годов. – № 3(59). – С. 5–18.

Котова Э.Л. «Хотел бы оставить в поэзии след»: творческая биография Бориса Бурштына. – № 3(59). – С. 19–29.

Маматов Г.М. Образ скрипки в поэзии Бориса Поплавского. – № 2(58). – С. 34–45.

Марков А.В. К истолкованию стихотворения Леонида Аронсона «Принимаю тебя, сиротство...». – № 1(57). – С. 5–16.

Молнар А. Метафоризация в «магических» рассказах Ласло Дарваши. – № 1(57). – С. 56–67.

Николаев С.Г. Жив ли по-прежнему текст, или Апология автономного поэтического высказывания (на примере стихотворения И. Бродского «Она надевает чулки, и наступает осень...»). – № 1(57). – С. 17–33.

Павлова Л.В., Романова И.В. Присутствие чёрта в художественном мире Александра Твардовского. – № 2(58). – С. 18–33.

Старостенко Т.Е. Коммуникативный аспект художественного текста. – № 2(58). – С. 5–17.

Чугунов Д.А. О ценностном подходе к описанию новейшей немецкоязычной литературы. – № 2(58). – С. 46–59.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Андреев С.Н. Инерция слогового образа строки: проверка гипотезы Скиннера. – № 3(59). – С. 107–117.

Белютин Р.В. Метафоризация эмоций в дискурсе немецких футбольных фанатов. – № 3(59). – С. 130–138.

Белютин Р.В. О спорт! Ты – метафора! К вопросу о спортизации языков и культур. – № 2(58). – С. 73–82.

Бобырева Н.Н., Зорина А.В. Языковая организация текста официально-делового спортивного дискурса (на материале Правил 2017–2020 по художественной гимнастике). – № 2(58). – С. 95–107.

Зиновьева И.В. Статика и динамика описания в поэме С.Т. Кольриджа «The Rime of the Ancient Mariner». – № 3(59). – С. 118–129.

Карасик В.И. Сюжетная символика армянских пословиц. – № 3(59). – С. 80–89.

Ковязина Е.Н. Комплексные метафорические и/или метонимические конструкции как вербальные репрезентанты футурологических концептов-оппозитов. – № 2(58). – С. 82–94.

Королева И.А. Россия в лирике А.В. Мишина (уровень имен собственных). – № 2(58). – С. 60–72.

Королькова А.В. Лексико-семантическое поле «учение» в композиционной структуре комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». – № 3(59). – С. 40–52.

Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Имена литературных персонажей в составе компаративных конструкций современной русской прозы. – № 1(57). – С. 68–82.

Расторгуева М.Б. К вопросу об использовании имен собственных в произведениях современной русскоязычной прозы (на примере антропонимов трилогии Д. Рубиной «Русская канарейка»). – № 1(57). – С. 83–101.

Савченко Е.В. Когнитивный подход к явлению перечисления. – № 1(57). – С. 115–122.

Смирнова Л.Г. Оценочная дихотомия в русском языке и ее отражение в художественном тексте (на материале сборника А.Т. Твардовского «Родина и чужбина»). – № 3(59). – С. 53–67.

Степанов А.В. Соотношение социальных и артефактных значений пространственных конъектных существительных современного английского языка. – № 1(57). – С. 101–114.

Суханова И.Г. Эмотивный потенциал неэмотивной лексики в современном англоязычном художественном тексте. – № 2(58). – С. 118–129.

Тарасов М.И. Лингвистическая категория текстуальности в нарративе. – № 3(59). – С. 67–79.

Токарева С.В. Лексические особенности немецкого прагматического дискурса. – № 2(58). – С. 108–118.

Фомина Ю.А. Особенности выражения языковой оценки в цикле романов Б. Акунина о монахине Пелагии. – № 3(59). – С. 90–107.

Щербина Т.С. Репрезентация концепта «женщина» в немецком спортивном дискурсе (на примере спортивных анекдотов). – № 1(57). – С. 122–135.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Алексеев К.А. Происхождение нордической группы индоевропейцев в свете новейших данных палеогенетики. – № 2(58). – С. 156–172.

Беспалёнок Е.Д. Бургомистры как представители купеческой элиты российского провинциального города в XVIII веке (на материалах Вязьмы). – № 3(59). – С. 139–154.

Блохин А.А. Развитие федерализма в Первой Австрийской республике и роль Христианско-социальной партии Австрии. – № 3(59). – С. 219–230.

Борисов В.И. Роль продовольственного вопроса в борьбе советского правительства России с Центральной радой и установлении советской власти на Украине (ноябрь 1917 – январь 1918 годов). – № 2(58). – С. 130–141.

Бочкарев А.С. «Хлебная скудость» как фактор дестабилизации в олонечских полках «нового строя» в 1660-е годы. – № 1(57). – С. 136–149.

Готин М.Б. Восстановление атлантического единства: европейская политика администрации Б. Обамы в отношении развития ЕПБО / ОПБО (2009–2011). – № 2(58). – С. 182–196.

Иволина Л.И. Театр смерти XVII–XVIII веков: короли Западной Европы и Речи Посполитой на пороге вечности. – № 1(57). – С. 187–200.

Казаков М.М. Император Феодосий и восстановление римского мира. – № 3(59). – С. 201–218.

Кривченков Г.В. Хотел ли смоленский крестьянин быть сельским старостой? (К вопросу о крестьянском самоуправлении в Смоленской губернии). – № 1(57). – С. 150–163.

Кулаков В.И. Происхождение симметричной композиции в декоративном искусстве эпохи викингов. – № 1(57). – С. 178–186.

Мазарчук Д.В. История итальянских войн в научном наследии Ю.Е. Иволина. – № 2(58). – С. 172–182.

Меркин Д.Б. Мифологическая традиция о святилище Аполлона в Дидимах. – № 3(59). – С. 184–200.

Никонов В.В. Отчеты уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области как источник сведений о росте религиозных практик москвичей в 1944–1946 годах. – № 3(59). – С. 168–184.

Романовский В.К. Студенческие годы Николая Устрялова: становление политика, публициста, мыслителя (к 130-летию со дня рождения). – № 1(57). – С. 163–178.

Терецук А.А. Начало понтификата Григория XVI и военно-политический кризис на Апеннинском полуострове в 1831 году. – № 1(57). – С. 200–212.

Феськова Е.П. Французская военная миссия в Сибири и вопрос об эвакуации Чехословацкого войска в 1919 году. – № 2(58). – С. 142–156.

Чиков С.С. Решение кадрового вопроса в городских полициях Российской империи в конце XVIII – первой четверти XIX века: нормативно-правовое регулирование. – № 3(59). – С. 155–168.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреев В.С. Статистическая оценка динамики стиля: лирика В. Набокова в зеркале частей речи. – № 4(60). – С. 81–91.

Балашова Е.А., Майорова А.В. Яблоко как объект и субъект изображения (к вопросу об изучении явления в поэтической речи. – № 4(60). – С. 46–54.

Белютина Ю.А. Реализация категории невежливости через табуированную лексику в английском языке. – № 4(60). – С. 106–115.

Зейферт Е.И. «Простое» («нестилевое») слово в метареализме русского зарубежья: поэтика Дмитрия Драгилёва. – № 4(60). – С. 15–25.

Максимчук Н.А. О некоторых терминах региональной лингвистики. – № 4(60). – С. 66–80.

Матюшкина Е.Н. Историческая проза Б. Окуджавы в аспекте художественной антропологии. – № 4(60). – С. 25–35.

Семина А.А. О поэтике Сергея Рафальского. – № 4(60). – С. 5–15.

Сильницкий А.Г. Структура семантического пространства юридических глаголов английского языка с субъектом «Расследователь». – № 4(60). – С. 91–105.

Стрельцов А.А. Слияние онимов: к вопросу об образовании телескопических имен собственных. – № 4(60). – С. 116–131.

Сухов В.В. Структура и функции хронотопа в романе-travelogue Олега Ермакова «Песнь тунгуса». – № 4(60). – С. 36–46

Тришина М.Н. Лингвотоксичные процессы в современном немецком языке. – № 4(60). – С. 132–141.

Филатова Е.М. Образы-эталоны русских устойчивых сравнений, описывающих предметный мир. – № 4(60). – С. 54–65.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бессуднова М.Б. Империя в политической стратегии орденских государств Пруссии и Ливонии рубежа XV–XVI веков. – № 4(60). – С. 191–207.

Демина С.С. Цезарь о факторах успехов на войне. – № 4(60). – С. 166–177.

Зверев В.О., Иванов В.А. Царская контрразведка в лицах. Следователи по особо важным делам (1908–1915). – № 4(60). – С. 142–152.

Малькова А.Н. Образ правителя в «Пряди о Норна-Гесте»: эпический вождь и король из исторической хроники. – № 4(60). – С. 178–190.

Овчинников В.М. Развитие военной медицины в эпоху «военной революции в Европе» во Франции. – № 4(60). – С. 208–227.

Родионов И.И. Трудовое использование польских военнопленных в лагерях Центральной России. – № 4(60). – С. 153–166.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Багдасарян Р.А. Глашатай российско-армянского братства (К 90-летию со дня рождения литературоведа Михаила Амирханяна). – № 4(60). – С. 239–243.

Белютин Р.В. Едличко А.И., Яфаров Р.Х. Немецко-русский словарь-справочник терминов зимних видов спорта. = Wintersport. Deutschrussisches Wörterbuch. М.: Прометей, 2021. 370 с. ISBN 978-5-00172-045-4. – № 1(57). – С. 213–216.

Ивонина Л.И., Иванова О.Ю. Вклад Ю.Е. Ивонина в историческую науку. – № 1(57). – С. 217–220.

Кукин М.Ю. Зафиксированная речь. *Рецензия на книгу:* Павлова Л.В., Романова И.В. Литературная жизнь в российской провинции на рубеже XX–XXI веков. Студия «Персона» (Смоленск). Смоленск: Изд-во СмолГУ; Свиток, 2022. ISBN 978-5-88018-699-0. – № 4(60). – С. 230–238.

Марусова И.В. Павлова Л.В., Романова И.В. Литературная жизнь в российской провинции на рубеже XX–XXI веков. Студия «Персона» (Смоленск). Смоленск: Изд-во СмолГУ; Свиток, 2022. ISBN 978-5-88018-699-0. – № 4(60). – С. 228–229.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander Borisovich Kamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории казачества и социально-гуманитарных наук Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

О.Е. Похаленков

Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского»

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков

Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)

Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)

Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)

Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev

Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova

Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina

Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

D.Y. Komarov

Dmitry Yevgenyevich Komarov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Cossack and Social and Humanitarian Sciences, Smolensk Regional Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management

A.V. Korolkova

Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova

Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

O.Y. Pokhalenkov

Oleg Yevgenyevich Pokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Department of Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailivich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov

Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

Andreev S.N., Pavlova L.V. (Philology)
Ivonina L.I., Tikhonova A.V. (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2022 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета»**.

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит ежеквартально. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс – **ПН182**

Адрес редакции:

214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Смоленский государственный университет
Тел.: (4812) 700232, факс: (4812) 383157
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия
Смоленского государственного
университета

Ежеквартальный журнал
2022, № 4(60)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *К.Н. Апазиди, О.В. Папко, И.В. Марусова*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Подписано к печати 27. 12. 2022. Формат 70x100¹/₁₆. Бумага
офсетная. Печать ризографическая. Усл. п. л. 21,0 . Тираж 300 экз.
Заказ №